

Российская ассоциация
международных исследований (РАМИ)

Материалы IX Конвента РАМИ

**ДИСКУРС,
ПОЛИТИКА,
УПРАВЛЕНИЕ**

27–28 октября 2015 г.
МГИМО–Университет

ВНЕШЭКОНОМБАНК

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ (УНИВЕРСИТЕТ)
МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

РОССИЙСКАЯ АССОЦИАЦИЯ
МЕЖДУНАРОДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ (РАМИ)

ДИСКУРС, ПОЛИТИКА, УПРАВЛЕНИЕ

Материалы
IX Конвента РАМИ
(Москва, 27–28 октября 2015 г.)

Под редакцией *А.В. Мальгина*

Издательство
«МГИМО-Университет»
2016

УДК 930
ББК 66.4
Д48

РАМИ не несет ответственности за содержание статей. Мнение авторов не обязательно совпадает с точкой зрения Исполнительной дирекции и Руководящего совета РАМИ. Со всеми материалами IX Конвента можно ознакомиться на сайте Ассоциации www.risa.ru.

Дискурс, политика, управление : материалы IX Конвента РАМИ (Москва, 27–28 октября 2015 г.) / под ред. А.В. Мальгина / Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) М-ва иностр. дел Рос. Федерации, Рос. ассоциация междунар. исследований (РАМИ). — М. : МГИМО-Университет, 2016. — 444, [1] с.

ISBN 978-5-9228-1571-0

Издание представляет собой сборник статей, подготовленных модераторами и участниками секций IX Конвента Российской ассоциации международных исследований (РАМИ), а также участниками пленарного заседания. Публикация отражает спектр проблем, которые обсуждались в ходе Конвента.

УДК 930
ББК 66.4

ISBN 978-5-9228-1571-0

© МГИМО МИД России, 2016

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ 1. СЕКЦИЯ «Ядерная политика, нераспространение и безопасность» (модератор: А.И. Никитин)	7
<i>А.И. Никитин.</i> Новые геополитические вызовы в адрес России	8
<i>В.И. Камышианов.</i> Гражданский диалог в условиях кризиса доверия в международных отношениях	11
<i>М.А. Небольсина.</i> Сотрудничество ООН с ЧВОК в миротворческих миссиях и в операциях по постконфликтному восстановлению	17
<i>В.Ф. Пряхин.</i> Взаимосвязь «горизонтального» и «вертикального» распространения ядерного оружия с общим прогрессом военных технологий. Критика концепции «Ядерного нуля»	27
<i>Д.Р. Орешева.</i> Современные проблемы разоружения в контексте глобального кризиса	35
<i>А.С. Тетерюк, Я.А. Чижевский.</i> Ивент-анализ конфликтов в Афганистане, Ливии и Украине	43
<i>Н.А. Самойловская.</i> Политика США, ЕС и НАТО в Причерноморье и позиция России	53
<i>К.Ж. Кондыкорова.</i> Роль международных договоров в сфере регулирования международной безопасности	57
ЧАСТЬ 2. СЕКЦИЯ «Конкуренция региональных порядков, региональные институты и региональные вызовы глобальному управлению» (модераторы: А.Д. Воскресенский, Т.А. Шаклеина)	77
<i>Т.А. Шаклеина.</i> Новые явления в формировании мирового порядка: перспективы для России	78
<i>Е.А. Евграфова.</i> Отношения Китая, Японии и Южной Кореи через призму концепций «стратегических треугольников»	89
<i>В.М. Капицын.</i> Маршруты Шелкового пути: безопасность и интеграционный потенциал государств	98
<i>А.А. Слинько.</i> Политические аспекты глобального кризиса: проблемы и противоречия	105
<i>Е.Н. Ямбуренко.</i> Особенности участия ОЭСР как «форума Западного мира» в глобальном управлении	117
ЧАСТЬ 3. СЕКЦИЯ «Восточная Европа после украинского кризиса» (модераторы: Г.М. Лесная, А.В. Мальгин)	127
<i>Ю.И. Лаптева.</i> Трансформация российско-белорусских отношений в контексте украинского кризиса	128

<i>И.Д. Лошкарёв.</i> Русские Украины: отдельный этнос, диаспора или формирующаяся общность? (непрямой вопрос государственной политики РФ)	136
<i>В.И. Сальников.</i> Современный украинский кризис. Сквозь призму революционной парадигмы	142
<i>В.Г. Циватый.</i> Украина и СНГ XXI века: дилеммы внешней политики и дипломатии, трансформационные процессы, национальные интересы	147
<i>В.И. Сегуру-Зайцев.</i> Молдавия на перепутье: между Россией, Румынией и Европейским союзом	155
<i>А.С. Левченко.</i> Сложные вопросы истории России и Украины двадцатого столетия в трактовке официального Киева в контексте российско-украинских отношений в постсоветский период	162
<i>Н.М. Межевич.</i> Восточная Европа в «постукраинском» мире: идентичность и геополитическое проектирование	175
ЧАСТЬ 4. СЕКЦИЯ «Политическая теория и международные отношения: онтология, эпистемология, методология» (модератор: Т.А. Алексеева)	183
<i>Т.А. Алексеева, А.П. Минеев, И.Д. Лошкарёв.</i> Квантовый подход к международным исследованиям	184
<i>О.А. Колобов.</i> Геометрия глобальной власти: концепция «управляемого хаоса» и ее значение для современной политической жизни стран и народов	192
<i>В.Ф. Пряхин.</i> Синергетический анализ мирового политического процесса. Возможности и перспективы использования Отечественного исторического наследия	198
<i>А.В. Зобнин.</i> Опыт неинституционального подхода к определению принципа баланса сил	208
<i>А.С. Кожмяков.</i> «Международные организации» и «многосторонние институты»: семантические отличия и политические последствия	221
<i>В.И. Сальников.</i> ДНР и ЛНР как зоны проблемной государственности: проблемы методологии исследования	228
<i>Д.А. Дегтерев.</i> Формализация международных отношений: в поисках оптимальной методологии количественного анализа	233
<i>Н.А. Самойловская.</i> Эволюция системного подхода: особенности применения принципов самоорганизации при анализе динамики региональной системы (на примере Черноморского региона)	242
<i>О.С. Волгин.</i> Легитимность: социально-философский подход	246
<i>М.Д. Бондарев.</i> Экспериментальное применение волновой теории при анализе отношений между Россией и США в период с 2000 по 2015 гг.	256

<i>Ю.А. Матвеевский.</i> Необходимость выработки синергетического подхода к изучению международных отношений	260
<i>А.А. Чанышев.</i> Секуляризация: проблема универсальной коммуникации.....	263
ЧАСТЬ 5. СЕКЦИЯ «Проблемы эффективности международного взаимодействия: политико-компаративный анализ» (модератор: О.В. Гаман-Голутвина).....	273
<i>О.Б. Варенцова.</i> Роль Организации американских государств в решении политических конфликтов в начале 1990-х гг. и приграничного кризиса между Венесуэлой и Колумбией в 2015 г.....	274
<i>А.В. Веретевская.</i> Настоящая европейская идентичность: универсальные либеральные ценности и прагматичные национальные интересы	278
<i>А.Е. Коньков.</i> Международное взаимодействие в системе российского стратегического планирования	284
<i>И.Ю. Окунев, Д.В. Басова, М.И. Тисленко.</i> Пространственная идентичность в разделенных городах (на примере Благовещенска и Хэйхэ)	293
<i>И.Н. Тарасов.</i> Балтийский вектор внешней политики ФРГ и региональные интересы России.....	302
ЧАСТЬ 6. СЕКЦИЯ «Влияние международных акторов на национальную систему государственного управления» (модераторы: В.И. Добросоцкий, М.Ю. Мاستушкин)	311
<i>В.И. Добросоцкий, М.Ю. Мастушкин.</i> Продовольственная политика и устойчивое развитие: проблемы соответствия и реализации.....	312
<i>Э.М. Аминова.</i> Актуальность межгосударственной интеграции Российской Федерации в системе трансграничного движения капитала	318
<i>Т.Ю. Амлеева.</i> Влияние магдебургского права на реформу городского управления Екатерины Великой.....	323
<i>О.Г. Григорьева.</i> Проблемы сотрудничества по гражданским делам на постсоветском пространстве в условиях обострения международной напряженности	328
<i>А.С. Засеева.</i> Терроризм как актор международного влияния на национальную систему государственного управления.....	334
<i>А.А. Захаров.</i> Трансформация механизма российского государства как ответ на международные вызовы	338
<i>И.В. Левакин.</i> Международное сотрудничество по противодействию коррупции: некоторые правовые тенденции.....	342
<i>И.В. Логвинова.</i> Проблемы эффективности координации международных и внешнеэкономических связей субъектов Российской Федерации в современных геополитических условиях	346

<i>М.Ю. Мاستушкин.</i> Проблемы форматирования системы охраны окружающей среды в Российской Федерации в условиях дальнейшей интеграции в международные экономические отношения.....	352
<i>Е.В. Охотский.</i> Антисанкционная составляющая в политике и механизме государственного управления современной России.....	357
<i>А.Ю. Соловьёва-Опошнянская.</i> Цели и задачи Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев и неправительственных организаций в условиях миграционного кризиса	367
ЧАСТЬ 7. СЕКЦИЯ «Проблемы и перспективы развития современного политического дискурса в масс-медиа» (модератор: М.Р. Желтухина)	371
<i>М.Р. Желтухина.</i> Глобализация образа врага как основной вектор развития политического медиадискурса в XXI веке: через трансформацию к синестезии	372
<i>Е.Г. Борисова.</i> Лингвополитология как инструмент анализа текущего момента	388
<i>Н.А. Чес.</i> Современный политический дискурс: о влиянии экстралингвистических факторов на лингвокогнитивные процессы.....	393
<i>Т.А. Ширяева.</i> Языковое манипулирование в политическом дискурсе СМИ	399
<i>И.А. Зюбина, Г.Г. Матвеева.</i> Языковое манипулирование в СМИ.....	405
<i>И.В. Юрченко.</i> Проблемы доминирования в конфликтном политическом дискурсе	411
<i>Е.Б. Пономаренко.</i> Интерпретация политического дискурса в текстах СМИ	419
<i>В.В. Катермина, О.П. Шевченко.</i> Политическая персуазивность: использование метафор в речах американских президентов	425
<i>Р.Р. Хазиева.</i> Метафора как инструмент речевой агрессии в англоязычных СМИ	430
<i>Ю.И. Плахотная.</i> Стратегии и тактики информационной войны в политическом медиадискурсе Европы и США.....	435
<i>Сведения об авторах</i>	441

ЧАСТЬ 1

СЕКЦИЯ «ЯДЕРНАЯ ПОЛИТИКА, НЕРАСПРОСТРАНЕНИЕ И БЕЗОПАСНОСТЬ»

(модератор: А.И. Никитин)

НОВЫЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЫЗОВЫ В АДРЕС РОССИИ

Геополитические вызовы в адрес России умножаются и усложняются. Новыми вызовами обернулось выдвижение почти одновременно трех новых макро-экономических (и одновременно геополитических) проектов: инициированного Китаем проекта морского и наземного Шелкового пути, и инициированных США проектов Транстихоокеанского партнерства (ТТП) и Трансатлантического инвестиционного партнерства (ТТИП).

Трансатлантическое партнерство британский премьер Дэвид Камерон назвал «самым крупным двусторонним торговым соглашением в истории», а Хиллари Клинтон нарекла его «экономическим НАТО». Весной 2016 г. президент Обама совершил «европейское турне», в ходе которого торопил ключевые европейские страны с реализацией ТТИП – американский президент хочет успеть до окончания своего срока «войти в историю» как «отец» этого соглашения.

Сегодня Европейский союз и США – важнейшие экономические партнёры. Товарооборот ЕС и США в прошлом году составил 515 млрд евро. США являются вторым после Китая крупнейшим экспортёром товаров в мире, однако для Евросоюза Соединённые Штаты – это самый главный «рынок сбыта». По официальной статистике торговый баланс между ЕС и США составляет более 106 млрд евро. На долю США приходится 18% всего экспорта и 12% импорта товаров из ЕС.

Декларируемые цели Трансатлантического торгового и инвестиционного партнерства между ЕС и США (ТТИП) – создание условий для безопасного инвестирования и ликвидация различных тарифных и нетарифных барьеров, чтобы увеличить объёмы торговли. ТТИП разрабатывается для того, чтобы подстегнуть экономический рост США и ЕС, создать новые рабочие места по обе стороны Атлантики и снизить цены на товары. Также ЕС и США стремятся стать лидерами в формировании новых торговых стандартов в мире.

Соглашение ТТИП является документом, принятие которого позволит снизить тарифы и устранить регулирующие барьеры в бизнесе между странами ЕС и США, сделав, таким образом, требования к компаниям в двух экономических пространствах относительно универсальными.

По прогнозам Центра исследований экономической политики (CEPR), при вступлении данного договора в силу Евросоюз ожидает дополнительный рост реального ВВП почти на 0,5% к 2027 году, а для США он составит примерно 0,4%. Институт экономических исследований Ифо и международный фонд Бертельсмана оценивают ТТИП намного оптимистичнее. По их подсчетам, дополнительный рост реального ВВП на

душу населения в течение последующих 10-20 лет составит для стран ЕС примерно 5%, а для США — около 13%.

Однако есть и прогнозы о потенциальном негативном влиянии ТТИП. Исследование, проведённое Университетом Тафта (США), наглядно показывает, как ТТИП может повлиять на экономику ЕС. Используя принятую в ООН модель глобальной политики (United Nations Global Policy Model), авторы исследования пришли к выводу, что при подписании договора Евросоюз сильно потеряет в экспорте продукции и доходах от трудовой деятельности, вследствие чего произойдёт сокращение рабочих мест. Наибольшие потери понесет экономика Северной Европы (сокращение ВВП на 2,7%), а также Франции (1,9%), Германии (1,4%) и Великобритании (0,95%). В целом, по мнению авторов, ЕС потеряет около 600 000 рабочих мест, что очень сильно ударит по доходам занятого населения.

Противники соглашения считают, что оно отражает интересы исключительно транснациональных компаний, которые борются за снижение контроля и ослабление мер регулирования в Европе. За время подготовки договора к подписанию в государствах ЕС были проведены сотни акций протеста.

При создании ЕС политико-стратегический компонент, сближающий Америку с Европой, может быть даже важнее, чем устранение таможенных пошлин и выравнивание стандартов». Ключевую роль играют не только экономические, но и политико-стратегические факторы.

Во-первых, к таким факторам относится экономическое и политическое усиление стран Азиатско-тихоокеанского региона. АТР на сегодняшний день является наиболее динамично-развивающимся регионом в мире. В последние годы рост ВВП в АТР составлял около 7%. Крупнейшие экономики Запада, Германия и США, опасаются, что их позиции в мировой торговле могут пошатнуться, поэтому им выгоднее установить ещё более тесные экономические связи друг с другом. Договор о ТТИП может позволить Европе и США повысить свои шансы в глобальной конкуренции с азиатскими странами.

Во-вторых, к сближению европейской и американской экономики подталкивает кризис в отношениях с Россией, связанный с конфликтом на Украине и присоединением Крыма. Эти события придали «второе дыхание» трансатлантическим связям. Был сделан расчёт на экономическую изоляцию России и, как следствие, меньшую энергозависимость от неё. «По сценарию» энергетический «голод» европейских стран должны частично восполнить поставки сланцевого газа из США. При этом налицо политический контекст будущего соглашения. Сближаясь через данный договор, европейские государства

демонстрируют США и всему международному сообществу, что они солидарны с ними и разделяют общие ценности.

В-третьих, создание зоны свободной торговли между ЕС и США – демонстрация всему миру своей силы, а также политической и экономической привлекательности. Они стремятся доказать (себе и другим), что, несмотря на затяжной характер экономического кризиса, который длится уже более 6 лет, и низкие темпы роста, у западных стран ещё остался «порох в пороховницах», и они в состоянии реализовывать крупные проекты. Иначе говоря, заключение этого соглашения важно с идеологической и стратегической точки зрения. Вице-канцлер и министр экономики ФРГ Зигмар Габриэль, в частности, заявил, что зона свободной торговли ЕС с США – «гигантский геостратегический шанс».

Через некоторое время, очевидно, будут созданы зоны свободной торговли, экономическим и географическим центром которых станут США и ЕС. При этом страны БРИКС - Китай, Индия, Бразилия, ЮАР и Россия - будут поставлены в заведомо менее выгодные торгово-экономические условия. Страны НАФТА будут произвести переориентацию своего импорта на страны ЕС и ТПП и сократят зависимость от поставок товаров из прочих стран.

Но если правильно реагировать на происходящие в геополитике и геоэкономике события, то создание ТТИП может оказать не только отрицательное, но частично и положительное влияние на экономику России, обеспечив стимул к более глубокой и широкой интеграции экономики России с динамично развивающимися странами Азии и Латинской Америки, к переориентации российской промышленности на создание высокотехнологической продукции и снижение зависимости от экспорта углеводородов.

Социально-экономическое развитие Европы и Северной Америки в XXI в., конечно, будет определять не только ТТИП. Проект может стать фактором некоторого ускорения экономического роста с разными эффектами для стран-участников (0,5-1 % прироста ВВП), своеобразным спасением Европы от затянувшейся депрессии и толчком к переходу к новому технологическому типу экономики.

Сможет ли проект стать основой для «новой мегаатлантической цивилизации»? Много рыночных и нерыночных факторов, геоэкономических, геополитических интересов и стратегий связаны с Европой и Америкой. Но не все. Появились динамично развивающиеся суб-цивилизации, обоснованно претендующие на новую роль и место в глобальной экономике. Разрешение этих противоречий определит новую архитектуру мироустройства, следовательно, и будущее ТТИП.

ГРАЖДАНСКИЙ ДИАЛОГ В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА ДОВЕРИЯ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ

Современные международные отношения столкнулись с серьезными вызовами. Санкционная внешняя политика, возникшая на фоне нарастающего экономического кризиса продолжила разрушение правового пространства и договорных основ мирного развития, как устных, так и письменных, привела к возникновению серьезного противостояния в оценке перспектив развития международного сообщества. Изменения в политической конфигурации мирового сообщества в конце XX века и расширения сфер военных интересов НАТО стало причиной возникновения современного военно-политического противостояния в мировом сообществе. Этот кризис экстраполировался на обеспечение прав человека в современном мире, подверг дестабилизации сложившие общественно-политические региональные и глобальные балансы сил в современном мире, привел к развязыванию новых вооруженных конфликтов и спровоцировал критические для безопасности миграционные процессы.

Основа демократического западноевропейского цивилизационного пространства - гражданское общество - столкнулось с новыми глобальными вызовами, которые оказались не под силу ни традиционным государственным системам старого образца, каким являют себя Соединенные Штаты Америки, ни новым интеграционным структурам таким, как Европейский союз. Международные институты сотрудничества, прежде всего ООН, не смогли в условиях нарастающих противоречий в оценках политических процессов найти механизмы преодоления конфронтационных тенденций и столкнулись с проблемой выработки единых критериев для оценки современных политических кризисов и военных конфликтов.

Нестабильность политических институтов решения глобальных проблем современного развития инициировало формулирование новых подходов к вопросам защиты национальных интересов и национальной безопасности. По сути все базовые международные структуры – ООН, ОБСЕ, НАТО, Совет Европы, игравшие ведущую роль в формулировании конфигурации безопасности в последние 30 лет, не нашли единой платформы для определения принципа безопасного современного мира. Поставив в центр проблемы безопасности приоритет прав человека, не только не консолидировали общественно-политические процессы на национальном и международном уровнях, но и де факто создали основу для разрушения принципа сохранения общечеловеческого приоритета –

мирного сосуществования различных политических систем. Причиной этого стала односторонняя англосаксонская трактовка применимости ценностей доктрины прав человека к различным культурно-политическим системам современного мира. Суть ее находит отражение в Стратегической концепции для защиты и безопасности членов Организации Североатлантического договора, принятая главами государств и правительств в Лиссабоне: «Граждане наших стран полагаются на НАТО в том, что касается защиты народов альянса, развертывания надежных вооруженных сил там и тогда, где это необходимо для нашей безопасности, и содействия общей безопасности во взаимодействии с нашими партнерами во всем мире. Пока мир меняется, ключевая задача НАТО останется прежней: обеспечить, чтобы альянс оставался не имеющим себе равных сообществом свободы, мира, безопасности и общих ценностей».¹

В этом послыле лидеры НАТО апеллируют к гражданскому обществу. Однако реальные интересы этого общества по сути игнорируются, чему свидетельствует нарастающая международная напряженность в вопросах безопасности. Мировая история не ограничивает проблему прав человека лишь его индивидуальными правами. Крупные войны, которые потрясали человечество в минувшие века, всегда тесно увязывали проблему прав человека, и в первую очередь проблему сохранения его жизни в один тесный узел с проблемой защиты национальной безопасности и в конечном итоге его права на мир².

Ядерные зонтики старого ядерного клуба, которые сдерживали процесс ядерного распространения, оказались недостаточным аргументом в формировании новой политики ядерной безопасности в современном мире. В результате технологического развития в ряде стран стали активно создаваться собственные ядерные программы как составная часть военно-политических доктрин по обеспечению национальной безопасности. Этот процесс привел к определенному кризису в том равновесном состоянии ядерной безопасности, которое было достигнуто в рамках договорного процесса между США и Советским Союзом.

Последовавшая затем стагнация разоруженческого процесса вызывает сегодня серьезную обеспокоенность: насколько уровень современной ответственности ядерного сообщества достаточен для предотвращения

¹ http://www.nato.int/strategic-concept/pdf/Strat_Concept_web_rus.pdf

² Peace is a precondition of the respect of all human rights, including the right to development, and the violation of any human right is a threat to peace. We insist on the need as a human family to declare the human right to peace. (From Joint Written Statement submitted to the 28th Regular Session of the Human Rights Council –2 to 27 March 2015 Geneva– Item 3 – General Debate

распространения ядерного оружия и его применения в ходе военных конфликтов?

Проблема безопасности и обеспечение права на мир сегодня тесно увязаны между собой. Важность разработки этой проблемы сегодня ставит в ООН международное сообщество неправительственных организаций, однако встречают серьезное противодействие со стороны группы государств во главе с США.

В центр внимания и политической дискуссии США и его партнеры по НАТО вывели проблему ядерной программы Ирана. Неправительственная антивоенная организация «Глобальная сеть против вооружений и ядерного оружия в космосе» обращает внимание на нарастающий объем военного сотрудничества США в этом регионе с Кувейтом, Оманом, Катаром, Саудовской Аравией и ОАЭ. Это объясняется «обязательствами США защищать безопасность этих государств под предлогом того, что они боятся ядерной угрозы Ирана даже несмотря на успешные переговоры, которые выражены в обязательстве Ирана не производить ядерное оружие»³ Под ее прикрытием затеваются опасные вызовы, которые несут в себе другие виды ОМУ. Проблема сирийского химического оружия усилиями международного сообщества при активном влиянии на данный процесс со стороны России была минимизирована, но не перестала быть опасной реальностью в этом превращенном в поле боя регионе.

Ядерный паритет, служивший основой баланса сил и поддержания мира во второй половине XX века, несмотря на его критику со стороны как политиком, так и антиядерных движений тем не менее сохраняет свой сдерживающий от катастрофических ошибок характер. Тем не менее, на практике происходит нарастание влияния именно военной составляющей в политике США и ее союзников по НАТО. Поворотным моментом в этом процессе стало заявление США о выходе из договора по ПРО. При этом военная политика направлена на дальнейшее расширение систем ПРО по всему миру, прежде всего в Европе, на Ближнем Востоке и в Юго-Восточной Азии.

Серьезную проблему составляет и разработка новых видов вооружений, что приводит к снижению значимости доктрины ядерного сдерживания.

Отсюда происходит ослабление режима ядерного нераспространения, который сегодня создает опасности перехода оружия массового уничтожения, в том числе и ядерного, под контроль сил, опирающихся на агрессивную радикальную идеологию, отрицающую приоритет государства в решении проблем мира и безопасности путем

³ Space Alert, Fall 2015, Newsletter # 32 //Global Network Against Weapons and Nuclear Power in Space

дипломатического переговорного пути разрешения конфликтов над военным.

Важность выработки общей международной позиции по проблемам ядерного оружия и формирование новой доктрины взаимной безопасности ядерных государств особенно актуально в современных условиях нарастания новой угрозы международной безопасности и глобальному гражданскому обществу – терроризма. Различная трактовка содержания террористической деятельности на национальном и международном уровне, опирающаяся на старые идеологемы времен «холодной войны», привела к искажению понимания причин и источников резкого усиления террористической угрозы.

Тем самым под угрозу ставится целостность самого свободного гражданского общества как основы суверенного государственного мироустройства. Это в свою очередь требует изменения существующего сегодня общественного мнения на международном уровне.

Решение этой задачи необходимо осуществлять через развитие широкого общественного диалога по проблемам терроризма с вовлечением в него представителей различных конструктивных сил, представителей общественности и науки, религиозных организаций, известных политических деятелей.

Тема такого диалога должна ставить в центр внимания опасность радикальной идеологии. Сегодня радикализм трансформирован в новую форму, получившую название ИГИЛ. Объяснение опасности этой сетевой системы требует изменения информационного поля и создания условий для формирования общественного диалога и солидарности в борьбе с этой угрозой. Исключительную важность в этой связи приобретают поиски механизмов для достижения стабилизации политической обстановки в Сирии и других странах Ближнего Востока и Центральной Азии.

Под влиянием информационно-пропагандистской работы иностранных средств массовой информации и коммуникации обстановка сегодня складывается не в пользу России. Чтобы переломить эту тенденцию, необходимо включение в процесс не только дипломатических средств и информационных возможностей России, но и создание механизма широкого диалога о проблемах, содержании и угрозах, которые несут в себе идеология ИГИЛ и ее использование против России и международного сообщества в настоящее время. Не меньшую опасность для современного мира представляют и экзальтированные политические интересы таких государств как Турция, которая под влиянием внутривосточных проблем стремится использовать кризис на Ближнем Востоке и в первую очередь в Сирии для продвижения концепции регионального реванша османов в его новой интерпретации.

Все это проявляется в нарушении базовых принципов послевоенного устройства, ориентированного, в том числе и на создание прочной основы для осуществления ценностей, закрепленных во Всеобщей декларации прав человека. События последних лет, череда непрерывных военных конфликтов под видом гуманитарной интервенции разрушили многие базовые принципы мироустройства.

Это вызывает серьезную обеспокоенность среди той части международного сообщества, которое обладает опытом и практикой миротворческого антивоенного движения, остановившего ядерную угрозу в минувшем веке. Свое выражение это находит в различных общественно-политических инициативах, таких как инициирование принятия Декларации о праве человека на мир. В настоящее время в рамках Совета по правам человека ООН ведется работа по выработке в рамках Рабочей группы проекта Декларации о праве человека на мир. Эта идея выдвинута представителями неправительственного сообщества, имеющего Консультативный статус при ЭКОСОС ООН и ДОИ ООН. Основные позиции неправительственного сообщества по этому вопросу отражены в Декларации о праве человека на мир, принятой в 2010 году в Сантьяго-де-Компостелла, Испания.

Гражданское общество сегодня концентрирует свое внимание на самых разнообразных вопросах, которые непосредственно влияют на обеспечение безопасности современного мира. Актуальная международная повестка дня включает такие проблемы как защита климата, реформа ООН, ликвидации ядерного оружия, соблюдение верховенства закона, справедливое управление, достижение целей в области устойчивого развития, человеческое достоинство и обеспечение личных и социальных ценностей государством на практике.

Разработанная в системе ООН концепция Глобального пакта не получила своего реального воплощения в практических шагах на национальном уровне, в том числе и в России. По-прежнему актуальным является вопрос о целостной, взаимовыгодной и эффективной финансово-экономической политике государства в отношении тех средств, которое бизнес был бы готов выделить на общественную дипломатию.

Экономический кризис серьезно подорвал готовность деловых структур участвовать в общественно-полезной деятельности в сфере международных отношений. Таким образом, создается дисбаланс возможностей формировать конструктивную психологию общества в вопросах международного сотрудничества, создания условий для межнационального и межэтнического мира и противодействия агрессивной политике радикальных идеологий, которые опираются не только на крупные финансовые ресурсы, направляемые на применение исламской идеи для дестабилизации современных международных

отношений, но и на использование идеологических концепций времен «холодной войны» для разрушения международно-правовых основ международных отношений.

В современном мире экономические проблемы, идеологическая подоплека радикальной национальной самоидентификации, целый спектр других факторов, таких как разрушение целостности системы образования, забвение политического опыта предыдущих поколений политиков современными лидерами в Европе и США, ведут к разрушению общего мировоззренческого и культурного пространства, что является причиной не только непонимания разнообразности общественно-политических процессов в разных странах мира, но и к возникновению конфликтных ситуаций, примером чего является формирование с помощью информационных технологий русофобии в международном сообществе.

Отсутствие равноправного многостороннего гражданского диалога в современных международных отношениях серьезно ослабляет возможности для формирования безопасного мира и выработке совместной платформы для предотвращения превращения террористической идеи в необратимую угрозу всему современному мироустройству, сравнимой по своим разрушительным последствиям с термоядерной катастрофой.

СОТРУДНИЧЕСТВО ООН С ЧВОК В МИРОТВОРЧЕСКИХ МИССИЯХ И В ОПЕРАЦИЯХ ПО ПОСТКОНФЛИКТНОМУ ВОССТАНОВЛЕНИЮ

С начала 90-х годов XX века ООН пользуется услугами частных военных и охранных компаний (ЧВОК). Изначально контракты между ООН и ЧВОК были связаны с необходимостью обеспечения безопасности сотрудников миссий, а также с охраной помещений или иного имущества ООН. Позднее из-за усложнения международной среды и увеличения числа операций в области безопасности ООН стала прибегать к услугам ЧВОК в чрезвычайных ситуациях, в конфликтных и постконфликтных регионах.

Ярким примером взаимодействия ООН и ЧВОК является африканский регион, где в различных операциях и миссиях в целом ряде стран задействованы частные силы вооруженного характера. Известно, что компания *International Charter Incorporated (ICI)* в разные периоды осуществляла перевозку на пароме персонала, а также доставку вооруженных сил и необходимых средств как для международных, так и для региональных миротворческих миссий в Либерии, Сьерра-Леоне и Нигерии¹. Другая ЧВОК *Defence Systems Limited* занималась логистическим обеспечением и разведдеятельностью для национальных сил в чрезвычайных условиях, которые участвовали в операции ООН Международные силы в Восточном Тиморе. Американская ЧВОК *DynCorp* обеспечивала доставку вертолетов, а также занималась налаживанием спутниковой связи. Во время миссии в Анголе ООН наняла ЧВОК для получения разведанных о торговле «оружие в обмен на драгоценности», которую осуществляла УНИТА².

В рамках миссий международных организаций ЧВОК участвуют в таких видах деятельности, как разминирование и очистка воды, а также транспортно-логистическое обслуживание и обучение персонала. Более того, практически ни одна миссия ООН, где требуется разминирование, не обходится без услуг ЧВОК. Учитывая то, что общая стоимость мирового

¹ Gumedze S. From Market for Force to Market for Peace. Private Military and Security Companies in Peacekeeping Operations. Pretoria, Institute for Security Studies, Monograph Series No 183, 2011. P. 9. URL.: <https://www.issafrica.org/uploads/Mono183.pdf> (дата обращения: 20.04.2016).

² Gumedze S. From Market for Force to Market for Peace. Private Military and Security Companies in Peacekeeping Operations. Pretoria, Institute for Security Studies, Monograph Series No 183, 2011. P. 9. URL.: <https://www.issafrica.org/uploads/Mono183.pdf> (дата обращения: 20.04.2016).

рынка услуг разминирования составляет около 400 млн долларов США в год, бюджет ООН на операции по разминированию составляет весьма значительную долю.

В августе 2014 года Рабочая группа ООН по вопросу об использовании наемников как средстве нарушения прав человека и противодействия осуществлению права народов на самоопределение подготовила доклад, посвященный проблеме привлечения ООН ЧВОК к сотрудничеству. За год до этого, в конце июля 2013 года были проведены две встречи, на которых обсуждались проблемы использования ЧВОК с целью обеспечения вооруженной охраны, а также вопросы участия ЧВОК в операциях в пользу мира.

По данным Рабочей группы ООН по состоянию на май 2014 года в миссиях ООН задействовано около 30 ЧВОК. При этом ООН предлагает разделять ЧВОК на вооруженные и невооруженные. Вооруженные ЧВОК задействованы только в трех странах, а невооруженные – в 23-х, где действуют миссии по поддержанию мира и специальные политические миссии ООН³. В 2013-2014 годах суммарный бюджет ООН на оплату услуг ЧВОК составил более 45 млн долларов⁴.

Документы ООН, регламентирующие взаимодействие ООН с ЧВОК. Процесс анализа и отбора компаний

В конце 2012 года Департамент ООН по вопросам охраны и безопасности подготовил документ, касающийся процедуры привлечения ЧВОК к сотрудничеству с ООН для обеспечения безопасности⁵. В частности, в документе подчеркивается, что использование ЧВОК для обеспечения вооруженной охраны возможно только тогда, когда нет возможности получить помощь вооруженной охраны со стороны правительства принимающего государства, иного государства-члена ООН, или с помощью внутренних ресурсов ООН, таких как «Служба по

³ Доклад Рабочей группы по вопросу об использовании наемников как средстве нарушения прав человека и противодействия осуществлению права народов на самоопределение. 21.08.2014. A/69/338. URL.: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N14/513/61/PDF/N1451361.pdf?OpenElement> (дата обращения: 20.04.2016).

⁴ Доклад Рабочей группы по вопросу об использовании наемников как средстве нарушения прав человека и противодействия осуществлению права народов на самоопределение. 21.08.2014. A/69/338. URL.: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N14/513/61/PDF/N1451361.pdf?OpenElement> (дата обращения: 20.04.2016).

⁵ Подробнее см. United Nations Department of Safety and Security, Security policy manual, Chapter 4. Security management, Section 1. Armed private security companies. URL.: <http://www.ohchr.org/Documents/Issues/Mercenaries/WG/StudyPMSC/UNSecurityPolicyManual.pdf> (дата обращения: 20.04.2016).

вопросам охраны и безопасности», или офицеров, нанятых непосредственно миссией, или какой-либо иной организации, входящей в состав Системы управления безопасностью ООН. При наступлении исключительных обстоятельств целями использования вооруженных услуг от частной компании безопасности могут быть только:

- *Защита сотрудников ООН, а также зданий и сооружений;*
- *Оперативная защита сотрудников ООН и собственности этой организации.*

При этом необходимо получить согласие Заместителя Генсека ООН по вопросам охраны и безопасности.

Для принятия решения о необходимости привлечения ЧВОК к сотрудничеству с ООН предварительно осуществляется процедура оценки риска безопасности. После получения одобрения на привлечение ЧВОК, начинается процесс отбора компании в соответствии с правилами и регулируемыми нормами Системы управления безопасностью ООН⁶.

В ООН существует неоднозначное отношение к привлечению ЧВОК к сотрудничеству. С одной стороны, в ООН признают положительный аспект привлечения ЧВОК к обеспечению безопасности. Важным является то, что услуги ЧВОК являются доступными, а расходы на оплату контрактов оказываются существенно ниже, чем на выплату зарплат сотрудникам ООН, их обучение и прочие необходимые расходы. К тому же у ООН нет собственного персонала по обеспечению безопасности с соответствующей подготовкой⁷. В ООН также отмечают, что существуют сложности административного характера, связанные с переводом сотрудников службы безопасности ООН из одного места в другое и с обеспечением должной квалифицированной замены их новым персоналом⁸. С другой – «связь Организации Объединенных Наций с подобными компаниями может нанести ущерб ее репутации»⁹.

⁶ Подробнее см. United Nations Department of Safety and Security, Security policy manual, Chapter 4. Security management, Section 1. Armed private security companies. URL.: <http://www.ohchr.org/Documents/Issues/Mercenaries/WG/StudyPMSC/UNSecurityPolicyManual.pdf> (дата обращения: 20.04.2016).

⁷ Доклад Рабочей группы по вопросу об использовании наемников как средство нарушения прав человека и противодействия осуществлению права народов на самоопределение. 21.08.2014. A/69/338. URL.: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N14/513/61/PDF/N1451361.pdf?OpenElement> (дата обращения: 20.04.2016).

⁸ Доклад Рабочей группы по вопросу об использовании наемников как средство нарушения прав человека и противодействия осуществлению права народов на самоопределение. 21.08.2014. A/69/338. URL.: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N14/513/61/PDF/N1451361.pdf?OpenElement> (дата обращения: 20.04.2016).

⁹ Доклад Рабочей группы по вопросу об использовании наемников как средство

Несмотря на то, что ООН не может обойтись без помощи внешних структур в сфере безопасности, наибольшее беспокойство у экспертов ООН вызывает процесс отбора персонала из местных ЧВОК. Руководство по использованию услуг вооруженной охраны силами ЧВОК, подготовленное Департаментом безопасности ООН, обязывает ЧВОК в письменном виде предоставлять информацию о том, что персонал компании прошел должную подготовку и соответствует требованиям¹⁰. Также Руководство требует от ЧВОК запрашивать в национальных органах власти информацию об отсутствии у своих сотрудников уголовного прошлого, связанного с нарушениями норм международного уголовного или гуманитарного права в любой юрисдикции, и предоставлять эти данные по требованию ООН¹¹. Однако, несмотря на эти меры, эксперты Рабочей группы ООН подвергают сомнению предоставленную компаниями информацию и считают, что ее недостаточно для отборочного процесса. Тем не менее, ООН продолжают сотрудничать с ЧВОК, репутация которых вызывает в ООН сомнения.

Руководство предполагает введение ответственности за процесс отбора ЧВОК для охраны персонала ООН. То есть рекомендации о найме частной вооруженной охраны должны вносить уполномоченные должностные лица и группы по вопросам обеспечения безопасности¹². Когда специальный уполномоченный ООН, а также команда управления по безопасности принимают решение о том, что использование услуг ЧВОК оправдано, Заместителю генсека ООН по обороне и безопасности направляется запрос на согласование и утверждение. Копия запроса направляется также руководителям соответствующих агентств, фондов

нарушения прав человека и противодействия осуществлению права народов на самоопределение. 21.08.2014. A/69/338. URL.: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N14/513/61/PDF/N1451361.pdf?OpenElement> (дата обращения: 20.04.2016).

¹⁰ Подробнее см. United Nations Department of Safety and Security, Security policy manual, Chapter 4. Security management, Section 1. Armed private security companies. URL.: <http://www.ohchr.org/Documents/Issues/Mercenaries/WG/StudyPMSC/UNSecurityPolicyManual.pdf> (дата обращения: 20.04.2016).

¹¹ Доклад Рабочей группы по вопросу об использовании наемников как средство нарушения прав человека и противодействия осуществлению права народов на самоопределение. 21.08.2014. A/69/338. URL.: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N14/513/61/PDF/N1451361.pdf?OpenElement> (дата обращения: 20.04.2016).

¹² Доклад Рабочей группы по вопросу об использовании наемников как средство нарушения прав человека и противодействия осуществлению права народов на самоопределение. 21.08.2014. A/69/338. URL.: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N14/513/61/PDF/N1451361.pdf?OpenElement> (дата обращения: 20.04.2016).

или программ либо главе Департамента, ответственного за проведение операций под руководством Секретариата ООН¹³.

Однако, несмотря на попытки сделать систему отбора ЧВОК для охраны персонала и имущества ООН более прозрачной и понятной, а также поставить под контроль все связанные с данным видом деятельности контракты с ЧВОК, на сегодняшний день в рамках ООН не существует всестороннего документа, который бы регулировал и другие аспекты сотрудничества ООН с ЧВОК в рамках их миссий.

Следует сказать, что процедура привлечения ЧВОК для сотрудничества с ООН может быть разной. Если для выполнения контрактов, связанных с охраной персонала и имущества ООН, ЧВОК привлекаются непосредственно структурами ООН, то контракты с такими ЧВОК регулируются с помощью Руководства по использованию услуг вооруженной охраны, принятого Департаментом ООН по вопросам охраны и безопасности. В случае если ЧВОК привлекаются к сотрудничеству в операциях ООН в рамках партнерских программ, осуществляемых государствами-членами, как, например, разминирование и утилизация взрывчатых веществ в опасных районах¹⁴, то на такие контракты действие Руководства не распространяется, несмотря на то, что подобная деятельность осуществляется в условиях повышенного риска.

Ярким примером партнерских программ ООН является Инициатива правительства США по глобальным операциям в пользу мира, в рамках которой государства-члены имеют право привлекать ЧВОК для обучения и подготовки местных миротворцев к будущей службе в составе миссий ООН. Так программы демобилизации, а также функции по обучению и подготовке вооруженных сил Либерии в рамках миссии ООН в этой стране (МООНЛ) по контракту осуществляют такие ЧВОК, как *DynCorp* и *PAE*. Несмотря на то, что эти компании работают в рамках миссии ООН, они были наняты США, а потому также не подпадают под регулирование Руководства по использованию услуг вооруженной охраны.

При этом в ООН подчеркивается, что привлечение ЧВОК к сотрудничеству должно быть крайней мерой, если невозможно обеспечить безопасность иными средствами и обойтись без ЧВОК. Сам же критерий

¹³ Подробнее см. United Nations Department of Safety and Security, Security policy manual, Chapter 4. Security management, Section 1. Armed private security companies. URL.: <http://www.ohchr.org/Documents/Issues/Mercenaries/WG/StudyPMSC/UNSecurityPolicyManual.pdf> (дата обращения: 20.04.2016).

¹⁴ Например, одна из крупнейших частных военных ТНК G4S занимается утилизацией взрывчатых веществ в рамках партнерской программы в Южном Судане Langewische W. The Chaos Company, April 2014. URL.: <http://www.vanityfair.com/news/business/2014/04/g4s-global-security-company> (дата обращения: 05.05.2016).

«крайней меры» определяется, исходя из контекста. У государств-членов может не быть достаточных возможностей для обеспечения безопасности миссии ООН в том или ином регионе мира. Кроме того, может сложиться ситуация, при которой местные власти в принципе не желают видеть миссию ООН в своей стране, а потому – откажутся обеспечивать безопасность персоналу ООН. Возможно, что в условиях таких рисков, ЧВОК как независимая организация, преследующая финансовые, а не политические цели, была бы более уместна в деле обеспечения безопасности миссии ООН.

Интересно отметить, что неоднозначное отношение к проблематике ЧВОК в самой системе ООН приводит к тому, что в одних ооновских документах рекомендуется взаимодействовать с ЧВОК, используя существующие механизмы, а в других – эти рекомендации ставятся под сомнение. Например, Руководство по использованию услуг вооруженной охраны содержит ряд условий, обязательных для сотрудничества ЧВОК с ООН. Одно из обязательных условий договора касается процесса проверки персонала частной компании безопасности. Компания должна в письменной форме подтвердить, что сотрудники прошли проверку в соответствии с требованиями. Только те сотрудники, которые удовлетворяют требованиям, будут привлечены к выполнению контракта.

Каждая частная компания безопасности, которая собирается сотрудничать с организацией, входящей в Систему управления безопасностью ООН, должна разработать и применить:

1. Собственную политику использования силы, соответствующую внутренним законам государства, где компания планирует работать, а также отвечающую Политике применения силы ООН в разделе «Руководство политики безопасности». При этом политика применения силы должна отвечать стандартам Международного кодекса поведения ЧВОК.

2. Собственные процедуры контроля над огнестрельным оружием и «Руководство по вооружению», соответствующее внутреннему законодательству государства, где частная компания безопасности планирует оказывать услуги, а также отвечающее требованиям «Руководства по инструктированию по применению вооруженного оборудования, включая огнестрельное оружие», разработанное Департаментом по обороне и безопасности ООН. Важно, чтобы процедуры контроля над вооружением компании соответствовали Международному кодексу поведения ЧВОК.

3. Необходимые стандартные процедуры для выполнения контракта. Причем разработка таких процедур должна быть произведена после консультаций с соответствующей организацией, входящей с Управление безопасностью ООН.

Частная компания безопасности должна подтвердить, что у ее персонала есть необходимые навыки и опыт оказания услуг в соответствии с контрактом и стандартными действующими процедурами.

Текущий контроль за выполнением контракта входит в функции организации, входящей с Систему управления безопасностью ООН, которая привлекает частную компанию. Эта организация должна осуществлять ежедневный надзор за деятельностью частной компании. Если частная компания безопасности нанята для вооруженной охраны оборудования ООН, или для охраны операции, проводимой ООН, старшего специалиста по безопасности должен:

1. обеспечить выполнение проверки частной компании безопасности на местах;

2. обеспечить предоставление компанией ежемесячного доклада о ее деятельности.

Хотя инспектирование на местах и ежемесячные отчеты о деятельности компании могут быть делегированы службе безопасности, ответственность за это продолжает нести старший специалист по безопасности¹⁵.

Однако, несмотря на указанную процедуру отбора ЧВОК, по мнению Рабочей группы по вопросу об использовании наемников как средстве нарушения прав человека и противодействия осуществлению права народов на самоопределение, Руководство не содержит внутренних всесторонних процедур отбора и проверки ЧВОК, не предусматривает процедуры контроля и надзора, не имеет механизмов оценки соблюдения законодательства в области прав человека, а также не предусматривает процедуры привлечения к ответственности за нарушения прав человека со стороны персонала ЧВОК¹⁶.

При этом тот факт, что в вопросах, связанных с процедурой отбора ЧВОК, Руководство предлагает ориентироваться на Ассоциацию международного кодекса поведения ЧВОК, Рабочая группа считает недостаточным, хотя в Докладе Рабочей группы прямо говорится о том, что силами ООН такой процесс отбора ЧВОК будет осуществить крайне трудно.

¹⁵ Подробнее см. United Nations Department of Safety and Security, Security policy manual, Chapter 4. Security management, Section 1. Armed private security companies. URL.: <http://www.ohchr.org/Documents/Issues/Mercenaries/WG/StudyPMSC/UNSecurityPolicyManual.pdf> (дата обращения: 20.04.2016).

¹⁶ Доклад Рабочей группы по вопросу об использовании наемников как средстве нарушения прав человека и противодействия осуществлению права народов на самоопределение. 21.08.2014. A/69/338. URL.: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N14/513/61/PDF/N1451361.pdf?OpenElement> (дата обращения: 20.04.2016).

Рабочая группа также считает, что, передача права отбора ЧВОК подразделениям ООН на оперативном уровне и возложение на эти компании ответственности за представление доказательств того, что они проявили должную осмотрительность при проверке причастности их сотрудников к нарушениям прав человека, ограничивает возможности ООН в деле контроля над процессом отбора ЧВОК¹⁷.

Примеры сотрудничества миссий ООН с ЧВОК в Афганистане и Сомали

Среди ЧВОК, сотрудничающих с миссией ООН в Афганистане, есть афганская дочерняя компания британской *IDG Security LTD*, американская *Triple Canopy* и британская *Hart Security*. Сотрудники миссии, которые отвечают за вопросы безопасности, занимаются проверкой и оценкой соответствия ЧВОК в целях привлечения ее для сотрудничества. Все вышеперечисленные компании зарегистрированы в соответствии с требованиями Министерства внутренних дел Афганистана.

Важно подчеркнуть, что в августе 2010 года бывший президент Афганистана Х. Карзай издал *Указ № 62*, который подразумевал роспуск всех ЧВОК на территории Афганистана к концу 2010 года¹⁸. Вслед за этим в марте 2011 года был принят связующий документ, т.н. *Стратегия применения Указа № 62*, которая предполагала поэтапный план расформирования ЧВОК и перевод их сотрудников в силовые структуры Афганистана¹⁹. По окончании действия *Стратегии* была прекращена деятельность 57 незаконно созданных ЧВОК. Из 52 легально зарегистрированных ЧВОК была прекращена деятельность 18 компаний, еще 19 компаний продлили свои лицензии для выполнения контрактов по охране дипломатических представительств.

В связи с принятием вышеуказанных документов список компаний, официально зарегистрированных на территории Афганистана, весьма сократился. Принимая во внимание то, что регистрация в соответствии с требованиями законодательства Афганистана уже сама по себе является

¹⁷ Доклад Рабочей группы по вопросу об использовании наемников как средство нарушения прав человека и противодействия осуществлению права народов на самоопределение. 21.08.2014. A/69/338. URL.: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N14/513/61/PDF/N1451361.pdf?OpenElement> (дата обращения: 20.04.2016).

¹⁸ President of Islamic Republic of Afghanistan Decree № 62 About Dissolution of Private Security Companies URL: http://psm.du.edu/media/documents/national_regulations/countries/asia_pacific/afghanistan/afghanistan_decree_number_52_dissolution_psc_2010-english.pdf (дата обращения: 05.03.2015).

¹⁹ The Bridging Strategy for Implementation of Presidential Decree 62 (Dissolution of Private Security Companies).

определенной процедурой на соответствие, процесс дальнейшего отбора ЧВОК в целях миссии ООН в Афганистане становится более прозрачным.

Процедура контроля подразумевает, что главный сотрудник миссии по вопросам безопасности регулярно контактирует с менеджером проекта, ответственным за ознакомление сотрудников компании с местным законодательством, а также с положениями Международного кодекса поведения ЧВОК. Основываясь на результатах регулярных оценок и проверок деятельности ЧВОК, главный сотрудник миссии по вопросам безопасности уведомляет Секцию закупок о качестве оказываемых ЧВОК услуг.

Несколько иначе обстоит дело с сотрудничеством ООН и ЧВОК в Сомали. Здесь, как и в Афганистане, международные и неправительственные организации прибегают к услугам местных ЧВОК в целях осуществления своих миссий. В частности, Программе развития ООН в Сомали (ПРООН) содействие оказывает одна из местных ЧВОК. Сотрудничество заключается в предоставлении вооруженного сопровождения персонала и стационарной охраны, в оказании услуг риск-менеджмента и связи, а также транспортно-логистического обслуживания и диспетчерской помощи.

Однако местные ЧВОК, по оценкам экспертной группы ООН, представляют собой полуправовые образования кланового типа, при котором регистрация юридического лица является прикрытием причастности некоторых сотрудников к деятельности боевиков и полевых командиров. Тем не менее, ООН сотрудничает с такими неоднозначными местными ЧВОК.

На территории Сомали в рамках Миссии Африканского союза работает американская компания *Bancroft Global Development*, которая также имеет контракт со Службой ООН по вопросам разминирования. Помимо этого компания занимается обучением национальных сил Сомали навыкам обезвреживания самодельных взрывчатых устройств, дрессировкой собак на обнаружение взрывчатых веществ, а также обеспечением безопасности портов. В рамках Миссии Африканского союза компания *Bancroft Global Development* сопровождает войска миссии в полевых условиях, но персонал компании не вооружен и не участвует в боевых операциях. Правда, по данным экспертов ООН это не всегда соответствует действительности, т.к. по некоторой информации сотрудники компании все же участвовали в вооруженных столкновениях.

Заключение

Так или иначе, проблема взаимодействия ООН с ЧВОК и процесс регулирования таких взаимоотношений остаются насущными.

Помимо всеобъемлющего документа, который бы смог охватить все стороны сотрудничества ООН с ЧВОК, в ООН принципиально важно осознать целесообразность привлечения ЧВОК к своим миссиям. С одной стороны, независимая и ориентированная на прибыль ЧВОК может выполнять поставленные перед ней задачи в любой сфере: от разминирования до обучения и тренировки местных сил безопасности. В данном случае нагрузка, связанная с невозможностью или с нежеланием местного правительства того государства, где ООН осуществляет миссию, сотрудничать с ООН и обеспечивать безопасность ее персоналу, будет снята.

С другой – отсутствие достаточного количества квалифицированного персонала, способного всесторонне охватить вопросы безопасности, в ООН нет. Кроме того, даже наличие такого персонала в нужном количестве повлечет за собой очень высокую стоимость его содержания.

Т.к. ООН – это крупная бюрократическая машина, механизмы которой бывают весьма неповоротливы и малоподвижны, в будущем можно ожидать появления нового документа с более широким охватом в отношении регулирования вопросов взаимодействия ООН с ЧВОК. Однако процесс отладки механизмов контроля и надзора, увы, всегда будет отставать от реального положения дел: развития структуры бизнеса ЧВОК и совершенствования внутренних процедур компаний, создания местного законодательства, регулирующего частную военно-силовую сферу, и трансформации мирополитических процессов, формирующих, в том числе, повестку дня в деле миротворчества и постконфликтного восстановления.

Ярким примером такого отставания на сегодняшний день и является то, что ЧВОК становятся альтернативой слабым государственным механизмам в сфере безопасности и даже - самой ООН, когда речь заходит о необходимости выполнения тех функций, которые структуры, отличные от ЧВОК, осуществить не могут.

Тем не менее, в силах ООН находится дело придания международно-правового статуса тем или иным феноменам и явлениям. Возможно, что после ратификации новой Международной конвенции ООН о регулировании деятельности ЧВОК, процесс отбора и контроля над деятельностью ЧВОК в рамках миссий ООН, станет менее громоздким и более понятным и управляемым.

**ВЗАИМОСВЯЗЬ «ГОРИЗОНТАЛЬНОГО» И «ВЕРТИКАЛЬНОГО»
РАСПРОСТРАНЕНИЯ ЯДЕРНОГО ОРУЖИЯ С ОБЩИМ
ПРОГРЕССОМ ВОЕННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ
КРИТИКА КОНЦЕПЦИИ «ЯДЕРНОГО НУЛЯ»**

Проблема сокращения имеющихся арсеналов ядерного оружия длительное время считалась проблемой двусторонних отношений между США и Россией (СССР) — двумя сверхдержавами эпохи биполярного мира. Расширение клуба ядерных держав, угроза географического распространения технологий производства ОМУ остро поставили вопрос о взаимосвязи между «вертикальным» и «горизонтальным» распространением ядерного оружия.

Неядерные державы требуют от ядерных отказа от производства и совершенствования ЯО. Отвечая на эти требования, США провозгласили программу «ядерного нуля», предполагающую взаимное уничтожение арсеналов ОМУ главных ядерных держав (России, США, КНР, Великобритании, Франции).

В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г. выражена поддержка идеи безъядерного мира, подчеркивается, что «устойчивое развитие России на долгосрочную перспективу» достигается путем последовательного продвижения к «миру, свободному от ядерного оружия, и создания условий равной безопасности для всех»²⁰. Соответственно, действующая военная доктрина России ограничивает применение ядерного оружия по сравнению с предшествовавшей доктриной.

Несмотря на осложнение российско-американских отношений в 2013—2015 гг. взаимопонимание между Москвой и Вашингтоном по вопросу ограничения стратегических наступательных вооружений (СНВ) сохраняется.

Вместе с тем Россия связывает свою поддержку «ядерного нуля» с прогрессом в области предотвращения размещения оружия в космосе; недопущением компенсирования ядерных сокращений за счет увеличения стратегических систем, которые оснащены обычным оружием; гарантиями невозможности создания так называемых возвратных ядерных потенциалов. Такая позиция России обусловлена тем, что в США в истекшие после окончания «холодной войны» годы достигнут значительный прогресс в области создания систем высокоточного оружия

²⁰ Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года, утверждена указом Президента Российской Федерации № 537 от 12 мая 2009 г., раздел IV, глава 9, п. 89, URL: <http://www.scrf.gov.ru/documents/99.html>

(ВТО), приближающегося по эффективности к стратегическим вооружениям. Безоговорочное принятие «ядерного нуля», таким образом, означало бы одностороннее разоружение России.

В самое последнее время появилась новая угроза нарушения мировой стратегической стабильности, получившая известность как концепция *молниеносного глобального удара*. Реализация этой концепции позволила бы США добиться преимущества над другими ядерными государствами благодаря лучшим техническим характеристикам вооружения, в том числе большей его скорости. Речь, в частности, идет о летательных аппаратах (в том числе беспилотных) и ракетах, способных двигаться в 6—10 раз быстрее скорости звука²¹.

В целом, однако, глобальная опасность исходит уже не из риска наличия арсеналов ЯО у двух крупнейших ядерных держав, а из «горизонтального» его распространения. В настоящее время в мире насчитывается около десятка государств, потенциал которых позволяет в сжатые сроки конвертировать имеющиеся объекты мирного использования ядерной энергии в военные. Это Иран, Бразилия, Аргентина, ЮАР, Япония, Южная Корея, Тайвань. По мнению специалистов, в перспективе к ним могут присоединиться Турция, Саудовская Аравия, Египет, Сирия, Мьянма и др.

Считается, что горизонтальному распространению ЯО в большой степени способствовало бы вступление в силу Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ). Однако для вступления договора в силу требуется его ратификация всеми государствами, перечисленными в Приложении 2 к ДВЗЯИ. Из 44 таких государств на данный момент ДВЗЯИ ратифицировали 36. Из оставшихся восьми пять: Египет, Израиль, Иран, Китай и США, — договор подписали, но пока не ратифицировали. Еще три страны (Индия, КНДР и Пакистан) еще даже не подписали договор. Решающий шаг на пути к вступлению ДВЗЯИ в силу должны сделать США посредством ратификации Договора. Однако, перспективы этого представляются в настоящее время достаточно туманными.

В то же время произвольное применение силы по отношению к малым государствам усиливает у последних чувство уязвимости и незащищенности. Как сказал президент ЮАР Джейкоб Зума, «складывается впечатление, что более сильная, более могущественная страна в любое время по своему усмотрению может применить к ним

²¹ «Молниеносный удар» США может привести к конфликту, считает МИД России. М. : РИА Новости, 2013. 12 дек. . URL: http://ria.ru/defense_safety/20131212/983553037.html#14025046160834&message=resize&relto=logIn&action=removeClass&value=registration

силу»²². О сложности разубедить в этих условиях северокорейских лидеров в необходимости ядерного потенциала говорил в рамках Санкт-Петербургского саммита «G-20» и президент России: «В этих условиях попробуйте убедить северокорейцев отказаться от ядерной программы, попробуйте скажите: “Ребята, на склад сдайте все под международный контроль”. Они скажут: “Завтра нас хлопнут, уничтожат всех”²³.

Достижение договоренностей по иранской ядерной проблеме в данном контексте служит лишь исключением подтверждающим правило, так как снятие санкций с Ирана позволяет этому государству еще более укрепиться экономически. В будущем, возможно при других руководителях, Тегеран всегда может вернуться к идее приобщения к ЯО, в случае если почувствует угрозу для своего суверенитета или территориальной целостности.

Но еще более велики риски, связанные с нелегальным приобщением к ЯО со стороны неформальных акторов международных отношений, и прежде всего *террористических структур*. Угроза распространения ОМУ сделала международный терроризм *глобальным вызовом* человечеству.

Как показал террористический акт 11 сентября 2001 г. в Нью-Йорке и Вашингтоне, движимые патологическими мотивами террористы не будут колебаться в применении любых видов оружия даже перед риском глобальной мировой катастрофы. В то же время риски приобщения террористических формирований к ЯО или другим видам оружия массового уничтожения возрастают.

Научно-техническая революция сделала весьма доступным инструментарий современных научных исследований и технологических изысканий. Так, американский тинэйджер Т. Олсон (1989 г. р.) в 2006 г. построил у себя дома полноценный ядерный реактор и провел ядерный синтез в домашних условиях. Как подчеркнул еще в 2004 г. экс-глава Международного агентства по атомной энергетике (МАГАТЭ) Мохаммед аль-Барадеи, «появился черный ядерный рынок, организованный с фантастическим мастерством»²⁴.

Полицейских гарантий предотвращения приобщения к передовым технологиям террористических и просто криминальных элементов не существует. Отсутствуют и достаточно надежные технические средства

²² Пресс-конференция Владимира Путина по итогам саммита «Группы двадцати» 6 сент. 2013 г. URL: <http://ru.g20russia.ru/news/20130906/782797054-print.html>

²³ Пресс-конференция Владимира Путина по итогам саммита «Группы двадцати» 6 сент. 2013 г. URL: <http://ru.g20russia.ru/news/20130906/782797054-print.html>

²⁴ МАГАТЭ обнаружило всемирный черный рынок ядерного оружия: интервью с главой Международного агентства по атомной энергии Мохаммедом аль-Барадеи 26 янв. 2004 г. URL: <http://lenta.ru/world/2004/01/26/black/>

выполнения этих гарантий. Самое же главное препятствие на пути к ликвидации угрозы терроризма то же, что и в упреждении других глобальных вызовов и угроз. Это отсутствие глобального общечеловеческого мировоззрения и видения реальных перспектив развития международного сообщества в интересах всех государств, наций, конфессий и социальных слоев.

С общетеоретической точки зрения это отсутствие объясняется объективным отставанием в осмыслении человеком достижений научно-технического прогресса, о котором предупреждал основоположник отечественной глобалистики академик И.Т.Фролов²⁵. Другой выдающийся отечественный мыслитель И.С.Шкловский предупреждал о возможности существования «технологических пределов» развития любой разумной цивилизации, по достижении которых, возможно, уже погибли многие цивилизации во Вселенной²⁶.

В современной науке под таким технологическим пределом многими исследователями принято считать *точку сингулярности*, по достижению которой все параметры человеческой жизнедеятельности по своим количественным значениям приблизятся к бесконечности. С практической точки зрения это означает, что, как и любая другая сложная система, международное сообщество во имя выживания должно по мере приближения к точке сингулярности преобразовываться в направлении создания единого глобального целостного мира с устойчивым развитием.

Международное сообщество однако все еще недостаточно организовано для решения этой *мегаисторической* задачи. Сказывается отрицательное воздействие все более возрастающих в условиях глобализации конкуренции, конфликтоопасности и цивилизационного раскола.

Для преодоления негативных трендов в глобальном политическом процессе необходимы две предпосылки:

- формирование мощного движения общественности за выживание;
- идеологическая база такого движения, на которой могли бы объединиться приверженцы различных политических убеждений, конфессиональных верований, расовой, национальной или социальной принадлежности.

Прообразом общественного движения за выживание в какой-то степени может служить современное *антиглобалистское движение*, выступающее против негативных последствий глобализации. Однако, выступления антиглобалистов носят хаотический, стихийный характер.

²⁵ Введение в философию: Учеб. пособие для вузов / Авт. колл. : Фролов И.Т. и др. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Республика, 2003, URL: http://www.socionauki.ru/almanac/noo21v/number_2/1_1_5_2.pdf

²⁶ Шкловский И. С. Вселенная, жизнь, разум. М. : Наука, 1976. С. 257.

Самое же главное это то, что идеологи антиглобализма не предлагают никакой альтернативы глобализации и воспринимают ее как однозначное зло.

Несколько более конструктивны *альтерглобалисты*. Они согласны с тем, что процесс объединения мира объективен. Но они отвергают глобальную власть капитала, когда транснациональные корпорации превращаются в силу, сравнимую с силой государства²⁷.

И тем, и другим не достает понимания общей ответственности за судьбы человечества, которое должно объединить людей независимо от их социальной или какой-либо другой принадлежности. Заявка на формирование такого глобального сознания содержится в новой редакции концепции внешней политики России, в которой говорится: «Подлинное объединение усилий международного сообщества требует формирования ценностной основы совместных действий, опоры на общий духовно-нравственный знаменатель, который всегда существовал у основных мировых религий, включая такие принципы и понятия, как стремление к миру и справедливости, достоинство, свобода и ответственность, честность, милосердие и трудолюбие»²⁸.

Практическая реализация концепции «общего духовно-нравственного знаменателя» упирается в кризис основных мировых религий на Западе. Даже в таких традиционных твердых христианствах как Испания и Италия наблюдается снижение числа практикующих верующих. В то же время на Востоке наблюдается беспрецедентная мировоззренческая спекуляция с целью использования традиционных верований для этического обоснования экстремистских политических течений.

Безверие современного Запада отнюдь не означает господства атеизма. Подавляющее большинство «средних» европейцев и американцев верят «во что-то». Отсюда и название их мировоззренческой позиции – «*итсизм*», (от голландского слова *iets* — «что-то»)*. Такое неприятие традиционных канонических религиозных норм при убежденности в том, что «что-то есть» весьма характерно и для современной российской молодежи. По результатам некоторых социометрических опросов можно

²⁷ Бузгалин А.В. 2008. Альтерглобализм: в поисках позитивной альтернативы новой империи. Век глобализации. Выпуск №1/2008 с. 120–127

²⁸ Концепция внешней политики России, Утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 12 февраля 2013 г., Раздел II, п. 21, URL: <http://archive.mid.ru/bdomp/ns-osndoc.nsf/e2f289bea62097f9c325787a0034c255/c32577ca0017434944257b160051bf7f!OpenDocument>

* Характерен перевод слова «инсизм» на англ. яз. – somethingism или по-русски «что-тонизм».

считать, что к итсистам можно отнести 76 % из числа молодых респондентов-москвичей, признавших, что, сомневаясь в существовании Бога, они «во что-то верят»²⁹.

В образовавшийся идеологический вакуум устремились и *трансгуманисты* с их атеизмом и убежденностью в том, что научно-технический прогресс может решить все проблемы человечества посредством преобразования биологической субстанции разума, каковой является *гомо сапиенс*. Следует отметить, однако, что трансгуманизм пока не оформился в достаточно целостное и единое мировоззрение. Его основная идея о возможности и необходимости трансформации *гомо сапиенса* как объединяет, так и разделяет многих ищущих новые нравственные ориентиры в условиях глобализации. Акцентирование же внимания на частных вопросах современных биотехнологий в отрыве от их мировоззренческого осмысления вызывает серьезные опасения у мировой интеллектуальной элиты. Так, например, отвечая на вопрос редакции журнала «Форин полиси» восьмерым выдающимся ученым США, какая идея представляет в случае ее осуществления наибольшую опасность для человечества, известный политолог Ф. Фукуяма, указал на трансгуманизм, так как представляемые научно-техническим прогрессом в области биотехнологий интеллектуальные и этические угрозы, не всегда легко определить. «Как биологический вид человек всего-навсего довольно жалкая смесь вечных болезней, физических ограничений и короткой продолжительности жизни. Плюс свойственные человеку чувства зависти, постоянной тревоги, страха перед насилием... В свете всего этого трансгуманистические проекты представляются совершенно разумными. Почему бы нам и не выйти за пределы нашего нынешнего биологического вида, если это представляется технологически возможным? В кажущейся обоснованности трансгуманистических проектов, в особенности если рассматривать их в небольших дозах, и таится частично их опасность. Маловероятно, что общество в одночасье попадет под воздействие чар трансгуманистического мировоззрения. Но весьма возможно, что мы будем отщипывать кусочки от биотехнологических наживок, не осознавая их устрашающей этической цены» - таково заключение члена совета по биоэтике при президенте США³⁰.

²⁹ Ткаченко А.В., Итсизм как основная форма религиозных представлений современной молодежи, Системная психология и социология, 2012 №6, URL: <http://systempsychology.ru/journal/2012-6/115-tkachenko-av-itsizm-kak-osnovnaya-forma-religioznyh-predstavleniy-sovremennoy-molodezhi.html>

³⁰ Fukuyama F., Transhumanism, Foreign Policy, September 1, 2004, URL: <http://www.foreignpolicy.com/articles/2004/09/01/transhumanism?print=yes&hidecomments=yes&page=full>

Между тем российское культурно-историческое наследие дает оптимальную возможность формирования современного соответствующего достигнутому уровню научно-технического прогресса мировоззрения на основе толкования сакральных догматов традиционных религий как задач прикладной науки. Примером такого толкования является умонастроение *русского космизма*, представленного в мировой науке такими именами как основоположник теоретической космонавтики К.Э. Циолковский, основоположник геохимии В.И. Вернадский, основоположник гелиобиологии А.Л. Чижевский и мыслитель-энциклопедист Н.Ф. Федоров.

Именно К.Э. Циолковскому принадлежит идея о религии как о «смутной догадке о будущем человечества»³¹, т.е. эмоциональной фольклорной концепции научно-технического прогресса. Из этого следует, что науку и религию никоим образом нельзя противопоставлять друг другу, как это делают трансгуманисты. Наоборот, следует стремиться к синтезу *религиозной пассионарности с научной рациональностью* во всеобщем мировоззрении человечества, способном объединить всех людей независимо от этнической, конфессиональной, социальной или какой-либо другой принадлежности.

Есть и еще один момент, делающий русский космизм одним из самых светлых маяков-ориентиров в современной ночи безверия и безнравственности. Хотя «умонастроение» космистов несет на себе безусловный отпечаток принадлежности к российской школе мышления, ценность его многократно повышается родством и близостью с аналогичными гносеологическими системами других национальных школ и других времен. При всем своем своеобразии русский космизм это не что иное, как «русский пласт» в осознании результатов - и возможных негативных последствий - научно-технического прогресса мировой интеллектуальной элитой. В разные исторические эпохи и в разных частях света к этой элите принадлежали Аристотель, Эмпедокл, И. Гете, А. Грамши, Дж. Дана, Мирза Хусейн Али Нури, Дж. Неру, Д. Руми, Ж.-П. Сартр, П.Тейяр де Шарден, Чэнь Ю, А. Эйнштейн, К. Ясперс и другие выдающиеся ученые, мыслители, художники, политики, деятели культуры и священнослужители. Для всех них было характерно сочетание верности рациональной научной истине с глубокой эмоциональной нравственной верой в продолжение человека и человечества.

На основе такого мировоззрения станет возможным формирование широкого общественного движения во имя выживания человечества и создание органов глобального управления мировым сообществом.

³¹ Чижевский А.Л. Теория космических эр // Циолковский К.Э. Грезы о Земле и небе. — Тула: Приокское книжное изд-во, 1986. С. 424.

Угроза распространения ЯО – одна из многих глобальных опасностей, угрожающих самому существованию человечества. Недооценивая эту опасность, политические и военные деятели современности часто уподобляются мальчикам, которые спорят, у кого спичек больше, стоя в луже бензина. В противостоянии этой угрозе акцент должен быть перенесен на общечеловеческие ценности и сохранение их во имя будущего человека и человечества.

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗОРУЖЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛЬНОГО КРИЗИСА

Охлаждение российско-американских отношений, наметившееся к 2012 году, сменилось ростом конфликтности, при котором переговоры о дальнейшем сокращении ядерных потенциалов невыгодны ни одной из сторон, поскольку при этом возникает гипотетическая возможность нанесения разоружающего удара. Кроме того, противоположность подходов к роли ПРО, тактических ядерных сил и стратегических неядерных вооружений, приведшая к стагнации переговорный процесс конца 2000-х годов, так и осталась непреодоленной.

После завершения периода "перезагрузки" российско-американское соперничество развернулось как в тех регионах, где противоречия между странами наметились в предыдущий период, так и в новых зонах.

В настоящем переговорном процессе по вопросу о разоружении российская сторона занимает позицию, основанную на широком определении стратегической стабильности, как равновесия военных потенциалов в целом, включая наступательную и оборонительную составляющие. Стратегическое сдерживание, как центральная проблема обеспечения оборонной и национальной безопасности, определяется как "комплекс взаимосвязанных политических, дипломатических, информационных, экономических, военных и других мер, направленных на сдерживание, снижение и предотвращение угроз и агрессивных действий со стороны какого-либо государства (коалиции государств) путем ответных мер, снижающих опасение противоположной стороны или адекватной угрозой неприемлемых для нее последствий в результате ответных действий."¹ Сохранение стратегической стабильности обеспечивается, в основном, ядерным сдерживанием.

Позиция России основывается на том, что ядерное оружие (ЯО) играет существенную роль в предотвращении военных конфликтов как ядерных, так и основанных на применении обычных вооружений. Возможность и условия применения ЯО определены Военной доктриной РФ², в которой говорится, что это может произойти как в случае применения против России и/или ее союзников как ядерного оружия, или же других видов ОМУ, так и обычных вооружений, если при этом

¹ Гареев М.А. Стратегическое сдерживание: проблемы и решения // Красная звезда. - 8.10.2008 (URL: http://old.redstar.ru/2008/10/08_10/2_04.html - дата обращения 12.05.2015)

² Военная доктрина Российской Федерации: утверждена указом Президента Российской Федерации от 5 февраля 2010 г.

создается угроза существованию государства. Поэтому, с российской точки зрения, переговоры по вопросам разоружения должны вестись таким образом, чтобы принимать во внимание вклад различных видов вооружения, которым обладают стороны, в совокупный военный потенциал, учитывая не только количественные, но и качественные показатели. Таким образом, развитие Соединенными Штатами системы ПРО, разработка концепции "быстрого глобального удара", проекты размещения вооружений в космосе, не затрагиваемые договором по СНВ, должны учитываться в диалоге, поскольку оказывают существенное влияние на баланс сил. Также российская позиция основывалась на необходимости учета совокупного потенциала союзников США, как при возможной адаптации ДОВСЕ, так и при рассмотрении вопросов производства ракет средней и меньшей дальности Францией и Великобританией.

Позиция США, напротив, основывалась на узком понимании стратегической стабильности, унаследованном от эпохи "холодной войны" и основанном на достижении и поддержании баланса в области стратегических наступательных вооружений. Такой подход основывается на том, что стороны стабильно наращивают вооружения, или же сокращают, или лимитируют их количество по взаимной договоренности в условиях стабильной гонки вооружений. При этом сначала американские стратеги сдерживания исходили из того, что в условиях кризиса должна иметься возможность нанести упреждающий удар, достаточно мощный для того, чтобы побудить потенциального противника отказаться от нападения. В дальнейшем утвердилась концепция ответного удара, основанная на способности системы, выдержав первый удар противника, нанести ответный удар сопоставимой силы. Именно исходя из такой возможности, в США производился расчет необходимых вооружений. После достижения ядерного паритета стратегия сдерживания, обеспечивающая ограничение конфронтации, основывалась на возможности взаимного гарантированного уничтожения. В американском экспертном сообществе велись многочисленные дискуссии по вопросу о стратегии применения ядерного оружия. Среди них особое место занимали различные варианты ограниченного применения ядерного оружия, "ограниченной ядерной войны", основанной на применении ЯО против инфраструктурных, военных, управленческих объектов противника. Разработка ТЯО, наряду с формированием различных стратегий ведения ядерной войны, привела к тому, что к 80-м годам сдерживающая роль ЯО уменьшилась.

США не согласны на ограничение тех видов вооружений, по которым они обладают преимуществом, однако, готовы вести диалог о сокращении СЯС, хотя в этой области достигнут примерный паритет с РФ. РФ, в свою

очередь, опасается угрозы со стороны американских неядерных вооружений. Перспективы переговоров по разоружению еще более осложнило прекращение действия ДОВСЕ (после введения моратория в 2007 г. Россия продолжала сотрудничество с Совместной консультативной группой и прекратила его в марте 2015 г.³), поскольку иного механизма контроля над соблюдением каких-либо договоренностей по сокращению ТЯО пока не создано.

Стратегия сдерживания применяется США не только по отношению к РФ, но и КНР как к государству, которое сможет достичь паритета с США в перспективе. После десятилетия, которое характеризовалось событиями 11 сентября, двумя войнами и финансовым кризисом, президент Обама пришел к власти с намерением восстановить основы глобального лидерства США. Это предопределило интерес к азиатско-тихоокеанскому региону. Советники президента говорили о необходимости сосредоточиться не только на актуальных проблемах, но и на тех регионах, которые будут определять будущее мира в грядущие десятилетия⁴. Это означало развитие сотрудничества с Австралией, исключительно важного для безопасности в регионе тесного сотрудничества с Японией и Южной Кореей. Также речь шла о "восходящих силах" Индии и Китае. Поддержка Соединенными Штатами "мирного и процветающего Китая" стала формулой, определяющей отношение США к КНР. То, что КНР со своей стороны также придает большое значение отношениям с США также очевидно. Противоречия нарастают из-за растущего влияния экономики КНР, являющейся крупнейшим кредитором США и обогнавшей американскую по темпам роста как раз в период кризиса. Также растущие внешнеполитические амбиции КНР говорят если не об открытом вызове глобальному лидерству США, то о сопротивлении навязанному формату однополярного мира и критическом отношении к такой приоритетной цели внешней политики США как защита малых наций от стремящихся к доминированию больших соседей⁵.

³ Заявление руководителя Делегации РФ на переговорах в Вене по вопросам военной безопасности и контроля над вооружениями А.Ю. Мазура на пленарном заседании Совместной консультативной группы по ДОВСЕ // МИД РФ. Официальный сайт. - 414-10-03-2015 (URL:

http://archive.mid.ru/brp_4.nsf/newslines/DF4749F53CF96B4043257E040058061A - дата обращения 12.09.2015)

⁴ Remarks by Tom Donilon, National Security Advisor to the President: "The United States and the Asia-Pacific in 2013". The Asia Society. New York, March 11, 2013 (URL: <http://www.globalsecurity.org/military/library/news/2013/03/mil-130311-whitehouse01.htm> - дата обращения 12.06.2015)

⁵ National Security Advisor Donilon on Asia-Pacific in 2013 11 March 2013 THE WHITE HOUSE Office of the Press Secretary March 11, 2013 Remarks as Prepared for Delivery Tom Donilon National Security Advisor to the President (URL:

Политику сдерживания Китая считает угрозой своей безопасности. В своей ядерной политике в начале XXI века, основываясь на увеличении своей роли в системе международной безопасности, КНР приступает к разработке концепции "активной обороны", предполагающей возможность отражения агрессии и нанесение ударов по его уязвимым местам⁶. Таким местом может стать морской путь транзита нефтепродуктов, который можно было бы атаковать при условии создания КНР цепи военно-морских баз и усиления морской компоненты СЯС⁷.

Вашингтон оказывается перед сложным выбором: пойти на уступки Китаю как новой "второй сверхдержаве" либо начать сдерживание Пекина. Известный американский специалист по военным вопросам Ричард Беттс считает, что "Вашингтону необходимо решить, относиться ли к Китаю как к угрозе, которую необходимо сдерживать, или как к державе, с которой необходимо сотрудничать"⁸. Как считает Беттс, в первом случае США должны открыто заявить о своем намерении сдерживать Китай, то есть блокировать действия Пекина, будучи готовыми использовать как военные, так и политические средства. Во втором случае США должны признать, что когда Китай рано или поздно захочет воспользоваться прерогативами сверхдержавы и господствовать в своем регионе, тогда уже ничего нельзя будет предпринять.

США стремятся к созданию такой системы международной безопасности, которая обеспечила бы поддержание глобального лидерства этой страны. На это нацелена военная стратегия США, принятая в 2012 г. ("Поддержание глобального лидерства США: приоритеты обороны в XXI веке")⁹. Как показывает документ, США стремятся к ограничению военного вмешательства в конфликты, о чем свидетельствует вывод войск из Ирака, отказ от крупномасштабных действий в Ливии и в Сирии. В то

<http://iipdigital.usembassy.gov/st/english/texttrans/2013/03/20130311143926.html#ixzz3ox4Rd2aJ> - дата обращения 12.06.2015)

⁶ Фененко А. В. Современные концепции ядерного сдерживания // Международные процессы. - 2012., Том 10, № 2(29). Май-август

⁷ Shen Dingli. Do not shun the idea of setting up overseas military bases. // Китайский информационный Интернет-центр. China. org. cn. - January 28, 2010 (URL: http://www.china.org.cn/opinion/2010-01/28/content_19324522.htm. - дата обращения 2.06.2015)

⁸ Betts, Richard K. The Lost Logic of Deterrence. What the Strategy That Won the Cold War Can -- and Can't -- Do Now //The Foreign Affairs. - March/April 2013. (URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2013-02-11/lost-logic-deterrence> - дата обращения 12.06.2015)

⁹ Department of Defense. Sustaining U.S. Global Leadership: Priorities for 21st Century Defense. Defense Strategic Guidance, Office of the Assistant Secretary of Defense (Public Affairs). 1 February, 2012.

(URL: http://www.defense.gov/news/Defense_Strategic_Guidance.pdf- дата обращения 12.06.2015)

же время, США заинтересованы в нейтрализации растущей экономической и военной мощи КНР, включенной в число потенциальных противников.

Озабоченность США ростом военной мощи Китая, в частности, проводимой модернизацией вооруженных сил, растущими возможностями противоракетной обороны и проведения кибератак, возрастает, что находит отражение в высказываниях экспертов. Так, экс-министр обороны США указывает на то, что перспективы достижения 2030 года без серьезной конфронтации с Китаем для США выглядят чрезвычайно оптимистичными.¹⁰ А советник президента США по национальной безопасности в 2010-2013г. Т. Донилон неоднократно указывал на опасность модернизации вооруженных сил КНР и выступал за проведение политической линии, сформулированной как поддержка Соединенными Штатами "процветающего и мирного Китая"¹¹. США опасаются развития региональных конфликтов с участием КНР (конфликтный потенциал связан с проблемами Тайваня, спорными островами в Южно-Китайском море) и допускают возможность вмешательства в подобных случаях: восемь из четырнадцати стратегических подводных лодок и 16 из 26 кораблей ВМС США, оснащенных системами "Иджис", постоянно находятся на Тихом океане, что определяет способность США нанести разоружающий ракетно-ядерный удар по Китаю. А сосредоточение сил США и союзников в тихоокеанском регионе, производимое под предлогом противодействия КНДР, рассчитано на нейтрализацию Китая.¹² Одновременно, военная стратегия рассчитана на сдерживание КНР, а не на открытую конфронтацию с этой державой.

В начале 2015 года была принята новая "Стратегия национальной безопасности США"¹³. В ней провозглашен "стратегический поворот" в сторону Азиатско-Тихоокеанского региона. США открыто заявили о том,

¹⁰ Brown H. America's Trouble with China // Project Syndicate. November 11, 2012. (URL: <https://www.project-syndicate.org/commentary/from-competition-to-confrontation-for-the-us-and-china-by-harold-brown> - дата обращения 1.10.2015)

¹¹ MARK LANDLER, DAVID E. SANGER. U.S. Demands China Block Cyberattacks and Agree to Rules // New York Times. - MARCH 11, 2013 (URL: http://www.nytimes.com/2013/03/12/world/asia/us-demands-that-china-end-hacking-and-set-cyber-rules.html?rref=collection%2Ftimestopic%2FDonilon%2C%20Thomas%20E.&_r=0 - дата обращения 1.10.2015); JANE PERLEZ. Political Worries in U.S. and China Color Obama Aide's Beijing Visit // New York Times. -JULY 25, 2012 (URL: [http://www.nytimes.com/2012/07/26/world/asia/china-an-eager-host-to-donilon-diplomatic-memo.html?rref=collection%2Ftimestopic%2FDonilon%2C%20Thomas%20E.](http://www.nytimes.com/2012/07/26/world/asia/china-an-eager-host-to-donilon-diplomatic-memo.html?rref=collection%2Ftimestopic%2FDonilon%2C%20Thomas%20E) - дата обращения 2.10.2015)

¹² Рогов С.М., Шариков П.А., Бабич С.Н., Петрова И.А. Указ. соч.

¹³ The National Military Strategy of the United States of America 2015 (URL:http://www.jcs.mil/Portals/36/Documents/Publications/National_Military_Strategy_2015.pdf)

что будут добиваться от КНР соблюдения норм международного права. В документе фиксируется намерение США укрепить новый глобальный экономический порядок. Для этого предпринимаются шаги в направлении создания Трансатлантического торгово-инвестиционного и Транстихоокеанского партнерства как взаимодополняющих структур, которые станут системой союзов, обеспечивающих лидерство США. Трансатлантическое партнерство позиционируется как своего рода "экономическое НАТО"¹⁴, призванное ответить на вызов, бросаемый "самым значительным с XIX века сдвигом экономической и военной мощи". Целью при этом является сохранение и укрепление влияния стран Запада "в условиях подъема новых сил".

Транстихоокеанское партнерство, формируемое как зона свободной торговли, создается для усиления США в Тихоокеанском регионе и противовеса растущему влиянию Китая. Не исключено, что эта организация в перспективе может стать также основой для развития военно-стратегического сотрудничества. Расходы на оборону стран трансатлантического партнерства составят около 58% глобальных военных расходов, а учитывая тихоокеанских союзников США, общая доля, по данным Стокгольмского института исследования проблем мира, достигнет 64%¹⁵.

Всемирный финансовый кризис ускорил процессы трансформации системы международных отношений. Реалии современного мира, такие как растущая взаимозависимость экономик, процессы ускорения региональной интеграции и появление новых вызовов безопасности, сопровождаются качественными изменениями мировой системы, что требует новых подходов к регулированию экономических и политических процессов. В обеих сферах протекают процессы формирования новых структур, отличных от прежних систем регулирования, основанных на договоренностях между национальными государствами как основными акторами международных отношений. Они сопровождаются формированием новых форм сотрудничества, но также характеризуются и появлением новых противоречий. Так, если говорить о мирохозяйственном регулировании, то с одной стороны, потребность в развитии координации экономической политики предопределила возрастание роли таких механизмов как "группа двадцати". С другой стороны, в условиях кризиса

¹⁴ С. BOYDEN GRAY An Economic NATO: A New Alliance for a New Global Order // AtlanticCouncil. - FEBRUARY 21, 2013 (URL: <http://www.atlanticcouncil.org/publications/issue-briefs/an-economic-nato-a-new-alliance-for-a-new-global-order> - дата обращения 1.10.2015)

¹⁵ Рогов С.М., Шариков П.А., Бабич С.Н., Петрова И.А., Степанова Н.В. Доктрина Обамы. Властелин двух колец // РСМД. - 6.05.2013 (URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=1783#top-content - дата обращения 12.05.2015)

возросла конкуренция между государствами и существовавшие противоречия обострились, например, противоречия между странами "семерки" и новыми индустриальными державами по поводу пересмотра механизмов международной финансовой системы.

Система международной безопасности также претерпевает трансформацию. Ее предварительные итоги заключаются на сегодняшний момент в повышении конфликтности и могут быть охарактеризованы как кризис институционального механизма поддержания мира и безопасности. Военно-стратегическое равновесие оказалось нарушенным. Хотя Совет безопасности ООН остается главным институтом обеспечения безопасности, его фактическая роль в урегулировании конфликтных ситуаций ослабла. На протяжении 1990-х - 2000-х годов постепенно усиливалась роль НАТО, претендующего на роль "основного организационного компонента международной безопасности"¹⁶. Российская Федерация, оставаясь постоянным членом СБ ООН, сталкивается с попытками пересмотра такого ключевого механизма своего влияния как право вето¹⁷. Расширение территориальных пределов вмешательства НАТО, или же коалиций отдельных стран альянса в конфликты сопровождалось деградацией системы международных договоров об ограничении вооружений. Это создает крайне опасную ситуацию, поскольку противоречия между стратегическими интересами России и стран Запада обострились настолько, что диалог по поводу взаимоприемлемого режима контроля над вооружениями на сегодняшний день зашел в тупик.

Фундаментальным остается расхождение в подходах к формированию будущего международного порядка: США по-прежнему стремятся к укреплению западоцентричной системы, которая представляла бы собой сеть блоков, организаций и союзов, в которой за ними закреплялось бы глобальное лидерство.¹⁸ В актуальной стратегии национальной безопасности США сохранилось указание на возможность применения военной силы в одностороннем порядке в любой точке мира, хотя продекларирован отказ от проведения затратных масштабных операций за рубежом. Но адресные военные акции при взаимодействии с союзниками по-прежнему остаются инструментом внешней политики. Россия, напротив, все активнее поддерживает идею выстраивания более

¹⁶ Зуйков Р. Мировая система в начале XXI века: опыт реконцептуализации // Международные процессы. - 2013., №2. - С.20-36

¹⁷ МИД ФРГ настаивает на ограничении права вето постоянных членов СБ ООН16:2514.10.2015(URL: <http://ria.ru/world/20151014/1301797927.html> - дата обращения 13.06.2015)

¹⁸ Шаклеина Т. общность и различия в стратегиях России и США // Международные процессы. - 2013., Том 11, № 2 (33), май-август.

равноправных отношений между ведущими мировыми державами, также не исключая своего права применять военную силу за рубежом в случае угрозы национальной безопасности и на основе международно-правовых норм. В то же время основой для конструктивного взаимодействия России и США могло бы стать совместное противодействие общим вызовам, прежде всего в сфере поддержания глобальной безопасности (например, в борьбе с терроризмом и распространением оружия массового уничтожения).

Период первой половины 2010-х годов характеризуется резким обострением противоречий в международных отношениях, развитие которых поставило под угрозу сложившуюся систему безопасности. Поскольку притязания США на глобальное лидерство не были приняты прежде всего Россией и КНР, это привело к резкому обострению российско-американских отношений и к переходу США к более жесткой линии в отношении Пекина.

Таким образом, в результате трансформации режима международной безопасности в постбиполярный период возникли новые риски и сформировались новые противоречия. Проявлением неэффективности режима безопасности стало повышение конфликтности. Так, по мнению российских экспертов, украинский кризис во многом стал следствием неразрешенных проблем евроатлантической безопасности, которая, сохраняя унаследованные от периода "холодной войны" параметры, не способна учитывать интересы всех сторон.¹⁹

Украинский кризис стал точкой, определивший существенное расхождение позиций России, европейских стран и США во взглядах на безопасность и на саму возможность стратегического диалога. так, актуальная стратегия национальной безопасности США, в отличие от стратегии 2010 года, содержит указание на необходимость "сдерживания агрессии России". А возможность возобновления диалога и сотрудничества ставится в зависимость от изменения российского политического курса. Хотя именно этот кризис показал необходимость возвращения к диалогу по обычным вооружениям в Европе, начала переговоров о тактических ядерных вооружениях, возвращение к диалогу по ПРО.

¹⁹ Преодоление разногласий в вопросах безопасности в 2015 году. Российская, американская, европейская позиции. № 21/2015; Российский совет по международным делам (РСМД) / Пер. с англ. –М.: Спецкнига, 2015. – 54 с

ИВЕНТ-АНАЛИЗ КОНФЛИКТОВ В АФГАНИСТАНЕ, ЛИВИИ И УКРАИНЕ¹

Вооруженные конфликты как средство разрешения противоречий внутри государства и между государствами остаются одной из центральных составляющих международных отношений. Учитывая тот факт, что современная система международных отношений сегодня характеризуется значительным уровнем нестабильности, вероятность возникновения вооруженных конфликтов в различных регионах мира является как никогда высокой. Так как для любого государства это означает прямую угрозу национальной безопасности, на современном этапе развития общества центральными задачами любого государства становятся воспрепятствование появлению конфликта и, если конфликт уже имеет место, его успешное урегулирование. Однако если урегулирование конфликта мирными средствами и своевременно является маловероятным, государству необходимо быть готовым к вооруженной борьбе с противником, который может быть представлен как государством, так и внутренними силами или негосударственными акторами.

Многие авторитетные исследовательские центры, изучающие проблемы конфликтов, сходятся в том, что в будущем вооруженные (военные) конфликты будут оставаться ключевым аспектом политики государств. Вместе с тем, конфликты продолжают развиваться и усложняться, их развитие носит все более нелинейный характер. Новейшие вооруженные конфликты последних лет (конфликты в Ираке, Афганистане, Ливии) во многом отличаются от традиционных, поскольку в них преобладает асимметричный характер боевых действий. Такой тип вооруженных конфликтов как асимметричные боевые действия становятся преобладающим типом конфликта в мире, в который вовлекается все большее количество стран.

Асимметричные боевые действия в целом понимаются как конфликт между неравными противниками, в течение которого более слабый противник прибегает к использованию неконвенциональных методов ведения войны. Часто такие конфликты возникают между

¹ Публикация выполнена при поддержке гранта РГНФ 15-37-01207 «Новая асимметричная война в теориях международных отношений: концептное моделирование, ивент-анализ, многомерный статистический и пространственный анализ конфликтов в Афганистане, Ливии и Украине».

государственным актором (например, США) – с одной стороны, и либо идеологически заряженной вооруженной группировкой (Аль-Каида), либо вооруженной группировкой сопротивления (движение «Талибан» в Афганистане) – с другой. Более того, поскольку такие факторы, такие как религия и технологии все сильнее влияют на форму современных конфликтов, изменяя их структуру и динамику, большинство военных столкновений уже нельзя рассматривать сквозь призму традиционных подходов и методов анализа.

Понимание характера современных сложных конфликтов, потенциалов противоборствующих сторон и тактики ведения ими военных действий является ключевой задачей для государства, от которой зависят не только издержки, которые несет государство (в финансовом, материальном, техническом отношениях), но и его фактическое “выживание” в системе международных отношений и сохранение государственности как таковой.

По мнению авторов доклада, методы изучения вооруженных конфликтов и, в особенности, асимметричных конфликтов на текущий момент являются недостаточно эффективными. Для более полного исследования современных конфликтов требуется новая комплексная методология, включающая в себя использования совокупности методов политического анализа. Целесообразным представляется осуществлять такие исследования в несколько этапов, первым из которых является сбор фактологической информации, необходимой для последующей обработки.

Ввиду этого авторы при изучении асимметричных конфликтов в Ливии, Афганистане и Украине в качестве первого этапа исследования использовали методику количественного ивент-анализа.

Ивент-анализ предполагает сбор и обработку информации об отдельных ситуациях, иллюстрирующих в совокупной форме общее состояние дел.² Преимуществом подобной методики является ее эффективное применение для изучения военных конфликтов, когда необходимо сравнение многочисленных различных событий, которые впоследствии агрегируются, подсчитываются и описываются, например, в терминах количества или численности участников.

Пример использования количественного ивент-анализа асимметричного конфликта в Ливии в 2011

Ивент-анализ позволяет подробно изучить военно-политическую кампанию, осуществленную силами НАТО и их союзниками по коалиции в ходе асимметричного конфликта на территории Ливии в 2011 году.

² Боришполец К.П. Методы политических исследований: Учеб. пособие для студентов вузов. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Аспект Пресс, 2010. – 230 с.

Американский исследователь Ч.Тилли и Д. Снайдер стали первыми обрабатывать источники информации под углом зрения четкой классификации, временной последовательности, интенсивности событий, характеризующих взаимодействие сторон в рамках конкретной ситуации.

Ивент-анализ традиционно включает пять этапов: составление банка данных или подключение к уже существующим системам, расчленение информационного массива, кодировка единиц информационного массива, обработка данных и их интерпретация, верификация полученных результатов.

Авторы опираются на исследование, проведенное специалистами «Зэ Гардиан» («The Guardian»), которое было опубликовано на интернет-странице издания 31 октября 2011 г.³ Исследователями «ЗэГардиан» были зафиксированы следующие блоки данных: ракетные удары НАТО на территории Ливии по дням, по целям, по месту осуществления удара; количество осуществленных диверсий, количество кораблей НАТО, задействованных в патрулировании. Таким образом, суммировав данные из открытых источников, были построены три матрицы различной размерности, в которых по вертикальной оси фиксировались дни, в течение которых осуществлялась военная кампания, а по горизонтальной оси фиксировались количественные значения ключевых характеристик, выбранных исследователями.

В операции НАТО в Ливии участвовали тысячи представителей ВВС и ВМС стран-членов НАТО. За время операции силами коалиции были уничтожены более 3000 целей в ходе 14202 вылетов истребителей и бомбардировщиков, значительная часть целей находилась на территории Триполи (716), вторым по количеству принятых ударов является город Брега. Силами НАТО было уничтожено 304 склада с оружием и боеприпасами. В целях соблюдения наложенного эмбарго силы НАТО остановили более 3000 кораблей. Подробный анализ приведен в таблице 1.

³ Rogers S. NATO operations in Libya: data journalism breaks down which country does what [Electronic Resource] // The Guardian. – May, 2011. URL: <http://www.theguardian.com/news/datablog/2011/may/22/nato-libya-data-journalism-operations-country#start-of-comments> (accessed: 31.03.2015)

Таблица 1.

Количественная характеристика действий участников операции НАТО в Ливии

Страна	Кол-во военнослужащих, задействованных в операции	Кол-во военно-воздушных судов	Кол-во вылетов, совершенных с момента начала войны и до 5 мая 2011 г.	Кол-во выпущенных крылатых ракет	Основная военно-воздушная база
Бельгия	170	6	60	0	Араксос, Греция
Болгария	160	0	0	0	
Канада	560	11	358	0	Трапани-Бирджи, Сигонелла, Италия
Дания	120	4	161	0	Сигонелла, Сицилия, Италия
Франция	800	29	1200	0	Аворд, Нанси, Дизье, Дижон, Истрес, Франция
Греция	0	0	0	0	Андравида, Крит, Греция
Италия	0	12	600	0	Трапани, Сигонелла, Амендола, Сардиния, Ливия
Иордания	30	12	0	0	
Нидерланды	200	7	0	0	Сардиния, Италия
Норвегия	140	6	100	0	Сауда, Крит
Катар	60	8	0	0	Сауда, Крит
Румыния	205	0	0	0	
Испания	500	7	0	0	
Швеция	122	8	78	0	Сигонелла, Италия
Турция	0	6	0	0	Сигонелла, Италия

ОАЭ	35	12	0	0	Сардиния, Италия Кипр
Великобритания	1300	28	1300	18	
США	8507	153	2000	228	
Всего	12909	309	5857	246	

Использование ивент-анализа при изучении асимметричного конфликта позволяет сформировать базы данных, которые впоследствии можно подвергнуть различным операциям в зависимости от целей исследования. Так, исходя из данных, можно сделать несколько выводов относительно вклада каждой страны-участницы коалиции в достижение целей операции, заявленных политическим истеблишментом стран-участниц коалиции. Во-первых, количество американских военных специалистов и военнослужащих, задействованных в ходе военной кампании, превышает общее число представителей всех остальных стран-участниц коалиции и составляет более 66% личного состава, задействованного в ходе операции (см. рисунок 1).

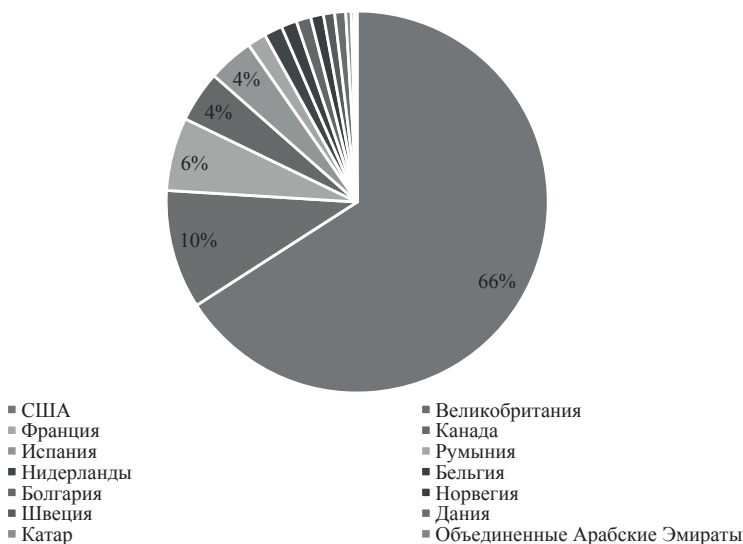

Рис. 1 Количество военнослужащих, задействованных в операции, от каждой страны-участницы коалиции

Исследователями также был зафиксирован характер уничтоженных силами коалиции целей (см. рисунок 2).

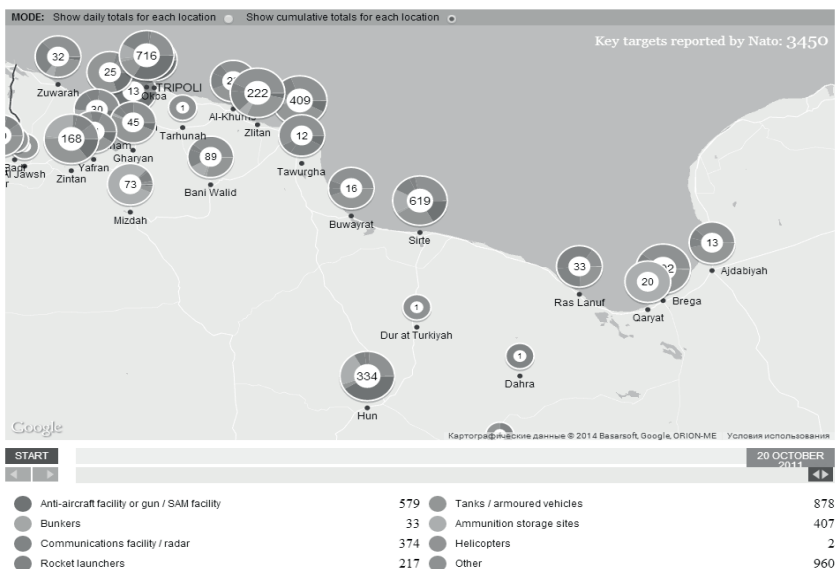

Рис. 2. Характеристика уничтоженных силами коалиции объектов

Таким образом, благодаря использованию инвент-анализа в качестве элемента методологии оценки эффективности военной кампании в условиях асимметричного конфликта, исследователи получают возможность собрать достаточную фактологическую базу, выявить основные тренды войны, сделать предположения относительно эффективности осуществленной военной кампании на конкретных временных отрезках.

Пример использования количественного инвент-анализа боевых действий на территории Афганистана⁴

Еще одним важным преимуществом данной методики является возможность модификации баз данных, усложнение их структуры для наполнения новой информацией.

Для описания боевых действий на территории Афганистана авторы зафиксировали несколько блоков характеристик следующих показателей: 1) атаки против сил коалиции; 2) атаки повстанцев против мирного

⁴ В данном исследовании изучение обстановки в афганской республике опирается на концепцию, разработанную Аналитическим центром РСМД под руководством И.Н. Тимофеева. См. Тимофеев И.Н. Международное сообщество и пределы вмешательства в конфликты «кризисных государств»: казус Афганистана / И.Н. Тимофеев // Вестник МГИМО-Университета. - 2011. - № 5. - С. 27-36.

населения; 3) атаки повстанцев против должностных лиц; 4) операции коалиционных и афганских сил. Для того чтобы проследить динамику ситуации ведется числовая кодификация событий. Это определенный способ организации данных, который осуществляется посредством построения таблицы. В столбцах фиксируется дата, а в строках – суть события, выражаемая в виде ряда параметров.⁵

Пример использования методики при анализе **военных акций талибов** на протяжении периода с января 2009 г. по октябрь-ноябрь 2013 г.

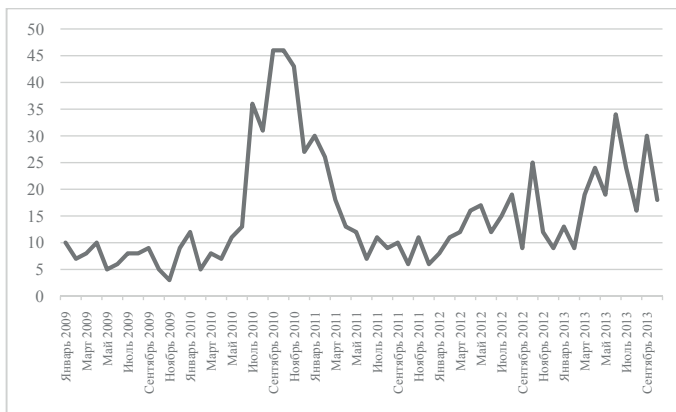

Рис. 3. Атаки повстанцев против сил коалиции 2009-2013 гг.

Из графика видно, что на протяжении всего рассматриваемого периода было зафиксировано несколько сезонов, когда активность оппозиционных сил достигала своего максимума (более 30 атак за месяц):

- 1- Июль-ноябрь 2010 г.;
- 2- Июнь-июль 2013 г.;
- 3- Сентябрь 2013 г.

В 2013 г. с разницей в месяц были отмечены резкие всплески активности талибов (30 акций и более). Зарубежные источники также подтверждают активизацию действий талибов летом 2013 г.⁶ Это объясняется двумя причинами. Во-первых, продолжалось постепенное сокращение войск коалиции. Солдаты оставили базы, провинции и уезды.⁷

⁵ Таким образом, была сформирована база данных в виде матрицы размерностью 2600 на 26, где первое число – количество наблюдений по дням, второе - суммарное число ежедневно фиксируемых характеристик.

⁶ Afghan troop deaths up almost 80% in 2013 fighting season [Electronic resource] // The Guardian. – November, 2013. URL: <http://www.theguardian.com/world/2013/nov/08/afghan-troop-casualties-up-almost-80-in-2013-fighting-season-says-pentagon> (accessed: 20.03.2015)

⁷ Войска НАТО покинули 90% баз [Электронный ресурс] // Afghanistan.ru – Август, 2013. Режим доступа: <http://www.afghanistan.ru/doc/63494.html>

Это стало определенным стимулом для талибов, намеренных за счет определенной неясности, вызванной процессами вывода войск и передачи ответственности войскам Афганистана, максимально быстро усилить свои позиции и продемонстрировать боеспособность. Во-вторых, уменьшение численности МССБ означает все большее вовлечение многочисленных национальных войск Афганистана в борьбу против Талибана.

Ивент-анализ также применим и к исследованию **динамики потерь среди мирного населения**. Заняв пост президента в 2009 г., Обама в своем подходе к афганскому кризису отметил важность обеспечения безопасности мирных афганцев, поскольку этому не уделялось должного внимания. Ключевой задачей США и их союзников при администрации Буша были поиск и уничтожение террористов «Аль-Каиды» и участников движения «Талибан», а не защита мирных жителей. Большое количество жертв среди мирного населения представители НАТО трактовали или как неизбежные потери в ходе конфликта, или как случайные (последствия неточных авиаударов или военных операций). Взятие демократами курса на обеспечение безопасности мирных жителей могло бы стать рациональным дополнением к продуманной стратегии по Афганистану, что выгодно отличало бы ее от стратегии предшественника Б. Обамы. Тем не менее, из графика следует, что выполнить эту задачу не удалось (см. рисунок 4).

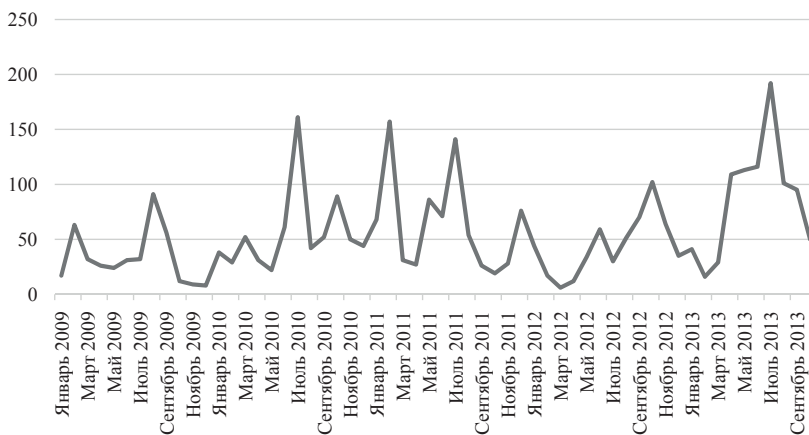

Рис. 4. Динамика потерь среди мирного населения 2009-2013 гг.

Согласно приведенному графику, за исследуемый период наблюдалось несколько случаев роста числа погибших граждан, однако в 2013 г. этот показатель достиг своего максимального значения. В период с января по конец ноября 2013 г. в Афганистане погибло более 1100 мирных

жителей. Подобная статистика отчасти совпадает с отчетами комиссии ООН в Афганистане, которая отметила 16% рост уровня потерь среди населения⁸. Таким образом, нельзя говорить об улучшении ситуации с обеспечением безопасности в стране, поскольку число погибших среди мирного населения Афганистана стабильно превышает тысячу человек в год, начиная с 2009 г. Принято считать, что в 80% жертв всегда виновна вооруженная оппозиция. Войска НАТО и правительственные вооруженные силы ответственны лишь за 15% погибших, в 5% случаев мирные жители гибнут по иным причинам⁹. В 2013 г. в результате действий коалиционных сил доля погибших граждан составила 14% от общего числа погибших афганцев, то есть наблюдается небольшой спад. Однако общее число погибших мирных граждан в стране, как от действий талибов, так и по вине правительственных и западных сил остается крайне высоким.

Благодаря ивент-анализу, можно сделать вывод, что за период 2009-2013 гг. коалиционным и афганским силам не удалось эффективно решить вопрос об обеспечении безопасности граждан Афганистана.

Потенциал использования ивент-анализа для исследования конфликта на юго-востоке Украины

Авторы доклада считают, что текущий конфликт на территории Украины также может быть проанализирован при помощи ивент-анализа. Потребность в создании базы данных по украинскому конфликту продиктована важностью понимания его составляющих элементов, структуры и хода для национальной безопасности Российской Федерации. Кроме того, последующая работа с подобной базой с использованием других методик позволит прийти к выводам, построенным на фактах, выявить и описать потенциальные тенденции, наблюдавшиеся в ходе конфликта, а также проанализировать степень эффективности ведения боя противоборствующими сторонами.

Несмотря на многочисленные случаи искажения информации в ходе военного противостояния, получение релевантных данных возможно за счет использования нескольких источников информации, как отечественных (например, газеты «Коммерсант», специализированных сайтов, таких как Военный Обозреватель, отчетов аналитических центров), так и зарубежных (профессиональные базы данных ISS, SIPRI). Кроме того, как было указано выше, в силу адаптивных способностей методики,

⁸ Число гражданских потерь в ИРА возросло на 16%. [Электронный ресурс] // Afghanistan.ru – Октябрь, 2013. Режим доступа: <http://www.afghanistan.ru/doc/64795.html> (дата обращения: 30.03.2015)

⁹ Rogers S., Chalabi M. Afghanistan civilian casualties [Electronic resource] // The Guardian. – April, 2013. URL:<http://www.guardian.co.uk/news/datablog/2010/aug/10/afghanistan-civilian-casualties-statistics>(accessed: 20.04.2015)

если возможность получения определенных показателей является ограниченной, база данных может быть модифицирована, чтобы быть более релевантной.

Количественный ивент-анализ остается эффективной методикой изучения военно-политических конфликтов и может быть успешно адаптирован для сбора информации по асимметричным конфликтам.

Тем не менее, ивент-анализ наиболее полезен в качестве первого (подготовительного) этапа исследования военной кампании в условиях асимметричного конфликта, в рамках которого исследователи могут собрать достаточную фактологическую базу, выявить основные тренды войны, сделать предположения относительно эффективности осуществленной военной кампании на конкретных временных отрезках.

Тем не менее, ивент-анализ не позволяет полностью оценить степень эффективность проводимой военной кампании в условиях асимметричного конфликта, так как не предоставляет инструментов оценки влияния значимых переменных, которые, по мнению исследователя, должны характеризовать эффективность военной кампании, на другие значимые переменные. Динамика развития событий в ходе боевых действий с формальной точки зрения может быть охарактеризована или спрогнозирована только путем применения иных методов анализа (например, статистических методов).

ПОЛИТИКА США, ЕС И НАТО В ПРИЧЕРНОМОРЬЕ И ПОЗИЦИЯ РОССИИ

Распад СССР сократил зону присутствия России в Причерноморье, усилил конфликтный потенциал региона. Относительную стабильность удавалось сохранять за счет двух тенденций, наблюдавшихся в Причерноморье с 1990-х по 2000-е гг. Первая – это минимальная активность глобальных акторов в регионе: США, ЕС и НАТО были сфокусированы на трансформации стран Восточной Европы, Россия была сконцентрирована на решении внутренних проблем. Вторая – подход Турции к региональной безопасности: усиление региональной кооперации в рамках экономики и укрепление сотрудничества всех шести причерноморских стран в сфере безопасности.

Инициатива Турции по созданию Черноморского экономического сотрудничества в 1992 г., поддержанная Россией, способствовала активизации внутрирегионального сотрудничества причерноморских стран и стабилизации российско-турецких отношений на базе экономики. К середине 2000-х гг. ОЧЭС стала влиятельной региональной площадкой, определяющей тенденции развития Причерноморья. Инициативы Турции в сфере безопасности БЛЭКСИФОР и Черноморская гармония поддерживались всеми причерноморскими государствами, но не имели такого успеха в силу наличия замороженных конфликтов, территориальных споров между государствами-участниками и все более усиливающихся различий в подходах к обеспечению безопасности.

Турции и России удавалось сохранять стабильность в отношениях благодаря политике «сдерживания или ограничения ущерба двусторонним отношениям»¹, а также близости взглядов на региональную безопасность: соблюдение принципов конвенции Монтрё 1936 г. и минимизация влияния внерегиональных акторов на высокую безопасность². Тем не менее, существенным разногласием между Россией и Турцией являлся вопрос расширения НАТО в Причерноморье. Если для России НАТО однозначно рассматривалась как угроза, то для Турции как альтернативный способ обеспечения региональной безопасности при условии сохранения ведущей роли в региональных инициативах в сфере безопасности за Турцией.

¹ Оздал Х., Озертем Х.С. Турция и Россия: преодоление препятствий. 10 июня 2013 г. // Россия в глобальной политике. URL: <http://www.globalaffairs.ru/global-processes/Turciya-i-Rossiya-preodolenie-prepyatstvii-16018> (дата обращения 12.06.2016).

² Подробнее о турецком подходе к безопасности в Причерноморье см. Özdamar Ö. Security and military balance in the Black Sea region // Southeast European and Black Sea Studies. Vol. 10, N. 3, September 2010, Pp. 341 – 359.

Региональную активность к началу 2000-х гг. стали проявлять США, постепенно вовлекая партнеров по НАТО. В 1997 г. были проведены первые совместные учения Украины и США с участием стран НАТО «Си Бриз» (Sea Breeze). Принятие Венгрии, Польши и Чехии в 1999 г. позволило НАТО сконцентрировать свое внимание на отдельных странах формирующихся Балтийского и Черноморского регионов. Включение Румынии и Болгарии, двух причерноморских государств, в НАТО в 2004 г., усилило присутствие Альянса в Причерноморье.

До середины 2000-х гг. Причерноморье не играло особой стратегической роли для ЕС. На это указывали региональные программы ИНОГЕЙТ и ТРАСЕКА, которые реализовывались в рамках общей программы ТАСИС, заполняющей политический вакуум и отсутствие стратегии ЕС в отношении новых независимых государств после распада СССР. Программы были направлены на реализацию энергетических и транспортных проектов. Большую активность проявляли США в сфере обеспечения энергетической независимости Европы в регионе в рамках проекта «Набукко» в 2000-х гг.³

Региональная политика ЕС в Причерноморье стала развиваться с принятием нового внешнеполитического курса «Европейская политика соседства» (ЕПС) в 2004 г. В рамках этого направления были созданы две инициативы «Черноморская Синергия» и «Восточное партнерство», которые способствовали кристаллизации политики ЕС в Причерноморье. Вступление Румынии и Болгарии в ЕС в 2007 г. открыло выход ЕС к Черному морю и потребовало переосмысления регионального сотрудничества, чему способствовало принятие проекта «Черноморская Синергия» в 2007 г.⁴ «Инициатива новой региональной кооперации»⁵ стала предпосылкой для дискуссии между Россией и ЕС о характере взаимоотношений между «Черноморской Синергией» и ОЧЭС. В 2008 г. был опубликован отчет по имплементации «Черноморской Синергии», после чего этот проект перестал упоминаться в открытых электронных отчетных документах ЕС.

Вторая инициатива «Восточное партнерство», предложенная Польшей и Швецией в 2008 г., имела более широкие последствия для

³ Пашковская И.Г. Турция в деятельности Евросоюза по энергообеспечению государств – членов ЕС // Вестник МГИМО-Университета. 2010, № 5. С. 220.

⁴ Black Sea Synergy – a new regional cooperation initiative. Communication from the Commission to the Council and the European Parliament. Brussels, 11.04.2007. COM(2007) 160 final // Commission of the European Communities. URL: http://ec.europa.eu/environment/marine/pdf/com2007_0160en01.pdf (дата обращения 14.06.2016).

⁵ Язькова А.А. Синергия Черного моря и «Восточное партнерство» // Независимая газета. 15.06.2009. URL: http://www.ng.ru/courier/2009-06-15/11_Sinergiya.html (дата обращения 10.06.2016).

Черноморского региона и отношений России и ЕС. Участие Швеции в проекте было обусловлено внешнеполитическими взглядами одного из его разработчиков, министра иностранных дел Швеции К. Бильдта, и было приурочено к шведскому председательству в ЕС в 2009 г. Активная роль Польши в «Восточном партнерстве» по содействию интеграции Украины в ЕС может быть связана с адаптированным польским концептом «Междуморья» Е. Гедройцем и Ю. Мерошевским ULB по укреплению лидирующих позиций Польши в Восточной Европе⁶. Этому также способствует проект размещения ПРО США в Европе, принятый администрацией Б. Обамы в 2009 г.

Размещение элементов ПРО США в странах с выходом к Черному морю - Турции, Румынии – и Балтийскому морю – Польше и позиция России по этому вопросу делает Балто-Черноморье нестабильным регионом. Попытка направить взаимодействие в конструктивное русло была предпринята в рамках Евроатлантической инициативы в области безопасности (EASI). В качестве основы для долгосрочного сотрудничества предлагалось использовать уже существующий опыт обмена данными и информацией о пусках: «до 2008 г. Совет Россия-НАТО провел несколько виртуальных учений по противоракетной обороне с целью проверки техник обмена данными»⁷. Но события в Грузии в 2008 г., на Украине в 2014-2016 гг. спровоцировали полную приостановку сотрудничества по линии Совета Россия-НАТО.

Сложившаяся ситуация в отношениях между Россией и НАТО стала приобретать дестабилизирующий характер. С марта 2014 года Европейское сообщество лидеров зафиксировало 66 подобных инцидентов. Большинство из них (порядка 50) считаются «практически штатными ситуациями». Однако были и более серьезные происшествия. Три таких инцидента были охарактеризованы как крайне рискованные. Разумеется, общее число инцидентов гораздо выше. За 2014 год от НАТО поступили сообщения о 400 случаях перехвата российских воздушных судов, что в четыре раза больше, чем в 2013 году. Россия публично заявила о том, что в 2014 году зарегистрировала более 3000 полетов тактических самолетов НАТО у своих границ, т. е. вдвое больше, чем в 2013 году⁸.

⁶ Гулевич В. Континенталистское измерение польской геополитики // Международная жизнь. 14.03.2011. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/682> (дата обращения 09.06.2016).

⁷ Там же. С. 6.

⁸ Цит. по: Не допустить войны: как снизить риски военных инцидентов между Россией и НАТО? // Заявление Специальной рабочей группы проекта «Строительство Большой Европы: необходимые меры до 2030 г.». Август 2015. URL: http://www.europeanleadershipnetwork.org/medialibrary/2015/08/26/28687c4f/Task%20Force%20Position%20Paper%20III_July%202015%20-%20Russian.pdf (дата обращения 12.06.2016).

В этих условиях особую важность приобретает работа широкоформатных экспертных площадок. В августе 2015 г. специальная рабочая группа проекта «Строительство Большой Европы: необходимые меры до 2030 г.» подготовила заявление «Не допустить войны: как снизить риски военных инцидентов между Россией и НАТО?»⁹, в котором, подчеркивается, что восстановление работы Совета Россия-НАТО и обсуждение перспектив заключения меморандума о взаимопонимании между НАТО и Россией будут способствовать уменьшению напряженности.

⁹ Не допустить войны: как снизить риски военных инцидентов между Россией и НАТО? // Заявление Специальной рабочей группы проекта «Строительство Большой Европы: необходимые меры до 2030 г.». Август 2015. URL: http://www.europeanleadershipnetwork.org/medialibrary/2015/08/26/28687c4f/Task%20Force%20Position%20Paper%20III_July%202015%20-%20Russian.pdf (дата обращения 12.06.2016).

**РОЛЬ МЕЖДУНАРОДНЫХ ДОГОВОРОВ
В СФЕРЕ РЕГУЛИРОВАНИЯ
МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ**

Сегодня события, происходящие в мире, напрямую касаются основных ценностей жизни человека, независимости государств, территориальной целостности, а обеспечение безопасности остается в эпицентре внимания всего человечества.

Важной основой исследования любого вопроса являются документальные источники, к которым относятся законы, стратегические документы государства, международные договоры, документы международных организаций, например резолюции Совета Безопасности и др.

В целом, как известно, международная безопасность состоит из таких компонентов как военная безопасность, экономическая, экологическая, национальная. Государства несут самую главную ответственность в сфере военной безопасности, что является противодействием внешним угрозам, к базовому компоненту международной безопасности можно отнести национальную безопасность.

Современное определение национальной безопасности Казахстана сформулировано в новом Законе РК «О национальной безопасности РК» от 23 ноября 2015 года: национальная безопасность - состояние защищенности национальных интересов Республики Казахстан от реальных и потенциальных угроз, обеспечивающее динамическое развитие человека и гражданина, общества и государства¹. В то же время основными видами национальной безопасности являются: экономическая, общественная, военная, политическая, экологическая, информационная безопасность.

Значимое понимание международной безопасности сформулировано в первой статье Устава ООН «Поддерживать международный мир и безопасность и с этой целью принимать эффективные коллективные меры для предотвращения и устранения угрозы миру и подавления актов агрессии или других нарушений мира и проводить мирными средствами, в согласии с принципами справедливости международного права, улаживание или разрешение международных споров или ситуаций, которые могут привести к нарушению мира»².

¹ Закон РК «О национальной безопасности РК» от 23 ноября 2015 г.

² Устав Организации Объединенных Наций: принят 26 июня 1945 года, Сан-Франциско. – 111 с.

Одним из ключевых мирных средств устранения угрозы войны были и остаются международные договоры. Международные договоры могут подразделяться на политические, экономические, научно-технические, по правовым вопросам, по вопросам транспорта и связи, культуры, спорта и т.д. К политическим договорам относятся договоры о союзе, взаимной помощи, ненападении, нейтралитете, договоры о дружбе, договоры по территориальным и пограничным вопросам, в области разоружения и др. Объектом данных международных договоров является всеобщий мир, безопасность народов, добрососедские отношения между государствами.

В качестве примеров политических договоров можно назвать Устав ООН, Женевские конвенции 1947 г., все договоры, связанные с нераспространением ядерного оружия, универсальные конвенции в борьбе с терроризмом, договоры в области сохранения окружающей среды и т.д. В общем, основной целью вышеперечисленных договоров является обеспечение международной безопасности, безопасности человечества в целом, от каких-либо угроз.

В период «холодной войны» крупными конфронтационными ядерными державами США и СССР во избежание ядерной войны и обеспечения мира были заключены двусторонние международные договоры в целях предотвращения ухудшения ядерной ситуации в мире. Заключенные договоры давали некую гарантию безопасности, в первую очередь в сфере военно-политической безопасности, недопущении гонки вооружений.

К примеру, в 1987 году между СССР и США был заключен Договор о ликвидации ракет средней и меньшей дальности. Согласно условиям соглашения баллистические ракеты дальностью от 500 до 5500 км подлежали уничтожению. В 1990 году был подписан Договор об обычных вооруженных силах в Европе, который содержал в себе главное условие для СССР - ликвидацию большого числа тяжелых вооружений. В 1991 году СССР и США заключили новый Договор о сокращении и ограничении стратегических наступательных сооружений.

Завершение «холодной войны» в связи с распадом СССР внесло существенные коррективы в систему мировой политики. Происходящие на рубеже XX-XXI веков стремительные перемены в сфере мировой политики и международных отношений, сопровождались появлением новых угроз против человечества. К ним относятся терроризм, распространение оружия массового уничтожения и вооруженные конфликты.

Крупномасштабный характер угрозы международного терроризма поставил перед мировым сообществом глобальную задачу создания антитеррористической коалиции. В настоящее время терроризм есть глобальная проблема, и борьба с ним является задачей человечества. В науке имеется огромное количество выработанных определений

«международного терроризма», «терроризма», но единого определения не имеется.

В антитеррористических международных договорах, конвенциях, а их насчитывается около 30, присутствуют определения различных проявлений терроризма (захват заложников, бомбовый терроризм, незаконные акты, направленные против безопасности гражданской авиации, морского судоходства, безопасности стационарных платформ, борьба с ядерным терроризмом, с финансирование терроризма). Но при этом отсутствует общая основа, необходимая для построения единого механизма борьбы с международным терроризмом³.

Каждое государство в своем национальном законодательстве дает свою трактовку терроризму. К примеру, согласно статье 255 УК РК: «акт терроризма – это совершение взрыва, поджога или иных действий, создающих опасность гибели людей, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных общественно опасных последствий, если эти действия совершены в целях нарушения общественной безопасности, устрашения населения, оказания воздействия на принятие решений государственными органами Республики Казахстан, иностранным государством или международной организацией, провокации войны либо осложнения международных отношений, а также угроза совершения указанных действий в тех же целях». К существующим видам преступления предусмотрены более строгие меры вплоть до смертной казни⁴.

Наказание за терроризм предусмотрено не только в статье 255 УК, но и в других статьях, имеющих сходный состав преступления. Так, в действующем, как и в старом Уголовном кодексе Республики Казахстан, есть глава 4, содержащая преступления против мира и безопасности человечества, в числе которых: планирование, подготовка, развязывание или ведение агрессивной войны (статья 160); пропаганда и публичные призывы к развязыванию агрессивной войны, производство или распространение оружия массового поражения (статья 161); производство или распространение оружия массового поражения (статья 162); применение запрещенных средств и методов ведения войны (статья 163); геноцид (статья 168), экоцид (статья 169); наемничество (статья 170); нападение на лиц или организации, пользующиеся международной защитой (статья 173); возбуждение социальной, национальной, родовой, расовой или религиозной вражды (статья 174). Также глава 10, пропаганда терроризма или публичные призывы к совершению акта терроризма (256); создание, руководство террористической группой и участие в ее

³ Закон РК «О национальной безопасности РК» от 23 ноября 2015 г. С. 498.

⁴ Уголовный Кодекс Республики Казахстан: принят 3 июля 2014 года URL: <http://www.zakon.kz>. 4.11.2015.

деятельности (257); финансирование террористической или экстремистской деятельности и иное пособничество терроризму либо экстремизму (258); вербовка или подготовка либо вооружение лиц в целях организации террористической либо экстремистской деятельности (259); прохождение террористической или экстремистской подготовки (260); захват заложника (261); нападение на здания, сооружения, средства сообщения и связи или их захват (269); угон, а равно захват воздушного или водного судна либо железнодорожного подвижного состава (270); заведомо ложное сообщение об акте терроризма (273) и др.

Ввиду огромного разнообразия понятий терроризм и международный терроризм необходимо выработать единую трактовку с общими признаками, которые уже закреплены в действующих международных договорах.

Начиная с резолюции Генеральной Ассамблеи ООН за № 3034 от 18 декабря 1972 г о мерах по предотвращению международного терроризма вопросы, связанные с борьбой с терроризмом нашли свое применение во многих конвенциях, декларациях, и резолюциях Генеральной Ассамблеи ООН.

В 2006 году была принята концептуальная «Глобальная контртеррористическая стратегия» в предотвращении и борьбе с терроризмом, соблюдении государствами-членами ООН обязательств по международному праву, включая нормы в области прав человека, прав беженцев, гуманитарного права. На 64-ой сессии Генеральная Ассамблея ООН призвала все государства принять меры по разработке и заключению Всеобъемлющей конвенции о международном терроризме⁵.

С 2000 года Специальный комитет ООН приступил к разработке проекта всеобъемлющей конвенции о международном терроризме⁶. Данный договор был призван закрепить общее определение терроризма, и, возможно, восполнить все пробелы, возникающие при сотрудничестве в борьбе с терроризмом. Вышеуказанный Специальный комитет ранее разработал конвенции о борьбе с бомбовым терроризмом и актами ядерного терроризма, которые уже являются действующими и открыты для подписания другими государствами.

В современном мире терроризм как глобальная проблема находится в центре внимания на международной повестке дня. Теракты 11 сентября 2001 года перевернули сознание мира о глобальной угрозе международной безопасности. Европейские члены НАТО впервые выразили готовность ввести статью 5 Североатлантического договора, заявив, что они рассматривают террористический акт 11 сентября как нападение на

⁵ Торкунов А.В. Современные международные отношения / под ред. А. В. Торкунова, А. В. Мальгина. — М.: Аспект Пресс, 2012. — 688.

⁶ Там же.

каждого из них. Безотлагательно Совет Безопасности ООН принял резолюцию, которая установила для всех членов альянса единые императивные обязательства по борьбе с терроризмом и этой же резолюцией учредила Контртеррористический комитет по контролю за выполнение обязательств и оказания помощи разным государствам по борьбе с терроризмом⁷.

При этом были приняты специализированные рекомендации по вопросам пресечения финансирования терроризма на основе положений Международной Конвенции ООН по борьбе с финансированием терроризма 1999 года.

Сегодня, большинство государств заявляют о своей готовности к созданию и участию в антитеррористической коалиции, куда входили бы все страны мира, которые остаются равнодушными к такому явлению как терроризм, угрожающему всему человечеству на земле. Возрастание числа террористических актов в конце 90-х гг. в России, в США, на Ближнем Востоке продемонстрировало приближающуюся угрозу безопасности в мире в целом.

З. Бжезинский предлагает заключить между НАТО и ОДКБ договор о сотрудничестве в области обеспечения безопасности Евразии и прилегающих регионов. Данный договор, пишет он, может также облегчить альянсу дальнейшее продвижение на восток в направлении усиливающихся азиатских держав, которые должны быть вовлечены в орбиту совместных договоренностей в сфере безопасности. Также автором предлагается взаимодействие НАТО с ШОС, что укрепило бы сотрудничество в области обеспечения безопасности в одном из самых взрывоопасных, по его мнению, регионов мира - Центральной Азии. Созданная таким образом всемирная сеть безопасности будет обеспечивать необходимые действия, которая не под силу ООН, но вся система ООН от этого только выиграет⁸.

Проблема безопасности стала важнейшим фактором, объединяющим страны Центральноазиатского региона. В апреле 2000 года в Ташкенте президенты Казахстана, Кыргызстана, Узбекистана и Таджикистана подписали Договор о совместных действиях по борьбе с терроризмом, политическим и религиозным экстремизмом, транснациональной организованной преступностью и иными угрозами стабильности и безопасности.

В декабре 2002 года в Астане подписано Совместное Коммюнике по разрешению проблем, связанных с обеспечением региональной

⁷ Кулагин В.М «Современная международная безопасность»:-М.: КРОНУС,2014.- с. 153.

⁸ Арыстанбекова А. Монография. «Современные тенденции в международных отношениях». Алматы. Дайк-Пресс, 2010.-364 с. . 243-244.

безопасности. Для обеспечения безопасности в регионе были созданы в 2000 году Антитеррористический центр СНГ, Шанхайская организация сотрудничества, системы антитеррористического взаимодействия Организации договора о коллективной безопасности.

Международно-договорную основу международного сотрудничества антитеррористического направления составляет широкий круг антитеррористических конвенций, двусторонних договоров, протоколов. Ниже представлена таблица перечня международных договоров в области борьбы с терроризмом участницей, которых является Казахстан.

№	Наименование международного договора	Дата подписания	Место подписания	Дата вступления в силу
Двусторонние международные договоры				
1.	Соглашение между Правительством Республики Казахстан и Правительством Чешской Республики о сотрудничестве в борьбе с организованной преступностью, незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, терроризмом и другими опасными видами преступлений.	09.04.1998	Алматы	19.08.1999
2	Соглашение между Правительством Республики Казахстан и Правительством Литовской Республики о сотрудничестве в борьбе с организованной преступностью, незаконным оборотом наркотических и психотропных веществ, терроризмом и иными видами преступлений.	11.05.2000	Астана	21.08.2001
3.	Соглашение между Правительством Республики Казахстан и Правительством Республики Индия о создании казахстанско-индийской совместной рабочей группы по борьбе с международным терроризмом и иными видами преступлений.	03.06.2002	Алматы	03.06.2002

4.	Соглашение между Республикой Казахстан и Китайской Народной Республикой о сотрудничестве в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом.	23.12.2002	Пекин	03.06.2003
5.	Соглашение между Правительством Республики Казахстан и Правительством Румынии о сотрудничестве в борьбе с организованной преступностью, незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и прекурсоров, терроризмом и иными опасными преступлениями.	09.09.2003	Астана	28.04.2004
6.	Соглашение между Правительством Республики Казахстан и Правительством Грузии о сотрудничестве в борьбе с терроризмом, незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, прекурсоров, организованной и иными видами преступности.	31.03.2005	Астана	26.01.2012
7.	Соглашение между Правительством Республики Казахстан и Правительством Азербайджанской Республики о сотрудничестве в борьбе с терроризмом, незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и прекурсоров, организованной и иными видами преступности.	24.05.2005	Баку	10.08.2007
8.	Соглашение между Правительством Республики Казахстан и Правительством Словацкой Республики о сотрудничестве в борьбе с организованной преступностью, терроризмом, незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ,	21.11.2007	Братислава	01.06.2008

	прекурсоров и иными видами преступлений.			
9.	Соглашение между Правительством Республики Казахстан и Правительством Республики Хорватия о сотрудничестве в борьбе с организованной преступностью, незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, терроризмом и иными видами преступлений.	05.07.2007	Астана	20.06.2012
10.	Меморандум между Министерством финансов Республики Казахстан и Подразделением по борьбе с отмыванием денег Республики Кипр по взаимодействию в обмене финансовой информацией, относящейся к отмыванию денег и финансированию терроризма.	17.02.2014	Будапешт	17.02.2014
11.	Меморандум между Министерством финансов Республики Казахстан и Подразделением по расследованию финансовых преступлений (MASAK) Министерства финансов Турецкой Республики о взаимодействии в сфере противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма.	22.07.2014	Астана	22.07.2014
Многосторонние международные договоры				
12.	Конвенция о международной гражданской авиации.	07.12.1944	Чикаго	20.09.1992
13.	Конвенция о борьбе с незаконным захватом воздушных судов.	16.12.1970	Гаага	04.05.1995
14.	Международная конвенция о борьбе с захватом заложников.	18.12.1979	Нью-Йорк	22.03.1996
15.	Международная конвенция о борьбе с бомбовым терроризмом.	15.12.1997	Нью-Йорк	06.12.2002

16.	Договор о сотрудничестве государств-участников Содружества Независимых Государств в борьбе с терроризмом.	04.06.1999	Минск	05.12.2000
17.	Договор между Республикой Казахстан, Кыргызской Республикой, Республикой Таджикистан и Республикой Узбекистан о совместных действиях по борьбе с терроризмом, политическим и религиозным экстремизмом, транснациональной организованной преступностью и иными угрозами стабильности и безопасности Сторон.	21.04.2000	Ташкент	04.01.2001
18.	Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма.	10.01.2000	Нью-Йорк	26.03.2003
19.	Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, экстремизмом и сепаратизмом.	15.06.2001	Шанхай	29.03.2003
20.	Протокол о внесении изменений в Шанхайскую Конвенцию о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, подписанную 15 июня 2001 года в городе Шанхай (Китайская Народная Республика).	05.09.2003	Ташкент	12.04.2014
21.	Международная конвенция о борьбе с актами ядерного терроризма.	13.04.2005	Нью-Йорк	30.08.2008
22.	Договор государств-участников Содружества Независимых Государств о противодействии легализации (отмыванию) преступных доходов и финансированию терроризма.	05.10.2007	Душанбе	09.07.2014
23.	Конвенция Шанхайской организации сотрудничества против терроризма.	16.06.2009	Екатеринбург	14.01.2012
24.	Соглашение о сотрудничестве в сфере безопасности на Каспийском море.	18.11.2010	Баку	27.09.2014

25.	Соглашение о Евразийской группе по противодействию легализации преступных доходов и финансированию терроризма.	16.06.2011	Москва	28.04.2012
26.	Соглашение государств-участников Содружества Независимых Государств о сотрудничестве в материально-техническом обеспечении компетентных органов, осуществляющих борьбу с терроризмом и иными насильственными проявлениями экстремизма.	05.12.2012	Ашхабад	Не вступило в силу
27.	Соглашение о сотрудничестве в подготовке специалистов антитеррористических подразделений в учебных заведениях компетентных органов государств-участников Содружества Независимых Государств.	05.12.2012	Ашхабад	23.08.2014
28.	Протокол о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности стационарных платформ, расположенных на континентальном шельфе	10.03.1988	Рим	22.02.2004
29.	Конвенция о маркировке пластических взрывчатых веществ в целях их обнаружения	01.03.1991	Монреаль	21.06.1998
30.	Конвенция о преступлениях и некоторых других актах, совершаемых на борту воздушных судов	14.09.1963	Токио	16.08.1995
31.	Конвенция о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности гражданской авиации	23.09.1971	Монреаль	04.05.1995
32.	Протокол о борьбе с незаконными актами насилия в аэропортах, обслужива	24.02.1995	Монреаль	17.06.1995

	ющих международную гражданскую авиацию, дополняющий Конвенцию о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности гражданской авиации			
33.	Конвенция о физической защите ядерного материала, подписанная в Вене 3 марта 1980 г.; 2 декабря 2005 г.	03.03.1980	Вена	02.12.2005
34.	Конвенция о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности морского судоходства	10.03.1988	Рим	22.02.2004

Из выше представленной таблицы видно, что Казахстан является участником двусторонних и универсальных договоров в борьбе с терроризмом.

Запрещение ядерного оружия и его нераспространение по земному шару – еще одно важнейшее направление международно-договорной деятельности государств в сфере безопасности. 12 июня 1968 года на сессии Генеральной Ассамблеи ООН был принят Договор о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО).

Большинство экспертов едино во мнении относительно режима ДНЯО. В нынешнем виде режим ДНЯО не может сдерживать появление ядерного оружия у государств, которые приняли или примут соответствующее политическое решение⁹.

Положения Договора допускают выход из него, к примеру, статья X определяет, что любой участник договора имеет право выйти из договора, если он решит, что связанные с договором обстоятельства поставили под угрозу высшие интересы его государства. В свое время генеральный директор МАГАТЭ М. Эль-Барадеи предлагал ужесточить подходы к участникам ДНЯО, допускающим нарушения условий договора, а также исключить ненаказуемый выход из соглашения.

В современных условиях с учетом факторов Ирана и КНДР повышается опасность распространения ядерного оружия. В сложившейся ситуации возникает необходимость разработки

⁹ Кулагин В.М «Современная международная безопасность»: -М. : КНРОУС, 2014. с.183.

комплексных мер для усиления режима нераспространения ядерного оружия, основа которого заложена в Договоре о нераспространении ядерного оружия.

Основные положения режима нераспространения и запрещения химического оружия, составляют обязательства, закрепленные в Конвенции о запрещении разработки, производства, накопления и применения химического оружия и его уничтожения (КХО), принятой в 1992 году, для Казахстана вступила в силу 22 апреля 2000 году.

В сравнении с ДНЯО упомянутая Конвенция предусматривает не только отказ от приобретения химического оружия, но и возможность уничтожить в случае наличия такого оружия предприятия по его производству. По условиям Конвенции, государства-участники, обладающие химическим оружием, обязаны сообщить об имеющихся у них запасах химического оружия и связанных с ними объектов. О своих запасах объявили некоторые крупные акторы. Среди них Россия, которая располагает около 40 тыс. тон отравляющего вещества, США - располагает около 31 тыс. тон отравляющего вещества. Государствами, обладающими химическим оружием, ведутся работы по их уничтожению согласно графикам. Важно, что политическая воля уничтожить химическое оружие у государств-участников, остается неизменной¹⁰.

Нельзя не отметить, что для нашего народа, познавшего ядерные испытания, вопрос об их полном запрещении является главным, значимым, поскольку, если вспомнить историю, за 40 лет на Семипалатинском полигоне было проведено 450 испытаний, от которых пострадало полтора миллиона человек.

Ядерные государства и мировое сообщество в целом не должны игнорировать происходящее в мире. Ядерное оружие, испытания различного рода приведут планету к катастрофическим, ужасающим катаклизмам. Поэтому роль конвенций, регулирующих данные вопросы, должна возрастать в мировом сообществе.

На современном этапе развития мировых процессов главной из их ключевых характеристик продолжает оставаться феномен глобализации, выражающийся в существенной взаимозависимости государств мира и в тесном переплетении процессов, протекающих в различных регионах мира. Об этом свидетельствует тот факт, что региональные, локальные и политические конфликты и кризисы в последнее время чаще приобретают масштабную значимость, как это произошло с событиями на Ближнем Востоке, начавшимися в 2011 г., с конфликтом на Украине 2014 г.

¹⁰ Кулагин В.М. «Современная международная безопасность». — М. : КНРОУС, 2014. С. 185.

К примеру, сирийский вопрос из проблемы локального масштаба превратился в региональную проблему, а затем приобрел и глобальный характер. Массовые антиправительственные волнения в Сирии переросли в жестокую гражданскую войну, связанную с активизацией террористических сил. В результате чего локальный конфликт перерос в региональный. Возникла угроза ухудшения экономического и социального положения соседних стран. Каждый кризис побуждает международное сообщество предпринимать шаги по их преодолению и использовать инструменты по обеспечению глобальной и региональной безопасности для борьбы с этими вызовами¹¹.

В 2012 году ООН вооруженный конфликт в Сирии был признан как гражданская война¹². Сегодня сирийский конфликт, начавшийся с 2011 года, приобретает глобальный характер, в войне задействованы радикальные исламистские группы, в том числе Аль-Каида, «Исламское государство Ирака и Леванта» (ИГИЛ), обозначившие новую веху в войне. Курдский национальный совет занимает жесткую антиправительственную позицию, добиваясь своей автономии.

Женевская конференция 2014 года по разрешению данного вопроса не была продуктивной, поскольку у участников отсутствовало общее видение будущей Сирии - наряду с борьбой с терроризмом, обеспечением гарантий прав и этническим и религиозным групп, и формированием органов власти и определением роли политической элиты¹³.

Усложняется ситуация в мире вокруг сирийских беженцев, где требуются поиски выхода из сложившейся проблемы. Война в Сирии продолжается более четырех лет, колоссальный приток беженцев из Сирии наблюдался в 2015 году. Ужасающая обстановка в стране вследствие военных действий остается неизменной, что вынуждает большинство мирных жителей бежать за границу, например, в соседнюю Турцию, которая приняла более 2 млн сирийских беженцев. В Турции беженцы испытывают сложности, поскольку у них нет права на обустройство на работу.

В сложившейся сложной ситуации Сирия нуждается в миротворческих усилиях международного сообщества, призывающего к мирному разрешению вооруженного конфликта. В ноябре 2015 года в Вене дипломатами России, США и представителями стран Европы и Ближнего Востока проведены переговоры по вопросам урегулирования конфликта в Сирии. Со стороны министра иностранных дел России С. Лаврова было

¹¹ Выступления Идрисова Е.А. официальный сайт МИД РК // Режим доступа: <http://www.mfa.kz>. 3, 25 декабря 2015 года, 10 января 2016 года.

¹² Терроризм. URL: <http://www.un.org/ru/terrorism/ga.shtml>. (1 октября 2015 года).

¹³ Демченко А. Экономика, политика, безопасность, (главный редактор В.Г. Барановский). Выпуск 2014 года: М.: Идея-Пресс, 2014. 472с. с.134.

выдвинуто предложение о создании международной коалиции в борьбе с Исламским государством¹⁴.

В целях недопущения дальнейшей эскалации ситуации необходимо применить один из действенных инструментов по обеспечению безопасности - подписание мирного договора, всеобъемлющего соглашения по урегулированию Сирии.

Трудности возникают и со стороны ООН, работающей с миллионами беженцев в Иордании, Турции и Ливане, организация не имеет достаточных средств на содержание огромного потока беженцев из Сирии¹⁵. Мировому сообществу совместно с международными организациями пришло время пересмотреть международные конвенции по защите прав мигрантов и беженцев.

Проблема миграции населения и глобальных миграционных процессов в современном мире приобретает особую значимость для стран, активно принимающих мигрантов. Наибольшее число мигрантов направляются в страны ЕС, что обусловлено географическим и геополитическим положением, мигранты же в основном из стран Восточной Европы, Африки, Восточной и Юго-Восточной Азии, Ближнего и Среднего Востока, граждане которых не только желают повысить уровень своей жизни, но и избежать вооруженных конфликтов. Опасения со стороны стран ЕС вызваны тем, что неоднократно поднимается вопрос о возможности угроз со стороны боевиков ИГИЛ, которые проникают в европейские города под видом мигрантов.

Важнейшими институтами формирования и поддержания такого порядка являются международные организации и международное право. При этом речь идет не о надгосударственной власти, а о взаимодействии государств, которые путем соглашения устанавливают общеобязательные международные нормы¹⁶. Решение поставленных задач, возможно, будет осуществляться через договоры, которые должны отвечать соответствующим требованиям.

Конфликты становятся самым ключевым фактором нестабильности в мире, постоянно разрастаются, втягивая новых и новых участников. Создается острая угроза не только для конфликтующих сторон, но и для других акторов мировой арены.

С одной стороны, перед человечеством стоит глобальная проблема мощного, военного противостояния. С другой стороны, сложная ситуация

¹⁴ Проблемы беженцев. URL: <http://www.bbc.com/russian/international>. (3 ноября 2015 года).

¹⁵ Лукашук И.И. Современное право международных договоров / Российская Академия Наук, Институт государства и права. – М.: Волтерс Кульвер, 2004. – Т. 1. – 672 с.

¹⁶ Лукашук И.И. Современное право международных договоров / Российская Академия Наук, Институт государства и права. – М.: Волтерс Кульвер, 2004. – Т. 1. – с.73.

вынуждает отдельных влиятельных субъектов мирового сообщества предпринимать какие-либо меры по выработке новых институтов системы международных отношений.

Конструктивное решение проблем внутренних конфликтов возможно только в том случае, если в нем примет участие большинство государств. Совместными усилиями государств, и других субъектов международного сообщества можно обеспечить сдерживание сил, разжигающих конфликты.

Возможно создание региональных систем обеспечения международной безопасности, основную роль в которых смогли бы сыграть ключевые державы в мировой политике. Установление уважительных, равноправных переговоров между конфликтующими сторонами, взаимодействие акторов мировой арены является одним из основных условий решения проблем конфликтов.

Имеющиеся перед человечеством глобальные вызовы и угрозы могут быть решены только в результате совместных усилий и сотрудничества субъектов мирового сообщества. Это и даст предпосылки к формированию нового мирового порядка.

С.Лавров в своей статье «Новый Договор о СНВ в матрице глобальной безопасности» указывает, что безопасность все больше характеризуется такими критериями как взаимозависимость и неделимость, означающими, что безопасность каждого государства сопряжена с безопасностью всего международного сообщества. Автор пишет, что конфликты всех типов все чаще затрагивают безопасность стран, не задействованных напрямую в конкретном противостоянии. В этих условиях естественным верным решением, по его мнению, является возведение в абсолют принципа примата международного права, полномасштабное укрепление его норм и механизмов их реализации, неукоснительное соблюдение их всеми без исключения субъектами международных отношений¹⁷.

К договорам в сфере безопасности следует также отнести конвенции касающиеся экстрадиции, вопросов ведения войны и мира. Основными источниками такого рода договоров являются четыре Женевские конвенции 1949 года: Женевская конвенция об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях от 12 августа 1949 года; Женевская конвенция об улучшении участи раненых, больных и лиц, потерпевших кораблекрушение, из состава вооруженных сил на море от 12 августа 1949 года; Женевская конвенция об обращении с военнопленными от 12 августа 1949 года; Женевская конвенция о защите гражданского населения во

¹⁷ Лавров С. «Новый Договор о СНВ в матрице глобальной безопасности. Политическое измерение». Международная жизнь. № 7. 2010 г.

время войны от 12 августа 1949 года. Кроме того, в эту группу входят Дополнительный протокол 1977 года: Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов (Протокол I) от 8 июня 1977 года и Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающийся защиты жертв вооруженных конфликтов немеждународного характера (Протокол II), от 8 июня 1977 года. Казахстан является участником всех упомянутых международных договоров с 1993 года.

Международные документы в области прав человека в условиях вооруженных конфликтов повторяют основные принципы основных международных документов в области прав человека. Например, в вопросе защиты гражданского населения с содержанием Всеобщей декларации прав человека более всего соприкасаются Женевские конвенции.

Наряду с основными источниками международных отношений, которые также можно отнести к политическим международным договорам, важное значение имеют следующие договоры: Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах и Международный пакт о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 года, Факультативные протоколы к последнему от 16 декабря 1966 года и 15 декабря 1989 года¹⁸.

Само участие в этих Пактах уже обязывает государство постепенно приводить свое законодательство к стандартам, которые в них отражены, а также создавать соответствующие экономические, социальные условия для реализации гражданином своих прав и свобод.

Республика Казахстан является участником данных документов с 2005 года, что подтверждает положение Конституции о том, что высшими ценностями Казахстана являются права и свободы человека. В период независимости Казахстана большая часть договорной базы охватывает универсальные конвенции в области защиты прав и свобод человека.

Международным и главным актом универсального характера в области защиты прав человека является «Всеобщая декларация прав человека», она провозглашает основные гражданские, политические, социальные, экономические и культурные права и свободы человека.

Всеобщая декларация принята в виде резолюции Генеральной Ассамблеи ООН и носит лишь рекомендательный характер для государств, но если ее идеи воплощаются в конституциях государств или в международных конвенциях, они становятся обязательными¹⁹.

¹⁸ Международный пакт о гражданских и политических правах, Международный пакт об экономических, социальных и культурных и правах: приняты 16.12.66 г. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions.06.09.2013.

¹⁹ Всеобщая декларация прав человека: принята 10 декабря 1948 URL:

«Всеобщая декларация прав человека» не является международным договором и соответственно не наделяет государства никакими обязательствами по ее исполнению. Декларация провозглашена в качестве основного документа, содержащего главные принципы в обеспечении защиты прав человека, каждое государство должно стремиться содействовать и соблюдать эти принципы. Всеобщая декларация не является международным договором, а является лишь рекомендациями, а рекомендации в свою очередь нашли отражение во многих конституциях демократических государств.

На основании Декларации было принято огромное количество многосторонних договоров в области прав человека. Данные договоры стали для современных, новых государств основным правовым ориентиром в сфере соблюдения и защиты прав человека. Заключены договоры в области международного гуманитарного права, представляющие собой совокупность норм, регулирующих защиту жертв войны, жертв вооруженных конфликтов, т.е. права гражданского населения, больных и раненых, военнопленных из состава вооруженных сил в период военных действий.

Так, согласно Уставу ООН, целью осуществления международного сотрудничества является разрешение международных проблем гуманитарного характера (статья 1 Устава). Также, с точки зрения универсальности, это общие права для всех людей независимо от политического режима, общественного строя, формы государственного устройства. С точки зрения территориальности, где бы человек не находился, в каком бы государстве он не проживал, он обладает правами и свободами²⁰.

Что касается Устава Организации Объединенных Наций (ООН), он, опираясь на общие правовые ценности, исходящие из принципа верховенства права, господства закона, признания и соблюдения прав и свобод человека, является фундаментальной основой того, что принято называть принципами и стандартами мировой цивилизации. За время своего существования ООН приняла несколько сот международных документов в области прав человека: декларации, рекомендации, конвенции, пакты.

Ценность этих договоров заключается в том, что они на более высоком уровне, детально и подробно определили международные стандарты в рассматриваемой области.

Международные договоры в сфере безопасности требуют внедрения конкретных механизмов реализации, разработки межгосударственных

http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations.2.05.2014.

²⁰ Устав Организации Объединенных Наций: принят 26 июня 1945 года, Сан-Франциско. – 111 с.

программ совместных мер борьбы с преступностью, с международным терроризмом, с проявлениями экстремизма, противодействию незаконному обороту наркотиков, участию в проектах и программах ООН в правоохранительной сфере, и призваны способствовать мерам, направленным на соблюдение прав, свобод и законных интересов граждан.

Мировому сообществу важно коллективное взаимодействие крупных мировых держав единое, совместное противостояние угрозам, в целях обеспечения международной безопасности.

Современный мир сталкивается с целым рядом вызовов глобального характера, таких как резкий разрыв в уровнях дохода между разными социумами, между разными государствами, глобальная миграция, несбалансированность и нестабильность мировой экономики, неразрешенность целого комплекса социальных и экологических проблем. Таким образом, дискуссии и научные исследования в области международных отношений стимулируют осознание масштабности этих проблем, необходимости их разрешения на глобальном уровне, а также понимания того, что данные вызовы представляют собой серьёзные угрозы для существующих институтов.

В свете новых проблем и вызовов современного мира первоочередной задачей мирового общества является укрепление норм международного права, разработка модели мирового порядка в условиях глобализации и силового решения международных проблем, обеспечения политического взаимодействия государств в рамках общепризнанных цивилизованных норм поведения на мировой арене²¹.

А.Арыстанбекова в своей монографии «Современные тенденции в международных отношениях» пишет, что новые тенденции и факторы, влияющие на политическую систему мира, контрасты, вызванные объективным развитием процессов глобализации и трансформации международных отношений, определяют в качестве приоритетной задачи мирового сообщества решение вопросов укрепления международного права и совершенствования механизмов политического и правового порядка в мире²².

Таким образом, одним из главных средств решения глобальных проблем обеспечения международной безопасности были и остаются международные договоры, основой которых являются выработанные международные принципы решения этих проблем.

Ценность этих договоров заключается в том, что они на более высоком уровне, детально и подробно определили международные стандарты в рассматриваемой области.

²¹ Арыстанбекова А. «Глобализация». - Алматы: Дайк-Пресс, 2007. - 304 с.

²² Арыстанбекова А. Монография «Современные тенденции в международных отношениях». Алматы. Дайк-Пресс, 2010. - 364 с. с. 305.

Международные договоры в сфере безопасности требуют действия конкретных механизмов реализации, межгосударственной программы совместных мер борьбы с преступностью, с международным терроризмом, с проявлениями экстремизма, противодействия незаконному обороту наркотиков, участвовать в проектах и программах ООН в правоохранительной сфере, также способствовать мерам, направленным на соблюдение прав, свобод и законных интересов граждан.

Мировому сообществу важно коллективное противостояние угрозам в целях обеспечения международной безопасности.

ЧАСТЬ 2

СЕКЦИЯ «КОНКУРЕНЦИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ ПОРЯДКОВ, РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ ГЛОБАЛЬНОМУ УПРАВЛЕНИЮ»

(модераторы: А.Д. Воскресенский,
Т.А. Шаклеина)

НОВЫЕ ЯВЛЕНИЯ В ФОРМИРОВАНИИ МИРОВОГО ПОРЯДКА: ПЕРСПЕКТИВЫ ДЛЯ РОССИИ

Современное состояние мировой системы характеризуется ослаблением влияния глобальных институтов, самыми представительными из которых можно было бы назвать: из институтов эпохи биполярности - ООН, из новых – ВТО и Группу 20, хотя и с большой натяжкой. Их неэффективность и даже неспособность осуществлять глобальное управление и заметно влиять на развитие событий в разных сферах мировой политики и политики отдельных стран в значительной степени объясняется тем, что США объявили о своем желании и историческом призвании устанавливать глобальный порядок и определять на глобальном уровне ход мирового развития. Такая позиция Соединенных Штатов, поддержанная большим числом стран-союзников и стран, желающих быть частью этой группы, продвижение на глобальные позиции НАТО (пока до конца не осуществленное), серьезно ограничило возможности ООН. Одновременно с действиями США и НАТО заметно росли амбиции ряда крупных государств, которые уже имели или достигли высокого регионального статуса и желали укрепиться на глобальном уровне управления. Речь идет о России, Китае, Индии, Турции, Иране, Бразилии, Японии. Отсутствие каких-либо договоренностей порядкаформирующего уровня между ведущими державами и между ними и сверхдержавой также не способствовало поддержанию статуса ООН, политизировало ее деятельность, снизив еще больше ее эффективность. Хотя в официальных заявлениях роль ООН не отрицалась, на практике все чаще действия совершались в обход этой организации. А сама ООН занимала весьма амбивалентную позицию в вопросах войны и мира, когда речь шла о действиях США и НАТО, имевших далеко не мирный характер и провоцировавших эскалацию военных действий в отдельных регионах. Некоторые растущие державы начали действовать не в интересах глобального и даже регионального мира, а в своих интересах, нередко имевших целью получить выгоду от складывавшейся нестабильной ситуации. Так, Китай и Индия устранились от решения проблемы глобальной угрозы терроризма, отсиживаясь в стороне, наращивая свой военный, торгово-промышленный и валютный потенциал, Турция пошла ва-банк в военных действиях, имея гласную и негласную поддержку НАТО, что не способствовало урегулированию ситуации в Сирии и в целом на арабском Востоке. Отдельные страны стали нелегальным транзитным коридором для транспортировки товаров, оружия, людей между воюющими и вовлеченными сторонами.

Россия оказалась в санкционном кольце: против нее ведется борьба многими игроками в разных сферах. США, НАТО и ЕС ведут борьбу по всем направлениям, включая информационно-идеологическую; Турция фактически вступила в войну с Россией; Китай занимается налаживанием обходных транспортных путей, продвигая проект Большого шелкового пути на суше и на море, не исключено его присоединение к Транстихоокеанскому партнерству, неоднократно обсуждается идея формирования второго сверхдержавного полюса.

Идея полицентричного мира реализуется, однако для успешного функционирования такой системы международных отношений все-таки необходим консенсус между ведущими державами хотя бы по жизненно важным вопросам войны и мира, так как при его отсутствии вряд ли удастся сохранить стабильность и предотвратить дальнейшую эскалацию конфликтов в мире. Проблеме мирового порядка многие страны не уделяют должного внимания в силу разных причин, поэтому стоит остановиться на них более подробно.

Региональные подсистемы и глобальный порядок

Весьма часто, когда речь идет о глобальном порядке, не приводится никакого определения этого феномена, и речь идет об отдельных его составляющих: организациях, договорах, режимах, законах, акторах, отдельных игроках, которые делают что-то заметное в поддержании, создании или разрушении институциональной базы. Представляется, что для предметного обсуждения необходимо опираться на какое-то определение, и в наших работах мы в качестве отправной точки берем определение А.Д. Богатурова, которое почему-то часто игнорируется и вспоминается только его концепция «плюралистической однополярности» середины 1990-х годов, которая требует нового анализа в соответствии с произошедшими и происходящими процессами в сфере формирования мирового порядка. Предлагается следующее определение: *Под порядком понимается система межгосударственных отношений, регулируемых совокупностью принципов внешнеполитического поведения (1); согласованных на их основе конкретных установлений (2); набора признаваемых моральными и допустимыми санкций за их нарушения (3); потенциала уполномоченных стран или институтов эти санкции осуществить (4); политической воли стран-участниц этим потенциалом воспользоваться (5)*⁹⁴.

⁹⁴ Богатуров А.Д. Великие державы на Тихом океане. История и теория международных отношений в Восточной Азии после Второй мировой войны (1945-1995). М., 1996. С. 40. Есть и другие определения, однако, данное определение наиболее полно выделяет все параметры мирового порядка и позволяет лучше разобраться в том, что на самом деле происходит. См. также: Давыдов Ю.П. Норма

Институциональная основа порядка заслуживает отдельного анализа, поэтому остановимся на системе межгосударственных отношений, потенциале и воле отдельных государств, прежде всего ведущих держав, поддерживать или создавать новый мировой порядок (а здесь речь идет именно о мировом – глобальном порядке). Необходимо ответить на вопрос о том, возможно ли формирование какого-либо порядка без воли и потенциала отдельных стран или групп государств.

Можно согласиться с тем, что развитие определенных трендов на региональных или глобальном уровнях объективно подводит участников к оформлению ситуации, к организации отношений между игроками, то есть к упорядочению взаимодействия. При этом в большинстве случаев среди игроков выделяется один самый сильный и инициативный, способный продвинуть наиболее выгодный для себя вариант правил игры. Это может быть как одна страна, группа стран или страны-члены уже существующей организационной структуры, например, США, ЕС, ЕЭС, АСЕАН, Китай, Бразилия, Россия.

Возможен вариант, когда действия отдельных государств противостоят объективным трендам, направлены на создание условий, при которых начинает складываться сценарий такого развития событий, что структурная организация целиком подчиняется интересам одного игрока или одной группы стран. Для этого требуется очень сильный и креативный игрок, имеющий продуманную стратегию, потенциал и механизмы долгосрочных действий, направленных на нейтрализацию любых несовпадающих или противодействующих планов, и неуклонно занимающийся выстраиванием запланированной организующей структуры для тех или иных целей.

На современном этапе таким глобальным игроком являются Соединенные Штаты, с которыми пока никто не может сравниться по способности глобального регулирования и глобального строительства. Хотя мы не можем сказать, что живем в моноцентричном мире, к этому надо двигаться и двигаться, и необязательно такое осуществимо в долгосрочной перспективе. Однако США целенаправленно занимаются строительством такого мирового порядка, ограничивая возможности других держав создавать автономные региональные интеграционные объединения, а точнее, организовывать пространство вокруг себя и/или под своим доминирующим влиянием.

Речь идет о создании региональных подсистем, которые и являются собой полицентричность мира и не позволяют сверхдержаве контролировать его полностью. *Региональная подсистема – это*

против силы. Проблема мирорегулирования. М., 2002. С. 39-40; Баталов Э.Я. Мировое развитие и мировой порядок. М., 2005. С. 71-130.

совокупность государственных акторов, объединяемых географическим фактором (как близостью на материке, так и просторами океана); стремлением к деятельности на основе общих интересов и общих признаваемых институтов (организаций и норм) в сфере экономики и торговли, в сфере безопасности, иногда в политической сфере, в том числе, в сфере мирорегулирования (на предмет превращения подсистемы в монолитный и сильный коллективный центр влияния в мировой политике); близостью исторического опыта и культур (хотя этот фактор не всегда является обязательным, и в будущем может еще более утратить свое значение). Для прочной и перспективной подсистемы необходимо наличие ядра, которым может быть как одно наиболее сильное (по параметрам ведущей державы) и креативное государство, так и система институтов (хотя наличие ведущих стран все-таки очень важно).

Представляется, что не совсем верно говорить о региональных порядках, так как они не живут отдельно от мирового порядка, и их математическое сложение также не образует мирового порядка. Более корректно говорить именно о региональных подсистемах, действующих в рамках существующего или формирующегося мирового порядка. Создать и поддерживать региональную подсистему непросто, не все державы преуспели в этом, хотя и стремятся. А если говорить о США, то они противодействуют любым инициативам по созданию подсистем, так как занимаются строительством глобальной системы под своим контролем. Для этого они тормозят создание Латиноамериканской подсистемы, выдвигая всеамериканские инициативы (НАФТА, АЛКА); реализовывают Транстихоокеанское партнерство, способное лишить любую страну региона возможности создать подсистему под своим началом и контролем, и поглотить уже существующие интеграционные объединения; стремятся утвердить Трансатлантическое торгово-инвестиционное партнерство, чьей частью станет расширенная Европа (ЕС + страны-кандидаты) и появится еще одна трансконтинентальная подсистема, замыкающаяся через США с Транстихоокеанской. Это серьезный масштабный план глобальной организации, где у Соединенных Штатов пока остаются самые мощные рычаги управления. За пределами останутся только Африка и часть континента Евразии, где могут столкнуться организационные интересы России, Китая, Индии, Турции.

Россия уже активно действует по созданию региональной подсистемы (мы называем ее «Малая Евразия», в рамках которой созданы Евразийский экономический союз, ОДКБ, ШОС и др.) [2:287-302], где она является движущей организующей силой и наиболее богатой страной. Китай находится в положении, когда он может двинуться на глобальный уровень, как вторая экономическая держава, договориться с США о правилах игры и совместно с ними заняться общемировой организацией (например,

разрушив договоренности с Россией и нанеся серьезный ущерб ее интеграционным планам). Но у США все равно останется больше рычагов воздействия на мировые процессы, и вряд ли они останутся в оформлении своего глобального господства.

Интересно, что хотя КНР уже опережает США по покупательной способности (имеется в виду, прежде всего, способность скупать чужие долги и активы), имеет огромный золотовалютный запас, сохраняется зависимость Америки от торговли с Китаем по товарам широкого потребления, КНР не отказывается от коммунизма, нарушает права человека, критикует гегемонизм и однополярный мир, американское руководство не называет Китай оппонентом, сдержанно критикует его, соблюдая политическую корректность, приглашает в ТТП. В американском видении мирового порядка КНР называется третьим полюсом вместе с ЕС и Америкой. Китай определяется как «хранитель основ рыночной экономики» в глобальной экономике [6: 167-170; 171-183]. И это говорится о стране, которая антагонистична политически и идеологически, и как неоднократно говорили американцы, «держит за горло США экономически», и разорвать эту связь без ущерба обоим сторонам очень сложно.

А может, нет никакого антагонизма? Может объединяющего эти две страны больше, чем разъединяющего? Поведение Китая в ситуации с антитеррористической борьбой наводит на мысль о том, что и Америка, и Китай являются странами, «наблюдающими издали за происходящими событиями» (хотя американские самолеты бомбят), не желающими слишком много тратить на борьбу как таковую, сопряженную с большими затратами и опасностями. Их территориям пока прямо ничто не угрожает, они будут ждать истощения воюющих сторон и готовы вмешаться на завершающем этапе: американцы военными силами, китайцы в основном деньгами («купим все, что предложат, дадим инвестиции на восстановление на наших условиях»). Получается, что мы имеем дело с двумя довольно эгоистическими державами, хорошо разбирающимися в торговле и кредитовании, имеющими огромные денежные ресурсы для инвестирования в структурные проекты глобального масштаба.

Тот факт, в американской аналитической литературе упорно продвигается идея нового биполярного порядка, Китай называется второй сверхдержавой, говорит о том, что Америка готова начать новое биполярное регулирование. Китай входит в эту роль, хотя и старается завуалировать свои истинные устремления (достаточно ознакомиться с настроениями молодежи, новой китайской элиты, обучающейся в США, которая уже подготовлена к статусу второго мирового лидера). И это происходит в условиях, когда у КНР сохраняются очень серьезные изъяны во всех сферах, они еще не достигли уровня России по многим

показателям, хотя существует мнение, что они оставили Россию далеко позади и в военной, и в космической сферах, и в сфере науки и образования, и в создании арктического флота и т.д. Амбиции не соответствуют потенциалу, а это опасно.

Правда, остается сомнение в искренности США в отношениях с КНР, так как они вряд ли смирятся со вторым полюсом и с биполярностью как окончательным вариантом мирового порядка. Они называли СССР, который был мощнее Китая в качестве сверхдержавы, «колоссом на глиняных ногах». Какой же колосс Китай? Ничего об этом не говорится, но в недрах «мозговых центров», СНБ и Пентагона прорабатываются сценарии нейтрализации Китая, его сдерживания и ограничения его возможностей в будущем. Даже в сценарии возможного конфликта между Россией и Китаем Соединенные Штаты хотели бы сыграть решающую роль в финальной стадии столкновения двух стран, если такое произойдет. Учитывая планы США и Китая, России вряд ли можно надеяться на реальное стратегическое партнерство с восточным гигантом, хотя ситуация в мире и в Евразии меняется столь стремительно, столь опасно, что в планы США могут вмешаться иные игроки и события.

Турция также имеет планы создания своей подсистемы, аналогичной Оттоманской империи (хотя бы частично), поэтому ведет себя агрессивно, наступательно, располагая большой армией, ресурсами, поддержкой НАТО. Индия остается пока в тени, но будучи стратегическим партнером США, может присоединиться к их организационным планам, хотя вряд ли способна занять такие же позиции как Китай и Россия.

Россия в формирующемся мировом порядке

Россия в планах США по глобальной организации занимает особое положение и определяется как «препятствие», что не говорится ни об одной из других ведущих держав мира. Главная причина такого определения, на наш взгляд, заключается в том, что Россия сохраняет потенциал и волю к организации пространства по периметру своих границ и даже за его пределами. Несмотря на существующие сложности в отношениях между Россией и ее соседями – бывшими республиками СССР, в отношениях между отдельными из новых независимых государств, вмешательством внешних игроков в дела стран Центральной Азии, Закавказья и Восточной Европы (ЕС, США, Турция, Иран, Китай), российский проект Евразийской интеграции остается пока наиболее привлекательным для соседних государств.

В Соединенных Штатах и Европе практически невозможно услышать какие-то позитивные комментарии относительно ЕЭС, ОДКБ, ШОС. Они рассматриваются как стремление России восстановить империю, создать противовес НАТО. Отмечается, что Россия получает от такой интеграции

больше выгод, чем остальные страны, что не соответствует реальности, так как Россия как самая богатая страна, больше вкладывает в проект, устанавливает более низкие цены на энергоносители и другое сырье и продукцию, открывает свой более объемный рынок для товаров и потоков рабочей силы. Сложности сохраняются, особенно в условиях санкционной войны против России и падения курса рубля.

Конечно, в международной конкурентной среде страны Евразии рассматривают разные проекты – ЕС, китайские проекты Большого шелкового пути, транспортные проекты для нефти и газа через Турцию. Требуется правильно просчитать выгоду и потери от участия в разных проектах, которые носят в основном торгово-экономический характер, в то время как российские проекты по организации Малой Евразии, дают также гарантии безопасности. А это немаловажно в условиях, когда военные конфликты подступают к границам стран Средней Азии и Закавказья, и не исключено вторжение вооруженных формирований из Афганистана и Турции, террористических групп, активно действует наркобизнес и другие нелегальные виды деятельности.

Попытки затормозить и разрушить российскую подсистему, заблокировать ее расширение осуществляются не только путем проведения широкой информационной кампании со стороны США, Турции, ЕС, но и действиями, которые все более дестабилизируют пространство вокруг России, требуют от нее превентивных мер, а значит, отнимают средства и силы от развития интеграции и укрепления своих позиций. Санкционная политика также мешает интеграции, так как вместе с Россией страдают другие страны Малой Евразии, хотя некоторые из них пользуются моментом и занимаются транзитом запрещенных товаров и продуктов из ЕС. Не совсем честная игра, но в современном мире, где многие страны используют обман и двойные стандарты, такое поведение становится почти нормой.

На карте мира Россия с ее интеграционной системой – подсистемой Малая Евразия не позволяет замкнуть организационное кольцо между Трансатлантической и Транстихоокеанской подсистемами. Ближний и Средний Восток не является жизненно важным для Соединенных Штатов в их стремлении к глобальному управлению. Он либо останется полностью дестабилизированным, разбитым и подконтрольным США, как территория выкачивания ресурсов, либо с разрешения Америки здесь будет создана подсистема под началом Турции или Саудовской Аравии. Обе страны – союзники США, обе имеют амбиции, но пока неясно, удастся ли им усмирить нарастающие противоречия между отдельными странами региона, с Исламским Государством, между суннитами и шиитами, курдами и арабами. Действия США в регионе до конца не раскрыты, возникают сомнения в том, что они действительно хотят стабилизации

региона Ближнего и Среднего Востока. Независимо от их планов, наличие нестабильных территорий таит опасность для самих этих территорий, для России и Европы, но не для Америки или Китая. Вызывает вопросы и удивление, что самые технологически мощные американские ВС не смогли подавить ИГ и тренд на региональную дестабилизацию, а лишь способствовали их масштабному и территориальному росту.

Впереди борьба за влияние в Арктическом регионе, куда стремятся не только арктические страны, но и Китай, Индия, Республика Корея. И опять здесь преобладающее положение пока остается за Россией. После жесткого прессинга на южных направлениях Северный морской путь и акватория Северного Ледовитого океана, куда выходит протяженная российская граница, остаются для нее жизненно важными, поэтому ей придется бороться за сохранение этого региона. О создании подсистемы здесь речь пока не идет, но автономный режим управления и эксплуатации региона устанавливается, пока с участием России [1: 173-180; 2: 205-211; 3: 7-34; 63-85; 204-218].

В формирующемся мировом порядке, который на современном этапе пока выглядит как полицентричный, но не прерывается тренд к формированию американоцентричного порядка, нависающего над этой асимметричной и очень нестабильной полицентричностью. Стабилизироваться полицентричная система вряд ли сможет из-за действий США, уже расшатавших регион Ближнего и Среднего Востока, из-за роста экстремизма, образовавшего по-настоящему сетевую структуру, в том числе, в Европе, из-за нежелания ведущих мировых держав вместе решать эту проблему, забыв на время разногласия политического характера⁹⁵.

Ситуацией воспользовалась Турция, нарушившая нормы международного права, фактически совершившая нападение на Россию. Кто осудил ее? Со стороны ООН не прозвучало внятного осуждения, что еще раз показало не только ее неэффективность, но и отход от основной роли этой организации – хранить мир от войны. Не прозвучало четкой позиции со стороны КНР, Индии, Бразилии (так называемая группа БРИКС), США и стран НАТО. Получилось, что ведущие державы готовы

⁹⁵ В ходе международной конференции «Проблемы глобального управления: экономика, политика, безопасность» профессор И.Д. Звягельская, характеризуя ситуацию на арабском Востоке, отметила, что из-за отсутствия согласованных действий, региональные державы переигрывают глобальных игроков. Очень верная мысль, так как тотальная политизация вопросов безопасности и экономики со стороны США и ведущих стран НАТО, ослабляет их общую позицию, а изоляция России и поддержка ее оппонентов на Востоке ведут к общему поражению в борьбе с терроризмом.

принять акт военной агрессии против России со стороны другого государства, а также и со стороны террористического игрока.

Хотя исторические аналогии проводить не хочется, но ситуация вокруг России наводит на размышления о 1930-х годах, когда европейская дипломатия вела игру против СССР, но не сумела отвести войну от своих границ. Соединенные Штаты тогда не были глобальной державой и не доминировали в мировой политике, но и они не гнушались позиции выжидания, и, дождавшись фактически почти полного разгрома Германии, вступили в войну на континенте и вместе с Советским Союзом определили мировой порядок второй половины XX века. Стоит ли повторяться? Европа и Россия соседи, их границы не закроешь забором до неба от толп мигрантов-беженцев и террористов. Стоит ли ориентироваться только на Америку и надеяться, что она решит все проблемы? Сами американцы не скрывают, что прямой угрозы безопасности США нет, они защищены океанами и вооруженными силами [4]. Кроме того, непреложным правилом американской политики является экономия, наименьшие затраты финансовых и людских ресурсов, максимальное использование «чужих рук» для решения проблем.

Изоляция России продолжается, США и Китай все ближе продвигаются к новой биполярности. Но до тех пор, пока не удастся сковать все инициативы России, лишить ее возможности организовывать пространство вокруг себя и сохранять присутствие и влияние в Арктике, на Дальнем Востоке, в Центрально-Азиатском регионе, в Закавказье и Белоруссии, расширять связи с Латинской Америкой, а главное, обеспечивать свою безопасность, биполярный сценарий вряд ли осуществим.

Нельзя забывать, что Россия также сохраняет *глобальное мышление*, которого пока не просматривается в действиях Китая и Индии. В российском политологическом сообществе не прекращаются споры относительно того, стоит ли России быть глобальной державой, особенно после утраты значительной территории и ресурсов. В пример ставится Китай, который до определенного времени концентрировался на внутренних проблемах, да и сейчас продолжает такую политику, и только после обретения экономической силы стал более активно действовать в международных делах. Но станет ли Китай по-настоящему глобальной державой до конца неясно. И какой глобальной державой он станет? Эгоистичной и агрессивной как США, называющих себя «благожелательной» империей и лидером, или державой, которая «мягко стелет, но жестко сплет»?

Не упоминается того факта, что большая роль в «подъеме» Китая принадлежала США и ведущим странам, которые в поисках дешевой рабочей силы привнесли инвестиции в КНР, способствовали росту

промышленности, открыли свои рынки для товаров, сделанных в Китае, попав в прямую зависимость от обеспечения китайскими товарами. Экономического гиганта создали не только трудолюбивые китайцы и мудрое китайское руководство, жестко контролировавшее все финансовые потоки и умело проводившее реформы, но и западный рыночный капитализм, принесящий капиталы. Сожаления по этому поводу звучат в США, однако до конца неясно, было ли это просчетом американских экономистов и бизнеса, или это была продуманная политика по созданию мощного игрока в Азии, альтернативного и России, и Европе, и Турции. Думается, что ответ на этот вопрос мы скоро получим.

Таким образом, у Китая было время подниматься без давления со стороны других игроков, в удаленности от глобального тренда по разрушению старого порядка и формированию нового, который для России был жизненно важным и отнимал много сил. Да и инвестиций в Россию не пришло, в том числе из-за того, что труд российских производителей оказался дороже китайского и индийского. Отсидеться в стороне у России никогда не получалось, она всегда была в центре мировой политики и остается там до сих пор.

На протяжении всего периода после окончания биполярного порядка неоднократно говорили о разного рода кризисах: это ситуация в Югославии, террористические атаки на США и начало военных операций в Афганистане и Ираке, мировой экономический кризис, кризисы в отношениях России и США, которые так или иначе возводились в ранг мирового значения из-за того, что конфликт происходил между двумя крупнейшими ядерными державами. Конечно, каждый из кризисов, так или иначе, влиял на общий ход мирового развития, так как они затрагивали основы мирового порядка: старого и формирующегося нового. Сложилась амбивалентность в трактовке существующих институциональных основ, в оценке действий разных региональных и мировых игроков, но что самое главное, усилилась приверженность военным действиям и войне в решении глобальных и региональных проблем и в отношении разных стран.

Требуется отдельно выяснять, сложилось ли такая ситуация в результате глобальной деятельности США и НАТО по преобразованию мира (демократизация и смена режимов), или это тренд XXI века, когда память о войне утасла, и люди снова готовы воевать за территории, бывшие амбиции, сырье, восстановление исторической справедливости, ценности и т.д. Возможно, это и то, и другое, когда политика США стала своего рода стимулятором для усиления военного компонента в мировой политике.

Проявилась и другая тенденция: оказывается, полицентричность не устраивает не только США, но и других игроков, которые хотели бы занять преобладающие позиции на глобальном уровне по примеру СССР. Речь идет о Китае, который очень много и часто заявляет о неприятии гегемонии и однополярности, но морально готов стать вторым полюсом, к чему его продвигают и Соединенные Штаты. Неясно, что ожидать от такой биполярности, особенно России, которая может оказаться зажатой между морализаторским Западом и жестко прагматичным Китаем.

А пока разворачиваются тревожные события в Сирии и вокруг нее, когда довольно откровенно проявились амбиции Турции вернуть региональное господство, объединить территории, когда-то входившие в Османскую империю, создать свою подсистему, в которой они будут руководить безраздельно. Да и Саудовская Аравия не прочь организовать регион Персидского залива под своим господством.

Тренд по переконфигурации мира вступил в более активную фазу, и может затронуть и Европу, и Азию. Можно констатировать, что в международных отношениях, пожалуй, наступил реальный кризис, имеющий глобальное и региональное измерения. Появилась угроза полномасштабного регионального конфликта, в который могут оказаться втянутыми США и Россия. Сумеют ли страны подняться над своими амбициями и противоречиями во имя общего мира – вот главный вопрос и нерв исторического момента.

Литература

1. Глобальная безопасность: инновационные методы анализа конфликтов. Под общей ред. А.И. Смирнова. М.: Общество «Знание» России, 2011. – 272 с.

2. Мегатренды. Основные траектории эволюции мирового порядка в XXI веке. Под ред. Т.А. Шаклеиной и А.А. Байкова. **Учебник**. Издание 2-ое, исправленное и дополненное. М.: АСПЕКТ ПРЕСС, 2014. - 448 с.

3. Ситуационные анализы. Выпуск 3: Формирование режимов в отношении новых глобальных вызовов и угроз. Под ред. Т.А. Шаклеиной. М.: МГИМО - Университет, 2013 – 260 с.

4. Ситуационные анализы. Выпуск 2: Великие державы в новом конкурентном пространстве. Под ред. Т.А. Шаклеиной. М.: МГИМО – Университет, 2012 – 277 с.

5. Jones B. Still Ours to Lead. America, Rising Powers, and the Tension between Rivalry and Restraint. Wash., D.C.: The Brookings Institution Press, 2014.

6. Reich S. and Lebow R.N. Good-Bye Hegemony. Power and Influence in the Global System. Princeton: Princeton University Press, 2014. - 190 p.

ОТНОШЕНИЯ КИТАЯ, ЯПОНИИ И ЮЖНОЙ КОРЕИ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ КОНЦЕПЦИЙ «СТРАТЕГИЧЕСКИХ ТРЕУГОЛЬНИКОВ»

В практике исследований международных отношений чаще всего за единицу анализа берутся двусторонние отношения; исследований, объектом которых является взаимодействие сразу трех государств в совокупности, значительно меньше. В то же время представляется, что современные реалии диктуют необходимость возрождения схемы анализа трехсторонних отношений при условии ее корректировки с учетом изменившейся природы международных отношений. Настоящее исследование посвящено рассмотрению трехсторонних отношений не на примере самых влиятельных государств на глобальном уровне, а на примере ведущих игроков региона Северо-Восточной Азии, приобретающего все более весомое значение в рамках мировой системы в целом.

Известно, что отношения между Китаем, Японией и Южной Кореей в настоящее время характеризуются высокой степенью сложности за счет сосуществования тенденций конфронтации и сотрудничества между ними. Одной из задач проведенного анализа была попытка определить перспективы развития данных трехсторонних отношений.

Основной инструмент анализа – концепции «стратегических треугольников», суть которых заключается в рассмотрении отношений между тремя акторами-государствами, выстраивающими свою политику относительно друг друга на основании той или иной логики.

Концепции «стратегических треугольников»

В ходе исследования заявленной темы были проанализированы концепции, разработанные или рассмотренные такими исследователями, как А.Д. Воскресенский, М.А. Троицкий, Л. Диттмер, А. Ивасита, М. Партем. Кратко охарактеризуем их.

Концепция американского исследователя **Л. Диттмера** важна тем, что исследователь выделяет три необходимых условия, которые должны быть соблюдены для того, чтобы конструктор «стратегического треугольника» мог быть сформирован:

1) все три участника «треугольника» должны быть суверенными, то есть способными самостоятельно принимать внешнеполитические решения с учетом их национальных интересов;

2) парные отношения внутри «треугольника» должны в той или иной степени находиться в зависимости от состояния отношений каждого участника из данной пары с третьим участником.

3) каждый индивидуальный участник «треугольника» должен представлять важность для всего конструкта в том смысле что, в случае его отсутствия, стратегический баланс будет сильно изменен⁹⁶.

В основе дифференциации «стратегических треугольников» Л. Диттмера лежит характер отношений между странами-вершинами «треугольника» – они определяются в категориях дружественности (схематично – сплошная линия) и враждебности (пунктирная линия). В результате, ученый обозначает четыре возможных конфигурации «треугольников» (рис. 1):

- «треугольник всеобщего вето» (*unit-veto triangle*),
- «стабильный союз» (*stable marriage*),
- «романтический треугольник» (*romantic triangle*),
- «трояственное согласие» (*Ménage a trois*).

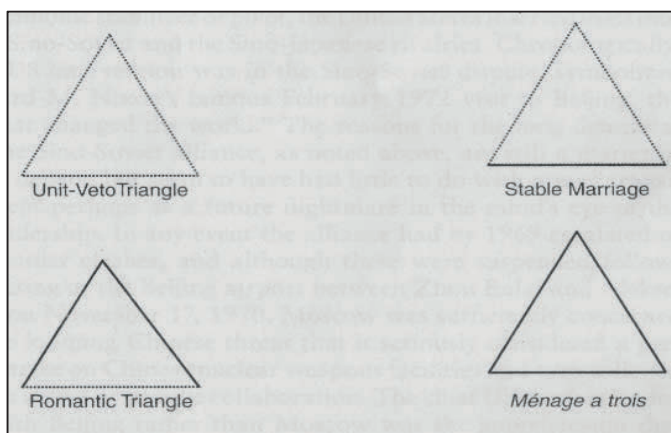

Рис. 1. Логика отношений в «треугольнике» по Л. Диттмеру⁹⁷

Первый «треугольник» – «треугольник всеобщего вето» – характеризуется враждебной настроенностью всех трех участников по отношению друг к другу. Во втором «треугольнике» между двумя участниками установлены прочные, позитивные отношения, а третий становится изгоем. В третьем, «романтическом треугольнике», выделяется лидер, у которого хорошо налажены отношения с двумя другими участниками, в то время как между этими двумя участниками отношения характеризуются более слабой степенью развития или противостоянием.

⁹⁶ Dittmer L. Japan, China, Russia, and the American “Pivot”: A Triangular Analysis //The Troubled Triangle: Economic and Security Concerns for the United States, Japan, and China/ Ed. By Takashi Inoguchi, G. John Ikenberry, - NY: Palgrave Macmillan, 2013. – P. 198.

⁹⁷ Там же. С. 198.

Наконец, в последнем типе «треугольника» отношения дружественные между всеми тремя участниками.

С точки зрения индивидуального игрока, наиболее выгодная роль – это роль лидера в «романтическом треугольнике», далее следует роль т.н. «супруга» в стабильном союзе. Самый неудачный вариант – оказаться в роли изгоя в «треугольнике» типа стабильного союза. По сути, для индивидуального актора его позиция будет тем выгоднее, чем хуже отношения между двумя другими акторами. Игра внутри «треугольника» конкурентна, и всегда существует возможность изменения конфигурации «треугольника», то есть это динамичная, а не статичная структура.

Еще один подход к анализу отношений в «треугольнике» стран был предложен японским исследователем, профессором Центра славянских исследований при Университете Хоккайдо **А. Иваситой**. Суть концепции заключается в разделении межгосударственной политики на так называемую «пограничную политику» (*border policy*) и политику «свободных рук» (*free hand policy*)⁹⁸. «Пограничная политика» (сплошная линия) характерна для государств, имеющих общую границу. В таком случае, они являются непосредственными соседями, между ними возникают определенные проблемы, связанные с разделяемой границей, такие как миграция и территориальные споры. Страны в большей степени зависимы друг от друга, чем при отсутствии общей границы. Кроме того, «пограничную политику»

А. Ивасита характеризует как более независимую и сильную, чем политику «свободных рук» (пунктирная линия). Вторая характеризуется большей свободой, однако же, подвергается влиянию первой, а также факторов вне «треугольника». Политика «свободных рук» имеет место между государствами, не разделяющими общей границы.

А. Ивасита, таким образом, выделяет три основных модели «треугольников» (рис. 1).

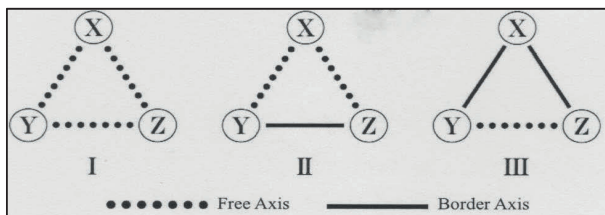

Рис. 1. Типы треугольников согласно А. Ивасите⁹⁹

⁹⁸ Iwashita A. Primakov Redux? Russia and the “Strategic Triangles” in Asia// Eager Eyes Fixed on Eurasia. Russia and its neighbors in Crisis/ Ed. by Iwashita Akihiro, - Sapporo: Slavic Eurasian Studies, 2007. – P. 185.

⁹⁹ Iwashita A. Primakov Redux? Russia and the “Strategic Triangles” in Asia// Eager Eyes

В первом случае, участники находятся примерно в одинаковых условиях. Во втором случае, отношения между Y и Z представляют собой некое «заземление», основу треугольника. Чем отношения между Y и Z хуже, тем лучше для игрока X, и наоборот. То есть в интересах X ослабевание оси Y-Z, в то время как Y и Z настроены на улучшение двусторонних отношений для собственной выгоды. Наконец, третий случай наиболее сложный. Здесь в отношениях акторов преобладают «пограничные отношения». Единственная, более свободная ось формируется между акторами Y и Z. Когда отношения между X и Y или X и Z ухудшаются, отношения между Y и Z, напротив, испытывают подъем. Если же отношения по осям X и Y или X и Z серьезно ухудшаются, это может стать стимулом для Y и Z сформировать союзничество. Это приведет к тому, что X вынужден будет покинуть треугольник в поисках другого партнера.

Кроме того, исследователь выделяет и «смешанную» политику (полупунктирная линия) – для обозначения отношений между странами, имеющими малопротяженную или морскую общую границу. В подобной ситуации двусторонние отношения выстраиваются больше в логике «пограничной» политики, но не полностью, она не играет решающей роли.

Представляется, что территориальная привязка и учет влияния внешних факторов на развитие отношений внутри «треугольника» являясь сильными сторонами концепции А. Иваситы. Вместе с тем, трактовка отношений исходя из географической близости элементов не всегда позволяет детально отразить уровень взаимодействия и взаимовлияния, существующий между теми или иными государствами-вершинами «треугольника». Иными словами, схематичные обозначения, отражающие суть концепции А. Иваситы, в отдельных случаях представляют неполную картину действительности, не передавая отдельных нюансов взаимодействия элементов структуры.

«Стратегические треугольники» оказались также в фокусе российских исследователей. Так, М.А. Троицкий в работе «Иллюзии треугольников в современных отношениях Россия-Запад» выделяет следующие обязательные критерии для проведения трехстороннего анализа:

- Соизмеримость потенциалов участников треугольника;
- Сопоставимость интенсивности и «однородность» взаимодействия (т.е. взаимодействие по проблемам сходного характера) между этими участниками;
- Определенная «замкнутость» системы отношений внутри треугольника, ее самодостаточность относительно внешнего мира¹⁰⁰.

Fixed on Eurasia. Russia and its neighbors in Crisis/ Ed. by Iwashita Akihiro, - Sapporo: Slavic Eurasian Studies, 2007. – P. 186.

¹⁰⁰ Троицкий М.А. «Иллюзии треугольников» в современных отношениях Россия-

В качестве конструктивной критики подхода, предложенного М.А.Троицким, в части равенства потенциалов государств как необходимого условия для возникновения «стратегического треугольника», может выступить концепция «буферного государства», выдвинутая израильским исследователем **М.Партемом**. В рамках этой концепции ученый рассматривает то, как выстраиваются отношения трех государств при условии, что два из них примерно равны по мощи и влиянию, а третий участник несопоставим с ними по этим параметрам и представляет собой гораздо более слабого игрока.

Первые два государства М. Партем называет державами-соперниками (*rival states*), а третье представляет собой буферное государство (*buffer state*). Исследователь также задает условия, которые должны соблюдаться для выделения «буферной системы»: 1) буферное государство располагается между державами-соперниками; 2) державы-соперники примерно равны по силам и имеют существенное превосходство над буферным государством; 3) две крупные державы находятся в постоянном соперничестве между собой с целью получить контроль над буферным государством, в то время как последнее стремится сохранить свою независимость¹⁰¹.

Наконец, ряд важных характеристик «треугольника» выделил профессор МГИМО (У) МИД РФ А.Д. Воскресенский в книге «Россия-Китай-США: переосмысление треугольника»¹⁰². К таким относятся: совпадение в той или иной мере национальных интересов всех трех участников; динамичность этой структуры и ее зависимость от основных приоритетов государств-вершин «треугольника», которым свойственно меняться с течением времени. При этом, нет привязки к территориальной близости или наличию общих границ, как, например, в теории о буферном государстве или в концепции А. Иваситы, что обусловлено спецификой рассматриваемых стран и тем, что исследование профессора А.Д. Воскресенского носило более прикладной характер и в его фокусе был один конкретный «треугольник».

Анализ отношений в «треугольнике» Китай-Япония-Южная Корея

Что касается анализа отношений в «треугольнике» Китай-Япония-Южная Корея с использованием конкретных моделей, представляется, что

Запад. [Электронный ресурс]: Международные процессы. – Режим доступа: www.intertrends.ru/two/009.htm. (Дата обращения 20.02.2015).

¹⁰¹ Partem M. The buffer system in international relations / M. Partem //Journal of Conflict Resolution. – March, 1983. – Vol.27. – P. 3-5.

¹⁰² Voskressenski A. New Dimensions in the Triangle: the Post Cold War Russian-Chinese-U.S. Relationship//Russia-China-USA: Redefining the Triangle/ed. by A.D.Voskressenski. – New York: Nova Science Publishers, 1996. – 268 p.

целесообразнее всего опираться на схемы, предложенные Л. Диттмером и А. Иваситой, учитывая при этом их недостатки, выявленные ранее. Это объясняется универсальностью данных теорий, в том смысле, что они не привязаны к конкретному региону; а также наличием определенного инструментария, которым мы можем пользоваться для построения модели взаимодействия интересующей нас «тройки».

Применить модель М. Партема также не представляется возможным, так как наш конкретный исследовательский случай не удовлетворяет основным требованиям этой модели – среди рассматриваемых трех стран нет такой, которая бы соответствовала параметрам буферного государства.

Таким образом, с точки зрения модели Л. Диттмера, основу которой составляют отношения дружественности и враждебности между государствами «треугольника», рассматриваемый «треугольник» представляет собой «стабильный союз», где между Китаем и Южной Кореей установлены дружественные связи, а Япония находится в позиции т.н. «изгоя» (рис. 1).

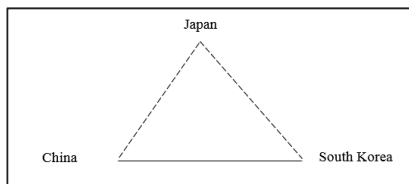

Рис.1. «Треугольник» Китай-Япония-Южная Корея по модели Л. Диттмера

К основным факторам, ухудшающим положение Японии, относятся периодически обостряющиеся территориальные споры с двумя другими участниками треугольника, проблемы исторической памяти; стремление Японии повысить свою роль и влияние в регионе неизбежно сопряжены в представлении соседствующих стран с угрозой возрождения японского милитаризма. Все это определяет японо-китайские и японо-южнокорейские отношения как враждебные в рамках концепции Л. Диттмера.

При этом между Китаем и Южной Кореей наблюдаются дружественные отношения, а существующий территориальный конфликт не имеет такого сильного резонанса, как в случае с островами Сенкаку/Дяоюйдао и Такэсима/Токто. Как показывают опросы¹⁰³, общественное мнение корейцев и китайцев по отношению друг к другу

¹⁰³ 第10回日中共同世論調査 (10й опрос общественного мнения в Китае и Японии, 2014). [Электронный ресурс]: Сайт организации Генрон. – Режим доступа: <http://www.genron-npo.net/world/genre/tokyobeijing/10-7.html>. (Дата обращения 7.12.2014); 第二回日韓共同世論調査(2-й опрос общественного мнения в Японии и Южной Корее, 2014). [Электронный ресурс]: Сайт организации Генрон. – Режим доступа: <http://www.genron-npo.net/world/genre/cat212/post-287.html>

достаточно позитивное, экономические связи хорошо развиты, а в ноябре 2014 г. главы двух стран договорились о создании зоны свободной торговли, что стало успешным результатом начавшихся в 2012 г. Напомним, что Япония также начинала переговоры о ЗСТ с Южной Кореей, но еще в 2004 г. этот процесс застыл и до сих пор не получил развития.

«Треугольник» Китай-Япония-Южная Корея по схеме А. Иваситы выглядит следующим образом:

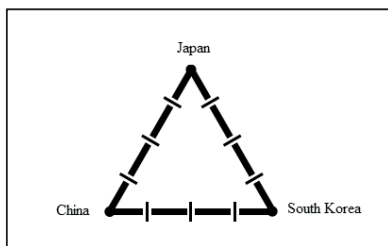

Рис.2. «Треугольник» Китай-Япония-Южная Корея по модели А. Иваситы

Представляется, что данная модель недостаточно информативна. Действительно, границы между всеми тремя государствами морские, а потому на схеме выглядят одинаково (полупунктирная линия). Это не отражает тот факт, что территориальный спор между Китаем и Южной Кореей играет менее важную роль в китайско-южнокорейских отношениях и не оказывает на их развитие такого влияния, как территориальные споры между Японией и Китаем, Японией и Южной Кореей, развитие и исход которых напрямую связан с национальными интересами каждой из стран.

По этой причине при анализе китайско-японо-южнокорейских отношений целесообразнее использовать концепцию Л. Диттмера, но полезно дополнить ее некоторыми нюансами концепции А.Иваситы. Во-первых, это влияние внешних факторов. В сравнении с отношениями, выстраиваемыми на основе «пограничной» политики, отношения, основанные на «смешанной» политике, более подвержены влиянию извне. В анализируемом нами регионе в роли главного внешнего фактора выступают США: Япония и Южная Корея являются союзниками США, Китай же заинтересован в создании противовеса американскому влиянию в регионе. Таким образом, каждый из игроков в той или иной мере при принятии своих внешнеполитических решений «оглядывается» на США. Во-вторых, это стоящее за такой «смешанной» политикой отсутствие политической воли для решения насущных вопросов двусторонних отношений. Границы второстепенны при подобной модели взаимодействия, а потому разрешение, например, территориальных споров не представляет собой срочной и жизненно важной задачи до тех пор, пока они не препятствуют развитию в иных сферах. В результате, споры

затягиваются и остаются неразрешенными – то, что мы наблюдаем на примере государств Северо-Восточной Азии сегодня.

Таким образом, исходя из проведенного анализа и с учетом основных особенностей, можно выделить следующие возможные варианты развития отношений в «треугольнике»:

- *сохранение относительного статус-кво*: отношения, выстроенные по типу «стабильного союза», где китайско-южнокорейские отношения развиваются в более позитивном ключе, чем японо-китайские и японо-южнокорейские, осложненные интенсивными территориальными спорами и проблемами исторического прошлого. При этом, сохраняется соперничество за лидерство между Японией и Китаем, влияние США как внешнего фактора и недостаток политической воли для разрешения основных противоречий между странами. Представляется, что в ближайшее время отношения в «треугольнике» будут развиваться именно в этом ключе – спорные вопросы останутся неразрешенными, но шаги по углублению интеграционных процессов будут идти, хотя и очень медленно, как сейчас мы видим на примере трехсторонних саммитов и встреч по ЗСТ.

- *заяятие лидерской позиции Японией*. Представляется как наименее вероятный вариант в ближайшем будущем. Потребуется либо разрешения территориальных споров и проблем интерпретации итогов Второй мировой войны, либо их значительную «деинтенсификацию» - для этого необходима не только политическая воля и пересмотр механизмов мобилизации поддержки населением властей, но и длительное время для изменения представлений населения друг о друге. Необходима переориентация южнокорейского внешнеполитического курса с Китая на Японию. Кроме того, открытым остается вопрос конкурентоспособности японской экономики, пока находящейся в стагнации, по сравнению с динамично растущим Китаем, также имеющим свои проблемы, но энергично наращивающим экономический, научный, инвестиционный потенциал.

- *«стабильный союз» Японии и Южной Кореи*. Предполагает налаживание японо-южнокорейских отношений при одновременном серьезном ухудшении китайско-южнокорейских отношений и сохранении напряженности в отношениях Китая и Японии. Более радикальная модификация предыдущего сценария, поскольку у Южной Кореи гораздо больше принципиальных разногласий с Японией, чем с Китаем.

- *установление лидерства Китая*. Оценивается автором данного исследования, как возможный, но не долговечный вариант. Осложняется опасениями соседних стран по региону по отношению к стремительному росту Китая, наращиванию им военной мощи, его наступательного поведения в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях. Также в

рассматриваемой «тройке» стран Китай единственный имеет недемократическую политическую модель. Наконец, пока сложно представить сценарий, при котором Япония добровольно бы уступила лидерство Китаю, тем более, что ресурсы для поддержания соперничества у японской стороны есть. Необходимо учитывать и внешний фактор США, которые попытаются предотвратить подобный исход, воспользовавшись связями с Японией и Южной Кореей – своими главными союзниками в Восточной Азии.

- *выход Южной Кореи в лидеры* за счет ее посредничества между соперничающими Китаем и Японией. Этот сценарий мог бы быть реализован при одновременном налаживании китайско-южнокорейских и японо-южнокорейских отношений при усиливающемся противостоянии по линии Китай-Японии – т.е. установление модели «романтического треугольника» с Южной Кореей на главной вершине. Тем не менее, пока Южная Корея наименее экономически сильная из «тройки», что говорит о недостаточности ее лидерского ресурса в данной конфигурации.

В целом, можно констатировать, что в ближайшее время вопрос соперничества и существования двух лидеров в регионе вряд ли будет решен; однако это вовсе не означает, что интеграция в регионе в части формирования ЗСТ на начальном этапе невозможна. Как представляется, процессы объединения будут идти, но, как и прежде, в медленном темпе. Принципиальные споры вокруг территорий и истории сохранятся, но возможно их некоторое «остывание» на фоне новых шагов по нормализации трехсторонних отношений и возобновлению трехстороннего диалога, предпринятых странами «тройки».

Вместе с тем, представляется, что коренное изменение ситуации возможно лишь в результате качественных изменений в регионе (скорее всего, под влиянием КНР как наиболее энергично развивающейся страны с сильнейшим потенциалом), либо же под влиянием внешнего фактора (скорее всего США за счет их союзнических отношений с Японией и Южной Кореей, а также внушительного военно-политического присутствия в регионе).

**МАРШРУТЫ ШЕЛКОВОГО ПУТИ:
БЕЗОПАСНОСТЬ И ИНТЕГРАЦИОННЫЙ
ПОТЕНЦИАЛ ГОСУДАРСТВ**

Безопасность в контексте нового Шелкового пути

Идея возрождения Шелкового пути в последние годы привлекала научный интерес. Страны стремятся загружать пути сообщения потоком своих товаров (услуг) и товаров других стран, несмотря на наличие альтернативных маршрутов. Исследователи пишут об угрозах потери контроля международных транспортных коридоров, изоляции транспортных путей [7, 22]. «Транспортное измерение» угроз национальной и международной безопасности становятся все более актуальным. Концепция национальной безопасности России предусматривает «формирование единого транспортного пространства» и «эффективной транспортной инфраструктуры», «создание мультимодальных транспортно-логистических узлов» [10].

Каковы же характеристики интеграционного потенциала государств, а также его связь со способностью обеспечивать безопасность на международных маршрутах.

Наблюдается рост угроз со стороны террористов, способных создать опасность срыва поставок по имеющимся и создаваемым маршрутам. Идет выбор маршрутов, наиболее защищенных от угроз терроризма. Возникают и так называемые «крипто-угрозы» (прямые и косвенные) транспортной безопасности [1].

Возникает и глобализированное измерение безопасности. Китайские проекты Шелкового пути вступают в противостояние с концепциями США, насыщающими представлениями об особых стратегических сценариях развития данной мировой державы. Оживляются геополитические идеи Х. Дж. Маккиндера в связи с усилением роли Центральной Азии (ЦА). Восточный (китайский) «поворот» России в 2014–2015 гг. добавляет новый «вес» в балансировке стратегического соотношения сил. В обеспечении евроатлантической мощи США и НАТО могут возникнуть «трещины», если маршруты Шелкового пути привяжут часть Европы к международным транспортным коридорам Китай – Центральная Азия – Россия. Данные проекты помогают выстраивать партнерства со своей (евразийской) системой ценностей и альтернативной инфраструктурой.

Как показывает практика ШОС, деятельность России, Китая, Ирана, Ирака, Сирии в условиях обособления антитеррористической коалиции США, складываются разные международные стратегии борьбы с

терроризмом и наркотрафиком. Мир начинает сравнивать альтернативные евроатлантические, арабские и евро-азиатские стратегии международной безопасности.

Если говорить о транспортно-логистическом наполнении таких стратегий, то китайский мега-проект «Один пояс, один путь» намечает несколько подпроектов по освоению разных маршрутов: сухопутных, морских, «смешанных». В частности, это два объемных подпроекта, сопровождаемых конкурсным финансированием: континентальный «Экономический пояс Шелкового пути» и «Морской шелковый путь». Первый из них предполагает сухопутные маршруты: северный – «КНР–Казахстан–Россия–Белоруссия–Европа» и южный «КНР–ЦА–Иран–Турция–Европа». Пример «смешанного» маршрута – «КНР–ЦА–Азербайджан–Грузия–Турция–Европа» (через Каспий). «Один пояс, один путь» способен включить в себя также Северный морской путь, контейнерный маршрут «Урумчи–Челябинск», китайско–монгольско–российский экономический коридор и др.

Идея нового Шелкового пути неоднократно преподносилась в разных политических контекстах в Вашингтоне, Токио, Стамбуле. Были и проекты пути, минуя Китай и Россию. В июле 2011 г. во время американо-индийского стратегического диалога (Ченнаи, Индия) госсекретарь США Х. Клинтон озвучила идеи подобных проектов [13]. В России появились проекты Единой Евразийской инфраструктурной системы, Транс-Евразийского пояса Razvitie (ТЕПР) [15]. Но китайский проект «Экономический пояс Шелкового пути» приобрел особое значение.

Вырисовывается и глобальный контекст. Проекты США по новому Шелковому пути, скорее, тактический ход, способствующий отвлечению некоторых стран от российских и китайских инициатив. Особенно на фоне глобальных проектов Транс-Тихоокеанского (ТПП) и Транс-Атлантического торгово-инвестиционного партнерств (ТАТИП). Барак Обама заявил: «Мы не можем позволить странам вроде Китая писать правила глобальной экономики. Мы должны писать эти правила». Лауреат Нобелевской премии Дж. Стиглиц отметил: «Договоры [о Транстихоокеанском и Трансатлантическом торговых партнерствах] простираются намного дальше сферы торговли, инвестиций или интеллектуальной собственности. ... Причем на эти соглашения нельзя повлиять: их невозможно проконтролировать посредством демократических институтов... Сегодня подобные сделки все чаще называют «партнерствами», но эти партнерства не являются равноправными: их условия диктуют США» [11].

Китайский проект может выступать как альтернатива этим глобальным инициативам США. Если не строить такой самостоятельный проект, Китаю, как, впрочем, и России, придется оставаться в стороне от

оживленных магистралей или включаться в транспортно-экономическое пространство по правилам США [11].

Проверяется гипотеза: в проекте «Экономического пояса Шелкового пути» интеграционный потенциал государств влияет на обеспечение безопасности, а оценка безопасности, в свою очередь, показывает привлекательность северных маршрутов через Россию, в том числе, маршрута Китай – Казахстан–Россия–Белоруссия, по сравнению с начавшими работать в 2015 г. южными континентальными маршрутами, как и морским путем доставки энергоносителей из районов Ближнего Востока в порты КНР.

Интеграционный потенциал государств можно определить как совокупность ресурсов и средств (военно-политического, дипломатического, экономического, технологического, культурного, информационного характера), дающих возможность прямого и косвенного влияния на обеспечение безопасности обществ и проектов международной интеграции.

Индексы, используемые для измерения интеграционных потенциалов, можно разделить на: 1) характеризующие прочность режимов государств, участвующих в региональной интеграции, прямо влияющих на внутреннюю безопасность и интеграцию общества, а опосредованно – на безопасность в региональной интеграции (индекс государственности, индекс внутренних и внешних угроз); 2) характеризующие способность государств прямо влиять на участие в интеграции и вовлечение в нее другие государства, на привлекательность и безопасность международной интеграции (отнесение государств к великим державам, потенциал международного влияния, взаимодополнение экономик и политик, предложение выгодных территориально-логистических схем, институциональная барьерность и др.).

Индексный дизайн безопасности интеграционных проектов

Индекс государственности определяет способности государства обеспечивать самостоятельное решение внутренних и внешних задач [8, 71]. Он включает в себя экономические и политические показатели. *Политические* показатели – *время существования суверенной государственности, наличие и масштабы жертв во внутренних конфликтах, их влияние на стабильность режима, сепаратизм, наличие на территории иностранных военных контингентов, доля доминирующего этноса в структуре населения*. Эти показатели отражают степень консолидированности общества, ослабление способности проведения государством самостоятельной политики. Стоит добавить показатели *степень выраженности национальных интересов* (в государственных документах и политике), *эффективность служб безопасности*

(предотвращение терактов, борьба с наркотрафиком, ликвидация чрезвычайных ситуаций).

Индекс внешних и внутренних угроз используется нами, исходя из логики, что государство, подверженное значительным угрозам, ослабляется и теряет часть интеграционного потенциала. Индекс включает в себя переменные: *угрозы территориальной целостности, экономические угрозы, угрозы безопасности человека, экологические угрозы и природные катастрофы* [8, 84–108]. Целесообразно дополнить этот индекс переменной «*угрозы информационной безопасности*» (вредоносные программы, кибер-атаки, радиоэлектронная разведка, негативный контент, информационный спам).

С индексом государственности и индексом угроз коррелирует *индекс потенциала международного влияния*, включающий в себя ряд показателей. В том числе, *экономический потенциал* (доля в суммарном мировом валовом продукте, доля в мировом экспорте товаров), *участие в международных структурах* (наличие статуса постоянного члена СБ ООН, взносы в регулярный бюджет ООН, доля голосов при принятии коллективных решений МВФ, членство в Парижском клубе-кредиторов), *военно-силовой потенциал* (военные расходы, численность регулярной армии, наличие ядерного оружия, наличие истребительной авиации последнего и предпоследнего поколения, постоянное размещение за рубежом значительных контингентов – более 500 военнослужащих), *человеческий потенциал* (наличие нобелевских лауреатов, доля населения страны от общей доли населения мира) [5]. Можно добавить к характеристике военно-силового потенциала *оснащение вооруженных сил новой техникой, проведение учений, наличие космических войск и киберподразделений*, а человеческого потенциала – *долю граждан, имеющих высшее образование, количество международных патентов на изобретения, полученных гражданами данного государства, количество школьников и студентов, побеждающих в международных научных олимпиадах, квалификацию иностранных рабочих*.

Разрабатываются оценки *великодержавности* государств [14], показатели *комплексной мощи государства* (экономическая, научно-техническая и военная мощь, ресурсы социального развития, регулирующая мощь правительства, сила дипломатии, динамика комплексной мощи государства) [9, 9], которые можно использовать при измерении интеграционного потенциала.

Важны показатели *взаимодополнения экономик и политик государств*, что прямо влияет на развитие и наполнение транспортных коридоров. Так, развитый ВПК России позволяет заинтересовывать партнеров с помощью предложений современных видов вооружения, комплектующих частей, специалистов, лицензий, организации международных выставок. Известен

эффект взаимодополнения на примере поставок энергоносителей из России и стран ЦА в Китай, китайских инвестиций в разработку месторождений, переработку сырья, создание инфраструктуры в данных странах. В июне 2013 г. НОВАТЭК и Китайская национальная нефтегазовая корпорация подписали соглашение о сотрудничестве по проекту «Ямал СПГ», заключение долгосрочного контракта на поставку китайским агентам не менее 3 млн тонн сжиженного природного газа (СПГ) в год. Проект предусматривает строительство завода по производству СПГ мощностью 16,5 млн тонн в год на базе Южно-Тамбейского месторождения (доказанные и вероятные запасы месторождения составляют 907 млрд кубометров). Лидерство России в атомной энергетике и залежи урана в ЦА – это также пример взаимодополнения экономик и политик. 8 мая 2015 г. В.В. Путин и Си Цзиньпин подписали Совместное заявление о сотрудничестве по «сопряжению» строительства ЕАЭС и «Экономического пояса», а вслед за ним более 40 соглашений, стимулирующих создание энергетических, транспортных, торговых, информационных «коридоров».

Серьезный показатель интеграционного потенциала – *способность предлагать территориально-логистические схемы* для трансграничных коридоров. Так реализация проекта «Ямал СПГ» предполагает создание инфраструктуры, включающей морской порт и аэропорт, также дополнительно перевалочную базу в бельгийском Зебрюгге для доставки газа в страны АТР, используемую, когда будет затруднено движение по Северному морскому пути. Проектируется магистраль «Северный широтный ход» – железная дорога 707 км Обская-2–Салехард–Надым–Коротчаево. Планируется продолжить магистраль на восток: Коротчаево–Русское–Ермаково–Игарка. Общий объем перевозок к началу эксплуатации может составить 23,9 млн тонн в год (грузы ряда крупных компаний), в том числе, и в Северо-Западном направлении. В Свердловской области создается центр трансграничной электронной коммерции. Одной из площадок центра может стать терминал «Чкаловский» (аэропорт Кольцово). Реализовано несколько инфраструктурных проектов с китайскими партнерами. Екатеринбург и Харбин (КНР) связаны регулярными пассажирскими и грузовыми авиарейсами; в Кольцово действует пункт международного почтового обмена с Харбином [6]. Также в Челябинской области создается логистический центр для маршрута Урумчи–Челябинск, к которому будут подключены многие экономические субъекты региона.

Интеграционный потенциал в плане логистической эффективности страдает от чрезмерной институциональной (административной и технической) барьерности. В литературе отражено влияние административных барьеров на развитие бизнеса, доступность ресурсов

для хозяйствующих субъектов [4, 55–60]. Но для нас в данном случае интересны барьеры, ослабляющие трансграничные транспортные связи. В перевозках наземным транспортом административная барьерность повышается в связи с чрезмерностью пограничных регуляций и технических ограничений, злоупотреблением сотрудниками служб. Несовершенство «вертикальных» регуляций проявляется как несогласованность норм по упрощению процедур трансграничной торговли, длительный пограничный контроль, транзитные пошлины, существенно повышающие стоимость перевозок, сложность национальных таможенных правил на всем маршруте, двойное налогообложение автомобилей и др. Техническая барьерность проявляется как отсутствие единых стандартов, которым должны соответствовать автомобили, частая перегрузка товаров, проверка и разгрузка транспорта на границе, необеспеченность безопасности для водителей и сохранности грузов на маршрутах [2]. По данным Международного союза автомобильного транспорта (IRU), до 30% от стоимости фрахта на маршрутах евроазиатской автотранспортной инициативы (NELTI) уходит на неофициальные платежи различным контролирующим инстанциям [12].

Часть названных показателей отражена в глобальном рейтинге логистической эффективности. Необходимо сопряжение данных показателей с индексом внешних и внутренних угроз, а также с показателями «интеграционные нормы» и «опыт интеграционной практики», которые мы сейчас не рассматривали. Показатели интеграционного потенциала помогают сравнить, в частности, маршруты «Экономического пояса Шелкового пути». Например, через ЦА и Иран проходит действующая с октября 2015 г. железная дорога «Западный Китай–Турция». Несмотря на логистическую привлекательность, некоторые ее участки могут подвергаться реальной угрозе нападения экстремистских группировок из Афганистана, Пакистана, Ирака, Сирии, Турции. Военная доктрина Казахстана указывает на такую угрозу [3]. Просматривается снижение интеграционного потенциала государств на данной магистрали. В плане безопасности она уступает транспортным коридорам через Казахстан, Россию, Белоруссию.

Предстоит разработка комплексного индекса интеграционного потенциала государств на траектории Шелкового пути. Это – перспективное направление исследования. Представленные индексы требуют еще проработки с помощью корреляционного и дискриминантного анализа, чтобы определить релевантность и вес каждой представленной переменной. Простейшая модель комплексного интеграционного потенциала может быть представлена в виде формулы: *Ind. гос. – Ind. угроз + Ind. влияния + Ind. взаимодополнения – Ind.*

барьерности + Ind. норм + Ind. опыта интеграции. Остается проблема перевода значений переменных в сопоставимые единицы измерения.

Литература

1. Der Fall Silk Road: Sechseinhalb Jahre Haft für Korrupter DEA-Ermittler // Der Spiegel. Online Netzwelt. 20.10.2015.
2. Вестник представительства Международного союза автомобильного транспорта в Евразии. 2010. № 4 (45).
3. Военная доктрина Республики Казахстан. Утв. Указом Президента Республики Казахстан 11 октября 2011 г. № 611.
4. Манушин В.Д. Административные барьеры в российской экономике как условия, способствующие существованию коррупции, и меры по их устранению // Актуальные проблемы экономики и права. 2014. № 4 (32).
5. Мельвиль А.Ю. Россия в мировых рейтингах: перезагрузка // Диалог. URL: dialog.ua/issue/full.php?m_id=8506 (дата обращения 13.04.2015).
6. Первый шаг к экономическому поясу нового шелкового пути: Создание на Урале центра трансграничной электронной коммерции // <http://www.nakanune.ru/news/2015/9/15/22414672/#sthash.m6NxVybv.dpuf> (дата обращения 55.01.2015).
7. Подберезкина О.А. Эволюция значения международных транспортных коридоров в мировой политике на примере России. Автореф. дисс. ... кандидата политических наук. М., 2015.
8. Политический атлас современности / Рук. науч. кол. А.Ю. Мельвиль. М.: МГИМО, 2007.
9. Портяков В.Я. К вопросу о комплексной мощи Китая: подходы, к оценке, структура, динамика, перспективы // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Вып. XIX. М.: ИДВ РАН, 2014.
10. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации. Утв. Указом Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683.
11. Тренин Д. «Россия – в первой «тройке» по геополитике и военной силе, в «десятке» по экономике, в другом гораздо слабее». URL: <http://www.znak.com/moscow/articles/30-12-14-50/104917.html> (дата обращения 5.01.2016).
12. Флоря В.А. Как избавиться от административных барьеров // ТрансМиссия. Вестник представительства Международного союза автомобильного транспорта в Евразии. 2010. № 4 (45). URL: www.irueapd.org (дата обращения 16.09.2015).
13. Хиллари Клинтон: концепция «Нового Шелкового пути» – элемент долгосрочной стратегии. URL: <http://www.regnum.ru/news/polit/1597322.html> (дата обращения: 18.01.2015).
14. Шаклеина Т.А. Великие державы и региональные подсистемы // Международные процессы. 2011. № 2. Май–август.
15. Якунин В.И., Садовничий В.А., Осипов Г.В. Интегральный проект солидарного развития на Евро-Азиатском континенте (научно-практическая концепция). М.: ИСПИ, 2014.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ГЛОБАЛЬНОГО КРИЗИСА: ПРОБЛЕМЫ И ПРОТИВОРЕЧИЯ

Ключевым моментом в обострении политической ситуации в мире стал выход Китая в лидеры мировой экономики по ряду ключевых параметров¹⁰⁴. Следует предположить, что закономерностью глобального политического развития ныне становится своеобразное «перенесение конфликтов». Так, активное вытеснение Китаем США с азиатских рынков вызвало резкую реакцию Вашингтона в других регионах в надежде переломить ситуацию и перехватить инициативу.

Во-первых, США резко активизируют усилия по созданию ЗСТ с ЕС¹⁰⁵, отодвинув Россию от мейнстрима интеграционных процессов. При этом началось заметное сближение России с Китаем. Во-вторых, США энергично надавили на Бразилию и Аргентину, которые последние десятилетия следовали самостоятельным курсом во внешней политике. В частности, Аргентина по искам, рассмотренным в американских судах, должна заплатить астрономические суммы частным инвесторам¹⁰⁶. С другой стороны, США выдвинули обвинения в коррупции и непрозрачности против главной бразильской нефтяной компании «Петробраз»¹⁰⁷.

Наконец, вершиной американского контрнаступления на внешнеполитическом фронте глобального противостояния стала организация государственного переворота на Украине 21 февраля 2014 года по обветшавшим сценариям ультраправых переворотов в Латинской Америке эпохи становления неолиберальной политики. Однако показная, декоративная острота конфликта на Украине была призвана скрыть масштабы колоссального поражения США и их союзников в Сирии, где арабские монархии Персидского залива (в частности Катар) спровоцировали гражданскую войну, унесшую сотни тысяч жизней. Экономический аспект интервенции Запада и Катара¹⁰⁸ в Сирию очевиден:

¹⁰⁴ Китай обходит США. Газета.Ru

8.10.2014 // www.gazeta.ru/business/2014/10/08/6254453.shtml

¹⁰⁵ Лавут А. А. Мегаблоки – вызов для Латинской Америки // Латинская Америка, 2014 №6, с. 47-76.

¹⁰⁶ Едовина Т. Аргентина уплатит долги любой ценой // Коммерсантъ, №148, 21.08.2014, с. 5

¹⁰⁷ Президент Бразилии: Дело Petrobras уничтожает "культуру безнаказанности" в стране // <http://www.rosbalt.ru/main/2014/11/17/1338240.html>

¹⁰⁸ О роли Катара в политических процессах на Ближнем Востоке см.: Васильев Н. Н., Коротчаев А. В., Исаев Л. М. Военные вновь у власти? Выборы в Египте // Азия и

строительство прямого газопровода из Катара в Европу по кратчайшему маршруту и решительное вытеснение России с важнейших сырьевых рынков.

Запах нефти на современном этапе глобального конфликта подчеркивает возможный провал «сланцевого эксперимента», предложенного мировому сообществу президентом Дж. Бушем-младшим. В январе 2015 года произошло знаковое событие – разорение первой компании, занимавшейся добычей сланцевого газа, вызвавшее сильнейшее беспокойство во всей американской элите.

Другое проявление обострения глобального противостояния – изменение политической конфигурации в ряде европейских стран. В Великобритании началось формирование четырехпартийной системы, на что указывает победа Партии независимости Великобритании¹⁰⁹ на выборах в Европарламент, а также знаковая победа шотландских националистов на последних парламентских выборах. В этом контексте интересна решительная попытка традиционных лейбористских течений покончить с неолейборизмом Т. Блэра и Г. Брауна.

Второе серьезное потрясение в Европе – это выход в лидеры партийного противостояния в Франции Национального Фронта во главе с М. ле Пен¹¹⁰. Сильно драматизировал ситуацию и трансформировавшийся расклад сил на выборах в Германии. Левые силы на выборах в Бундестаг в 2015 году получили большинство, но в силу своего раскола уступили первенство ХДС/ХСС и А. Меркель. Но при этом левые добились большинства в кабинете министров, принятия своей программы, в том числе о постепенном введении значительной и учитывающей экономическую конъюнктуру минимальной заработной платы¹¹¹.

Европейская нестабильность усиливается и другими тревожными для стратегии США моментами. Так, в Италии впервые победу одержала Демократическая партия, во многом наследница Компартии Италии, но, в отличие от коммунистов, сумевшая консолидироваться во властных структурах. И если левая Демократическая партия получила 40,8%, то следующая за ней антисистемная полуанархическая партия-движение «Пять звезд» - 21,2%¹¹², а это означает начало формирования

Африка сегодня, 2014, №10, с. 4.

¹⁰⁹ Авилова А., Гутник А., Квашнин Ю., Оленченко В., Тоганова Н, Трофимова О., Выборы в Европарламент–2014 // Мировая экономика и международные отношения. 2014. № 11. С. 8

¹¹⁰ Там же, с. 14

¹¹¹ См.: Стрелец М. В., Морозова Н. Н., Германия после парламентских выборов 2013 // Современная Европа, 2014, №3, с 77-89

¹¹² Авилова А., Гутник А., Квашнин Ю., Оленченко В., Тоганова Н, Трофимова О., Выборы в Европарламент–2014 // Мировая экономика и международные отношения. 2014. № 11. С.15.

альтернативной линии, направленной против бюрократических партийных кланов и давления Брюсселя.

В Греции первое место в 2014 году получило левое альтернативное движение СЕРИЗА, которое выступает за списание госдолга и отказ от кредитного соглашения с МВФ, ЕЦБ и Европарламентом¹¹³. Несмотря на отход СЕРИЗА от первоначальной жесткой линии и распад широкой левой коалиции, можно говорить об углублении политического кризиса в Греции.

Экономическое наступление Китая и его успехи на международных рынках сопровождаются традиционной умеренностью в сфере политики. Призывы лидеров Китая, в частности Дэн Сяопина, «избегать солнечного света, скрывать намерения в тени»¹¹⁴ реализуются последовательно и скрупулезно. Так, Китай на страницах «Жэньминь Жибао» опроверг сообщение о выходе страны на первое место в мировой экономике по ряду ключевых позиций. При этом, во-первых, очевидно доминирование Китая в Африке¹¹⁵, колоссальное увеличение торговли с Бразилией и Венесуэлой¹¹⁶, резкое расширение торгово-экономических отношений с Индией. Во-вторых, Китай приобрел часть громадного госдолга США, что дает ему право голоса в решении стратегических мировых проблем. Наконец, Китай принял такую программу перевооружения армии, которая уже в ближайшие десятилетия позволит ему открыто конкурировать с США.

Следует напомнить, что политическая стратегия КПК – это медленное наступление, демонстративное затягивание решающего удара, но затем – внезапная и всеобъемлющая победа. Эта стратегия была блестяще применена во время гражданской войны с Гоминьданом и вполне может быть применена в глобальном конфликте. Политическая победа над соперником была одержана раньше, чем военная¹¹⁷.

Особенностью современного глобального конфликта является даже не балансирование на грани холодной войны, а его «горячий» характер. Как отмечал Папа Римский Франциск I, началась «частичная мировая война»¹¹⁸.

¹¹³ Там же, с. 17.

¹¹⁴ См.: Лексютина Я. В. АТР как авансцена соперничества Китая и США в XXI веке // Азия и Африка сегодня, №7, 2014, с. 10

¹¹⁵ См.: Васильев А. М., Китай, куда несешься ты? // Азия и Африка сегодня, №8, 2014, с. 4-5

¹¹⁶ Я.В.Лексютина, Закат доминирования США в Латинской Америке?//Латинская Америка, 2014, №11,с.4-11

¹¹⁷ А. Панцов. Дэн Сяопин. М. Молодая гвардия (серия ЖЗЛ). 2013. С. 137-176

¹¹⁸ Папа Римский: Третья мировая война уже началась // Взгляд. <http://www.vz.ru/news/2014/9/14/705514.html>

В чем суть этого заявления? Во-первых, институционализировались две точки гражданских войн с глобальной коннотацией: Сирия и Украина. Во-вторых, активизировалась глобальная террористическая война, в частности, это касается Ирака, Египта, Нигерии, Йемена, январских и ноябрьских 2015 года событий во Франции. В-третьих, речь идет о социально-расовых беспорядках, которые имеют место в США. Расовый конфликт имеет место и в Германии, и в странах Северной Европы, где сформировалось и активизировалось антиисламистское движение.

Наконец, самое последнее и опасное – это кризис власти в самих США. Как отмечают американские исследователи Д. Брейди и Г. Волден¹¹⁹, в США сложился застойный режим, исключающий принятие важных и конструктивных решений, и начался процесс окостенения правящих элит, неспособных к разработке новых решений. Выдвижение кандидатами на президентский пост сверхтрадиционных политиков из демократов и республиканцев, в частности, Х. Клинтон и Дж. Буша, третьего представителя клана Бушей – наглядное и демонстративное тому свидетельство.

Застойная олигархическая система, сложившаяся в США с начала 1980-х¹²⁰ годов, склонна действовать максимально экстенсивно, опираться на схемы, апробированные уже сотни лет. Кроме того, эта система всегда использовала популистские механизмы манипулирования массами, которые транслировались за пределы страны в виде интервенций, подготовленных и срежиссированных революций, искусно спровоцированных гражданских войн. Так, отпечаток на всю историю США наложила Мексиканская авантюра (1846-1848 гг.), когда наднациональная и обработанная американцами полуразложившаяся бюрократическая элита «сдала» США половину страны, несмотря на масштабные поражения американцев на поле боя¹²¹.

Таким образом, современная ситуация «частичной войны» может затянуться надолго. Китай не склонен оповещать мир о своей победе в экономическом соревновании с Америкой. США не хотят никому объявлять о своем поражении, наоборот, на развалинах постколониальных империй они пытаются создать новую, виртуальную.

Важнейшим аспектом современного глобального кризиса является факт американского контрастступления на БРИКС. Так, при участии американских компаний была организована жесткая кампания по дискредитации президента Бразилии Дилмы Руссеф. Опросы

¹¹⁹ Brady D. W., Volden Cr. *Revolving Gridlock: Politics and Policy from Jimmy Carter to George W. Bush*, Oxford, 2005

¹²⁰ Ibid.

¹²¹ См. México a través de los siglos. V.III. Barcelona, Oceano 1992 p. 607-620. Переиздание классического труда 1884 года.

общественного мнения, сделанные при участии американских СМИ, свидетельствовали о том, что большая часть электората выступила за смещение Дилмы Руссеф путем процедуры импичмента.

Однако надо иметь в виду наличие экономической подоплеки под американским контрнаступлением. Во-первых, речь идет о традиционной ориентации Бразилии на стратегическое партнерство с ТНК, эта ориентация действовала с 1950-х – 1960-х годов, и существенных изменений здесь не произошло, имели место лишь паллиативные меры по смягчению ситуации. Во-вторых, освоение территории Бразилии велось и ведется в стиле американского «дикого запада», при этом американские фирмы по-прежнему являются лидерами в этой сфере. Наконец, инновационное развитие Бразилии проходило и проходит под жестким контролем американских IT-компаний. Малейшие попытки выйти из-под контроля сопровождаются жесткими мерами вплоть до отключения бразильского интернета.

В стратегию наступления на БРИКС вполне вписывается организованная в США кампания по устранению легальным путем с политической арены лидеров Боливарианской революции. При этом использована стратегия резкого снижения цен на сырье, которая уже была использована против венесуэльской революции 1958, которая покончила с диктатурой и ограничила деятельность американских компаний. Низкие цены на нефть могут остановить развитие «петросоциализма» и лишит материальной основы интеграционное объединение АЛБА, возникшее в результате «левого поворота» в Латинской Америке.

В стратегию противостояния БРИКС вписывается давление на Аргентину, которая, благодаря реформам Н. Кишнера и К. Кишнер, существенно ослабила влияние США на внутренние дела страны. Победа неолибералов в Аргентине, нацеленных на примирение с США и выполнение всех долговых обязательств, меняет стратегию страны и может вывести ее из-под влияния БРИКС.

Особой частью политики США по изменению ситуации в мире является «новый курс» в отношении Турции. Турция считалась до недавнего времени ненадежным союзником, и США полуофициально поддерживали оппозицию, стремившуюся к свержению Эрдогана. Ныне наметился курс на поддержку антироссийской политики Эрдогана, и даже претензии Турции на лидерство, особенно в регионах северной Сирии и северного Ирака.

Соединенные Штаты, увлекшись «большой игрой» в Сирии, просмотрели усиление йеменских хуситов, которые, если верить сообщениям иранской прессы, нанесли чувствительное поражение экспедиционному корпусу Саудовской Аравии и ОАЭ, поддержанному иностранными наемниками.

В меняющейся ситуации в мире и в регионе Россия для достижения баланса сил в мире была вынуждена продать самое современное оружие Китаю, Индии и Ирану, и разместить новейшие ракетные комплексы в Сирии.

Политика США в отношении отдельных стран, входящих в группу БРИКС вызывает опасения и недоверие в Европе. Неизбежность референдума в Великобритании признается практически всеми бюрократическими структурами ЕС, и на повестке дня стоит уже стратегическое решение – отказ от единой валюты как обязательного условия интеграции. При этом всеми осознано, что любые уступки не смогут предотвратить референдума в Великобритании. Кроме того, в Европе сохраняется критика политики санкций против России, и самыми активными субъектами противостояния санкциям выступают Италия и Люксембург – влиятельные «старые» члены ЕС, которые традиционно определяют стратегию внешнеэкономических связей объединения.

Косвенным следствием неприятия системного конфликта ЕС с Россией и другими странами БРИКС являются внутривнутриполитические события в Португалии и Испании. К примеру, в Португалии впервые за последние более чем три десятилетия сформировано правительство левых сил с участием социалистов, коммунистов и новых альтернативных движений. В свою очередь Испания, недовольная ортодоксальной проамериканской линией правительств Народной партии и Социалистической рабочей партии, породила феномен новых массовых популистских движений левого и центристского характера (речь идет о ПОДЕМОС и Сьюдаданос). Таким образом, речь идет о формировании принципиально новой четырехпартийной структуры испанской политики.

Что касается Восточной Европы, то здесь налицо формирование целого спектра влиятельных движений антиамериканского характера, а также усиление тенденций в правительствах ряда стран, настаивающих на большем национальном суверенитете. Так, в Черногории институализировалась отсутствовавшее ранее сильнейшее движение против вступления страны в НАТО. В Венгрии правительство продолжило интенсивную линию на укрепление суверенитета и на игнорирование политики ЕС в сфере санкций против России в энергетической сфере и в сфере торговли.

Противодействие усилению американского давления имеет место не только в Европе. В исламском мире активно высказываются за диалог с Россией по ключевым вопросам Марокко, Алжир, Иордания, Ирак и Оман. В Иране сотрудничество с Россией воспринимается как составная часть стратегии национальной безопасности. Афганистан в условиях гражданской войны все чаще рассчитывает на возобновление сотрудничества с Россией в масштабах, даже превышающих кооперацию в

XX веке. Особую позицию занял Пакистан, который заключил долгосрочное соглашение с Россией в области сотрудничества по добыче и транспортировке нефти и газа.

Особое значение в нынешних условиях приобретает сотрудничество с Индией, которое выражается не только в поставках современного оружия, но и в отработке различных сценариев взаимодействия в военной сфере, в частности, в ходе крупнейших маневров в Бенгальском заливе.

Особую форму политического контрастования политическая элита США видит в развитии системы государственных переворотов, характеризующихся поворотом от стратегии социальных революций к сетевым. Сетевые перевороты проходят как в мягкой, так и в жесткой форме. Жесткие сетевые революции имели место в Тунисе, Египте, Ливии («арабская весна»); феномен мягкого сетевого переворота впервые отработан на примере Гватемалы, где Движение за права человека, трансформировавшись в сетевую форму, привело к власти комического актера Дж. Моралеса. Таким образом, Соединенные Штаты применяют гибкую стратегию захвата власти в условиях неудачи цветных революций на Украине и Египте.

Особое значение в противодействии американской экспансии имеет формирование международных форматов, ориентированных на справедливое решение спорных международных проблем. Так, ярким проявлением этой новой международной стратегии является Вторая всемирная конференция по управлению Интернетом, в которой принял участие Д. А. Медведев.

Кроме того, примером международного сотрудничества, независимого от влияния США и НАТО, является деятельность ШОС, ЕЭС, а также разнообразные программы в рамках китайского проекта «Шелковый путь». США практически не удалось, несмотря на значительные усилия, парализовать деятельность таких важных интеграционных объединений, как МЕРКОСУР и СЕЛАК.

Современный период характеризуется своеобразным масштабным контрастованием Соединенных Штатов на Китай как на главного конкурента в экономическом и политическом противостоянии. При этом используются следующие главные направления давления на азиатскую державу: во-первых, кризис финансовой системы, характерный для Соединенных Штатов, достаточно кропотливо и целенаправленно «перебрасывается» в Китай; во-вторых, на фоне финансового давления идет разжигание неразрешимого территориального конфликта в Южнокитайском море с целью посорить или отдалить практически все страны региона от Китая; наконец, картину американского контрастования в регионе дополняет усиленное присутствие флота Соединенных Штатов вблизи побережья Китая. Кроме того, надо

подчеркнуть, что информационная война, ведущаяся в американских СМИ против Пекина, синхронизируется с оппозиционными выступлениями, к примеру, в Гонконге. Особое направление антикитайской деятельности представляет скрытая поддержка борьбы исламских террористов в Синцзяне. Эта поддержка оказывается в виде информационного прославления «борцов за независимость» Восточного Туркестана.

В центре внимания современных стратегов контрнаступления США находится Европа. Это контрнаступление вызвано обидой Соединенных Штатов на позицию ФРГ, которую А. Меркель выразила в 2008 году как возможность «мира без Америки» на фоне банковского кризиса в стране-лидере мирового капитализма. Германскую элиту Соединенные Штаты умело связали взаимными обязательствами в деле организации и участия в украинском перевороте. Кроме того, Соединенные Штаты умело развернули сырьевую политику ФРГ, которая ныне своим острием направлена против Газпрома и других российских сырьевых компаний. Достаточно четко срежессированный феномен массовой миграции ныне усиливает стратегические связи Германии и Турции в американских интересах.

Соединенные Штаты активно содействуют процессам внутренней социальной маргинализации в Европе, при этом усиливающаяся террористическая война в Европе способствует повсеместному введению чрезвычайного положения, которое позволяет быстро и силовыми методами реагировать на социальные бунты.

Интересно рассмотреть отдельные общетеоретические моменты развития современной ситуации. В действиях Соединенных Штатов в ходе обозначенного контрнаступления прослеживается своя логика и выделяется четыре сценария.

Первый сценарий – это так называемый «мягкий вариант» реванша единственной сверхдержавы, то есть возвращение к ситуации 1990-х годов, попытка вызвать в виртуальном пространстве призрак однополярности того времени.

Второй сценарий – это очень «жесткий» неокорпоративистский вариант глобального господства. Соединенные Штаты вместе с Саудовской Аравией формируют союз с нефтяной олигархией по всем правилам корпоративной централизации и иерархии, присоединяя к этому союзу постмодернистские псевдодержавы в виде Катара и ОАЭ. Всеми миру диктуется американо-псевдоисламистский политический план, по которому и Европа, и Азия должны занимать достаточно скромное место в мировом раскладе сил.

Третий сценарий – это вариант *status quo*, то есть бесконечная гибридная война США против Китая и России. Эта война будет носить форму частичной мировой войны, не перерастая в окончательное самоуничтожение¹²².

Самый нежелательный сценарий для США – это возвращение доктрины Монро и новый изоляционизм. В этом сценарии Соединенные Штаты теряют практически всю Евразию. Достаточно ярким свидетельством подготовки Америки к этому сценарию являются заигрывания с Кубой как последней территорией в Латинской Америке, независимой от США.

При реализации любых сценариев для Соединенных Штатов особенно важна политическая ситуация в Латинской Америке. В этой связи в США оптимистично восприняли утрату власти в Аргентине перонистской партии и возникновение там «мягкого» по отношению к США режима.

Другой целью Соединенных Штатов является смещение левоцентристского правительства в Бразилии, поскольку с точки зрения американской элиты политическое руководство латиноамериканской страны достаточно антиимпериалистично и националистично. Особый гнев северного соседа вызвало стремление бразильской элиты достичь коммуникационной независимости бразильского сектора Интернета.

Весьма благосклонно в Соединенных Штатах было воспринято формирование в Венесуэле нового оппозиционного парламента. При этом венесуэльская оппозиция не скрывает, что ее цель – полностью помириться с США и избавиться от политической системы, созданной Уго Чавесом.

Ярким примером наступления Соединенных Штатов в политическом мире Латинской Америки является Гватемала. В этой стране была реализована модель сетевого захвата власти конституционным путем, при этом гибкость этой модели подтверждается известным формальным дистанцированием новых политических сил от Соединенных Штатов.

Важным аспектом политической ситуации в Латинской Америке является ослабление Мексики, которая, втягиваясь в НАФТА, становится все более социально и экономически дезинтегрированной, утрачивая суверенитет и национальное лицо.

В этом контексте вызывает интерес процесс внутреннего мирного урегулирования в Колумбии. Американские СМИ пытаются подать переговоры правительства и партизан как своеобразную скрытую капитуляцию знаменитой латиноамериканской герильи.

¹²² Collins J. Special Operation Forces: An Assesment. Washington, 1996, p. 3-7, 68, 132, 175-176.

В рамках последнего негативного для Соединенных Штатов сценария вполне могут рассматриваться усилия правительства Барака Обамы по достижению консенсуса с Кубой вплоть до отмены экономического эмбарго.

В контексте второго сценария, негативного для всего мира и наиболее жесткого, следует рассмотреть еще раз европейские политические дела. И здесь на первом месте оказывается стратегическая цель – подчинение Германии, которая в интересах своих ближневосточных союзников в Персидском заливе принимает сотни тысяч беженцев и мигрантов. Одновременно оказывается жесткое давление на так называемые «бунтующие демократии» - в Греции, Испании и Португалии. При этом националистический курс правительств в Восточной Европе – таких как Венгрия и Сербия – оказывается под пристальным и системным критическим давлением.

Несмотря на предпринятые действия со стороны США, дезинтеграционные процессы в Европе остановить не удалось. Самыми значительными проявлениями этого процесса являются датский референдум (приостановивший дальнейшую евроинтеграцию Дании) и нестабильность Франции, где оппозиция евроинтеграции стала собирать почти половину голосов избирателей.

Острием американской атаки на ситуацию в мире является украинский разлом. В этой стране был использован, как уже отмечалось, опыт ультраправых переворотов в Латинской Америке 1960-70-х годов в самом агрессивном варианте. Западные державы – США, ФРГ, Польша - осуществили скрытое военное вмешательство в эту страну, и в ходе событий в Киеве, и в ходе войны на Донбассе. США и их союзники спровоцировали процессы социальной люмпенизации целой страны и сформировали феномен нового колониализма. Запад несет полную ответственность за институционализацию модели катастрофы на территории части Восточной Европы.

Не меньшей по своему значению авантюрой является вмешательство США и их союзников в дела Сирии, по-прежнему в рамках негативного второго сценария. Однако после прибытия российской авиации в Сирию 30 сентября 2015 года агрессия получила адекватный ответ. Речь идет о неожиданности контрудара и формировании системы регионального равновесия. Россия и Сирия вступили в союзнические отношения с Ираном и властями Ирака. Таким образом, возникла опасность для неокорпоративистского сценария американско-псевдоисламистского мирового господства (то есть господства США, Саудовской Аравии и арабских эмиратов Персидского залива).

Необходимо подчеркнуть, что на Ближнем Востоке возникло «огненное кольцо». Кровавая война идет не только в Сирии и в Ираке, но и

в Йемене. Исламистские силы в этой борьбе начали терпеть поражение. Ослабление Турции и Саудовской Аравии в конечном счете обозначает возможное начало глобального перелома и движения к осуществлению последнего сценария.

Роль России в современных политических событиях можно свести к двум важным понятиям – Россия является ядром сопротивления гегемонии и в то же время инициатором диалога. Геополитическое положение вынуждает Россию не только поддерживать союзнические отношения с Китаем, Ираном и Индией, а также усиливать военную мощь, но и проводить гибкую политику самозащиты. Равновесие, которого стремится достичь Россия, уменьшает военную опасность и ведет к переговорам. Переговоры, в частности, по ядерной программе Ирана, по ликвидации химического оружия в Сирии и по мирному процессу на Украине, развивались и развиваются весьма успешно. Одной из вершин всемирного диалога с участием России является достижение Парижского договора по изменению климата в декабре 2015 г.

С другой стороны, Соединенные Штаты всячески стремятся сломать механизм равноправного взаимодействия на уровне международных организаций. Яркий пример этого – попытка парализовать деятельность ФИФА.

Для реализации первого сценария геополитической стратегии Соединенные Штаты уже предприняли усилия по снижению роли сильных региональных политических игроков. К примеру, на периферию региональных политических процессов отеснены Израиль, ЕС и ЮАР. Другими словами, институализирован процесс подчинения региональных держав американскому влиянию.

Ведется системная виртуальная война через интернет-ресурсы. Очевидно использование феномена терроризма в своих политических целях. Итогом этой деятельности стало, в частности, разрушение арабского мира, за исключением монархий Персидского залива, и Африки. Как указывает Т. А. Шаклеина, «Оперируя понятиями «суверенитет народа» против «суверенитета государства», «общество» против «государства», члены администрации Обамы проводят политику, ориентированную на общество, действуют над границами, разрушают государства, оставляя неприкосновенным свое и добиваясь для него стопроцентной защиты от всех возможных угроз с использованием самой передовой военной техники и технологий»¹²³.

¹²³ Шаклеина Т. А. Россия — США — Китай: порядкоформирующий треугольник // Портал МГИМО, 2015. URL: <http://old.mgimo.ru/news/experts/document276646.phtml>

Особенностью современного глобального мира является формирование глобальной сетевой империи мирового терроризма. Здесь интересно отметить, что мировая сетевая империя имеет неисламское происхождение. Крупнейшими международными феноменами партизанской и террористической деятельности были латиноамериканские группы Тупамарос и Сендеро Луминосо. Ныне глобальный центр перемещается в регион Персидского залива. Неисламские экстремисты и новые поколения исламистов активно взаимодействовали в конце восьмидесятых годов в Париже, Лондоне и Стокгольме. Интенсификации террористической деятельности способствовало постепенное открытие Саудовской Аравии внешнему миру. Постепенно исламизм стал активно использоваться в американской стратегии установления однополярного мира. Терроризм получил легальную поддержку, в частности, в Судане и на части территории Ливии еще в девяностые годы. Впоследствии, в итоге американской агрессии сформировался и укрепился иракский плацдарм.

К процессу формирования Исламского Государства, очевидно, на определенном этапе была подключена Турция. Характерно, что Исламское Государство при формировании своей сетевой империи использовало постмодернистскую культуру альтернативности на фоне возникшего социального тупика на Западе в начале XXI века. Для Соединенных Штатов феномен непрерывного террора сетевой империи объективно все больше становится способом удержания мирового господства.

Несмотря на дестабилизационные тренды и действия отдельных мировых и региональных игроков, все отчетливее просматриваются контуры альтернативного сценария, ведущего к стабилизации мировых политических процессов.

ОСОБЕННОСТИ УЧАСТИЯ ОЭСР КАК «ФОРУМА ЗАПАДНОГО МИРА» В ГЛОБАЛЬНОМ УПРАВЛЕНИИ

Когда речь заходит о проблематике глобального управления и даже более конкретно об участии международных организаций в экономической его составляющей, на первый план традиционно выходят вопросы функционирования МВФ, ВБ и ВТО, то есть основных институтов Бреттон-Вудской системы. При этом ОЭСР как неотъемлемый элемент этой системы зачастую остается в тени и лишь в последние годы начала привлекать все большее внимание исследователей.

Причина кроется в том, что долгое время основным критерием оценки важности международных межправительственных организаций был объем производимых ими законодательных актов и решений, обязательных к исполнению. Очевидно, что с этих позиций ОЭСР не могла тягаться с названными выше институтами. На это указал еще первый Генеральный секретарь ОЭСР Т. Кристенсен, заметив, что «в связи с тем, что консультирование всех видов и форм составляет ядро работы ОЭСР, результаты ее деятельности никогда не будут известны. Как и насколько повлияла она на мышление государств-членов и, таким образом, непосредственно на их политику, мы не знаем»¹²⁴.

Однако эти вопросы косвенно волновали правительства стран-участниц, особенно США как лидера капиталистического блока, с самого начала функционирования института¹²⁵. С развитием теории, прежде всего с ростом популярности конструктивизма и появлением работ А. Вендта и М. Финнемор, фокус исследований постепенно стал расширяться и включил в себя тематику идейного воздействия международных организаций на мировую политику, что позволило более комплексно взглянуть на деятельность ОЭСР.

В чем же заключается участие ОЭСР в глобальном управлении? Для того чтобы ответить на этот вопрос, прежде всего, необходимо обобщить несколько ключевых характеристик ОЭСР как межправительственной организации. Во-первых, с момента учреждения в обновленном виде она представляла собой «форум Западного мира в наиболее широком смысле слова» в политическом плане и «организацию индустриально-развитых стран с рыночной экономикой» в экономическом¹²⁶.

¹²⁴ Kristensen, T. Five Years of O.E.C.D. // *Annuaire Européen / European Yearbook*, Vol. XIII, 1965. Council of Europe, The Hague: Martinus Nijhoff, 1967 – p. 108.

¹²⁵ Clifton, J., Diaz-Fuentes, D. *Op. cit.*

¹²⁶ Kristensen, T. *Op. cit.* – p. 103.

Во-вторых, ОЭСР имела не просто цели, но подлинную миссию, которая заключалась в координации усилий стран Запада в области экономического и смежных с ним аспектов развития в условиях противостояния социал-коммунистическому блоку и необходимости выстраивания отношений с появляющейся в результате деколонизации группой стран условного Юга. Т. Кристенсен сформулировал призывание индустриально-развитых стран более элегантно и завуалировано, отметив, что будучи «лидерами экономического развития... и пионерами в ряде областей благодаря более совершенным структурам и большей взаимосвязанности через сеть международных транзакций..., они способны развить определенные техники выработки экономической политики, которые впоследствии могут быть перенесены в другие части мира»¹²⁷.

В-третьих, ключевой для ОЭСР стала не оперативная, а консультационная работа¹²⁸, что нашло отражение в соотношении принятых в ее рамках инструментов мягкого и жесткого права. Так на начало 2014 г. Советом ОЭСР было принято всего 30 юридически обязывающих решений и заключено 5 международных соглашений, тогда как число не обязывающих документов составило 205, из которых 180 являются рекомендациями, 25 – декларациями. Также есть несколько правовых инструментов смешанного характера – так называемых решений-рекомендаций, в которых часть положений обязательна к исполнению, а часть носит рекомендательный характер¹²⁹.

Такое положение вещей подкрепляется моделью функционирования ОЭСР, заложенной учредительной Конвенцией. Независимый Секретариат осуществляет сбор и первичный анализ информации и статистических данных, на основе которых составляет доклады, обзоры и рекомендации. Те в свою очередь поступают на рассмотрение независимых комитетов соответствующей направленности, в которых в обязательном порядке были представлены все страны-члены, и в разной степени участвуют международные межправительственные и неправительственные организации и порой даже представители государств, не обладающих статусом члена. Подготовленные на уровне комитетов правовые инструменты и стандарты подлежат консенсусному утверждению Советом ОЭСР¹³⁰, после чего цикл запускается заново, так как Секретариат приступает к анализу результатов внедрения новых правил.

¹²⁷ Ibid.

¹²⁸ Ibid. – p. 105.

¹²⁹ OECD, International Regulatory Co-Operation... Op. cit. – p. 25.

¹³⁰ OECD, International Regulatory Co-Operation: the Role of International Organisations. Unclassified Document GOV/RPC(2014)10. Public Governance and Territorial Development Directorate, Regulatory Policy Committee, OECD, September 9, 2014 – pp. 19-20. URL:

Наконец, в-четвертых, ОЭСР является важным и необходимым институтом Бреттон-Вудской системы, учитывая тот факт, что решения, подготавливаемые ею, «неизбежно формализуются и выполняются другими организациями: МВФ, ГАТТ [сегодня ВТО], ЮНКТАД, ВБ, - или через традиционные дипломатические каналы»¹³¹. Эта особенность работы ОЭСР натолкнула М. Маркуссена на мысль о том, что она одновременно выполняет роль «идейного творца», который «формулирует, тестирует и распространяет новые политические идеи», роль «идейного агентства», которое выискивает наилучшие практики, операционализирует их посредством разработки пошаговой инструкции их внедрения и «продает подороже» государствам-членам, и роль «идейного арбитра» национальных политиков и чиновников, способного на международном уровне легитимизировать те или иные инструменты и решения¹³².

При чем эти инструменты и решения строятся на идеологии демократического либерализма, присущей именно странам Запада, и, следовательно, зачастую не учитывают свойства политической идентичности других стран. В результате благое намерение распространения лучших практик на иные региональные порядки оборачивается мягким но упорным идейным давлением на третьи страны, которое оказывается направленным на гомогенизацию политического и экономического режимов по преимущественно Западным образцам.

Уже сама совокупность этих ключевых характеристик ОЭСР задает нам рамки анализа участия данного института в глобальном управлении, как минимум, экономической его части. Можно с уверенностью заявить, что ОЭСР на протяжении своего существования занималась формированием и утверждением определенных политико-экономических парадигм и дискурсов в странах Запада, а через них и в других регионах и мире в целом.

Показательным с этой точки зрения явилось развитие «парадигмы роста» как «совокупности общественных, политических и академических дискурсов, теорий и статистических стандартов, совместно декларирующих и доказывающих..., что рост ВВП желателен, императивен и в сущности безграничен»¹³³. Сегодня мало кто задумывается

[http://www.oecd.org/officialdocuments/publicdisplaydocumentpdf/?cote=GOV/RPC\(2014\)10&docLanguage=En](http://www.oecd.org/officialdocuments/publicdisplaydocumentpdf/?cote=GOV/RPC(2014)10&docLanguage=En)

¹³¹ Nelson, Ch.G. The Role of the OECD in International Economic Negotiations. Ph.D. dissertation, Indiana University, 1970 – p. 160, as cited in *The OECD in Search of a Role: Playing the Idea Game* by M. Marcussen. Paper prepared for presentation at the European Consortium for Political Research (ECPR), 29th Joint Sessions of Workshops, Grenoble, France, 6-11 April 2001- p. 2. URL: <http://ecpr.eu/Filestore/PaperProposal/8472af10-56df-4518-87c2-7a35031ae678.pdf>

¹³² Marcussen, M. The OECD in Search... Op. cit. – p. 3.

¹³³ Schmelzer, M. 'Expand or die'. The historical foundations of the economic growth

над тем, почему тезис о том, что экономический рост является абсолютным благом, едва ли оспаривается. Между тем, ответ на этот вопрос открывают крайне неожиданную перспективу на роль ОЭСР в глобальном управлении.

Классические теории экономического роста начали разрабатываться еще в XVII в. в рамках исследований, посвященных более широкой тематике прогресса, и достигли расцвета на рубеже XVIII-XIX вв., сделав производительность труда одним из центральных объектов изучения политической экономии¹³⁴. В годы Великой депрессии изучение возможностей измерения состояния национальных экономик приобрело еще большее значение. Акцент же в то время был сделан на подсчет совокупного национального дохода, а не показателей производительности¹³⁵.

«Однако уже в 1940-е – 1950-е гг. производительность [а именно ее повышение] стала новым девизом экономической политики», в чем с подачи США не последнюю роль сыграло Европейское агентство производительности ОЕЭС¹³⁶. Само его учреждение было направлено на всестороннее продвижение производительности в странах-реципиентах американской помощи, что «включало в себя усилия по ее определению и измерению»¹³⁷.

Центральное место производительности в послевоенном экономическом дискурсе было обусловлено тем, что еще в годы Второй мировой войны Отделом статистики Бюро внешней и внутренней торговли США была доработана методика расчета ВВП в виду необходимости оценить производственные мощности национальной экономики в целях военного планирования¹³⁸. Аналогичную работу вело и Министерство финансов Великобритании. В центре сформировавшегося англосаксонского подхода к подсчетам стал показатель ВВП, который и был взят на вооружение МВФ и ВБ в качестве базового индикатора

paradigm. Paper prepared for the International Conference on Degrowth, Leipzig, September 2-6, 2014 – p. 1. URL: <http://co-munity.net/conference2014/scientific-papers/3234>

¹³⁴ Kurz, H.D., Salvadori, N. 'Classical' roots of input-output analysis: A short account of its long prehistory // *Classical Economics and Modern Theory: Studies in long-period analysis*, ed. by H.D. Kurz and N. Salvadori. London: Routledge, 2003 - pp. 38-65.

¹³⁵ Landefeld, J.S., Seskin, E.P., Fraumeni, B.M. Taking the Pulse of the Economy: Measuring GDP // *Journal of Economic Perspectives*, Vol. 22, No. 2, Spring 2008 – p. 195. URL: http://www.bea.gov/about/pdf/jep_spring2008.pdf

¹³⁶ Purdey, S.J. Economic Growth, the Environment and International Relations: The Growth Paradigm. The Taylor & Francis e-Library, 2010 – p. 80.

¹³⁷ Kendrick, J.W. Review of *Productivity Measurement, Volume I, Concepts* by European Productivity Agency, Organization for European Economic Co-operation // *Journal of the American Statistical Association*, Vol. 51, No. 275, September 1956 - p. 546.

¹³⁸ Landefeld, J.S., Seskin, E.P., Fraumeni, B.M. Op. cit. – pp. 194-195.

экономического прогресса с учетом абсолютного доминирования американского доллара и, следовательно, американских стандартов¹³⁹.

ОЕЭС как Бреттон-Вудский институт по духу перенял англосаксонские методологические наработки. Акцент на увеличение производительности европейских индустрий был обусловлен стремлением США распространить и закрепить в Европе основные догматы современного Западного капитализма. Помимо идеологической у этой задачи была и совершенно прагматичная сторона: повысить покупательную способность европейцев и добиться самостоятельного устойчивого роста их экономик для того, чтобы последние могли служить рынком сбыта американских товаров.

В 1951 г. Совет министров ОЕЭС де-юре запустил инициативу повышения производительности, реализуемую в рамках американской Миссии технической помощи и увеличения производительности¹⁴⁰. Де-факто же уже с 1949 г. в США направлялись так называемые миссии повышения производительности – делегации, состоящие на 20 % из офисных работников, на 40 % из инженеров и начальников цехов и на 40 % из рабочих. Первая из них отправилась в Филадельфию на завод General Electric, где делегатов убеждали в многочисленных преимуществах американских методик массового производства и на месте показывали, как может и должно функционировать общество потребления¹⁴¹.

В то время как страны-члены успешно усваивали и постепенно осваивали Западные подходы к производству, ОЕЭС активно работала над усовершенствованием методов оценки результатов экономической деятельности. В частности, она стала пионером в использовании в расчетах паритета покупательной способности вместо обменных курсов¹⁴².

ОЭСР, в свою очередь, подхватила эстафетную палочку и даже расширила деятельность по разработке методологии. Большая заслуга в этой области принадлежала эксперту ОЭСР и члену Консультативной группы Гарвардского университета А. Мэддисону, увлеченному «анализом

¹³⁹ Costanza, R., Hart, M., Posner, S., Talberth, J. Beyond GDP: The Need for New Measures of Progress // *The Pardee Papers*, No. 4, January 2009 – p. 6. URL: <http://www.bu.edu/pardee/files/documents/PP-004-GDP.pdf>

¹⁴⁰ Hilger, S. The Americanisation of the European Economy after 1800 // *European History Online (EGO)*, Mainz: the Leibniz Institute of European History (IEG), May 14th, 2015 – paragraphs 17-18. URL: <http://ieg-ego.eu/en/threads/models-and-stereotypes/model-america/susanne-hilger-the-americanisation-of-the-european-economy-after-1800>

¹⁴¹ Bossuat, G. The Marshall Plan: History and Legacy // *The Marshall Plan: Lessons Learned for the 21st Century. Sixtieth Anniversary of The Marshall Plan, 1947-2007*, ed. by E. Sorel and P.C. Padoan. OECD, 2008 – p. 21. URL: http://www.learneurope.eu/files/8113/7509/5720/Plan_Marshall_Lecciones_aprendidas_s_XI.pdf

¹⁴² Maddison, A. Op. cit. – p. 33.

долгосрочных изменений в основных экономических показателях и системах» и страстно желавшим собрать как можно больше данных по большему числу стран, включая Японию, СССР, Бразилию, Гвинею, Монголию, Пакистан, Гану и Мексику.

Во многом именно А. Мэддисону ОЭСР обязана горизонтальным расширением своей деятельности на сферы образования и рынка труда и включением социальных вопросов в свои рекомендации политикам стран-членов, поскольку он первым попытался углубить знания ОЭСР в этих областях, полагая, что увеличение занятости, качества образования и количества квалифицированных кадров является необходимым условием успешного экономического развития¹⁴³.

В целом пример исследований А. Мэддисона не был единичным, что свидетельствует о том, что ОЭСР как наследница ОЕЭС уже с момента своего создания являлась апологетом парадигмы экономического роста, которую опосредованно через помощь развитию стремилась распространить и на третьи государства. Рецепты, разработанные и апробированные в группе развитых стран Запада, очень быстро приобретали статус эталона, которому стремились следовать развивающиеся государства. При этом высокий профессионализм сотрудников Секретариата способствовал тому, что проблематика экономического роста получала все более многоаспектное освещение.

Появлялись все новые идиологемы, которые не всегда были напрямую связаны с экономикой и охватывали все более широкий спектр политических и социальных вопросов. В целом же в их основе так или иначе всегда лежали принципы либерально-демократического капитализма, подкрепляемые представлениями о в высшей степени конкурентной международной обстановке.

В целом деятельность ОЭСР внесла серьезный вклад в утверждение капиталистического либерализма западного типа в качестве мирополитического стандарта. При этом она действовала не только как идейный творец и идейное агентство, но, пусть и гораздо реже, и как стандартная международная межправительственная организация.

Показательным с этой точки зрения является тот факт, что именно в ее рамках в 1961 г. был принят юридически обязывающий Кодекс либерализации движения капитала, который дополнял режим, основанный МВФ и принятый Европейским сообществом, и впоследствии на протяжении более 40 лет Комитет по движению капитала и невидимым

¹⁴³ Valli, V. In Memoriam. Angus Maddison's Mission to Understand the World and its History through Numbers // *The European Journal of Comparative Economics*, Vol. 7, No. 1, 2010 – pp. 3-5. URL: <http://eaces.liuc.it/18242979201001/182429792010070101.pdf>

транзакциям ОЭСР был основным органом, следящим за исполнением взятых членами обязательств и внесением поправок¹⁴⁴.

Более того, в первой половине 1970-х. на фоне трагичных для Западных экономик последствий первого нефтяного шока ставка была сделана именно на сотрудничество в рамках ОЭСР в виде создания МЭА. Однако помимо этого, чтобы создать более прочную базу для усилий по снижению зависимости от поставок энергоресурсов и склонить к их принятию несогласных, прежде всего Францию, США серьезно рассматривали возможность учреждения в рамках ОЭСР Фонда финансовой поддержки в размере 25 млрд долларов США для предоставления кредитов и гарантий, призванного служить сеткой безопасности для стран-членов. Более того, под напором американской стороны уже 9 апреля 1975 г. соответствующее соглашение было подписано¹⁴⁵.

Новая структура не только частично дублировала функции МВФ, но перенимала и его принципы работы¹⁴⁶. Перенос важнейших кредитно-финансовых компетенций в ОЭСР как элитный клуб Запада являлся «частью большой стратегии Г. Киссенджера по выступлению стран Запада единым фронтом против картеля ОПЕК», чему не отвечала перспектива участия в принятии важнейших на тот момент решений по снабжению энергоресурсами в МВФ множества развивающихся стран, также остро нуждающихся в поставках нефти¹⁴⁷.

В конечном итоге опасения о том, что функционирование Фонда финансовой поддержки несло в себе угрозу ослабления центрального элемента Бреттон-Вудской системы – МВФ перевесили чашу весов, и Вашингтон изменил позицию. В результате через два года работы фонд ОЭСР прекратил свое существование, из чего следует, что США по-прежнему играли ключевую структурирующую роль в ОЭСР, а вопросы функционирования ОЭСР на мировой арене как «форума Западного мира» и выразителя интересов последнего характеризовались чувствительностью и требовали деликатного соотнесения с глобальными устремлениями.

¹⁴⁴ Abdelal, R. Writing the Rules of Global Finance: France, Europe, and Capital liberalization // *Review of International Political Economy*, Vol. 13, No. 1, February 2006 – p. 14. URL:

<http://people.hbs.edu/rabdelal/Writing%20the%20Rules%20of%20Global%20Finance.pdf>

¹⁴⁵ Cohen, B. When Giants Clash: The OECD Financial Support Fund and the IMF // *Institutional Designs for a Complex World: Bargaining, Linkages and Nesting*, ed. by V.K. Aggarwal. Ithaca, New York: Cornell University Press, 1998 – pp. 8-9. URL: <https://www.princeton.edu/~smeunier/Benjamin%20Cohen,%20Chapter%205,%20Aggarwal%20Institutional%20Design%20book.pdf>

¹⁴⁶ Fratianni, M., Pattison, J. Op. cit. – p. 134.

¹⁴⁷ Cohen, B. Op. cit. – p. 23.

Однако крайне важно не подменять полностью роль и участие ОЭСР в глобальном управлении заинтересованностью США в использовании данного института в качестве инструмента транслирования своих интересов. Благодаря гибкости и компромиссности своей природы ОЭСР выработала свою модель и заняла свою уникальную нишу в системе глобального управления, которая заключается в конструировании и распространении идей о способах и задачах политико-экономического прогресса и развития, хотя и основанных на принципах либерального рыночного капитализма, являющегося, по мнению К. Лейна, неотъемлемой частью большой стратегии США¹⁴⁸.

Кроме того, не следует недооценивать и кумулятивное воздействие всех стран-членов на формулирование этих идей и внесение в них корректировок, что оказывает обратное влияние и на американский академико-политический дискурс. С этой точки зрения функционирование ОЭСР полностью вписывается в тезис А.Д. Богатурова о новом качестве международной среды, характеристики которой становятся «важнее, чем характеристики поведения отдельных, даже самых сильных акторов».

Тенденция к уплотнению международной среды через «нарастание взаимной обусловленности поведения государств, уменьшение свободы их действий под влиянием самоограничений или ограничений, налагаемых извне, а с другой – рост подверженности внутренних процессов в отдельных государствах внешним влияниям»¹⁴⁹ создает условия для укрепления исключительного идейного влияния ОЭСР на мирополитические процессы в области экономики через воздействие на отдельные государства. Дж. Клифтон и Д.Д. Фуентез особенно подчеркивают, что сегодня «на высочайшем уровне ОЭСР может сослужить хорошую службу глобальным сетям управления посредством предоставления критически важной поддержки в виде снабжения статистическими данными, аналитикой и политикой по широкому кругу вопросов особенно неформальным международным организациям, не имеющим секретариатов, прежде всего Группе двадцати»¹⁵⁰.

Это становится возможным благодаря высокой степени адаптивности ОЭСР. В условиях трансформирующегося международного порядка она стремится как через формальные, так и через неформальные каналы взаимодействия вовлечь в свою орбиту как можно большее количество государств. В 2004 г. в ОЭСР была разработана новая «Стратегия

¹⁴⁸ Layne, Ch. *The Peace of Illusions: American Grand Strategy from 1940 to the Present*. Ithaca and London: Cornell University Press, 2006 – p. 124.

¹⁴⁹ Богатуров, А.Д. Понятие мировой политики в теоретическом дискурсе // *Международные процессы*, Том 2, № 1(4), январь-апрель 2004 . URL: <http://www.intertrends.ru/four/002.htm>

¹⁵⁰ Clifton, J., Diaz-Fuentes, D. Op. cit.

расширения и увеличения охвата», в которой были прописаны видоизмененные правила принятия новых членов и выстраивания взаимоотношений с третьими странами¹⁵¹.

В 2007 г. организация приступила к ее реализации и запустила программу «Расширенное вовлечение», направленную на укрепление сотрудничества с пятью ключевыми партнерами – а именно Бразилией, Китаем, Индией, Индонезией и ЮАР. Представители этих стран участвуют в работе независимых комитетов ОЭСР, а данные по ним включаются в статистические и аналитические сборники, публикуемые организацией¹⁵².

В том же году Совет ОЭСР запустил процесс переговоров о вступлении Чили, Эстонии, Израиля, Словении и России. В 2010 г. все эти кандидаты, очевидно, за исключением Российской Федерации, вступление которой «временно отложено», стали полноправными членами ОЭСР. В 2013 г. претендентами на вступление стали Колумбия и Латвия, а в 2015 г. к ним присоединились Коста-Рика и Литва¹⁵³. Расширение членского состава имеет два прямых эффекта: с одной стороны, большее количество стран демонстрирует готовность полностью воспринять ориентированные прежде всего на Запад политические и методологические постулаты и рекомендации ОЭСР, с другой – новые члены получают возможность вносить свои правки и предложения, отражающие их специфику, в работу данного международного института.

Наконец, ОЭСР вышла за рамки системы Бреттон-Вудских институтов, правда больше физически, чем идеологически, и установила подлинно глобальную сеть двусторонних связей с Группой двадцати, ЮНКТАД, МОТ, которую дополняет множество неправительственных организаций. Иными словами, на сегодняшний день ОЭСР значительно укрепила свои позиции на международной арене и в значительно большей степени участвует в глобальном управлении в вопросах экономического развития. При этом, однако, даже последнее расширение членского состава не сильно изменило ее ориентацию на страны Запада, ОЭСР по-прежнему остается «форумом Западного мира». В связи с этим, а также учитывая тот факт, что России так или иначе придется взаимодействовать и считаться с деятельностью ОЭСР, крайне важным представляется более детально изучить и разобрать ее опыт в деле формирования, распространения и утверждения политико-экономических идей, а также внимательнее соотносить ее рекомендации с российской действительностью, более критично оценивая их преимущества и ограничения.

¹⁵¹ OECD, Noboru, S. A Strategy for Enlargement and Outreach. Report. Paris: OECD, 2004. URL: <http://www.oecd.org/globalrelations/globalrelationsstrategy/37434513.pdf>

¹⁵² OECD, Progress Report on Enhanced Engagement. Meeting of the OECD Council at Ministerial Level, Paris, 25-26 May 2011 – p. 2. URL: <http://www.oecd.org/mcm/48108945.pdf>

¹⁵³ OECD and enlargement // The official site of the OECD. URL: <http://www.oecd.org/about/membersandpartners/enlargement.htm>

ЧАСТЬ 3

СЕКЦИЯ «ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА ПОСЛЕ УКРАИНСКОГО КРИЗИСА»

(модераторы: Г.М. Лесная,
А.В. Мальгин)

ТРАНСФОРМАЦИЯ РОССИЙСКО-БЕЛОРУССКИХ ОТНОШЕНИЙ В КОНТЕКСТЕ УКРАИНСКОГО КРИЗИСА

Украинский кризис, ставший проявлением глубоких противоречий, заложенных в период после "холодной войны", и связанное с ним обострение отношений между Россией и западными странами создают новый контекст для российско-белорусских отношений.

На первый взгляд, кризис дает президенту Лукашенко больше поводов для реализации уже проверенной прагматической линии, позволяющей использовать маневрирование, политику балансирования между Россией и Западом для компенсации внешнего давления и для удовлетворения белорусских экономических интересов. Подчеркивая независимость белорусской позиции, он признает легитимность новой украинской власти, избегает дипломатического признания присоединения Крыма, поддерживает сохранение территориальной целостности Украины. С другой стороны, можно отметить некоторую активизацию белорусско-американских контактов, активизацию взаимодействия Беларуси с ЕС и смягчение антибелорусских санкций. При этом Беларусь подписывает договор о создании Евразийского экономического союза, поддерживает Россию при голосовании в Генеральной Ассамблее ООН в марте 2014 г., а во время рижского саммита Восточного партнерства отказывается присоединиться к итоговой декларации из-за содержащейся в ней формулировки об "аннексии Крыма".

В сложившейся международной обстановке поддерживать такой баланс становится сложнее, поскольку конфронтация повышает интерес к странам постсоветского пространства, которые становятся ареной ожесточенной борьбы за влияние. При этом возможности сближения с Западом не могут быть использованы Минском в полной мере во многом именно из-за украинского кризиса: политическая поддержка России, подкрепленная экономической зависимостью, которая усилилась после создания ЕАЭС, ограничивает диапазон лавирования.

И, тем не менее, ситуация, в которой президент Лукашенко останется, по его словам, "единственным честным союзником России" может измениться под воздействием следующих факторов:

- экономическое положение России в условиях санкций не способствует расширению поддержки белорусской экономики;
- экономический спад сказывается как на перспективах белорусского бизнеса, так и на уровне жизни широких слоев населения (ВВП Беларуси за январь-июнь 2015 г. сократился по сравнению с 2014 г. на 3,4%, официальная безработица практически удвоилась), в стране назрела

потребность в экономических реформах, и как успех, так и неудача преобразований могут поколебать стабильность режима;

- в общественном сознании белорусов усиливается запрос на проведение более независимой политики (что находит отражение и в оппозиционной, и в официальной риторике), что может создать мощный внутренний источник легитимности, способный уменьшить зависимость режима от российской поддержки.

В этой ситуации следует обратить внимание на то, как связаны российско-белорусские отношения, отношения Республики Беларусь с западными демократиями и логика развития белорусского политического режима. Эта связь нелинейна: было бы большим упрощением утверждать, что альтернативами для Беларуси являются демократизация и "вхождение в Европу" с одной стороны и "консервация авторитаризма" и следование в фарватере российской внешней политики, с другой.

Главной задачей существующего в Беларуси политического режима является поддержание внутренней стабильности. Расхождения исследователей в определении характера данного режима невелики, но, тем не менее, существенны. Выделяются три основные позиции, различающиеся как взглядами на характер противоречий между Россией и Западом, так и предлагаемыми подходами к развитию отношений между Западом и Беларусью.

Во-первых, ряд западных исследователей вслед за Кондолизой Райс продолжают характеризовать белорусский режим как «последнюю диктатуру» Европы, что нашло отражение в названии работы исследователя постсоветских трансформаций Э. Вильсона¹⁵⁴. Из такой характеристики зачастую выводят необходимость для западных демократий придерживаться жесткого курса в отношении Беларуси, т.е. авторитарный характер режима должен определять сохранение жесткой линии по отношению к нему со стороны ЕС и США. Несмотря на то, что геополитические соображения в контексте обострения отношений с Россией могут диктовать смягчение западных санкций, эта точка зрения исходит из того, что следует помнить о том, что авторитарный, репрессивный характер режима и оберегаемая им неэффективная экономическая модель являются системообразующими характеристиками, изменить которые можно только сохраняя последовательное давление. При этом нельзя сказать, что эта точка зрения не обусловлена геополитически, ведь Беларусь в свое время была названа парией среди постсоветских стран, хотя положение дел с правами человека там было не хуже, чем в Узбекистане или Азербайджане. Также для данной позиции характерно

¹⁵⁴ Wilson, Andrew. Belarus: the last European dictatorship. - Yale University Press, 2011. — 256 p.

указание на вынужденный характер пророссийской ориентации Беларуси, что, конечно же, необъективно. По мнению ряда исследователей, возможности маневрирования между Россией и Западом для Минска оказались ограничены искусственно, поскольку "присоединение... Крыма продемонстрировало, что Москва готова предпочесть жесткую силу экономическим стимулам... В этих обстоятельствах сближение с ЕС не имеет особого смысла"¹⁵⁵.

Другие исследователи характеризуют режим как электоральный авторитаризм. Этот термин широко используется для характеристики режимов, проводящих регулярные выборы в условиях ограниченной политической конкуренции. Значимой работой в этой сфере является сборник "Электоральный авторитаризм: динамика несвободной конкуренции"¹⁵⁶. Его редактор, А. Шедлер, предлагает отказаться от рассмотрения электорального авторитаризма в рамках парадигмы демократического транзита, полагая, что это вполне самостоятельный режим. Использование выборов дает режиму преимущества, которые не исчерпываются получением легитимности в глазах международного сообщества, выборы – это и инструмент мобилизации поддержки со стороны элит, и средство контроля над государственным аппаратом. Они могут стать поворотной точкой в процессе распада режима, если в правящей элите уже существует раскол, или же, если действует консолидированная оппозиция. Как мы видим, в современной Беларуси ни одно из этих условий не выполняется.

Другие варианты концепции электорального авторитаризма подчеркивают роль внешнеполитического контекста, который может стать источником трансформации. Так С. Левитски и Л. Уэй¹⁵⁷ связывают развитие электорального авторитаризма с окончанием "холодной войны". Формальное соответствие требованиям демократии является условием

¹⁵⁵ Мшес А. Беларусь и ее новое подчинение России. Безоговорочная капитуляция или жесткий торг? // ПОНАРС Евразия. Аналитическая записка. - № 329, август 2014. - URL:

http://www.ponarseurasia.org/sites/default/files/policy-memos-pdf/Рерм_329_rus_Moshes_August2014.pdf (дата обращения 10.10.2015); Становая Т. Пятерка Лукашенко: как Москве повторить успех Минска в отмене санкций // Московский центр Карнеги. Комментарии. - 12.10.2015. - URL:

<http://carnegie.ru/2015/10/15/ru-61620/ij4j>(дата обращения 17.10.2015); СаморуковМ. Почему Москва прощает Лукашенко новую дружбу с Западом // Московский центр Карнеги. Комментарии. - 15.10.2015. - URL: <http://carnegie.ru/2015/10/11/ru-61581/iiyr>(датаобращения 17.10.2015)

¹⁵⁶ Electoral Authoritarianism: The Dynamics of Unfree Competition / A. Schedler (ed.). - Boulder, CO: Lynne Rienner, 2006. - 267 p.

¹⁵⁷ Levitsky S., Way L. Competitive authoritarianism: hybrid regimes after the Cold War. - New York, Cambridge University Press, 2010. - 536 p.

принятия режима международным сообществом. Для современной Беларуси, включенной в интеграционные процессы в рамках Союзного государства, СНГ и ЕАЭС, но изолированной от западных стран, этот аспект является важным. Среди факторов стабильности электорального авторитаризма авторы выделяют интенсивность политических, экономических, социальных, информационных и дипломатических связей с западными странами, чувствительность режима к демократическому давлению Запада и степень консолидированности правящей партии и органов государственного управления.

Интенсивность связей с западными демократиями имеет решающий характер. Если она недостаточно высока, как в сегодняшней Беларуси, то решающее значение для динамики режима будет иметь организационный ресурс правящей силы. Если он велик, то режим может быть устойчивым к внутреннему и к внешнему давлению. А в случае ослабления организационного влияния правящей силы такие режимы становятся чувствительными к внешнему воздействию и могут демократизироваться. При недостаточном же внешнем давлении даже слабый режим сохраняется. К группе стран, перешедших к демократии в силу высокой интенсивности связей с западными странами, С. Левитски и Л. Уэй относят страны Восточной Европы. Беларусь в их работе упоминается в качестве примера воздействия консервирующих электоральный авторитаризм внешних сил.

Исходя из логики данной концепции, интерес самосохранения режима не оставляет президенту Лукашенко иных альтернатив, кроме сотрудничества с Россией, а попытки прагматического лавирования являются ситуативной политической игрой. С этой точки зрения, такие стратегии как внешняя поддержка оппозиции и институтов гражданского общества, поощрение протестной активности по образцу "цветных революций" не способны изменить ситуацию в РБ, если страна достаточно независима от запада экономически и если правящие силы консолидированы и сильны организационно. Последние условия могут нарушиться в случае перехода власти к следующему поколению руководителей, как это произошло, например, на Тайване. Но пока вопрос о преемственности не входит в политическую повестку Беларуси.

К похожему выводу приходит и Э. Вильсон. В своей работе "Виртуальная политика"¹⁵⁸ он рассматривал трансформацию украинского электорально-авторитарного режима в ходе "оранжевой революции". С его точки зрения, электоральный авторитаризм в постсоветских государствах основывается на технологиях дискредитации оппозиции, представляющих

¹⁵⁸ Wilson Andrew. *Virtual Politics: Faking Democracy in the Post-Soviet World*. - New Haven, CT, and London, UK: Yale University Press, 2005. - 332 p.

собой развитие советского опыта борьбы с диссидентством. Однако в аналитическом материале, подготовленном для Европейского Совета по международным отношениям в мае 2015 г, он приходит к выводу о том, что современная белорусская оппозиция в ситуации украинского кризиса оказалась в настолько уязвимом положении, что у режима нет необходимости принимать против нее репрессивные меры¹⁵⁹.

Авторы доклада отмечают, что западная стратегия давления на белорусский режим, основанная на применении санкций, не оправдывает себя. Но они все же полагают, что украинский кризис создал благоприятные для сближения между Беларусью и европейскими странами обстоятельства. Среди них главное место занимает экономическое ослабление России, которая не может оказывать Беларуси помощь в требуемом объеме. Также Э. Вильсон говорит о появившихся в общественном сознании опасениях относительно "российской угрозы", которые, пусть и в незначительном объеме, фиксируются опросами общественного мнения. В связи с этим он отмечает, что реакция официального Минска на украинский кризис выразилась в стремлении занять независимую позицию и подчеркнуть решимость в защите собственного суверенитета. Одновременно во внутренней политике был сделан демонстративный акцент на укреплении позиций белорусского языка и белорусской идентичности. Но эти меры не означают ни сближения с оппозицией, ни, тем более, стремления к либерализации. Напротив, украинские события усилили общественные страхи политической дестабилизации и способствовали укреплению доверия президенту. Этот дополнительный эффект оказался весьма важным для А.Лукашенко, впервые идущего на выборы в условиях заметного экономического спада.

Говоря о причинах подобных настроений, Э. Вильсон указывает на "агрессивную российскую пропаганду", благодаря которой, например, достигается согласие большинства населения с российской позицией по Крыму¹⁶⁰. Э. Вильсон пишет, что западные ценности в Беларуси не получают распространения из-за усилий российской и белорусской пропаганды, ограниченного доступа к нецензурированной информации и отсутствия пространства для публичных дискуссий¹⁶¹. Подобные обвинения в поддержке репрессивных режимов в духе риторики "холодной войны" являются следствием конфликтного внешнеполитического

¹⁵⁹ Kryvoi, Yaraslau, Wilson, Andrew. From Sanctions To Summits: Belarus After The Ukraine Crisis // European Council on Foreign Relations official website. - 5.05.2015. - URL: [http://www.ecfr.eu/page/-/ECFR_132_Belarus_\(May_5_-_version_2\).pdf](http://www.ecfr.eu/page/-/ECFR_132_Belarus_(May_5_-_version_2).pdf) (датаобращения 10.10.2015)

¹⁶⁰ Ibid. - P.6

¹⁶¹ Ibid. - P.7

контекста. В этом отношении другие западные исследователи не столь прямолинейны.

Предлагая долгосрочную стратегию развития отношений между ЕС и Беларусью, Э. Вильсон, также как С. Левитски и Л. Уэй, подчеркивает важность развития политических, экономических и культурных связей для создания внутренних предпосылок демократизации. Политика западных стран по отношению к этому государству, исходя из желательности демократизации, должна строиться на основе долгосрочных приоритетов. Первоочередными задачами должны стать уменьшение российского влияния, рассчитанное на долгосрочную перспективу вовлечения Беларуси в систему экономических и культурных связей с Европой, а также поддержка такой модели развития белорусской идентичности, которая была бы основана на антагонизме с Россией. А среди желательных мер он называет содействие вступлению Беларуси в ВТО, активную работу Европейского инвестиционного банка и ЕБРР с белорусским бизнесом, снижение визовых барьеров, содействие развитию белорусско-украинских контактов в противовес существующим российско-белорусским связям, поддержку всех сегментов гражданского общества, развитие образовательного обмена, содействие имплементации в Беларуси болонской системы, более активное информационное влияние и поддержку укрепления национальной идентичности¹⁶². Эти меры, по мнению Э. Вильсона, могли бы способствовать созданию почвы для будущей либерализации режима, поскольку оснований для изменений в настоящее время нет.

Подобной позиции придерживается и либерально ориентированная часть белорусской оппозиции, например аналитики центра BISS¹⁶³ утверждают, что "авторитарная, но лояльная к Евросоюзу Беларусь, – приемлемый вариант в нынешних условиях"¹⁶⁴. Сближение должно диктоваться не геополитической потребностью противопоставить помощь Запада российской помощи и не стремлением подтолкнуть граждан к протесту, а долгосрочной ориентацией на формирование в обществе запроса на либерализацию. Сторонники этой позиции предлагают ряд малых шагов, относящихся к развитию сотрудничества в экономической и культурной сферах. Данный подход исходит из того, что пророссийская внешнеполитическая ориентация Беларуси продиктована ее вхождением в клуб постсоветских авторитарных режимов, заинтересованных в

¹⁶² Kryvoi, Yaraslau, Wilson, Andrew. From Sanctions To Summits... - P.9

¹⁶³ Belarusian Institute For Strategic Studies

¹⁶⁴ Мельянцева Д. Как "пикантное положение" Беларуси на мировой арене влияет на экономику и инвестклимат в стране // Belarusian Institute For Strategic Studies. - 16.09.2015. - URL: <http://belinstitute.eu/ru/node/2682?lfnfj,hfotybz> 15/10/2016 (дата обращения 10.10.2015)

самосохранении. Хрупкость подобного объединения подчеркивается весьма жесткой критикой интеграционных структур СНГ, ЕЭАС и ОДКБ, основанных на торге между Россией, стремящейся к неоимперской реставрации, и остальными участниками, заинтересованными в экономических предпочтениях и политической поддержке.

Третий подход исходит из того, что пророссийская ориентация Беларуси, легитимность авторитарного правления и отсутствие общественного запроса на широкое сотрудничество с западными демократиями являются следствием объективно существующих глубоких различий между странами постсоветского пространства и западными демократиями. Социологические исследования показывают, что поддержка российской позиции по поводу украинского кризиса, как и негативные оценки "цветных революций" в белорусском общественном сознании имеют более глубокие причины и являются вполне рациональными¹⁶⁵. Консенсус между обществом и властью обеспечивается относительной эффективностью режима, ценностями и нормами, такими как запрос на авторитарное лидерство и высокая приоритетность стабильности. Таким образом, в белорусском общественном сознании "западные ценности" демократии, законности и прав человека противопоставляются собственному ценностному комплексу в силу существенных особенностей политической культуры, а отнюдь не благодаря закрытости информационного пространства или пропаганде¹⁶⁶. Подобные результаты показывают несостоятельность восприятия режима как "оплота тирании" и говорят о достаточно прочных основаниях его легитимности.

Поэтому ни жесткое давление на режим А. Лукашенко, ни форсированное информационно-пропагандистское воздействие, ни стремление поставить Беларусь в финансовую зависимость от международных институтов не способны изменить ситуацию. Подобные меры могут лишь усилить конфронтацию, потребность же в урегулировании конфликтных ситуаций диктует выбор в пользу стратегии деполитизированного экономического сотрудничества, которое может принести выгоду всем участникам¹⁶⁷. Эта точка зрения, как представляется, была бы лучше всего воспринята в Беларуси, причем не только либеральной общественностью, но существенной частью элит.

¹⁶⁵ Korosteleva, Elena. Questioning democracy promotion: Belarus' response to the 'colour revolutions'// Democratization. - Vol. 19, No. 1, February 2012. - 37–59 p.

¹⁶⁶ Ibid. - P.50

¹⁶⁷ Korosteleva, Elena. EU-Russia relations in the context of the eastern neighbourhood. - Institute of Public Affairs Policy Brief Bertelsmann Stiftung. - May 2015. - URL: <http://www.bertelsmann-stiftung.de/en/publications/publication/did/eu-russia-relations-in-the-context-of-the-eastern-neighbourhood/> (дата обращения 10.10.2015)

Проведенный анализ позволяет более четко определить российские интересы в развитии отношений с Беларусью. Следует отметить, что недостатки интеграционных институтов на постсоветском пространстве, как и экономические сложности, переживаемые Россией, отмечаемые западными аналитиками, являются объективными обстоятельствами. Также, хотя эффективность сотрудничества за последние годы существенно повысилась, ее ограничивают низкая эффективность белорусской экономической модели и риски для политической системы, связанные с ухудшением экономической ситуации в Беларуси¹⁶⁸.

Украинский кризис способствовал политизации вопросов развития двусторонних российско-белорусских отношений. В условиях конфронтации с Западом они выходят на первый план в общественных дискуссиях и в практике развития двусторонних отношений. Но основа российско-белорусских отношений – цивилизационные узы и общественные предпочтения - определяет необходимость развития экономического и культурного сотрудничества, которое не ставилось бы в зависимость от политических мотивов. На первый план должна выходить необходимость создания эффективных институтов, развитие межрегиональных связей, образовательного обмена и иных инструментов развития прочных партнерских отношений. В этом случае мы сможем выйти за пределы навязанной политическим кризисом дихотомии с выгодой для обоих государств и развивать партнерские связи вне зависимости от судьбы того или иного политического режима.

¹⁶⁸ Боришполец К., Чернявский С. Российско-белорусские отношения: угрозы реальные и мнимые //Мировая экономика и международные отношения. - 2012., №11. - С. 57-63

**РУССКИЕ УКРАИНЫ: ОТДЕЛЬНЫЙ ЭТНОС, ДИАСПОРА
ИЛИ ФОРМИРУЮЩАЯСЯ ОБЩНОСТЬ?
(НЕПРАЗДНЫЙ ВОПРОС ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ РФ)**

События на востоке Украины в 2014-2015 гг. показали, что ни дискуссии в академическом сообществе, ни политическая практика поддержки русского населения за рубежом не подразумевают вразумительного ответа на вопрос о существенных характеристиках русских Украины как отдельной категории населения, как субъекта и объекта политики. Проще говоря, нет абсолютно никакой ясности в суждениях по поводу очень важных моментов: кто и во имя чего восстал на Донбассе, кто обладает статусом соотечественника за рубежом и кто готов им пользоваться, как восставшие на Донбассе соотносятся с соотечественниками за рубежом. Представленный перечень далеко не полон, тем не менее, имеющихся вопросов достаточно, чтобы озадачить читателя еще одним вопросом: можно ли в условиях такой неопределенности проводить четкую (и, желательную, эффективную) политику? Вероятность отрицательного ответа настолько велика, что это позволяет автору утверждать следующее: без осмысления существенных характеристик (ответа на вопрос «что?») категории «русские Украины» или «русские на/в Украине» политика России в отношении соотечественников за рубежом (и уже – в пределах украинского государства) не имеет шансов принести ожидаемые результаты. Таким образом, выяснение теоретического вопроса о содержательных аспектах понятия «русские Украины» – это не только способ «залатать дыры» в нашем понимании украинского кризиса, но и практическая необходимость. Иными словами, критерии оценки эффективности политики РФ в отношении соотечественников за рубежом в пределах украинского государства не имеют смысла без концептуализации самого объекта этой политики, ведь результаты должны отражать то, как трансформировался сам объект политики (соотечественники, русские) и как этот объект меняет страну проживания.

Задача данной статьи состоит не в том, чтобы дать однозначный ответ на поставленный вопрос. Во-первых, научная дискуссия вряд ли приемлет бесспорные истины любого рода. А, во-вторых, в изучении «русских Украины» невероятно важно понимание динамичности процессов формирования общностей и социальных групп, а также неустойчивости даже самых стабильных социальных практик на Украине. Поэтому автор презентует наиболее обоснованные попытки концептуализации

рассматриваемой категории населения и вытекающие из их возможного применения практические сложности.

Существует три базовых подхода к определению «русскости» жителей Украины. Первый подход сформулировал социолог Роджерс Брубейкер, который утверждал, что после распада СССР русские в новообразованных странах превратились в диаспору. Эта была «диаспора катаклизма» или «случайная диаспора» – особый тип общностей, которые образуются в результате распада многонациональных государств. Тем самым, в отличие от классической диаспоры, такая общность возникает в результате миграции границ, а не индивидов¹⁶⁹. Тем не менее, базовая характеристика диаспор – стремление хотя бы в символической форме вернуться на территорию происхождения (или, при наличии, в государство с идентичной титульной нацией или этносом) – у таких сообществ сохраняется.

Вне зависимости от мнения Р. Брубейкера (хотя популяризатором его концепции был влиятельнейший исследователь В.А. Тишков), сходную позицию заняли органы государственной власти РФ в середине 1990-х гг. В Декларации о поддержке российской диаспоры и о покровительстве российским соотечественникам, принятой Государственной Думой 8 декабря 1995 г., утверждалось следующее: «Российская Федерация рассматривает как российскую диаспору всех выходцев из Союза ССР и России и их прямых потомков независимо от национальной и этнической принадлежности, языка, вероисповедания, рода и характера занятий, места жительства и других обстоятельств, не являющихся гражданами Российской Федерации и признающих свою духовную или культурно-этническую связь с Российской Федерацией или любым из субъектов Российской Федерации»¹⁷⁰. К соотечественникам нижняя палата российского парламента причислила лишь тех, кто явным образом заявил о своей связи с со всеми или с одним из российских регионов.

Такой терминологический выбор предполагает, что Россия может получить от «своей» диаспоры, главным образом, два преимущества: смягчение демографических проблем за счет переселения участников диаспоры и влияние на политические процессы в стране проживания диаспоры. До середины 2000-х гг. первого преимущества добиться было непросто, ведь для мигрантов (даже соотечественников) важными являются не столько культурные, сколько материальные стимулы для миграции. А второе преимущество Россия не использовала, поскольку существовал негласный консенсус постсоветских элит (в том числе, элит

¹⁶⁹ Brubaker R. Accidental diasporas and external 'homelands' in Central and Eastern Europe: Past and present // Transnationalism: Diasporas and the Advent of a New (Dis)order. Ed. by Ben-Rafael E. and Sternberg Y. Leiden and Boston: Brill, 2009. pp. 461-464

¹⁷⁰ http://igrunov.ru/gdrf/sng/sng-archive/declar_sng.html

России и Украины) по поводу «русской карты» во внутренней политике бывших союзных республик (кроме самой РСФСР). Более того, Москва фактически согласовывала с Киевом перечень поддерживаемых организаций и объемы финансирования¹⁷¹. Таким образом, получается, что политическая эмпирика не служит подтверждением своего теоретического базиса.

Вдобавок, причисление к диаспоре всех, кто имел в прошлом отношение к СССР, привело к расфокусировке государственной политики. Выходило, что в свою диаспору Российская Федерация включила чуть ли не все взрослое население новых независимых государств, а также, вероятно, территорий, входивших в состав Российской империи (то есть современных Финляндии, Польши и Турции)¹⁷².

Второй подход предложил Дэвид Лейтин. По его мнению, русскоязычное население постсоветских республик никогда не сможет стать «чисто» русским из-за исходной гетерогенности пространства бывшего СССР. Соответственно, индивиды, признающие «свою духовную или культурно-этническую связь с Российской Федерацией или любым из субъектов Российской Федерации», могут быть объединены только по одному принципу – языковому. Согласно Д. Лейтину, русскоязычное население Украины может развиваться в своеобразную группу интересов с собственной политической повесткой дня – «русскоязычную национальность»¹⁷³. Таким образом, речь может идти не столько об объекте российской политики (некоей безмолвной диаспоре или ее активе – соотечественниках), сколько о субъекте и равноправном партнере. Безусловно, партнерство не отменяет элемент политического расчета в отношениях РФ и «русскоязычной национальности».

После длительного обсуждения в России в 1999 году был принят закон «О государственной политике в отношении соотечественников за рубежом», статья 5 которого формулирует цели в отношении соотечественников. Согласно этому документу, Россия стремится обеспечить следующие права индивидов:

использовать русский язык и родные языки народов Российской Федерации для развития духовного и интеллектуального потенциала;

устанавливать и свободно поддерживать связи между соотечественниками и связи с Российской Федерацией, а также получать информацию из Российской Федерации;

¹⁷¹ Зажигаев Б.В. Русская диаспора в независимой Украине // Россия в глобальной политике. – 2006. – Т. 4, №4. С. 169

¹⁷² Омарова З.М. К вопросу об определении понятия «соотечественники за рубежом»: опыт России // Власть. – 2008. – №3. С. 41

¹⁷³ Laitin D.D. Identity In Formation: The Russia-Speaking Populations in the Near Abroad. Ithaca&London, Cornell University Press, 1998. pp. 294-299

создавать национально-культурные автономии, общественные объединения и религиозные организации соотечественников, средства массовой информации и участвовать в их деятельности;

участвовать в работе неправительственных организаций на национальном и международном уровнях;

участвовать в развитии взаимовыгодных отношений между государствами проживания и Российской Федерацией;

осуществлять свободный выбор места жительства или реализовать право на возвращение в Российскую Федерацию¹⁷⁴.

Несмотря на расплывчатую формулировку того, кто может быть причислен к соотечественникам, обозначенные цели (их формулировки и порядок перечисления) позволяют четко определить, что в понятие «соотечественники» включены этнические русские и русскоязычные граждане других государств¹⁷⁵. Тем самым, Россия вроде бы соглашается если не с термином Д. Лейтина, то хотя бы с его подходом, с необходимостью поддерживать основу групповой консолидации – владение русским языком. На практике у РФ не получилось эффективно и своевременно расширять сеть русскоязычных образовательных учреждений за рубежом, продвижение русской культуры осуществляется семидюймовыми (а не семимильными) шагами¹⁷⁶. Нет и прогресса со стороны русскоязычного населения: сформированные им общественные организации и движения остаются маргинальными для политического пространства постсоветских стран (особенно, Украины)¹⁷⁷. Таким образом, политическая практика не подкрепляет и эту концепцию.

Наконец, одну из последних попыток описать русский компонент в идентичности жителей Украины (особенно, ее восточных и южных областей) предпринял Стивен Шульман. По его мнению, в основе консолидации русских и русскоязычных граждан Украины лежат скорее исторические факторы, а не лингвистические. Среди этих факторов, прежде всего, следует отметить общее историческое происхождение (восточные славяне), представление о братстве трех народов (русские, украинцы, белорусы), отрицание этнократии и политических форм украинского национализма, умеренная ностальгия по советскому прошлому. По сути, эти компоненты говорят о надэтнической

174

http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_23178/201b2cfde4c300e504ffdf107b8191d48d6679a4/

¹⁷⁵ Васильева Л.Н. Проблема сохранения самобытности русскоязычными соотечественниками за рубежом // Журнал российского права. – 2005. – №5. С. 57-58

¹⁷⁶ Толпыго А.К. Русский язык и его носители на Украине в зеркале социологии // Диаспоры. – 2010. – №1. С. 63-65

¹⁷⁷ Зажигаев Б.В. Указ. соч. С. 172

идентичности, точнее о «восточнославянской»¹⁷⁸. У этого подхода много сторонников и в России, поскольку по сути это расширенная версия тезиса о «триедином народе», который господствовал еще в период Российской империи. В практической плоскости, именно этот подход означает усиление сотрудничества не непосредственно с соотечественниками, а, скорее, с государствами их проживания, в том числе, путем формирования наднациональных (или транснациональных) структур. Наиболее четко эту мысль сформулировал президент РФ В.В. Путин: «Я вообще не делаю разницы между украинцами и русскими, я считаю, что это вообще один народ. У кого-то другое мнение, мы можем подискутировать – сейчас не место, наверное, об этом говорить. Но мы помогаем людям, прежде всего, – мы помогаем украинскому народу»¹⁷⁹.

На современном этапе (в том числе, в начале украинского кризиса) в российской политике в отношении русского и русскоязычного населения Украины фактически действовали все три подхода. То есть этими гражданам Украины пытались одновременно помочь мигрировать в РФ и прочнее обосноваться в самом украинском государстве, стремились поспособствовать в укреплении культурных связей с Россией и не задевать самолюбие национальных элит. В итоге, попытки усидеть на одном или на трех стульях концептуализации русского населения Украины, вероятно, провалилась.

Основная трудность подобного подхода, предполагающего излишнюю многозадачность российской политики в отношении соотечественников, состоит в том, что расфокусированность и концептуальная невыверенность обеспечивают широкие возможности для бездействия или произвольных действия со стороны органов государственной власти (например, Россотрудничества).

Кроме того, представленные подходы излишне статичны, предполагают, что русскоязычное население «застыло» со времен распада СССР в ожидании, когда Москва наконец определится со своими целями и задачами. Между тем, например, в украинских реалиях русская и украинская культуры (не только языки) находятся в постоянном процессе взаимопроникновения, распространен билингвизм и суржик. Более того, использование русского языка и идентификация собственного русской (русскоязычной) принадлежности зависит от многих факторов (в том числе, от языка диалога, особенностей политического режима, экономической ситуации в стране)¹⁸⁰.

¹⁷⁸ Shulman S. National Identity and Public Support for Political and Economic Reform in Ukraine // *Slavic Review*. – 2005. – № 64 (1). pp. 59–87.

¹⁷⁹ <http://kremlin.ru/events/president/news/49261>

¹⁸⁰ Толпыго А.К. Указ. соч. С. 47, 51, 65-68

В целом, автору представляется необходимым подумать о том, что все-таки нужно вкладывать в понятие «русских на Украине». Помимо того, что это поможет в корректировке приоритетов в реализации политики в области поддержки соотечественников за рубежом, поиск правильного теоретического базиса позволит, вероятно, четче определить формы и пределы сочувствия ДНР и ЛНР со стороны России, а также их роль не только в украинском кризисе, но и в его урегулировании.

СОВРЕМЕННЫЙ УКРАИНСКИЙ КРИЗИС СКВОЗЬ ПРИЗМУ РЕВОЛЮЦИОННОЙ ПАРАДИГМЫ

События в Украине 2013-2014 гг., в ходе которых в результате массовых протестов пал режим В. Януковича, оказали серьезное влияние не только на политический процесс постсоветского пространства, способствуя его радикализации, но и вызвали усиление геополитического противостояния России и Запада. Поэтому для исследования процессов, происходящих в сегодняшней Украине, на взгляд автора, необходимо качественным образом изменить методологию исследования, – выйти за пределы парадигмы «демократического транзита» и обратиться к методологии исследования революционных процессов и повстанческих движений, которые стремительно набирают силу теперь уже и в Восточной Европе.

Дело в том, что тогда в Украине, цивилизационно и социокультурно расколотой на проевропейские Северо-Запад и Центр и связанный с Россией Юго-Восток, почти одновременно произошли две революции – «Революция Достоинства» и «Русская Весна». Первая произошла в Киеве как реакция на отказ от подписания В. Януковичем Соглашения об Ассоциации Украины с ЕС, а что касается второй, то это была не только реакция Юго-Востока на переворот в Киеве, но и стремление его пророссийски ориентированных жителей включиться в создание проекта под названием «Новороссия».

И там, и здесь определенным образом сложились объективные и субъективные предпосылки, влияли внешние и внутренние факторы. Результатом столкновения этих революционных волн стали сецессия Крыма, образование ДНР и ЛНР, вооруженный конфликт на территории Донбасса и кровавый террор, развязанный вооруженными сторонниками Евромайदानа против оппонентов. Идет гражданская война, где кроме украинцев, с обеих сторон участвуют иностранные добровольцы и наемники, поступает зарубежная военная помощь.

И там, и здесь революционный процесс проходит через одни и те же фазы (по Дж. Голдстоуну¹⁸¹): I – захват власти революционерами; II – постреволюционную борьбу за власть. В настоящее время идет переход к III фазе – установлению «новой нормальной власти», когда на смену «революционным хунтам» и «каудильо» приходят демократически избранные лидеры и органы власти, пытающиеся, подчинив или подавив

¹⁸¹Голдстоун Дж. А. Революции. Очень краткое введение / Дж. А. Голдстоун. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2015. – С. 44-52.

революционные бандформирования, установить контроль над всей территорией страны, способствуя установлению стабильности, а если получится, то и международному признанию. И здесь, и там сохраняется вероятность наступления «второй радикальной фазы», когда революционные элиты и массы, воспринимая происходящее как «отход от идеалов революции», могут попытаться совершить «второй виток революции», отстранив от власти тех, кто пришел туда на ее первой волне... И в Украине, и в ЛДНР еще далеко до наступления «реконсолидированной, стабильной версии революционного режима»...

Для более наглядного сравнения «Революции Достоинства» и «Русской Весны» автор приводит следующую таблицу:

Таблица 1

Фазы революционного процесса по Голдстоуну	«Революция Достоинства»¹⁸²	«Русская Весна»¹⁸³
I. Крах государства и захват власти революционерами	Евромайдан. Бегство Януковича. «Хунта». Поддержка со стороны Запада.	Спротивление Евромайдану и киевской «хунте». Организация «народных ополчений» на Юго-Востоке Украины. Сецессия Крыма. «Вежливые люди». Провозглашение ДНР, ЛНР, ХНР и т.д. Начало реализации проекта «Новороссия».
II. Постреволюционная борьба за власть	Подавление оппозиции. Схватка олигархических кланов. Начало «Антитеррористической	Противоречия между участниками проекта «Новороссия». Постепенное отстранение

¹⁸² См.: Бышок С. О. Евромайдан имени Степана Бандеры : От демократии к диктатуре / С.О. Бышок, А.В. Кочетков. – М.: Изд-во «Книжный мир»; ФРИГО «Народная дипломатия», 2014. – 432 с.; Григорьев М.С. Евромайдан / М.С. Григорьев. – М.: Кучково поле, 2014. – 464 с.; Пихорович В.Д. Украина между Западом и Востоком: Хроники Евромайдана / В.Д. Пихорович. – М.: ЛЕНАНД, 2014. – 200с.; Мухарський А. Майдан. (Р)Еволюція духу / А. Мухарський. – Київ: НашФормат, 2014. – 312 с.; Crisis in Ukraine / ed. by Rose Gideon. – Tampa, Florida: Council on Foreign Relations, 2014. – 122 p.

¹⁸³ идр. См.: Бедрицкий А.В. Демократия под огнём. Выборы в народных республиках Донбасса / А.В. Бедрицкий, С.О. Бышок, А.В. Кочетков. – М.: Книжный мир, 2014. – 352 с.; Горелов В.Н. «Че Гевара прилетает утром...» Воспоминания сепаратистов / В.Н. Горелов, Г.Г. Донец, С.П. Кажанов и [др.]. – Севастополь: Телескоп, 2015. – 160 с.; Губарев П. Факел Новороссии / П. Губарев. – СПб.: Питер, 2016. – 416 с.; Новороссия. Восставшая из пепла / сост. С.Н. Плеханов. – М.: Книжный мир, 2014. – 512 с.; Уроки Новороссии для будущего России. Материалы научно-экспертной сессии (Москва, 3 июня 2015 г. Центр научной политической мысли и идеологии). – М.: Наука и политика, 2015. – 160 с. и др.

	операции» на Юго-Востоке.	от власти лидеров «революционной волны». Вывод граждан РФ из публичной политики ЛДНР.
III. Установление новой «нормальной власти»	Выборы президента, Верховной Рады и ОМСУ Украины и легитимизация «евромайданной»/ «постевромайданной» украинской власти. «Минско-нормандский процесс».	Выборы в высшие органы госвласти ДНР и ЛНР, глав республик и ОМСУ. Создание легитимных дееспособных ОГВ и ОМСУ. «Минско-нормандский процесс». «Слив» Новороссии (?)
IV. Вторая радикальная фаза	Попытки радикалов устроить новый Майдан, а «ястребов» сорвать мирный процесс на Донбассе.	Противодействие радикальных сторонников проекта «Новороссия» переформатированию Донбасса в соответствии с «Минско-нормандским процессом».
V. Реконсолидированная, стабильная версия революционного режима	Консолидированная демократия(?) vsновый «каудилизм»	Варианты: 1. Возвращение ЛДНР в Украину(?). 2. Реализация проекта «Новороссия». 3. Приднестровский/юго-осетинский вариант. 4. Присоединение к РФ в качестве новых субъектов.

А если учесть тот факт, что в эпоху глобализации в организации и осуществления революций все большую роль играет т.н. внешний фактор¹⁸⁴, и что происходят они не столько по причине «обострения выше обычного бедственного положения народных масс»¹⁸⁵, сколько по факту того, что страны, где они происходят, являются «слабым звеном»¹⁸⁶ в какой-то очередной «цепи», – то применительно к «Революции Достоинства» и «Русской Весне» можно сказать следующее. Их роднит то, что они протекают в Украине, являющейся «цивилизационным лимитрофом» между западной и православной цивилизацией, которую

¹⁸⁴См.: Никифоров А.А. Концепции революционных изменений: международные и внутривнутриполитические факторы в эпоху глобализации: дисс...канд. полит.наук / А.А. Никифоров. – СПб., 2009. – 318 с.

¹⁸⁵См.: Ленин В.И. Крах II Интернационала / В.И. Ленин // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. – 5-е изд. – Т.26. – С.219.

¹⁸⁶См.: Ленин В.И. Полное собрание сочинений. – 5-е изд. – Т.26. – С. XXIV.

пытаются использовать в качестве «слабого звена» внешние игроки¹⁸⁷. Только «Революцию Достоинства» пытаются сделать очередным «локомотивом истории»¹⁸⁸, как сторонники неолиберальной модели (официальный Запад, «филантропы» типа Дж. Сороса¹⁸⁹), так и ряд европейских интеллектуалов, не питающих неолиберализмособых симпатий (З. Бауманн, А. Вайда, А. Глюксман, С. Жижек и др.)¹⁹⁰. А что касается «Русской Весны», для которой характерна справедливость тезиса о «революции как празднике угнетенных»¹⁹¹, то в ее успехе во многом заинтересованы «антизападники» не только «Русского мира», но и Европы, о чем свидетельствуют как программные заявления русских неоимперцев и национал-патриотов (И. Стрелкова, Н. Старикова, М. Калашникова и др.)¹⁹², так и участие в боевых действиях на стороне Новороссии десятков добровольцев из европейских стран (главным образом, левых антифашистов)¹⁹³. И та, и другая революции пока локализованы, но в силу того, что не решены проблемы, послужившие поводом для их начала, не преодолен и даже усилился социокультурный и цивилизационный раскол на Украине, и не всем в Украине и в ДЛНР нужен мир – всегда могут найтись те, кто захочет перевести тамошний революционный процесс в режим «перманентной революции»¹⁹⁴ в сочетании с «мятежевойной»¹⁹⁵ по

¹⁸⁷ См.: Украинский кризис 2013-2014 гг.: причины и последствия (круглый стол) / В.Г. Егоров, Н.А. Комлева, К.А. Феофанов и др. [Электронный ресурс] // Вестник МГОУ: электронный журнал. – 2014. – №1. – С.3-20, 59-63. – URL: <http://www.evestnik-mgou.ru/Articles/Doc/538> (дата обращения: 18.10.2015); Сальников В.И. Проблемы геополитического выбора Украины / В.И. Сальников [Электронный ресурс] // Панорама: научные труды факультета международных отношений Воронежского государственного университета. – Т. XXI. – Воронеж, 2015. – С.94-99. – URL: http://www.ir.vsu.ru/periodicals/pdf/panorama/tom_XXI.pdf (дата обращения: 20.10.2015) и др.

¹⁸⁸ Маркс К. Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г. / К. Маркс // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. – 2-е изд. – Т.7. – М.-Л., 1956. – С.86.

¹⁸⁹ См.: Levy В.-Н. Il faut secourir l'Ukraine / В.-Н. Levy, G.Soros [Ressourceélectronique] // Liberation. – 2015. – 25 Jan. – URL: http://www.liberation.fr/planete/2015/01/25/il-faut-secourir-l-ukraine_1188431 (дата обращения: 21.10.2015)

¹⁹⁰ См.: An open letter on the future of Ukraine [Electronic resource] // EU Observer. – 2014. – 27 Janv. – URL: <https://euobserver.com/opinion/122880> (дата обращения: 21.10.2015)

¹⁹¹ См.: Ленин В.И. Две тактики социал-демократии в демократической революции / В.И. Ленин // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. – 5-е изд. – Т.11. – С.103.

¹⁹² См.: Новороссия. Восставшая из пепла / сост. С.Н. Плеханов. – М.: Книжный мир, 2014. – С. 99-429, 465-504

¹⁹³ См.: Коротаев А. Интербригады Донбасса [Электронный ресурс] / А. Коротаев // Сегодня. Ру: информационно-аналитическое сетевое издание. – 2014. – 31 мая. – URL: <http://www.segodaya.ru/content/140317> (дата обращения: 21.10.2015)

¹⁹⁴ См.: Троцкий Л.Д. Перманентная революция (1930г.) / Л.Д. Троцкий [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.marxists.org/russkij/trotsky/1930/perm-rev/> (дата обращения: 18.10.2015).

примеру ряда стран Латинской Америки, Африки, Ближнего и Среднего Востока, ввергая все новые территории в зону «проблемной государственности»¹⁹⁶.

Поэтому чтобы избежать «сомализации» Украины и сопредельных территорий – нужно не только прекратить боевые действия на Донбассе, но также прекратить «мятежевойну», в которой заинтересованы неконтролируемые государственной властью «лорды войны» (warlords) и их зарубежные кураторы и спонсоры. А это будет возможно только в случае восстановления на украинских территориях реального государственного суверенитета, основанного на выборе народа, даже если он идет вразрез с мнением т.н. «мирового сообщества», и достижения основных целей «Революции Достоинства» и «Русской Весны», или хотя бы массового разочарования в них...

¹⁹⁵ См.: Месснер Е. Всемирная мятежевойна / Е. Месснер. – М.: Кучково поле, 2004. – 512 с.

¹⁹⁶ См.: Асимметрия мировой системы суверенитета: зоны проблемной государственности / [ред. М.В. Ильин, И.В. Кудряшова]. – М.: МГИМО-Университет, 2011. – 248 с.; Балувев Д.Г. «Серые зоны» мировой политики / Д.Г. Балувев, А.А. Новоселов // Очерки текущей политики. – Вып. 3. – М.: Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2010. – 40 с.; Себенцов А.Б. Феномен неконтролируемых территорий в современном мире / А.Б.Себенцов, В.А. Колосов // Полис. – 2012. - №2. – С.31-46 и др.

**УКРАИНА И СНГ XXI ВЕКА: ДИЛЕММЫ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ
И ДИПЛОМАТИИ, ТРАНСФОРМАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ,
НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ**

Эволюция международных и политико-дипломатических систем в глобальном пространстве XXI века существенно влияет на формы, методы и функции дипломатии в социуме. В современном глобализирующемся мире возрастает роль дипломатии и, соответственно – меняется оценка действенности её инструментария. Дипломатия приобретает статус глобальной дипломатии. Глобальная история, современная глобалистика и глобальная дипломатия – все эти составляющие институционализируются в глобальную дипломатическую или политико-дипломатическую систему, которая постоянно эволюционирует в ответ на новые вызовы и угрозы современности. Восточная Европа, в целом, и Украина, в частности, в глобализирующемся мире на сегодня вовлечены в процесс формирования полицентричной политико-дипломатической системы и становятся объектом глобальной дипломатии. Политико-дипломатическая система Восточной Европы в условиях новых вызовов и угроз в регионе, формирует новую особую модель межгосударственных отношений и глобальную эффективность многосторонних институтов.

В целях эффективного урегулирования украинского кризиса активное участие принимает главный международный актор глобальной дипломатии XXI века, главная международная институция, которой в 2015 году исполнилось 70 лет – Организация Объединённых Наций (ООН). Украина, Россия и Европа, и государства Восточной Европы в частности, продолжают переговорный процесс по урегулированию украинского кризиса, при поддержке ООН. На сегодня украинский кризис – это одна из самых серьёзных задач для безопасности всего мира с геополитической точки зрения. В новых глобализированных условиях многосторонняя дипломатия, которая стала «сетевой», требует постоянного обновления форм и методов своей дипломатической деятельности, опирающихся на новый дипломатический инструментарий, гибкие формы участия государств в многосторонних структурах в целях коллективного поиска решений общих задач, и прежде всего – в контексте защиты национальных интересов и новой архитектоники восточноевропейского пространства безопасности.

В основу новой глобальной и региональной дипломатии, новой восточноевропейской политической архитектуры должны быть положены принципы открытого общества. На сегодня интеграция Украины в Европейский Союз – главный внешнеполитический приоритет. Она

происходит на основе общих ценностей и прагматического подхода. И как следствие – Украина оказалась в центре мирового геополитического пространства, и способствовала институционализации политико-дипломатической системы Восточной Европы. Кризисная ситуация в Украине, в случае если она не будет разрешена, может иметь значительные последствия для всего мира, и прежде всего для стран Восточной Европы.

Для России развитие политико-дипломатической ситуации в Украине представляет жизненно важный интерес. В этой связи Россия сохраняет значительные возможности воздействия на выработку внешнеполитического курса Украины, при помощи использования различных механизмов и инструментов, дипломатического инструментария, при тесной координации своей политики и активизации сотрудничества с КНР и с партнёрами по СНГ и ЕС. Модель политико-дипломатической системы государств Восточной Европы XXI века и эффективный инструментарий глобальной дипломатии в этом регионе – это тренд современного глобализированного мира. Украина неотъемлемая часть этого мирового и европейского политического пространства, постсоветского политико-дипломатического пространства и планетарного пространства.

Дилеммы внешней политики и дипломатии Украины, а также реакция на эту политику внешних факторов и международных институций остаётся на сегодня весьма острыми и открытыми. Смена украинских политических правящих элит, обострение отношений с Россией вследствие крымского вопроса, актуализировали проблему определения внешнеполитических приоритетов Украины. Одним из важных факторов, подвергшихся пересмотру новыми украинскими властями, являются параметры участия Украины в интеграционных объединениях на постсоветском пространстве, в частности – СНГ.

Практика и дипломатический опыт Украины показывает, что не стоит резко обрывать связи со странами СНГ, так как это принесёт соответствующие экономические потери. Украина в составе СНГ может получать информацию из первоисточников, быть в курсе тенденций стран участников СНГ, благодаря этому строить свою политическую и экономическую стратегию. В настоящее время можно было бы говорить о нескольких возможных моделях развития СНГ, при этом нужно сделать акцент на политику Российской Федерации и внешней политике и дипломатии Украины, Грузии и Молдавии, которые наименее сегодня заинтересованы в сохранении этой структуры в долгосрочной перспективе. Поэтому СНГ в принципе концептуально изменило вектор своей направленности, перестав заниматься разделом постсоветского имущества, а скорее, преобразовавшись в клуб государств, которые присматриваются к новым объединительным, трансформационным и интеграционным

процессам. На сегодня для СНГ является наиболее актуальным вопросом – четко сформулированная концепция его будущего. Сегодня только откровенный диалог государств СНГ на профессиональном и конструктивном уровне способен определить будущее не только этой институции, но и политико-дипломатической и международной обстановки в целом в регионе Восточной Европы, и в Украине.

Высокая изменчивость глобальных условий и взаимозависимость стран СНГ требует повышенного внимания к исследованию, анализу и совместному решению возникающих проблем на современном этапе развития этой важной институции [2, с. 26-41; 8].

В XXI веке интеграция – это один из важнейших глобальных политических и экономических трендов. С одной стороны, этот тренд связан с объединением ресурсов и борьбой за лидерство, с другой – этот тренд связан с добровольным самоограничением свободы действий государств государством преференциального сотрудничества.

На сегодня интеграция Украины в Европейский Союз – главный внешнеполитический приоритет. Она происходит на основе общих ценностей и прагматического подхода. Украина сделала свой геополитический выбор, подписав в Брюсселе политическую часть Соглашения об Ассоциации с Европейским Союзом. И как следствие – Украина оказалась в центре мирового геополитического пространства. Кризисная ситуация в Украине, в случае если она не будет разрешена, может иметь значительные последствия для всего мира. Мировое сообщество и главы внешнеполитических ведомств договорились продолжить дипломатические дебаты и поиск «точек соприкосновения» по вопросу Украины. Это значит, что в украинском вопросе ставить точку ещё рано.

Глобальный проект демократизации, осуществляемый во всех странах постсоветского пространства, имеет свои закономерности и свои чётко выраженные национальные черты. Однако, модели и схемы, столетиями отработанные на Западе, не вписываются в парадигму постсоветского существования, они имеют достаточно хорошо отработанные технологии, в том числе и пусковые механизмы, которые и реализуются в виде социально-политических кризисов. Выходом для государств, которые не желают срыва политической системы в хаос, является институционализация партийно-политических структур, поиск оснований стабильности новых государственных образований [6].

Компаративный анализ заявлений, интервью и действий высокопоставленных украинских чиновников в 2014-2016 годах показывает отказ во внешней политике от многовекторности и резкое усиление евроинтеграционного и евроатлантического внешнеполитического крена. Вместе с тем целый ряд обстоятельств, касающихся

характера, масштабов, долгосрочности текущего внешнеполитического тренда, а также масштабов его поддержки в украинском обществе остаются неопределёнными. Одним из важных факторов, подвергшихся пересмотру новыми украинскими властями, являются параметры участия Украины в интеграционных объединениях на постсоветском пространстве, в частности – СНГ.

В институциональной памяти вопрос о выходе Украины из СНГ поднимался дважды: в апреле 2005 года и в августе 2008. Вновь о нём было заявлено 19 марта 2014 года, после объявленного присоединения Крыма к России, которое не признано Украиной и большинством западных стран. 19 марта 2014 года Совет национальной безопасности и обороны Украины принял решение о начале процедуры выхода Украины из СНГ. Этому предшествовало заявление МИД Украины об отказе председательствовать в Содружестве Независимых Государств из-за невозможности созвать Совет Министров иностранных дел СНГ [7]. Его созыв инициировала Украина как страна-председатель в связи с событиями в Крыму. Заседание Совета глав внешнеполитических ведомств состоялось только 04 апреля 2014 года в Москве.

В силу политических обстоятельств 20 марта 2014 года МИД Украины уведомило Исполком СНГ, соответствующей нотой, о сложении полномочий страны-председателя в 2014 в Содружестве независимых государств (СНГ). В настоящий момент председательство в СНГ перешло к Беларуси. Все официальные мероприятия в рамках Содружества, которые в 2014 году планировались провести в Киеве, перенесены в Минск [9].

В контексте указанного выше, Министерство иностранных дел Украины разрабатывает алгоритм действий для выхода Украины из СНГ и готовит законодательную базу для такого решения. Важно подчеркнуть, что процесс выхода из СНГ должен быть оформлен исключительно в юридической плоскости. При этом не следует забывать, что окончательное решение о выходе Украины из состава СНГ должна принять Верховная Рада Украины. Также необходимо учитывать, что в настоящее время Украина не является полноправным членом СНГ, а имеет статус ассоциированного члена Содружества. Украина де-юре не является государством-членом СНГ, так как она не ратифицировала устав организации, хотя она и относится к государствам-учредителям и государствам-участникам Содружества [8].

В соответствии с процедурой, Украина может прекратить членство в СНГ через год после официального уведомления исполкома Содружества Независимых Государств.

Дилеммы внешней политики и дипломатии отдельных стран СНГ в вопросах их дальнейшего пребывания и плодотворной деятельности в

СНГ, остаются на сегодня открытыми. Тенденции на выход из СНГ также прослеживаются и в Молдове. Если выход Молдовы из СНГ не повлечёт за собой серьёзных последствий для Содружества, то попытка Украины покинуть СНГ может подорвать саму основу её существования, так как Украина является второй после Российской Федерации крупнейшей по роли и значению страной СНГ.

В 2008 году СНГ покинула Грузия. Но фактически целый ряд самых практических соглашений СНГ предусматривает участие в них и государств, не являющихся членами Содружества. Грузия, например, вышла из СНГ, но остаётся участником около 70 договоров, заключённых в его рамках. Важно, что не только Тбилиси, но и другие участники СНГ заинтересованы в сохранении такого status quo. Таким образом, и Украина сможет получать выгоду от конкретных соглашений, не принимая участия в институциональной жизни объединения.

Одна из самых важных задач украинской внешней политики и дипломатии на сегодня – в случае окончательно принятого решения – не искать плюсы и минусы от принятого решения, а правильно сформулировать позицию, которая объяснила бы причины выхода Украины из СНГ.

Нужно отметить, что единой позиции относительно последствий шага в противоположную Содружеству сторону для нашей страны в экспертной украинской среде пока не сформировалось. Есть несколько полюсов мнений. Одни говорят, что Украина ничего не теряет в случае прекращения своего участия в СНГ. У вторых совсем нерадостные ожидания на этот счёт. А третьи признают, что убытки будут, однако всё же поддерживают идею о выходе из Содружества.

Не сложно заметить, что все стороны, и те, кто за выход, и те, кто против такого решения, сходятся в одном – потери для Украины всё же будут. Пусть даже каждый оценивает их величину по-разному. Однако остаются открытыми вопросы: будет ли польза и насколько оправдан такой шаг?

Тем не менее, возможно спрогнозировать, что СНГ вряд ли распадётся в ближайшей перспективе. Более того – роль организации может возрасти в случае появления внешнего фактора, который заставит страны СНГ объединиться вокруг ключевой страны Содружества – России. Сегодня на пространстве СНГ существуют общие для 11 стран Содружества риски, угрозы и новые вызовы, связанные борьбой с терроризмом, наркотрафиком и религиозным экстремизмом. И для успешной борьбы с этими угрозами страны СНГ должны и способны объединить свои усилия.

Мы видим, что современный мир вошёл в фазу драматических изменений. Не трудно заметить, что большая дипломатическая игра между

Россией и Западом вокруг Украины сейчас проходит под знаком идеологии геополитической концепции «Большой Европы» [5; 7].

Вялотекущие проблемы обостряются, и для них находятся давно перезревшие решения. СНГ является лишь одной из небольших точек в этом глобальном процессе и системе политико-дипломатических координат. В целом, можно констатировать, что текущая политическая ситуация в Украине, оказывающая прямое воздействие на выработку внешнеполитического курса, определяется целым рядом проблемных факторов. Среди них: нестабильность существующей социально-политической системы управления, отсутствие стратегического видения в рамках украинской правящей элиты, борьба за влияние и лидерство в Украине между региональными и нерегиональными игроками-акторами, конфликт идентичностей между Востоком, Центром и Западом Украины, активизация деятельности экстремистских сил, наличие острых политических вопросов и т.д.

Перед политической элитой и экспертным сообществом государств Содружества Независимых государств (СНГ) сегодня стоит задача прийти к единому пониманию содержания, целей и возможностей «мягкой силы» публичной дипломатии. На следующем этапе нужно будет выработать на основе этого общего понимания комплексную стратегию публичной дипломатии СНГ, адаптировать существующие и создать новые институты публичной дипломатии, а также системы оценки эффективности нового тренда XXI столетия.

Современные глобальные тенденции свидетельствуют о повышении актуальности гуманитарного измерения внешней политики, публичная дипломатия и её «мягкая сила» становится всё более весомым фактором международной жизни большинства государств современного мира [3].

Ключевым элементом «мягкой силы» является последовательное формирование позитивного имиджа страны. Имидж и репутация государства должны рассматриваться в качестве инструментов решения конкурентных задач государства на международной арене [10; 11].

В связи с этим профессиональная информационная политика государства способна коренным образом изменить ситуацию, увеличить информационное взаимовлияние в странах СНГ, создать почву для взаимопонимания, поиска общих ценностей, адекватного восприятия друг друга. Содержательное сотрудничество в гуманитарной сфере позволит позиционировать СНГ как пространство общих ценностей, актуализировать проблему самовосприятия и продвижения имиджа стран-участников как заявленной позиции СНГ, исходя из приоритета не только стратегических национальных интересов, но и символических, духовных ценностей, составляющих основу образа Содружества. В этом направлении следует усилить конструктивную роль стратегического

моделирования образа и бренда СНГ как международного института. И тут главным инструментом должны выступить средства массовой информации, ориентированные на рациональное и эмоциональное воздействие и согласование интересов стран СНГ. Это и позволит ответить на вопрос: соответствует ли заявленному статусу та или иная страна из Содружества в геополитическом и цивилизационном пространстве современного мира и на пространстве СНГ [4, с. 156-159].

В Содружестве Независимых Государств сохраняют убежденность в том, что членство в СНГ отвечает интересам Украины. Министры иностранных дел стран-членов СНГ выразили надежду на то, что Украина останется членом Содружества независимых государств. Об этом 04 апреля 2014 года заявил председатель Исполкома организации Сергей Лебедев на пресс-конференции в Москве по итогам министерской встречи: «Все выражали надежду, что Украина, несмотря на некоторые заявления, звучащие сейчас в Киеве, останется членом Содружества независимых государств, поскольку это отвечает интересам украинского народа, интересам государства Украина, тесно связаны миллионами уз – экономических, гуманитарных, родственных, людских – с другими странами Содружества» [1]. Эта позиция актуальна и на начало 2016 года.

Таким образом, вопрос о будущем СНГ сегодня из теоретической плоскости плавно перешёл в плоскость практическую. Без реформирования СНГ как серьёзная межгосударственная структура, как международный институт, имеет всё меньше шансов на стабильное будущее и сколь либо серьёзную политическую поддержку на уровне национальных и политических элит. Пространство СНГ в ближайшем будущем будет всё более трансформироваться в поле достаточно открытой борьбы различных государств или групп государств. При этом прямо или косвенно это будет прежде всего борьба за вытеснение Российской Федерации с этого пространства.

В настоящее время можно было бы говорить о нескольких возможных моделях развития СНГ, при этом нужно сделать акцент на политику Российской Федерации и внешней политики и дипломатии Украины, Грузии и Молдавии, которые наименее сегодня заинтересованы в сохранении этой структуры в долгосрочной перспективе. Динамика политического развития мира на сегодня такова, что изменения кардинального характера происходят весьма быстро и определяются во многом обстоятельствами и факторами, на которые уже отдельное государство не всегда сможет повлиять должным образом, отразив угрозы и новые политические вызовы.

Все страны СНГ испытывают сильное влияние, а подчас и мягкое давление со стороны как Европейского Союзу, так и России. С учётом данных обстоятельств они вынуждено балансируют между интересами

собственного государства и сильнейших игроков на международной арене. Потенциал влияния Европейского Союза на Украину, Молдову и Беларусь на сегодняшний день как никогда высок. Однако российский фактор влияния не исчезает в силу ряда причин, в том числе и из-за энергетической зависимости от поставок российского газа.

Поэтому СНГ в принципе концептуально изменило вектор своей направленности, перестав заниматься разделом постсоветского имущества, а скорее, преобразовавшись в клуб государств, которые присматриваются к новым объединительным и интеграционным процессам. На сегодня для СНГ является наиболее актуальным вопросом – четко сформулированная концепция его будущего. Создание такой концепции возможно только на основе беспристрастного анализа пройденного Содружеством пути, детального выяснения того, что мешает СНГ двигаться вперед. Сегодня только диалог государств СНГ на профессиональном и конструктивном уровне способен определить будущее этой институции.

Литература

1. В СНГ надеются, что Украина останется членом Содружества / Сергей Лебедев. – 04 апреля 2014 г. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://korrespondent.net/ukraine/politics/3344308>
2. Жильцов С.С. Украина: 20 лет пути к независимости / С.С. Жильцов. – М.: Восток-Запад, 2012. – 338 с.
3. Ильин И.В., Леонова О.Г., Розанов А.С.. Теория и практика политической глобалистики / И.В. Ильин, О.Г. Леонова, А.С. Розанов: Монография. – М., 2013. – 296 с.
4. Корэйба Я. Проблемы европейской политики в отношениях между Россией и Украиной / Якуб Корэйба. – М.: Аспект Пресс, 2014. – 224с.
5. Кризис европейской интеграции: уроки для постсоветского пространства: материалы международной конференции / А.Г. Оганесян, А.А. Громыко, В.Г. Циватый и др. // Международная жизнь. – 2014. – № 01. – С. 83-174.
6. Мироненко В.И. Политическое влияние России в Украине (1991-2010 гг.) / В.И. Мироненко / Ин-т Европы РАН. – М.: Рус. сувенир, 2011. – 194 с.
7. Текущий архив Министерства иностранных дел Украины. – I ТД. – Рабочее досье. – 2013-2015 годы.
8. Толстов С. Завдання головування, проблеми та інтереси України в СНД / Сергій Толстов // Зовнішні справи. – 2014. – № 02. – С. 06-11.
9. Циватый В.Г. Внешняя культурная политика Украины: модель и институциональное развитие в XXI веке / В.Г. Циватый // Актуальные проблемы международных отношений и дипломатии (вторая половина XX – начало XXI в.) / Вит. гос. ун-т; редкол.: А.П. Косов (отв.ред.) [и др.]. – Витебск: ВГУ им. П.М. Машерова, 2013. – С.243-245.
10. Чекаленко Л.Д., Циватый В.Г. Гуманітарний вимір відносин України та Росії / Л.Д. Чекаленко, В.Г. Циватый // Віче. – 2014. – № 08. – С. 16-21.
11. Колесов В.И., Кошечкина Е.А. Некоторые вопросы региональной политики «европейских» стран СНГ / В.И. Колесов, Е.А. Кошечкина // Экономика образования. – 2015. – № 2. – С. 156-159.

**МОЛДАВИЯ НА ПЕРЕПУТЬЕ:
МЕЖДУ РОССИЕЙ, РУМЫНИЕЙ И ЕВРОПЕЙСКИМ СОЮЗОМ**

На фоне 70-го юбилея Объединённых наций, праздновавшегося в 2015 г., дискуссий о лучших способах совместной борьбы с заклятым врагом всего человечества, - так называемым Исламским государством (ИГ или по-арабски ДАИШ), - предлагаемая к обсуждению тема Молдавии и Приднестровья с первого взгляда кажется мелкой, не существенной.

Однако, после гражданской войны на востоке Украины, после экспансии ИГ от Сирии в сторону Средней Азии и участия российских Воздушно-космических сил в международной войне против нео-халифата, после конфликта РФ с Турецкой Республикой – ситуация в Республике Молдова (РМ) потенциально может стать для России очередным, III или IV по значимости конфликтогенным театром военных действий (ТВД).

Собственно, война в Молдавии уже была, в начале 90-х. Задача сегодняшнего дня заключается в том, чтобы события не повторились. Тем более что III или ещё хуже IV вооруженный конфликт, а по сути, ещё одна локальная война, России сейчас совсем ни к чему – экономика и без этого в кризисе.

Вокруг РМ сплелись противоречивые интересы как Румынии, - а, следовательно, и Европейского Союза (ЕС), - так и России.

В стороне, и то лишь отчасти, Украина, которая уже давно получила по максимуму свою выгоду - молдавские территории в виде современной Черновицкой области на севере от РМ и западной части Одесской области, т.е. юга степного края Буджак, где живут православные тюрки – гагаузы. Но всё это было ещё в советское время после Великой отечественной. Послевоенное отнесение южной части Буджака к Одесской области Украинской ССР привело к тому, что Молдавская ССР, а, следовательно, и нынешняя РМ и, в частности, Приднестровье потеряли выход к морю. А это прямая угроза существованию этой узкой полосы земли по левой стороне Днестра с официальным названием Приднестровская молдавская республика (ПМР) в случае, если страсти в РМ снова накалятся.

Сценарий будущего РМ многовариантен. Это и сохранение нынешнего статуса балансирования между Европейским Союзом и Российской Федерацией. Это и распад на две, а то и на три независимые части: относительно крупная Бессарабия (или собственно Молдавия – “Moldova”) со столицей в Кишинёве, Приднестровье со столицей в Тирасполе и Гагаузия со столицей в Комрате. Это и постепенное вхождение в ЕС, которое может растянуться на 10 и более лет, но с конкретной «дорожной картой». Возможно также и воссоединение

Бессарабии с Румынией при отделении Приднестровья и Гагаузии, которые, - по аналогии с Южной Осетией или Абхазией, - обратятся с просьбой принять их в Евразийский Союз или напрямую в РФ.

Сейчас ситуация как бы патовая. Ни одна из противостоящих сил, проевропейская или пророссийская, не уверены в своих силах настолько, чтобы потребовать проведения всенародного референдума, например, об объединении с Румынией. Хотя в последнем случае, не всё так однозначно: много молдаван выступает за независимость РМ.

Аналогично австрийцам, которые, в большинстве своём, никогда не хотели присоединения к Германии. Не случайно насильственное присоединение Австрии к нацистской Германии в 1938 г., вопреки воле большинства населения альпийской республики, получило в истории негативную окраску под названием «аншлюс». Если говорить о Второй мировой, то в РМ до сих пор есть немало граждан, которые считают, что во время войны официальный Бухарест не всегда вёл себя корректно по отношению к бессарабским братьям после силового воссоединения, осуществлённого под руководством маршала Иона Антонеску, верного союзника нацистской Германии. В современной Румынии люди об этом и не догадываются. Существует немало публикаций обеляющих казнённого победившей антифашистской оппозицией вождя (по-румынски “conducatorul”). Эти авторы превозносят покойного маршала как героя, осуществившего вековую мечту об объединении румын по обе стороны реки Прут, по которой идёт граница между Румынией и РМ. При этом, о преступлениях немецких и румынских войск в оккупированной ими Одессе – чаще всего замалчивается.

Современное молдавское общество расколото по геополитическому и национальному признаку. Хорошо, что и не по конфессиональному, т.к. все православные. За сближение с Россией выступают местные русскоязычные, а румыно-молдаво-язычные, главным образом из городской среды, во многом за Западный вектор, т.е. сближение с ЕС или воссоединение с Румынией.

Положение пока неустойчивое. Но со временем, преимущество будут иметь про-румыно-европейские граждане и в первую очередь за счёт подрастающего сейчас молодого поколения, немалая часть которого учится в Румынии или дома, но на румынские гранты. Это нормально, т.к. это «зов крови». И не нужно российским СМИ, тем более государственным, запугивать «румынизацией» как некоей губительной болезнью. Отрицать, что молдавский язык - это тот же румынский просто глупо, несправедливо и не прагматично.

Надо дать возможность российской общественности обсуждать разные варианты перспектив развития Молдавии. Важно найти некий промежуточный гармонизирующий вариант, даже за счёт раскола РМ,

чтобы удовлетворить амбиции всех трёх этнические группы без новой гражданской войны. А жителям Молдавии нужно предоставить возможность самим решать свою судьбу посредством референдума, а не закулисными решениями партий и правительств. Референдум должен учитывать раздельно мнение трёх разновеликих регионов: Бессарабии, Приднестровья и Гагаузии.

России нужна более гибкая политика в отношении РМ. Желательно на высшем политическом уровне открыто высказаться о праве граждан РМ самим решать свою судьбу. Это обязательно охладит хотя бы часть «горячих голов», требующих воссоединения с Румынией по принципу «здесь и сейчас».

Как говорили все советские люди, - особенно те, которые хотя бы в детстве пережили тяготы и ужасы Великой отечественной, - «Лишь бы не было войны!».

Нормального выхода к Чёрному морю у Республики Молдова нет. Она зажата между Румынией и Украиной. И от такой географии проистекает её бо́льшая экономическая и политическая уязвимость, поскольку все её транспортные и людские потоки могут быть контролируемы этими двумя соседними государствами.

Но, тем не менее, у РМ есть две «лазейки» к морю. Речь идёт о её двух южных оконечностях: на юго-западе и на юго-востоке.

На **юго-западе** выход к морю возможен по Дунаю, с которым у РМ есть сверх короткое (левый берег примерно 0,5 км) касание на излучине, т.е. на резком повороте русла этой великой Европейской реки с юго-северного на северо-восточное направление. Это место, где в Дунай впадает река Прут, образующая выше всю длинную западную границу РМ с Румынией. На этой юго-западной оконечности расположено село Джурджулешть (Giurgiulesti) Кагульского (Cahul) района РМ, которое является сейчас единственным портом Молдовы на Дунае с выходом, таким образом, в Чёрное море. Международный свободный порт Джурджулешть (МСПД) имеет статус свободной экономической зоны (СЭЗ).

Далее Дунай и его северный рукав Килия (Chilia), - один из трёх крупнейших рукавов огромной Дельты, расположенной, в основном, в Румынии, - образует также длинную румыно-украинскую границу вплоть до Чёрного моря.

На **юго-востоке** Молдовы выход к морю возможен через Днестровский лиман, куда впадает река Днестр. Но это территория Украины. На юго-восточной оконечности РМ на реке Днестр расположено село Паланка (Palanca) Штефан-Водского (Stefan-Voda) района. Через это село проходит кратчайший участок автомобильной дороги из юго-западной части Одесской области в северо-восточную часть той же самой

области. По существу, здесь узкий перешеек между этими двумя частями этой области Украины, который немного расширился за счёт данной автотрассы, принадлежавшей ранее Молдове. В основном, Одесская область разделена именно Днестровским лиманом. К западу от него и вплоть до линии Прут-Дунай-рукав Килия, расположены Буджакские степи юга Бессарабии, после войны отданные не Молдавской ССР, а Украинской ССР и составлявшие тогда самостоятельную Измаильскую область Украины, позднее упразднённую и переданную территориально Одесской области.

Кстати, на западном берегу Днестровского лимана со стороны бывшей Измаильской области находится город, называемый сейчас Белгород-Днестровский, а ранее по-турецки Аккерман. В Молдавии и Румынии его зовут Cetatea Alba (Четатеа Албэ), т.е. Белая крепость. Сам факт существования собственного румыно-язычного названия говорит о том, что этот город, а, следовательно, и вся территория западнее Днестровского лимана, - ныне это юго-запад Одесской области, - входили в состав ещё средневекового Молдавского государства.

Любопытно, что данный участок автотрассы у села Паланка был обменен Украиной у Молдовы в послереформенные 90-е годы прошлого века на указанный выше полукилометровый участок Дунайского левобережья, который ранее принадлежал Украине, и где теперь по Дунаю проходит граница РМ с Румынией. Т.е. Молдавская ССР не имела непосредственного выхода к Дунаю и, соответственно, к Чёрному морю по международному фарватеру. Но это не являлось серьёзной проблемой в условиях советской действительности, когда границы между республиками, даже союзными, носили всего лишь административный характер. В условиях независимости ситуация совсем иная и указанный территориальный обмен, безусловно, взаимовыгоден.

Отнесение после войны при формировании Молдавской ССР юга Бессарабии, т.е. Буджака, к Украине может в наше время иметь летальные последствия в отношении Республики Молдова, т.к. страна, раздираемая этно-языковыми, культурными, политическими противоречиями и экономическими проблемами, да ещё и не имеющая своего нормального выхода к морю, вряд ли жизнеспособна в качестве суверенной в нынешних границах. И никакие паллиативы, вроде выхода через Дунай или Днестр со своим Днестровским лиманом с соизволения своих крупных соседей, могут не спасти.

Формально, советское руководство использовало этническую статистику. В трёх из девяти уездов Молдавии в большинстве были украинцы, русские, болгары – их отдали Украине. А это как раз юг Бессарабии. В остальных шести в большинстве были молдаване и гагаузы – из них в 1940 г. и сформировали Молдавскую ССР, к которой добавили

Молдавскую АССР, автономию в составе Украинской ССР, созданную ещё в 1924 г.: ныне это Приднестровье.

Были ли у советского руководства ещё какие-то неофициальные аргументы, кроме этнической статистики, не известно. Но это решение 1940 г. может иметь значение мины замедленного действия спустя три четверти века.

Дело в том, что историческая Молдавия от Карпат до Днестра, всегда имела в своём составе Буджакские степи, т.е. выход к морю. Территории за Днестром, по-русски Приднестровье, а по-румынски Заднестровье (на латинский манер – Transnistria, по аналогии с: Трансильвания/Transilvania - Залесье) принадлежали Молдавии только эпизодически, но выход к морю между Дунайским рукавом Килия и Днестром был всегда.

В 2015 и начала 2016 гг. Кишинёв сотрясали непрерывные митинги с постояльцами в палаточных городках в центре столицы из двух противоположных политических лагерей, - проевропейского Движения «Достоинство и правда» (“Demnitate si adevar”, сокращённо DA) и пророссийского из представителей Партии социалистов (ПСРМ) Игоря Додона и Нашей партии (НП) Ренато Усатого, декларирующей себя также левой, но скорее популистской, - одновременно выступавших против правительственной коалиции Альянс за Европейскую интеграцию (АЕИ).

За «кражу века» миллиарда долларов из банковской системы страны и причинение государству ущерба на сотни миллионов долларов в 2015 г. был арестован Влад Филат, бывший премьер-министр и лидер ЛДПМ – Либерально-демократической партии Молдовы, одной из трёх партий правящего Альянса АЕИ, наряду с ЛПМ и ДПМ, т.е. Либеральной и Демократической партиями, соответственно.

Проиграв выборы в 2014 г. оппозиция настойчиво требует новых досрочных выборов весной 2016 г. Количество сторонников оппозиции растёт и она уверена в своих силах. Однако, 20.01.2016 правящее большинство, в рамках парламентской системы правления, скоропалительно избрало новый состав Правительства взамен провалившегося предыдущего. Премьером стал Павел Филип, заместитель председателя Демократической партии Молдовы и, соответственно, представитель АЕИ, что вызвало новый всплеск массовых волнений, инициированных оппозицией. Её обвинения в адрес Правительства прежние: тесная связь с олигархами, коррупция и т.п.

Т.к. многие в Молдавии не могут себя чётко определить русский он или румын, то остаётся сказать единственное и давно известное: «а Иван – молдаван», а, следовательно, и язык называется молдавским. То есть это некий симбиоз, рождённый двухвековым с 1812 года нахождением Бессарабии в составе России с тех пор как выдающийся полководец М.И. Кутузов подписал 16 (28) мая 1812 г. Бухарестский договор, по которому

междуречье Прута и Днестра отошли по итогам очередной русско-турецкой войны от Османской империи к Российской. В то время уже давно не было независимого молдавского государства, но ещё не было государства Румыния, созданного, как известно, в 1859 г. за счёт объединения зависимых от Турции Молдавии и Валахии (Мунтении).

Этот этнический симбиоз отражается и на молдавской версии румынского языка: в него в качестве равноправных, по крайней мере, в качестве обиходных, вошло много слов из русского языка. Также как, вероятно, это происходило и с языками других народов Российской империи, а затем СССР. Теперь другие времена и в языки народов мира, включая русский и румынский, входят слова из лексики английского, точнее американского английского, так называемого “American English”. Совершенно очевидно, что экономическое и политическое доминирование, а в случае США – это уже глобальный уровень, не обходит и языковую сферу.

Как в этом контексте не вспомнить замечательное творение нашего выдающегося соотечественника доктора Людвика Лазаря Замеогофа, создавшего к 1887 г. на основе общеевропейской лексики международный язык эсперанто – благозвучный, лёгкий по грамматике и, главное, политически нейтральный, т.е. не ангажированный. Язык, функционирующий в мире почти полтора века вопреки суровым ветрам современной истории.

С другой стороны, современному румынскому обществу и властям необходимо осознать, что присоединение РМ обойдётся очень дорого в прямом и переносном смысле. В финансовом плане, РМ – это одна из беднейших стран Европы, если не самая бедная. И ввести Молдавию в хозяйственный оборот Румынии – это большие затраты. Вспомним, хотя бы, присоединение ГДР к ФРГ.

В этно-политическом смысле, Румынии надо понять, что в РМ или даже только в Бессарабии живёт много русских, украинцев и других русско-язычных. В случае объединения с Румынией они, естественно, потребуют соблюдения своих гражданских прав. Тем более что отрицательный пример прибалтийских стран в этом вопросе у всех перед глазами. И готово ли к этому румынское общество, во многом, - во всяком случае, в среде интеллигенции, - настроенное антирусски ?

При том, что эта возможная проблема добавится к давно существующим проблемам с местными венграми (называемыми «секуй»), которые при гласной и негласной поддержке Будапешта организовали свою территориальную этническую автономию Секуйский край, не признанный как официальным Бухарестом, так и в целом румынским обществом.

В Румынии есть также многочисленное и постоянно увеличивающееся, за счёт повышенной рождаемости, цыганское меньшинство.

И соответствует ли ожиданиям румынского народа о романтическом воссоединении утраченных когда-то периферийных регионов, появление в Румынии ещё одного, уже третьего, крупного этнического меньшинства – русско-язычного ?

Конечно, в Румынии уже давно живёт русско-язычное меньшинство, так называемые «липоване», проживающие, в основном, в Дельте Дуная. В конце XVII - начале XVIII веков они бежали из России вследствие церковных реформ патриарха Никона. Количество этих старообрядцев сейчас не более нескольких десятков тысяч человек. Из их числа выросли несколько известных румынских спортсменов. Наиболее выдающийся из них – это четырёхкратный (!) олимпийский и девятикратный (!) мировой чемпион по гребле на байдарках и каноэ Иван Пацайкин.

Но в целом, липоване – это некая малочисленная экзотика для Румынии, также как и последние местные немцы, называемые «сашь» (поскольку они выходцы, в основном, из средневековой Саксонии), или евреи, не эмигрировавшие ещё в Германию и, соответственно, в Израиль.

Однако, в Республике Молдова четверть населения - русско-язычные, т.е. в районе 800 тысяч человек и, таким образом, примерно в 20 раз больше чем липован в Румынии. А это уже совсем другая картина.

Действовать следует по принципу рациональности: «семь раз отмерь и только тогда один раз отрежь». И может быть как раз тогда и окажется, что вся территория РМ никак не интегрируема и, таким образом, не нужна, а хватит только Бессарабии без Приднестровья и без Гагаузии ? Но в этом варианте могут быть сюрпризы в лице отдельных районов и городов на правом, Бессарабском берегу Днестра, как например Бельцы, Бендеры и др. И даже такой более приближенный к реальности сценарий будет более-менее осуществим только тогда, когда подрастут дети, родившиеся в начале XXI века, ничего позитивного не знающие о совместном прошлом Бессарабской губернии в составе Российской империи и Молдавской ССР в составе Союза ССР.

И ещё один аспект, связанный на этот раз с Европейским Союзом. Ввиду бедственного состояния молдавской экономики, сценарий принятия РМ непосредственно в состав ЕС, а не только в качестве ассоциированного члена, представляется также делом не близкого будущего. Сейчас Европейский Союз и сам сталкивается с огромными проблемами, из которых главнейшая – это кризис с гигантской иммиграцией из Ближнего и Среднего Востока, а также Северной Африки. ЕвроСоюз, как и прежде конечно, будет принимать в свои ряды последние не ЕС-государства Европы скорее по политическим, а не по экономическим соображениям. Но, ввиду собственной ослабленности, будет делать это в некоем замедленном темпе.

**СЛОЖНЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ РОССИИ И УКРАИНЫ
ДВАДЦАТОГО СТОЛЕТИЯ В ТРАКТОВКЕ ОФИЦИАЛЬНОГО
КИЕВА В КОНТЕКСТЕ РОССИЙСКО-УКРАИНСКИХ
ОТНОШЕНИЙ В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД**

Ни один сюжет не оказал такого влияния на российско-украинские отношения на рубеже XX-XXI веков, как трактовка следующих событий XX столетия: голод 1932-1933 гг., получивший в украинской исторической науке наименование «Голодомор» (рассматривавшийся в контексте сталинских репрессий), деятельность Организации украинских националистов (ОУН) и Украинской повстанческой армии (УПА), наконец, роль и место Украинской ССР в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. Данные вопросы являются общими для истории России и Украины, в связи с чем диаметрально противоположные их интерпретации в российской и украинской историографии на протяжении постсоветского периода всегда выходили на самый высокий политический уровень и становились неотъемлемой частью процессов изменения характера отношений между двумя государствами.

Тематика Голодомора изначально получила импульс для исследований в украинской эмигрантской среде в США и Канаде в послевоенный период. В 1984 году, в период последнего обострения советско-американских отношений в рамках Холодной войны, президент США Р.Рейган даже утвердил создание специальной комиссии Конгресса по расследованию голода на Украине 1932-1933 гг. и роли в ней советского руководства, что фактически придавало изучению данного вопроса политический оттенок. Интересно отметить, что в постсоветской Украине процесс распространения концепции Голодомора как «геноцида украинского народа» значительной частью общества был воспринят достаточно индифферентно.

Первые серьезные шаги украинских властей по институционализации концепции Голодомора как «геноцида» были предприняты Верховной Радой еще в период президентства Л.Кучмы. В частности, в 2003 году вышло постановление украинского парламента, в котором отмечалось, что Голодомор необходимо расценивать как «акт геноцида, дьявольски задуманного сталинским режимом»¹⁹⁷. О том, что данный вопрос был тесно связан с внешнеполитическим курсом страны, в частности, с

¹⁹⁷ Постанова Верховної Ради України Про Звернення до Українського народу учасників спеціального засідання Верховної Ради України 14 травня 2003 року щодо вшанування пам'яті жертв голодомору 1932-1933 років/ Відомості Верховної Ради (ВВР), 2003, N 30, С.262.

отношениями с Российской Федерацией, свидетельствуют следующие факты.

Окончательное законодательное оформление концепции Голодомора как геноцида пришлось на период кризиса в российско-украинских отношениях в годы президентства В.Ющенко, когда был принят соответствующий Закон «О Голодоморе 1932-1933 гг. на Украине»¹⁹⁸. Помимо внесения соответствующих изменений в школьные и вузовские учебники, активного открытия музеев и памятно-мемориальных комплексов, посвященных Голодомору, новая концепция повлияла и на ту часть государственного протокола, которая связана с приемом иностранных делегаций на Украине. 3 февраля 2010 года В.Ющенко подписал соответствующий указ о внесении изменений в Положение о государственном протоколе и церемониале, предусматривающих церемонию почтения памяти жертв Голодомора программами визитов глав иностранных государств, глав парламентов и глав правительств зарубежных стран¹⁹⁹. До этого церемониальная часть визитов зарубежных гостей высшего уровня предусматривала только возложение венка к могиле Неизвестного солдата в Киеве. Церемония почтения памяти жертв Голодомора отныне предусматривала зажигание главой иностранного государства свечи у мемориала памяти жертв Голодоморов, почтение памяти поклоном головы, высадку куста калины.

После победы на президентских выборах и последующей инаугурации В.Януковича, состоявшейся 25 февраля 2010 года, тематика Голодомора на несколько лет отошла в тень, хотя изменения в церемониале, введенные В.Ющенко под занавес его президентства, сохранились. Интерпретация голода 1932-1933 гг. у В.Януковича серьезно отличалась от взглядов его предшественника на президентском посту, который считал Голодомор целенаправленным геноцидом именно украинцев в СССР, организованным Москвой. 27 апреля 2010 года в Страсбурге В.Янукович заявил, что признавать Голодомор как факт геноцида какого-либо народа ...считаем неправильным и несправедливым, это была общая трагедия (народов Советского Союза – А.Л.)²⁰⁰. Ряд украинских общественных деятелей раскритиковали В.Януковича за имевшие место, по их мнению, попытки отказа от курса В.Ющенко. В частности, активист Народного движения

¹⁹⁸ Закон України «Про Голодомор 1932-1933 років в Україні»/ Відомості Верховної Ради України (ВВР), 2006, N 50, С.504.

¹⁹⁹ Ющенко обязал президентов зарубежных стран чтить память жертв Голодомора // Информационный портал «Репортер-ua.com» - URL: <http://reporter-ua.com/2010/02/04/yushchenko-obyazal-prezidentov-zarubezhnyh-stran-chtit-pamyat-zhertv-golodomora>

²⁰⁰ Геноцида украинцев не было // Информационный портал «Итоги.ua» - URL: <http://itogi.ua/politika/2464-2010-04-28-13-39-51.html>

Волосюк подал на президента в суд, требуя обязать В.Януковича публично извиниться перед ним и украинским народом за отрицание Голодомора²⁰¹. Некоторые известные украинские политики националистического толка связали действия новой президентской администрации с внешнеполитическим курсом страны. Так, ряд украинских новостных изданий обратил внимание на удаление с официального сайта президента ссылки на проект, посвященный истории Голодомора, а, к примеру, член фракции «Наша Украина-Народная Самооборона» А.Парубий заявил, что это «попытки ревизии курса Украины как независимого суверенного государства»²⁰².

На уровне межгосударственных отношений тема Голодомора на протяжении 1990-х-2000-х гг. проявилась, прежде всего, в двух аспектах. Во-первых, это попытка украинских властей популяризовать в мировом сообществе признание Голодомора как геноцида украинского народа. В период с 1993 по 2008 гг. Голодомор был официально признан геноцидом 17 государствами, а также Балтийской ассамблеей, некоторыми религиозными организациями, в ряде стран признание произошло на региональном и муниципальном уровне. Важно отметить, что пик признания зарубежными странами, региональными образованиями и различными организациями и объединениями пришелся на период президентства В.Ющенко, то есть, на фазу обострения российско-украинских отношений в 2005-начале 2010 гг. Вместе с тем, попытки Украины пролоббировать признание Голодомора геноцидом в рамках ООН закончились неудачей. В частности, в 2008 году Генассамблея приняла точку зрения Москвы, заключающуюся в том, что Россия считала «некорректным по отношению к памяти сотен тысяч людей, погибших от голода в других республиках и регионах бывшего СССР, поднимать данный вопрос в ООН применительно только к одному из пострадавших регионов», и отклонила соответствующее предложение украинских представителей²⁰³.

Нормализация российско-украинских отношений с приходом к власти В.Януковича в 2010 году непосредственным образом повлияла не только на отношение новой украинской администрации к данному вопросу, но и, наряду с усилиями российских представителей, сыграла определенную

201 Президент Виктор Янукович назвал Голодомор 1932-1933 годов целенаправленным преступлением и заверил, что в Украине за это преступление всегда будут осуждать сталинский режим // Информационный портал «Vlasti.net» - URL:

<http://vlasti.net/news/107491>

202 С сайта президента убрали рубрику «Голодомор» // Информационный портал «Главком.ua» - URL: <http://glavkom.ua/news/5743.html>

203 В ООН отказались обсуждать вопрос о голодоморе на Украине // «РИА НОВОСТИ» - URL: <http://ria.ru/world/20080712/113816252.html>

роль в выработке позиции Парламентской ассамблеи Совета Европы. В 2010 году ПАСЕ отклонила предложение о признании Голодомора геноцидом²⁰⁴.

Во-вторых, это интерпретация украинской концепции Голодомора как одного из инструментов для разделения и исторической памяти России и Украины, и современных российско-украинских связей, а также сближения украинского государства с западноевропейскими и североамериканскими партнерами. Именно в этом контексте воспринимали данный вопрос многие украинские политики, прежде всего, националистического толка, именно в этом ключе проявлялась и негативная позиция России по отношению к действиям Украины.

С одной стороны, Россия всегда признавала Голодомор общей трагедией народов бывшего СССР, в том числе, украинского, о чем, в частности, говорил российский президент В.Путин в сентябре 2003 года на Генассамблее ООН²⁰⁵. С другой, попытки Киева возложить на Москву ответственность за целенаправленные действия советского руководства по организации голода именно против украинцев (а пик данных попыток, как уже отмечалось, всегда приходился на периоды кризисов в российско-украинских отношениях) незамедлительно вызывали ответную резкую реакцию. В частности, в 2008 году президент России Д.Медведев заявил, что тема Голодомора стала центральной в украинской внешней политике наряду с попытками получить приглашение в «подготовительный класс НАТО», а российский представитель при ООН В.Чуркин констатировал, что «Соединенные Штаты, используя тему Голодомора, пытаются рассорить народы России и Украины и решить труднорешаемую задачу по проталкиванию Украины в НАТО...»²⁰⁶.

В годы президентства В.Януковича российское руководство надеялось, что интерпретация Голодомора как геноцида будет снята с повестки дня. Так, сразу после заявления украинского президента в 2010 году о Голодоморе как трагедии, ударившей по многим народам СССР, глава комитета Госдумы по международным отношениям К.Косачев отметил, что на вебсайте ПАСЕ написано, что В.Янукович «до конца не определился, был ли голод геноцидом или нет»²⁰⁷. Наиболее четко

²⁰⁴ ПАСЕ сказала, что Голодомор не был геноцидом // InoСМИ.Ru - URL: <http://inosmi.ru/video/20100429/159641857.html>

²⁰⁵ Путин признал трагедией Украины голодомор 1932-1933 годов // Подробности-ТВ - URL: <http://podrobnosti.ua/79501-putin-priznal-tragediej-ukrainy-golodomor-32-33-godov.html>

²⁰⁶ Медведев обвинил Ющенко // «Деловая газета Взгляд» - URL: <http://vz.ru/politics/2008/11/14/229140.html>

²⁰⁷ ПАСЕ сказала, что Голодомор не был геноцидом // InoСМИ.Ru - URL: <http://inosmi.ru/video/20100429/159641857.html>

отрицательную позицию по отношению к интерпретации Голодомора как геноцида выражали министр образования Украины при В.Януковиче Д.Табачник, который в августе 2010 года заявил, что «голод был...политическим разрушением крестьянства как социального слоя, как социального класса, но он не имел этнических характеристик», и представители Коммунистической партии Украины, к примеру, председатель Украинского института национальной памяти Валерий Солдатенко²⁰⁸. Кроме этого, по мнению Д.Табачника, определение Голодомора 1932-1933 годов геноцидом украинского народа стало результатом выдумки зарубежных историков²⁰⁹. Тем не менее, в действительности украинское руководство, смягчив официальную позицию, не пошло на столь радикальный шаг как отмена принятого при его предшественнике закона.

После Евромайдана и свержения В.Януковича в начале 2014 года интерес как историков, так и политиков на Украине к тематике Голодомора вновь активизировался. При этом в ноябре 2014 года в Верховной Раде вновь (первый раз при В.Ющенко) был зарегистрирован законопроект об уголовной ответственности за отрицание Голодомора как факта геноцида украинского народа²¹⁰. В отличие от периода В.Ющенко, в начале президентства Порошенко новый законопроект получил более широкую поддержку со стороны различных политических партий и движений в условиях кризиса и фактического прекращения деятельности Партии Регионов и КПУ, принадлежащих до этого к числу наиболее влиятельных противников данных законодательных инициатив.

История дискуссии относительно вопроса о роли и месте Украины во Второй мировой войне 1939-1945 гг. и Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. по динамике ее развития имеет много общего с рассмотренным выше вопросом о Голодоморе. Так, именно в годы президентства В.Ющенко была сделана первая попытка замены термина «Великая Отечественная война» терминами «Вторая мировая война» и даже «Советско-германская война». Несмотря на отрицательное отношение к подобным инициативам со стороны подавляющего большинства жителей Юга и Востока Украины, а также неоднозначную оценку изменений со стороны значительной части украинских историков, администрация В.Ющенко рекомендовала изъять термин «Великая Отечественная война» из образовательного процесса и учебной

²⁰⁸ Определение Голодомора геноцидом украинского народа – выдумка заграничных историков, считает Табачник // NEWSru.ua - URL: http://rus.newsru.ua/ukraine/31aug2010/tab_tab.html

²⁰⁹ Там же.

²¹⁰ В Раде зарегистрирован законопроект об уголовной ответственности за отрицание голодомора //ИТАР-ТАСС – URL: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/1593869>

литературы. Соответственно, подчеркивая большую роль украинцев в борьбе против нацизма, новая концепция войны представляла Украину как втянутую в военные действия противостоянием двух режимов – гитлеровского нацизма и сталинского коммунизма. «Великая Отечественная война» стала гораздо реже упоминаться украинскими официальными лицами, был взят курс на сближение с трактовками войны и традициями празднования победы в ней в странах Западной и Центральной Европы.

Добиться полного претворения в жизнь этих изменений оказалось непросто. Ряд научных и учебных центров, приветствовавших новый взгляд на историю войны, особенно на Западе страны, а также некоторые авторитетные учебные заведения в Киеве, известные своей «проушенковской» направленностью, активно внедряли нововведения. Так, к примеру, в учебной литературе Киево-Могилянской академии период с 1939 по 1945 гг. был объединен в единый раздел, именуемый «Украина в период Второй мировой войны (1939-1945 гг.)»²¹¹. Многие авторитетные учебно-научные центры балансировали, стараясь не выйти за рамки рекомендаций и распоряжений центральной администрации, но и сохранить свое видение исторического процесса. Например, историки Харьковского национального университета им. В.Н.Каразина, включая в учебную литературу раздел под названием «Украина во время Второй мировой войны (1939-1945 гг.)», добавляли к нему раздел «Украина в 1941-1945 гг.», подчеркивая, таким образом, особое значение именно этого периода для истории украинских земель²¹². Некоторые же группы украинских историков встали в жесткую оппозицию В.Ющенко и его администрации. В частности, под руководством директора Института археологии Национальной академии науки Украины П.Толочко было подготовлено издание «Очерки истории Украины», авторы которой придерживались взглядов, близких, а часто и полностью совпадающих с российскими²¹³. Издание «Очерков» было подготовлено при содействии российского Фонда «Президентский центр Б. Н. Ельцина».

В период нормализации российско-украинских отношений при В.Януковиче термин «Великая Отечественная война» был возвращен в учебный процесс и в официальные речи украинских высших чиновников и дипломатов. С большим размахом, чем ранее, стали проходить совместные российско-украинские торжества, парады и шествия, приуроченные к ежегодному празднованию в двух странах 9 мая.

²¹¹ Мицик Ю.А., Бажан О.Г., Власов В.С. *Исторія України*. – Київ, 2008, С.438.

²¹² Воронянский А.В. *История Украины: учебное пособие для студентов высших учебных заведений*. – Харьков, 2008, С.430-433.

²¹³ *Очерки истории Украины* (под ред. П.П.Толочко). Киев, 2010.

Возвращение к курсу В.Ющенко в вопросах переоценки периода 1939-1945 гг. произошло после событий Евромайдана на фоне катастрофического ухудшения отношений между Киевом и Москвой. 9 апреля 2015 года Верховная Рада приняла Закон «Об увековечении победы над нацизмом во Второй мировой войне 1939-1945 годов» (№2539), внесенный Кабинетом министров. Согласно этому закону, 8 мая стало Днем памяти и примирения в честь всех жертв Второй мировой войны, а 9 мая – Днем победы над нацизмом во Второй мировой войне²¹⁴. Закон установил отказ от термина «Великая Отечественная война», а во время почтения памяти павших в годы Второй мировой войны - от использования советской символики. Празднование 8 и 9 мая 2015 года в целом прошло уже в соответствии с новой концепцией.

Наконец, в мае 2015 года П.Порошенко подписал, наряду с законом «Об увековечении победы над нацизмом во Второй мировой войне 1939-1945», еще три принятые вместе с ним Верховной Радой закона, включая: «О правовом статусе и памяти участников борьбы за независимость Украины в XX веке», «О доступе к архивам репрессивных органов коммунистического тоталитарного режима 1917-1991 годов» и «Об осуждении коммунистического и национал-социалистического (нацистского) тоталитарных режимов и запрете пропаганды их символики». Эти документы получили неофициальное название «декоммунизационного пакета»²¹⁵. По замыслу нового украинского руководства, одной из главных проблем украинского общества на протяжении всего постсоветского периода оставалось советское наследие, пережитки которого являлись большим препятствием на пути к евроинтеграции и демократизации. Отдельные положения новых законов, по мнению части юристов, принятые в ускоренном режиме, стали угрозой перспективам демократизации страны и не согласовывались с демократическими нормами. Особенно это касалось определения «пропаганды советской символики», ставящего из-за своей расплывчатости под угрозу преследования по закону практически любого гражданина Украины²¹⁶.

²¹⁴ Проект Закону про увічнення перемоги над нацизмом у Другій світовій війні 1939 - 1945 років // ВЕРХОВНА РАДА УКРАЇНИ – URL:

http://w1.c1.rada.gov.ua/pls/zweb2/webproc4_1?pf3511=54649

²¹⁵ Порошенко подписал законы о декоммунизации // BBC-Украина: http://www.bbc.co.uk/ukrainian/ukraine_in_russian/2015/05/150516_ru_s_decommunisation_laws_signing

²¹⁶ Юрист: с законами о декоммунизации Порошенко попал в ловушку // РИА-

Особое значение для российско-украинских отношений данные законы приобрели на фоне проведения ведущими украинскими политиками параллелей между трагическими страницами советского прошлого (прежде всего, сталинскими репрессиями) и «агрессивной», по мнению руководителей украинского государства, политикой Москвы в 2014-2015 гг. Так, 9 апреля 2015 года, в день принятия Верховной Радой «декоммунизационного пакета», П.Порошенко в ходе посещения со своим польским коллегой Б.Коморовским Национального историко-мемориального заповедника «Быковнянские могилы» заявил, что «события на этой земле стали отлунием сентября 1939 года, когда Адольф Гитлер вместе с Иосифом Сталиным развязали Вторую мировую войну и попытались разделить Европу. Понятие аннексии, оккупации, аншлюза в нашей памяти недавно освежил наш восточный сосед»²¹⁷.

Действия Киева по закреплению новой концепции истории советской эпохи и, особенно, периода Второй мировой/Великой Отечественной войны неизменно вызвали ответную реакцию со стороны Москвы. Так, 15 мая 2015 года Председатель Государственной Думы России С.Нарышкин в «Комсомольской правде» отметил, что «... угроза деградации всей украинской правовой системы растёт, а легитимность государственной власти, прерванная год назад, так в полной мере и не восстановилась...», задавая вопрос «почему на Западе не спешат замечать, как национализм и воинственные настроения киевских властей разрушают судьбу миллионов украинцев?»²¹⁸. Статья С.Нарышкина не случайно была названа «Украинские ошибки Запада». О внешнеполитических причинах новых законов на Украине заявляли и другие парламентарии, в частности, глава комитета Госдумы по делам СНГ, евразийской интеграции и связям с соотечественниками Л.Слуцкий, убежденный, что отказ от празднования 9 мая Дня Победы на Украине - это «побочный эффект евроинтеграции» и «историческая амнезия»²¹⁹.

Одним из самых «горячих» вопросов в рамках общей проблематики периода Второй мировой/Великой Отечественной войны, обостряющих на протяжении всего рассматриваемого в данной статье времени разногласия между Киевом и Москвой, являлся вопрос об оценке (применительно к Украине – переоценке) деятельности ОУН-УПА. Со времени поздней перестройки и распада СССР эти организации оказались в центре

НОВОСТИ – URL: http://ria.ru/radio_brief/20150415/1058689477.html

²¹⁷ Порошенко и Коморовский почтили память жертв тоталитаризма // Пресса Украины – URL: <http://uapress.info/ru/news/show/70707>

²¹⁸ С.Е.Нарышкин Украинские ошибки Запада// Комсомольская правда – URL: <http://www.kp.md/daily/26381/3259745/?geoid=1>

²¹⁹ Парламент Украины отказался от термина Великая Отечественная война // ТАСС – URL: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/1891554>

внимания украинских националистических партий и движений, требующих реабилитации членов ОУН-УПА и их причисления к «пантеону героев» Украины. Это вызвало болезненную реакцию со стороны России. По практически единодушному мнению как отечественного политического истеблишмента, так и профессионального сообщества историков данные организации следовало расценивать как преступные, что обусловлено фактами сотрудничества ОУН-УПА с нацистами в годы Великой Отечественной войны, преступлениями против мирных граждан, проявлениями геноцида по отношению к еврейскому населению. Полемизируя с украинцами – сторонниками героизации ОУН-УПА, Москва не ограничивалась только заявлениями на уровне политиков, но и инициировала по линии Росархива и при поддержке фонда «Историческая память» большую работу историков и архивистов по подкреплению официальной российской позиции документальными подтверждениями.

И здесь всплеск интереса политического руководства Украины к тематике ОУН-УПА неизменно совпадал по времени с кризисами в российско-украинских отношениях на фоне усиления евроинтеграционного/евроатлантического вектора внешней политики Киева. Таким образом, первым периодом активной работы над новой концепцией исторической роли членов ОУН-УПА как героев, боровшихся за независимость Украины, пришелся на годы президентства В.Ющенко. В течение своего президентского срока он подписал указы о присвоении званий героя Украины командующему УПА Р.Шухевичу и руководителю ОУН С.Бандере²²⁰. Примечательно, что присвоение звания героя С.Бандере было приурочено к Дню Соборности Украины, отмечаемому ежегодно 22 января. В России в ответ на действия украинской администрации именно в это время наиболее активно проводились исследования, направленные на разоблачение «героической составляющей» деятельности ОУН-УПА. В частности, в 2009 году в Москве открылась крупнейшая выставка по этой тематике - «Идеология и практика украинского национализма. ОУН и УПА в 1939 – 1956 гг.: свидетельство документов», подготовленная Росархивом и «Исторической памятью»²²¹.

Героизация лидеров ОУН-УПА вызвала в той или иной степени отрицательную реакцию не только Москвы, но и в целом ряде других стран (особенно в Польше, считающей, что против польского населения в Западной Украине в годы Второй мировой войны украинскими

²²⁰ Ющенко присвоил Бандере звание Героя Украины // Русская служба BBC – URL: http://www.bbc.co.uk/russian/international/2010/01/100122_bandera_hero_ukraine.shtml

²²¹ В Москве открылась выставка, посвященная деятельности украинским националистов // Фонд содействия актуальным историческим исследованиям «Историческая память» - URL: http://historyfoundation.ru/news_item.php?id=462

националистами – членами ОУН-УПА, был организован геноцид), а также на уровне международных организаций. В частности, в феврале на сессии Европарламента была принята резолюция, выражающая сожаление по поводу присвоения звания Героя Украины С.Бандере и надежду на пересмотр этого решения²²².

В.Янукович в условиях нормализации российско-украинских отношений практически сразу пообещал решить проблему неоднозначных указов В.Ющенко, обозначив свое отрицательное к ним отношение подчеркиванием факта сотрудничества С.Бандеры с нацистской Германией²²³. Вопрос об отмене данных указов вызвал острую дискуссию среди политических элит и в общественной жизни Украины в целом. В результате после серии напряженных судебных процессов указы В.Ющенко были отменены в 2010 году на основании решений Донецкого окружного суда, а в 2011 году эти судебные решения были оставлены в силе Высшим административным судом Украины. Таким образом, на официальном уровне при В.Януковиче были сглажены противоречия российской и украинской позиций, что в целом соответствовало характеру отношений между двумя государствами, хотя украинское общество продолжало оставаться расколотым в оценке роли и места ОУН-УПА в истории страны.

Это неизбежно привело к очередному пересмотру официальной концепции роли украинских националистов после событий конца 2013-начала 2014 гг. и прихода к власти на Украине новой администрации П.Порошенко и правительства А.Яценюка, а также кардинального изменения состава Верховной Рады, в которой по итогам парламентских выборов 26 октября 2014 года укрепилось положение антироссийски настроенных партий и движений.

Жирная линия водораздела в официальных трактовках Киева и Москвы была проведена в начале 2015 года на фоне наиболее острого кризиса в российско-украинских отношениях за весь постсоветский период. Осенью 2014 года в России был принят закон о запрете демонстрации символики организаций, сотрудничавших с «фашистскими организациями или движениями», включая ОУН и УПА, во время Второй мировой войны. Верховный суд России в ноябре 2014 года включил в список экстремистских организаций украинские «Правый сектор», «Украинскую национальную ассамблею — Украинскую народную самооборону» (УНА-УНСО), «Братство», «Тризуб имени Степана Бандеры» и Украинскую повстанческую армию (УПА).

²²² Европарламент ждет отмены решения о присвоении Бандере звания героя // РИА Новости – URL: <http://ria.ru/politics/20100225/210861474.html#ixzz3aUleAZXy>

²²³ Янукович обещает в ближайшее время решить «проблему Бандеры» // РИА Новости – URL: <http://ria.ru/society/20100301/211627853.html#ixzz3aUnKfsSU>

Напротив, 9 апреля 2015 года Верховная Рада Украины приняла закон (на основе законопроекта №2538-1, составленного Ю.Шухевичем – сыном Р.Шухевича) о правовом статусе и чествовании памяти участников борьбы за независимость Украины в XX веке, признающий таковыми все организации, боровшиеся за независимость Украины, включая участников ОУН, УПА и многих других организаций²²⁴. 15 мая 2015 года П.Порошенко подписал данный закон.

Хотя в данной статье обойдены стороной многие другие дискуссионные вопросы общей для России и Украины истории XX века (эпоха революционных потрясений и Гражданской войны 1917-1922 гг., феномен «украинизации», коллективизация, сталинские репрессии др.), не говоря о более ранних периодах, представленный обзор свидетельствует об огромном пласте проблемных аспектов в рамках лишь нескольких, пусть и наиболее ярко выделяющихся исторических тем, используемых не только, а часто и не столько в научной полемике, сколько в контексте изменений межгосударственных отношений, что зачастую только усугубляло кризисные проявления в последних.

Развитие идеи украинского государства в постсоветский период шло рука об руку со спорами о европейском и евразийском выборе, под которыми на уровне политического дискурса подразумевались евроинтеграционный и пророссийский векторы внешней политики. Соответственно, отказ от второго в пользу абсолютного примата первого неизбежно сопровождался попытками изменения трактовок общего российско-украинского прошлого, в том числе, посредством уменьшения значения историко-культурного взаимодействия двух стран и народов. Первый, так называемый «оранжевый» период В.Ющенко (2005-начало 2010 гг.) современной украинской истории, в рамках которого был обозначен общий тренд формирования принципиально отличной от россицентричной концепции национальной истории, в силу ряда глубоких политических, экономических и ментально-культурных причин сменился хотя и противоречивым, но менее конфликтным временем реставрации отношений Киева и Москвы при В.Януковиче (2010-начало 2014 гг.), возродившим надежды на реализацию масштабных проектов по вовлечению Украины в процессы интеграции на постсоветском пространстве (Таможенный союз, Зона свободной торговли СНГ, Евразийский экономический союз). На этом фоне, сгладились, хотя в реальности не были сняты с повестки дня, российско-украинские противоречия в трактовках совместного исторического прошлого.

²²⁴ Рада признала ОУН-УПА борцами за независимость // Корреспондент.net - <http://korrespondent.net/ukraine/3501707-rada-pryznala-oun-upa-bortsamy-za-nezavysymost>

Острейший кризис в отношениях Киева и Москвы, начавшийся в 2014 году и вызванный приходом к власти на Украине сторонников однозначной ориентации на идеологию евроатлантизма, среди которых заметное место принадлежало националистическим партиям и объединениям, стал катализатором запуска механизмов ускоренных и кардинальных изменений в концепции национальной идентичности и истории страны, воспринятых украинским обществом далеко неоднозначно. Украинское государство встало перед реальной угрозой распада, когда, с одной стороны, стартовал процесс самоопределения пророссийских регионов Юго-Востока, в одних случаях (Крым) приведший к отделению, в других (Донецк, Луганск и прилегающие к ним районы) – к затяжному военному конфликту, с другой, как никогда прежде активизировались радикальные националистические силы, радикализм которых также представлял угрозу целостности многонациональной страны.

Возложив ответственность за отделение Крыма и конфликт на Юго-Востоке на Москву, официальный Киев в конце 2014-начале 2015 гг. предпринял попытку «декоммунизации» истории и общественной жизни, приняв так называемый «декоммунизационный пакет», ставший одним из самых дискуссионных и противоречивых решений украинского руководства в рассматриваемый период. Помимо прогнозируемой резко негативной реакции со стороны России, принятые весной 2015 года законы вызвали вопросы и у представителей профессионального сообщества историков из стран дальнего зарубежья. В частности, по информации британских СМИ, группа историков из США, Канады, Германии и Украины в специальном письме обратилась к президенту Порошенко с призывом не подписывать закон «Об осуждении коммунистического и национал-социалистического (нацистского) тоталитарных режимов», поскольку он политизирует историю²²⁵.

Равным образом и закон «Об увековечении победы над нацизмом во Второй мировой войне 1939-1945» изначально стал вызывать вопросы относительно того, насколько он способен содействовать декларируемой украинским руководством цели – преодолению общественного раскола по отношению к историческому прошлому. Так, согласно данным социологических исследований, проведенных центром «Социальный мониторинг» весной 2015 года, 78% населения Украины выступали за продолжение празднования Дня Победы 9 мая, в то время как вариант

²²⁵ Порошенко подписал законы о декоммунизации // BBC-Украина: http://www.bbc.co.uk/ukrainian/ukraine_in_russian/2015/05/150516_ru_s_decommunisation_laws_signing

празднования 8 мая, как в странах Западной Европы, поддерживало только 8% украинцев²²⁶.

С точки зрения перспектив дальнейшего воздействия упомянутых законодательных изменений на Украине на российско-украинские отношения можно прогнозировать, что в случае полного их применения в существующей редакции эти законы будут неизбежно содействовать усилению ментального разрыва между молодыми поколениями украинцев и россиян, которые будут обучаться и воспитываться в диаметрально противоположных системах координат и ценностных установок, взятых из примеров прошлого.

Что касается влияния новых законов на перспективы взаимодействия историков двух стран, то, вне всяких сомнений, «декоммунизационный пакет» серьезно увеличивает дистанцию между современными российскими и украинскими историками как с терминологической, так и с оценочной точки зрения, крайне осложняя научную дискуссию по многим вопросам. Попытки заинтересованных представителей профессиональных сообществ двух стран наладить механизмы (одним из которых, в частности, являлась работа совместной российско-украинской комиссии историков) совместной исследовательской работы над проблемными аспектами общего исторического прошлого к середине второго десятилетия XXI века столкнулись с таким труднопреодолимым препятствием как неблагоприятная внешнеполитическая конъюнктура.

²²⁶ Опрос: 78% населения Украины – за продолжение празднования дня Победы 9 мая // RT на русском - URL: <http://russian.rt.com/article/84660>

ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА В «ПОСТУКРАИНСКОМ» МИРЕ: ИДЕНТИЧНОСТЬ И ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЕ ПРОЕКТИРОВАНИЕ

В условиях глобализирующегося мира региональная идентичность вместе с национальной начинает серьезно корректировать процессы глобализации. Всплеск национализма и повсеместное распространение национальных движений получили в многочисленных научных исследованиях наименование «этнического парадокса XX века». К примеру, один из самых известных специалистов в этой области Э. Геллнер утверждает, что «в эпоху позднего индустриализма, - благодаря росту благосостояния, уменьшению дистанций между культурами, появлению всемирного рынка и стандартизации образа жизни, - накал националистических страстей постепенно снижается» [1]. События последнего десятилетия XX века доказали преждевременность подобных выводов. Национализм, базирующийся на этнической самоидентификации, как части идентификации социальной, укрепляет свои позиции.

Основатели теории социальной идентичности рассматривают её как уровень самокатегоризации. (Л. Шнейдер, Дж. Тернер). Для целей нашего исследования очевидно, что и представители интеракционистской школы (Дж. Мид, И. Гоффман), школы социальных представлений (С. Московичи, М. Заваллони), - рассматривают социальную идентичность как один из уровней Я-отнесенности (самокатегоризации, «Я-концепции»).

Этническая идентичность – часть социальной идентичности личности. В её структуре обычно выделяют два основных компонента – когнитивный (знания, представления об особенностях собственной группы и осознания себя её членом) и аффективный (оценка качеств собственной группы, значимость членства в ней). Выделяется также и поведенческий компонент социальной идентичности, построение системы отношений и действий в различных этноконтактных ситуациях.

Тем самым идентичность выступает в форме своеобразной самопрезентации, в рамках которой один человек или общность людей, в т.ч. и территориальная, оценивают свое положение по отношению к внешнему миру. Как отмечает немецкий политолог А. Нойманн: «...идентичность - это не данность, а отношение, постоянно формируемое и реформируемое в рамках определенного дискурса» [2]. При этом территориальная идентичность долгое время оставалась практически вне поля зрения ученых. Приведем пример явной недооценки роли территориальных факторов: «Мир повседневной жизни имеет пространственную и временную структуры. Пространственная структура здесь нас мало интересует. Достаточно сказать лишь то, что она имеет

социальное измерение благодаря тому факту, что зона моих манипуляций пересекается с зоной манипуляций других людей. Гораздо важнее для нашей цели временная структура» [3]. Социологи указывают, что «... социология пространства на самом деле развивается, но не столько социологами, сколько географами. Здесь, в общем, все логично: если географию понимать как «науку о пространстве», а социальную географию — как науку о человеческом поведении в пространстве, о размещении в пространстве социальных институтов, о планировании пространства, о перемещениях людей, в конце концов, об их представлениях о пространстве, то область социологии пространства будет, кажется, почти исчерпана» [4].

Теоретической предпосылкой к рассмотрению вопросов региональной идентичности и суверенитета и практике геополитического конструирования в Восточной Европе могут стать и различные концепции теории международных отношений. В рамках теории международных отношений подходы транснационалистов, как правило, характеризуются через четыре главные тенденции:

1. Размыванию границ между внутренней и внешней политикой. Международная активность регионов и других объектов федеративных государств, непосредственное влияние международной жизни на внутривнутриполитические процессы.

2. Демократизация международных отношений и внутривнутриполитических процессов, основанная на достижениях постиндустриальной революции и распространении информации.

3. Возрастание роли трансграничных экономических акторов.

4. Модификация традиционных подходов к суверенитету.

Роберт Кеохейн и Джозеф Най в своей, теперь уже классической работе, «Транснациональные отношения и мировая политика» [5] указали на качественный и одновременно резкий рост уровня взаимозависимости между отдельными странами, регионами и нетрадиционными акторами в экономической, политической и социальной сферах. Как отмечает Л. Фосет, «регионализация мировой экономики была отчасти продиктована противодействием государств разрушительным последствиям глобализации» [6].

Глобальный мир пост-Вестфальской эпохи демонстрирует деструкцию государственной идентичности, ключевым признаком которой является суверенитет. Сама постановка вопроса об определении «европейских идентичностей», при котором приоритет отдается уже не «европейской идентичности» как таковой, но сумме географически весьма разрозненных, культурно децентрализованных и политически очень неравных идентичностей» [7]. В результате правящие элиты Восточной Европы, начиная с 90-х годов добровольно секвестировали качество и

количество суверенных управленческих функций. Особенно выпукло этот процесс происходил там, где делегирование суверенитета было оформлено в общественном сознании не как осознанная, но тяжелая жертва (к примеру, Польша), а как сознательная жертва на алтарь десоветизации (к примеру, Литва).

По мнению Ларри Вульфа, вплоть до начала XVIII столетия европейцы подразделяли свой континент на средиземноморский Север и балтийский Юг, и лишь с наступлением века Просвещения родилась концепция «Восточной Европы» [8]. С нашей точки зрения, географическая данность приобрела политическое наполнение в 1918-1920 гг. С 1944 по 1956 год формировалась вторая версия Восточной Европы. Процессы распада социалистической системы и СССР в 1986-1991 году дали начало третьей, но не последней стадии эволюции региона. Расширения Европейского Союза на восток не привели к отмиранию Центрально-восточной Европы как региона [9].

Сама по себе Восточная Европа как политический регион возникла в рамках версальско-вашингтонской системы. Однако нельзя сказать, что это произошло одновременно. Территориально-политическое устройство в регионе непрерывно менялось вплоть до 1939 года, продолжало эволюционировать в годы второй мировой войны (первый и второй венский арбитраж).

Регион Центральной Восточной Европы обладает собственными внутренними источниками конфликтогенности. Это обстоятельство де-факто признается в восточноевропейских столицах. Вопрос лишь в том, какие из этого делаются выводы. Длительное пребывание польского народа в составе объективно чужих империй привело к формированию собственного имперского комплекса на удивление прочного и продолжающего определять внешнюю политику ряда восточноевропейских государств спустя 100 лет после Версаля.

Падение советской системы не изменило идентичность региона. Центрально-восточные европейские страны попали в орбиту влияния Европейского Союза как нового интеграционного проекта, а затем и вошли в его состав. Расширение Евросоюза оказало существенное влияние на политику и экономику ЦВЕ, но не изменило периферийный политический статус региона и специфику его экономического развития. Это связано с тем, что в основе центрально-восточной европейской идентичности не только коммунистическое прошлое. Кроме того, научное и экспертное сообщество именно этот, коммунистический этап, считает ключевым для формирования идентичности. Это не корректно с точки зрения хронологии. Эпоха «мировой системы социализма» - не более 30 лет из столетия жизни региона. В России подобные объяснения феномена ЦВЕ весьма часты, к примеру, в работах И.Н. Тарасова [10]. Значимое

исключение - труды Романенко С.А., еще в 1994 году отмечавшего: «ученые и журналисты часто рассматривают межэтнические конфликты в Восточной и Средней Европе исключительно как наследие коммунизма, который сдерживал процессы национального самоопределения, или, наоборот, как результат краха этой системы, сдерживавшей этнические конфликты» [11].

В этом контексте важно отметить, что вопросы генезиса политической Восточной Европы изучаются довольно давно, дискуссии по данной теме вызывают большой интерес. В 2007 году вышла не рядовая книга: «Восточная Европа после «Версаля»», серия «Славянская библиотека», «Алетейя», М. 2007 год [12]. Интересно, что она с одной стороны получила высокую оценку на радио «Свобода» [13], а с другой - не вызвала резкой критики той части экспертного сообщества, для которой комплимент на радио «Свобода» сам по себе является формальным поводом для начала дискуссии.

Следующий вопрос географические границы и внутренняя структура междуморья. По мнению профессора П. Тамаша, междуморье «составляют три шлейфа: 1) Балтийская зона 2) Польская зона 3) Южная зона (Причерноморье)» [14]. Близкая позиция у А.В. Мальгина: «Исходя из понимания международно-политического региона как совокупности явлений международной жизни, протекающих в определенных территориально-временных координатах можно констатировать появление устойчивого феномена - «новой Восточной Европы»» [15]. Компоненты этого региона: во-первых, это три страны восточноевропейского фланга СНГ. Во-вторых, приграничные страны «классической» Восточной Европы - Польша, Словакия, Венгрия и южные соседи - Румыния, возможно, Болгария. Третий примечательный компонент региона «новой Восточной Европы» - страны Прибалтики. Рассматривая этот вопрос, следует указать и на коллективную монографию французских и польских историков: Алексюн Н., Бовуа Д. и др. История Центрально-Восточной Европы СПб.: Евразия, 2009. По мнению профессора Романенко: «авторы книги объединили свои усилия в стремлении дать максимально полное представление об истории стран и народов того региона, которому они дали условное название «Центрально-Восточная Европа». Строго формально, это история Польши, Чехии и Венгрии в их исторически менявшихся границах, которые в разное время включали в себя также территории современных Литвы, Белоруссии, Украины, Словакии и некоторых других стран» [16]. «Историко-географический регион Средней Европы состоит из двух субрегионов - Центральной Европы и Юго-Восточной Европы, то есть Балкан. До и после переустройства этого пространства после окончания Первой мировой войны этот регион относили также к Восточной Европе. Однако термин «Восточная Европа»

(понятие существовало с XVII-XVIII вв.), с 1945 по 1991 гг. имел совершенно определенное военно-политическое и социально-идеологическое содержание» [17].

Несмотря на все старания, концепция «Центрально-Восточной Европы» остается спорной и не получила сколько-нибудь серьезного признания за пределами узкого круга ее сторонников, что можно объяснить очевидной искусственностью самого термина [18]. Збигнев Бжезинский так охарактеризовал международное положение на территории бывшего СССР: «...теперь заполнено дюжиной государств, большинство из которых (кроме России) едва ли готовы к обретению подлинного суверенитета.... Их жизнеспособность представлялась сомнительной, в то время как готовность Москвы постоянно приспосабливаться к новой реальности также выглядела непредсказуемой» [19].

Границы региона достаточно подвижны. С 1920-х гг. германские географы и историки вводят понятие «Средняя Европа» (*Mittel Europa*) или, иногда, «Восточно-Центральная Европа» (*Ostmittel Europa*), включая при это собственную страну в состав этого региона. Укажем и на то, что немецким геополитикам 20-х – 30-х годов не пришло бы в голову включать в состав региона Восточной Европы Советскую Украину или Белоруссию. По мнению С.А. Романенко, историко-географический и политический регион Средняя Европа состоит из двух субрегионов – Центральной Европы и Юго-Восточной Европы, то есть Балкан [20].

Отмечая проблематичность этой терминологии, известный немецкий историк К. Цернак предлагал еще в 1977 г. трактовать термин «Восточная Европа» в широком смысле как особую территориально-политическую систему. В более поздних работах он не только вернулся к этому вопросу, но и подробно исследовал польско-российские отношения [21].

Итак, в конце XX века этот регион «увеличился» за счет распада СССР на Украину, Белоруссию, Молдавию. Эти три государства, при всех внутренних различиях представляют определенную общность как историко-географического, так и экономического характера. Далее, следует отметить, что само понятие «Восточная Европа» является не только указанием на географические и политические особенности, но и на экономическую специфику. Историческая тупиковость пути догоняющего развития и попыток прыгнуть на подножку уходящего поезда западной цивилизации продемонстрирована всем ходом нашей истории в 90-ые годы XX века: «Переходный период» окончился провалом, а мировая конъюнктура становится все менее демократичной, и все более рыночно-авторитарной [22]. Привлекательность западноевропейской модели на рубеже 2015-2016 гг. видится существенно иначе, чем в начале века. Причина – фундаментальная недооценка национализма.

Классик геополитики в своей работе «Агония коммунизма» выпущенной в СССР стотысячным тиражом (!?) отмечал: «марксизм-ленинизм не предвидел и не учел тех фундаментальных сил, которые формируют международную ситуацию... Он недооценил роль этноса и национализма» [23].

Периферийность Восточной Европы имеет не только пространственное, но и временное измерение. «Жившие часто на одной территории разные средне- и восточноевропейские народы объективно препятствовали политическому самоопределению друг друга в соответствии с классическим принципом 19 века «одна территория - одна нация - одно государство». В Восточной и части Средней Европы утвердилась не модель полиэтничного государства-нации, как в Западной Европе, а моноэтничного государства-национальности [24]. Именно поэтому масштабные издержки для политического и экономического суверенитета, связанные с евроинтеграцией, были сочтены оправданными.

Территориальная эволюция СССР не изменила сам характер геополитического проектирования в Восточной Европе, правильнее говорить о сокращении пространственного масштаба. Г.М. Маленков, подводя внешнеполитические итоги развития страны в 1949 году, подчеркивал: «Никогда на протяжении всей своей истории наша Родина не имела столь справедливо и хорошо устроенных государственных границ. Взгляните на карту. На Западе - Украина собрала в одну семью весь свой украинский народ. Устранена историческая несправедливость в отношении границ Белоруссии и Молдавии. На Западе нет больше Восточной Пруссии - этого многовекового плацдарма для нападения на нашу Родину» [25]. Актуализация указанных проектов началась после украинского кризиса. 12 авг. 2015 г. в Киеве состоялась пресс-конференция на тему: «Создание альянса Балто-Черноморских Наций (АБЧН)». Общественная организация «Балтийско-Черноморская Конфедерация» создана в феврале 2015 года. Любые иные подходы, связанные к примеру с Беларусью встречены были жесткой критикой. Выбор белорусского общества в пользу тесных отношений с Россией оценивался польскими учеными негативно, высказывалось сожаление об упущенных возможностях ориентации на «европейские ценности» [26].

Идеи регионостроительства стали популярны и в Литве. Литовский политолог Э. Некрашас отмечал, что «настойчивые усилия стать региональным лидером отдаляют Литву от Европы»: «осуществляя концепцию регионального лидерства, Литва больше внимания уделяла отношениям с восточными соседями, а не с западными, в первую очередь с важнейшими странами ЕС – Германией, Францией, Соединённым Королевством» [27]. Кризис на Украине, спровоцированный Литвой, по

большому счету, стоил «четверке» европейского имиджа. Европа разочаровалась в возможностях вишеградского ансамбля [28].

Следующий принципиально важный вопрос касается оценки российского фактора в формировании и функционировании Балтийско-Черноморских проектов – концепций Междуморья. Рассмотренные источники и литература убедительно свидетельствуют о том, что данные политические проекты никак не могут считаться нейтральными по отношению к России [29].

Подведем итоги. Адаптируясь к новым условиям по форме, проекты «Междуморья» содержательно являются фактором сдерживающим развитие Восточной Европы как политического и экономического региона. Восточная Европа как историческая и политическая общность объективная реальность и имеет все возможности для самостоятельного и самодостаточного развития. Не критичное смешение объективных характеристик Восточной Европы как региона заинтересованного в сотрудничестве с Россией и концепции «Междуморья» изначально антироссийской, особенно контрпродуктивно в современных условиях.

Литература

1. Гелтнер Э. Пришествие национализма. Мифы нации и класса. Путь. Международный философский журнал. 1992. № 1. С. 42.
2. Neumann I.B. Russia as Central Europe's Constituting Other.// East European Politics and Societies. 1993. Vol. 7. N 2.30, p. 349.
3. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности М. 1995 с.49.
4. Филиппов А. Социология пространства: общий замысел и классическая разработка проблемы // Логос №5-6 2000 http://www.ruthenia.ru/logos/number/2000_5-6 (дата обращения: 17.12.2015)
5. Transnational Relations and World Politics. Co-authored and co-edited with Robert O. Keohane // Cambridge: Harvard University Press, 1970.
6. Fawcett L. Regionalism in Historical Perspective // Regionalism in World Politics. Ed. By Fawcett L. And Hurrell A.-Oxford University Press, 1995. – p. 26.
7. Казаюс Ж. Европейская идентичность // Европейская интеграция: современное состояние и перспективы Минск 2001 с.302.
8. Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения // Пер. с англ. И. Федюкина.— М.: Новое литературное обозрение, 2003.
9. Цымбурский В.Л. Как живут и умирают международные конфликтные системы (Судьба балтийско-черноморской системы в XVI-XX вв.) – «Полис», № 4, 1998; Ильин М.В. Балто-Черноморская система как фактор формирования государств в Восточной Европе. – «Политическая наука», № 1, 2008.
10. Тарасов И.Н. Идеологическое перепутье Центрально-Восточной Европы <http://www.perspektivy.info/print.php?ID=35964> (дата обращения: 27.12.2008); Тарасов И.Н. Выбор формы правления как институциональная проблема посткоммунизма: опыт стран Центрально-Восточной Европы // ПОЛИТЭКС. Политическая экспертиза. 2010. №1. С. 83-94.
11. Романенко С.А. Процесс национального самоопределения народов средней и восточной Европы: итоги к концу 20 века // Migracijske teme. Časopis za istraživanje migracija i narodnosti. – Zagreb, 1994. – G.10. – с.226.

12. «Восточная Европа после "Версаля"», серия «Славянская библиотека», «Алетейя», М. 2007 г.

13. Мир силой оружия. «Восточная Европа после «Версаля»» <http://www.svoboda.org/content/article/405502.html> (дата обращения: 03.08.2007).

14. Рябиченко А. Профессор Пал Тамаш предлагает создать «Новую Ганзу» http://russiancouncil.ru/blogs/norrsida/?id_4=833 (дата обращения: 22.11.2013).

15. Мальгин А.В. «Новая Восточная Европа» и стратегические интересы России http://mgimo.ru/gpf-yaroslav/210341.html?sphrase_id=127957 (дата обращения 21.12.2015).

16. Носков В.В. Изобретая Центрально-Восточную Европу. К выходу в свет коллективного труда польских и французских историков «История Центрально-Восточной Европы» // Диалог со временем. 2010. № 32. С. 323.

17. Романенко С.А. Межэтнические противоречия, региональное самосознание и политические союзы в южной части Средней Европы в конце XIX - начале XX в Вестник Российский государственный гуманитарный университет Серия «Международные отношения. Регионоведение» № 7 (87) с.39.

18. Носков В.В. Изобретая Центрально-Восточную Европу. К выходу в свет коллективного труда польских и французских историков «История Центрально-Восточной Европы» // Диалог со временем. 2010. № 32. С.330.

19. Бжезинский З. Великая шахматная доска (Господство Америки и его геостратегические императивы). М.: Международные отношения, 2000. с.110.

20. Романенко С.А. Межэтнические противоречия, региональное самосознание и политические союзы в южной части Средней Европы в конце XIX – начале XX в. // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Серия «Международные отношения. Регионоведение». – М., 2012. – № 7(87).с.36.

21. Zernack Klaus Polska i Rosja: dwie drogi w dziejach Europy // Wiedza Powszechna. Warszawa, 2000. S.783.

22. Казин Ф.А. Закат транзитологии или «серая зона» Европы? // Центр международной и региональной политики <http://www.cirp.ru/publications/kazin/transition.htm> (дата обращения: 21.12.2015).

23. Бжезинский З. Агония коммунизма // Квинтэссенция: Филос. Альманах. Сост.: В.И. Мудрагей, В.И. Усанов. М.: Политиздат 1990 с.269.

24. Романенко С.А. Процесс национального самоопределения народов средней и восточной Европы: итоги к концу 20 века // Migracyjne teme. Ćasopis za istraŭivanje migracija i narodnosti. – Zagreb, 1994. – G.10. – с. 249.

25. Маленков Г. М., 32-я годовщина Великой Октябрьской социалистической революции. Госполитиздат, М., 1949, стр. 5-6.

26. Wierzbicki A. Nacjonalizm i geopolityka w Europie Wschodniej. // Geopolityka w stosunkach polsko-rosyjskich. // Uniw. Warszawski ; Międyzinstytutowa Pracownia Badań nad Rosją i Państwami Poradzieckimi. Warszawa : Oficyna Wydawnicza ASPRA-JR, 2012. S.111-112; Тарасов И.Н. Выбор формы правления как институциональная проблема посткоммунизма: опыт стран Центрально-Восточной Европы // ПОЛИТЭКС. Политическая экспертиза. 2010. №1. С. 83-94.

27. Nekrašas E. Kritiniai pamąstymai apie Lietuvos užsienio politiką / E.Nekrašas. – Politologija. – 2009. – 2(54) tomas. – P.141.

28. Шишелина Л.А. Обращение к читателям. «Вишеградская Европа» №3 2014 // Приложение к журналу Института Европы РАН «Современная Европа» 2014, № 4 с.7.

29. Житин Д.В. Геополитика России: 400 лет назад и сегодня. // Известия РГО, Т.126, Вып. 6, 1994. - с.31-37.

ЧАСТЬ 4

СЕКЦИЯ «ПОЛИТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ: ОНТОЛОГИЯ, ЭПИСТЕМОЛОГИЯ, МЕТОДОЛОГИЯ»

(модератор: Т.А. Алексеева)

**Т.А. АЛЕКСЕЕВА
А.П. МИНЕЕВ
И.Д. ЛОШКАРЁВ**

КВАНТОВЫЙ ПОДХОД К МЕЖДУНАРОДНЫМ ИССЛЕДОВАНИЯМ

Поиск оптимального теоретического инструментария в теории международных отношений (и шире – в политической науке) продолжается уже несколько десятилетий. Хорошо изучены слабые места реализма, либерализма, марксизма и их последующих модификаций. Долгое время казалось, что выходом из положения может стать некая срединная позиция. Именно такой посыл лежал в основе исследовательских программ сначала британской школы теории международных отношений, а затем конструктивизма. Помимо этого, ТМО пережила большое количество так называемых поворотов (например, культурный, нарративный, визуальный и другие²²⁷). Каждый из них, вероятно, не смог решить фундаментальные проблемы эпистемологического и онтологического характера – даже путем декларирования некой альтернативы в их постановке и решении.

Александр Вендт был непосредственным участником новых поисков в рамках теории международных отношений, изначально, в рамках конструктивизма. К середине 1990-х гг. в общем и целом сформировался современный конструктивизм как субстантивный (содержательный) подход к изучению международного поведения, вызвав, на волне пересмотра многих постулатов вследствие окончания «холодной войны», бурные дебаты в доминирующем дискурсе теории международных отношений.

Практически с самого начала четко обозначились два течения внутри конструктивизма – североамериканское и европейское, различающиеся, причем довольно существенно, в отношении целого ряда вопросов и методов исследования. «Североамериканский» вариант делает особый

²²⁷ См. Например: Алексеева Т.А. Химеры страны Оз: "культурный поворот" в теории международных отношений // *Международные процессы*. - 2012. - Т. 10, № 3. - С. 4-19; Callahan W.A. The Visual Turn in IR: Documentary Filmmaking as a Critical Method // *Millennium - Journal of International Studies*. – 2015. – Vol. 43 № 3. pp. 891-910; Bleiker R. The Aesthetic Turn in International Political Theory // *Millennium - Journal of International Studies*. – 2001. – №30. pp. 509-533; Lapointea Th., Dufour F.G. Assessing the historical turn in IR: an anatomy of second wave historical sociology // *Cambridge Review of International Affairs*. – 2012. – Vol. 25, № 1. pp. 97-121; Roberts G. History, theory and the narrative turn in IR // *Review of International Studies*. – 2006. – Vol. 32, № 04. pp 703-714.

акцент на роли «социальных норм» и «идентичности» в конструировании мировой политики и определении результатов внешнеполитической деятельности; в нем по-прежнему доминирует позитивизм, а основной интерес сосредоточен на «вскрытии дедуктивных механизмов «сверху-вниз» и каузальных отношений между акторами, нормами, интересами и идентичностью». Именно к этому лагерю с некоторой долей условности можно отнести А. Вендта, П. Катценштайна, И. Лапида и др. «Европейский» вариант уделяет внимание роли «языка», «лингвистических конструкций» и «социальных дискурсов» в конструировании социальной реальности и, разумеется, «идентичности»; в нем доминируют пост-позитивистские и интерпретативные подходы, и наряду с дедуктивным широко используется индуктивная (снизу вверх) стратегия исследования. Среди его адептов можно назвать таких известных исследователей как А. Матиас, Ф. Краточвилл и Т.Хопф²²⁸. Однако все различия между конструктивистами все же не столь велики, никто из них не подвергает сомнению сам процесс социального конструирования акторов.

В полной мере запрос на перемены и поиск оптимального теоретического инструментария осознавал Александр Вендт, один из самых влиятельных теоретиков МО современности. Вендт отдавал себе отчет, что попытки решать фундаментальные проблемы в узких рамках ТМО могут оказаться непродуктивными. Поэтому Вендт расширил масштаб поиска ответов фактически до предметного поля всех социальных наук. Ученый ищет ответ на важнейший вопрос, почему и как происходит формирование социального. По его мнению, в основе этого процесса лежат социальные действия, одно из важнейших звеньев в сложнейшей цепи взаимовлияний актора и социальной структуры, которые взаимно конструируют друг друга. В ходе этих взаимодействий акторы производят некие сигналы, интерпретируют и реагируют на сигналы других. Это запускает процесс формирования интерсубъективного (разделяемого акторами) значения действий. В результате многократных взаимодействий акторов возникают социальные структуры, существование которых определяется практикой (последующим повторением действий) и убежденностью акторов в существовании таких структур²²⁹. Для международных отношений такой подход означает, государства не имеют преддetermined позиции в отношении друг друга: характеристики их отношений вызревают в результате «первого контакта» и

²²⁸ Алексеева Т.А. Мыслить конструктивистски: открывая многоголосый мир / Т.А. Алексеева // Сравнительная политика. - 2014. - № 1. - С. 5.

²²⁹ Wendt A. Anarchy Is What States Make of It: The Social Construction of Power Politics // Essential Reading in World Politics. Ed. by K.A. Mingst, J.L. Snader. 4th ed. – New York, London: W.W. Norton&Company, 2011. pp. 69-71

сформировавшихся на его основе представлений о намерениях другой стороны.

Для многих исследователей представленное Вендтом объяснение природы социальных (в том числе, межгосударственных) взаимодействий оказалось достаточным, но не для самого ученого. Важным элементом его концепции оказалось понятие значения и шире – проблема соотношения материального и представлений акторов о материальном. Вендт разработал свою версию конструктивизма на основе каузальной (причинно-следственной) теории референции. То есть, значение формируется на основе процесса называния и последующего распространения названия. Название – это каузальная связь между словом и объектом, а распространение – это такая же связь между словом и социальными взаимодействиями (шире – структурами). Выходит, что значение, хоть и не напрямую, но зависит от материальных факторов²³⁰. Но эта каузальная логика обуславливала появление проблемы начала: непонятно, как был запущен цикл называния-распространения-значения и, шире, как в материальном вырзела необходимость социального.

Александр Вендт, вероятно, стремился найти компромиссную позицию, которая подкрепила бы его взгляд на соотношение структуры и актора, а также на баланс между базовыми компонентами самого актора – телом и разумом. Выходом из положения оказалась теория эмерджентизма. Согласно этой теории, постоянно появляются абсолютно новые феномены, существование которых нельзя было предсказать на основе предыдущего состояния Вселенной. Но Вендт не стремится выборочно применить теорию, его цель, по большому счету, – доказать правильность его срединного пути, добавить аргументы в пользу его взгляда на соотношение структуры и агента. Именно поэтому ученый обращается к квантовой физике, где есть наглядные доказательства эмерджентизма – например, коллапс волновой функции. В итоге, квантовая физика становится базой для формирования нового подхода к социальной действительности, в том числе к функционированию международных отношений.

Нельзя утверждать, что квантовая логика совсем не применялась в теории международных отношений до А. Вендта, тем не менее, такие попытки были, скорее, неосознанными для ученых. Как ни парадоксально, но абсолютно «квантовым» является понимание силы государства у реалистов и неореалистов. Напомним, что сила государства у реалистов относительна и связана со способностью не только влиять на других, но и, в какой-то мере, уберечься от внешнего влияния, но – до определенного предела. Чем больше возможность противостоять давлению извне, тем

²³⁰ Wendt A. *Social Theory of International Politics*. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. pp. 57-63

«сильнее», в конечном счете, государство. Особенно четко этот тезис прозвучал у Дж. Мершаймера: «осознавая, что они действуют в условиях системы «помоги себе сам», государства быстро понимают, что лучший путь к выживанию – это быть самым сильным государством в системе»²³¹. А сама возможность максимизировать силу напрямую опирается на материальные возможности: то есть малые государства (например, Науру или Лихтенштейн) изначально не способны что-либо противопоставить внешнему давлению. Это напоминает один из основополагающих принципов квантовой физики – абсолютность размера. Таким образом, в отношении «сильного» государства работает логика классической механики, где величина объекта зависит от возможности найти способ пренебречь тем возмущением (изменением), которое возникает при наблюдении (~ внешнем воздействии). Аналогично, для малых государств реалисты не предоставляют такой возможности, как и квантовая физика для субатомных явлений.

Первые наброски физикалистского поворота в рассуждениях самого Вендта можно проследить еще в фундаментальной работе «Социальная теория международных отношений» (англ. *Social Theory of International Politics*. Cambridge, Cambridge University Press, 1999). Исследования заняли у Вендта более 10 лет, хотя первые итоги своих поисков ученый суммировал в обзорных главах конструктивистских сборников, а именно в разделах «Социальная теория как Декартова наука: самокритика с позиций квантового подхода» («*Social Theory as Cartesian science: An auto-critique from a quantum perspective // Constructivism and International Relations: Alexander Wendt and his Critics*. Ed. by St. Guzzini, A. Leander. London: Routledge, 2006.) и «Двухмерный мир: Квантовый разум и международная голограмма» («*Flatland: Quantum Mind and the International Hologram // New Systems Theories of World Politics*. Ed. by M. Albert, L.-E. Cederman, A. Wendt. New York: Palgrave Macmillan, 2010.). В этих работах наметился пересмотр роли государства и некоторых терминологических предпочтений исследователя. В то же время, эти разделы в книгах не дают целостной картины замысла исследователя.

Наконец, в апреле 2015 года вышла книга А. Вендта «Квантовый разум и социальная наука: объединение физической и социальной онтологии» / «*Quantum Mind and Social Science: Unifying Physical and Social Ontology*» (далее – «Квантовый разум»). Это исключительно амбициозный проект: Вендт попытался не столько вдохнуть новую жизнь в конструктивизм, сколько предложить совершенно новую парадигму международно-политических исследований, опираясь на достижения

²³¹ Mearsheimer J.J. *Anarchy And the Struggle For Power // Essential Reading in World Politics*. Ed. by K.A. Mingst. J.L. Snader. 4th ed. – New York, London: W.W. Norton&Company, 2011. p. 33

современной физики. Пересмотру были подвергнуты многие понятия, такие как государство, индивид, идентичность и некоторые другие.

В своей последней работе Вендт формулирует новое видение социального. Его доводы сводятся к следующему. Во-первых, никто не берется оспаривать, что законы физики действуют во всей Вселенной, в том числе в ее социальной части. Во-вторых, существует явление сознания, которое не получается адекватно концептуализировать ни в социальных науках, ни в естественных. Значит, заключает Вендт, исследователи используют не те физические законы. Поскольку микромир первичен по отношению к остальным уровням бытия, именно законы микромира (квантовая физика) должны стать ключом к разъяснению сущности сознания. Это обстоятельство позволяет приписывать сознанию квантовую природу²³². Но это означает и более масштабный вывод – с помощью квантовой физики можно описать (и, вероятно, математическим путем) социальные процессы, в основе которых определенно находится актор, обладающий сознанием.

Какие принципы и концепции квантовой физики могут применяться в ТМО и шире – в социальных (в том числе, политических) науках? Прежде всего, речь идет о следующих:

1) дуализм волн и частиц, то есть наличие у субатомных феноменов двух взаимозаменяемых и неэквивалентных описаний;

2) коллапс волновой функции, то есть отсутствие «очевидных» (основанных на оценке предыдущего состояния объекта) причин перехода от волны к частице;

3) проблема измерения, то есть влияние субъекта познания на объект познания, невозможность пренебречь возмущением объекта при измерении;

4) нелокальность, то есть взаимосвязь и взаимовлияние волновых эффектов при отсутствии «очевидных» на то причин.

Применение этих концепций квантовой физики позволило Александру Вендту сформулировать 3 принципа эмерджентизма в социальных науках, в том числе в ТМО:

1) несводимость целого к сумме частей;

2) проявление новых качеств у новых явлений;

3) влияние новых качеств целого на характеристики его частей (исходящая цепочка причинно-следственных связей)²³³.

Опять же, нет сомнения, что А. Вендт далеко не первым обосновал данные тезисы. В течение XX века большое число авторов обосновывали важность применения открытий в области физики в социальных науках, в

²³² Wendt A. Quantum Mind and Social Science: Unifying Physical and Social Ontology. – Cambridge: Cambridge University Press, 2015. pp. 27-30

²³³ Op. cit. p. 248

том числе, применения квантовой физики (например, Р. Пенроуз, Г. Стэпп). В их работах отчетливо содержался призыв придать физике не только онтологический, но и эпистемологический авторитет. Хотя принципиальных возражений по этому поводу не возникало, гуманитарии в широком смысле слова уклонялись от наполнения этих призывов содержанием, физикализм (даже в его квантовой разновидности) оставался умозрительной декларацией. Напротив, «технари» нередко обращались к мысли, что физическое знание о мире не нуждается в философском обосновании, подменяя эпистемологический авторитет эпистемологическим верховенством²³⁴. Заслуга Александра Вендта заключается, в том числе, в попытке примирить естественные и гуманитарные науки, в обозначении конкретных направлений применения квантовой физики в социальных науках. К таким направлениям, прежде всего, относится явление сознания.

Применяя теоретические наработки квантовой физики, гуманитарии получают в некотором роде легитимное право на рассуждения о социальной структуре, хотя это явление невидимо. Важно, что соблюдается баланс: нет необходимости признавать исключительно материальную природу за тем, что, тем не менее, описывается физическими законами. К таким ненаблюдаемым структурам относятся, прежде всего, сознательное и бессознательное – как индивидуальное, так и коллективное.

С помощью «квантового физикализма» или «квантового витализма» Александр Вендт решает ряд проблем, с которыми он столкнулся в процессе формулирования своей версии конструктивизма в МО. Во-первых, ему не удалось до конца вписать в свое видение субъективное начало, непреднамеренные элементы в действиях акторов. Теория эмерджентизма (которая отчасти присутствовала и у Дж. Г. Мида, на работы которого Вендт опирался) и включение бессознательного в процесс эволюции идентичности социального актора, вероятно, снимают остроту этой проблемы. Во-вторых, квантовый подход до определенной меры реабилитирует индивида в международных отношениях. Долгое время важность индивида скорее декларировалась. Однако Вендт с помощью теоретического инструментария квантовой физики описывает общество как некую голографическую модель, в которой коллективная идентичность (персонализируемая часть сознания) зависит как от «социальных» волн,

²³⁴ Юлина Н.С. Что такое физикализм? Сознание, редукция, наука // Философия науки и техники. – 2006. – Т. 12. № 1. С. 10-11

так и от «индивидуальных». Ученый называет такой подход «партиципаторной онтологией»²³⁵.

Несмотря на фундаментальность и универсальность «Квантового разума», ряд аспектов автор не смог затронуть. Вендт отмечает: «С точки зрения объяснения (социальных процессов. – Авт.), мне не удалось разработать общую теорию общества, такую как либерализм или марксизм; мне не удалось предложить конкретные теории относительно автономных социальных систем, таких как международная система; и у меня не получилось проверить выдвинутые теории на эмпирическом материале. С нормативной точки зрения, я не выдвинул предположения, как квантовый подход может влиять на наше восприятие закона, прав человека и любых иных вопросов, которые подразумевают наличие аспектов морали или политической философии»²³⁶.

В результате, Вендт дал старт для широкой дискуссии по поводу квантового подхода в теории международных отношений (и шире – в политической науке). Если базовая гипотеза Вендта о «квантовом разуме» подтвердится, перед политической наукой встанут новые задачи, а именно – пересмотреть роль индивида, властных отношений, государства и межгосударственных отношений. Волновая природа социальных отношений (если таковая существует) совершенно по-новому актуализирует вопрос о циклах в развитии экономики, государства и цивилизации. В то же время, гипотеза А. Вендта может быть поставлена под сомнение в силу недостаточной аргументированности и необходимости поиска убедительных эмпирических данных (этого ученый не скрывает). Такой исход исследования оставляется открытым для политической науки вопрос о волновой природе социальных отношений и коллективного сознания и, одновременно, смещает исследовательский фокус в сторону продолжения дискуссии, поиска аргументов и эмпирической базы в исследовании «квантового разума».

В чем преимущества новой теоретической «рамки», которую предлагает Александр Вендт? Во-первых, это путь к подлинной междисциплинарности, возможность использовать достижения современной физики в исследовании международных ситуаций и процессов. Вероятно, это даст импульс к математизации изучения МО, например, в области принятия решений. Во-вторых, это повод еще раз присмотреться к основным категориям ТМО, по-новому оценить их взаимосвязь с материальным и социальным. Ведь Вендт не отказывался от своего толкования соотношения структуры и агента, но в итоге предложил

²³⁵ Wendt A. Social Theory as Cartesian Science: An Auto-Critique From a Quantum Perspective // Constructivism and International Relations: Alexander Wendt and his critics. Ed. by S. Guzzini, A. Leander. – London: Routledge, 2006. p.201

²³⁶ Wendt A. Quantum Mind. p. 284

радикально новый взгляд на сущность социальных явлений. В-третьих, Вендт фактически наметил путь для онтологического обоснования теоретического плюрализма, поскольку применение, например, квантово-волнового дуализма позволяет примирить ряд противоположных философских течений, в частности, идеализм и материализм. Таким образом, мы имеем дело с перспективным походом в теории международных отношений (и шире – в политической науке), который, тем не менее, предполагает дальнейшую разработку и уточнение, не говоря уже о необходимости операционализации. Однако это задача дальнейших исследований, чем и планирует заниматься наш исследовательский коллектив.

ГЕОМЕТРИЯ ГЛОБАЛЬНОЙ ВЛАСТИ: КОНЦЕПЦИЯ «УПРАВЛЯЕМОГО ХАОСА» И ЕЕ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ СТРАН И НАРОДОВ

Концепция «управляемого хаоса» представляет интерес наряду с такими идеями, как «столкновение цивилизаций», «мировой порядок», «новый мировой порядок», «конец истории», «мягкая сила», «умная сила», оценочными характеристиками («государства-изгои», «государства-негодяи», «пороговые государства», «несостоявшиеся государства»), которые зачастую представляются идеями для немедленной практической реализации, но требуют, вместе с тем, детального рассмотрения и анализа.

Она ведет свое происхождение из времен глубокой древности. Само определение хаоса (от древнегреческого – $\chi\acute{\alpha}\omicron\varsigma$ от $\chi\alpha\acute{\iota}\nu\omicron$ – раскрываюсь, разверзаюсь, зевать, жевать, быть пустым и голодным) как первичного состояния Вселенной пришло из древнегреческой мифологии и означает «разверзшуюся бездну». Греческое $\chi\acute{\alpha}\omicron\varsigma$ – это «пустота», «пропасть», «бездна» (в том числе и бездна времени), зиять, быть широко раскрытым, ведет начало от праиндоевропейского «ghen» – зиять, разинуть, $geanjan$ ($yawn$) разинуть, зевать и проч. Миф о бездне, как основе происхождения Вселенной свойственен и другим культурам — он находит изложение в мифах Древнего Египта, шумеро-аккадской мифологии, эпосах Древней Индии – интересен факт «демонстрации Вселенной» младенцем Кришной, который открыл рот и показал его своей приёмной матери Яшодде. Указанные традиции изложены с учетом фактора времени, в том числе как геометрической величине, все преодолевающей и устанавливающей границы непреодолимой силе, или также несуществующий величине (при полном его отрицании). В иудео-христианской традиции и литературе понимание и определение хаоса содержится в Ветхом Завете: в Книге Бытия, первой книге Моисея: «В начале сотворил Бог небо и землю. Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною, и Дух Божий носился над водою» («бездна» толкуется с учетом традиции Септуагинты (евр. tohu wa bohu , пер. Септуагинты (от древнееврейского tohu – «глубь», bohu – «предвечное», часто переводится как «предвечное пространство», «хаос», «смятение», «бездна», созвучное этому определение встречается в вавилонском Энума Элиш). Принято считать, что впервые сам термин «хаос» прозвучал у Гесиода в его «Теогонии»: «Прежде всего, во Вселенной Хаос зародился».

Позднее термин приобрёл значение беспорядка, а в некоторых случаях, позднее, мог толковаться как преувеличение, беспорядок, путаница. Кроме того, во всех культурах прослеживается развитие,

тяготение хаоса к порядку. Таким образом, хаос приобрёл значение беспорядка в противоположность порядку, как гармоничному, предсказуемому, ожидаемому состоянию или расположению чего-либо.

Со временем научная концепция хаоса претерпевала модификации, сохраняя свою сущность, при исследовательских попытках разгадать его природу, происхождение, существование. Существующая, сложившаяся к сегодняшнему моменту теория хаоса является математическим аппаратом, описывающим поведение некоторых нелинейных динамических систем, подверженных при определённых условиях такому явлению как хаос (динамический хаос, детерминированный хаос). Поведение такой системы считается случайным, даже если модель, описывающая систему, является детерминированной.

При необходимости акцентирования особого характера изучаемого в рамках этой теории явления принято использовать название теория динамического хаоса. Примерами подобных систем являются атмосфера, турбулентные потоки, аритмии сердца, биологические популяции, общество как система связей и коммуникаций и его подсистемы: психологические, политические, экономические, социальные. Их изучение наряду с аналитическим исследованием обычно сопровождается математическим моделированием. Теория хаоса — это область исследований, связывающая математику и физику. Первопроходцами теории считаются А. Пуанкаре, А.Н. Холмогоров, В.И. Арнольди, Ю.К. Мозера (теория хаоса КАМ). Расхожее понятие хаоса означает беспорядок, в теории хаоса он определяется более точно (точнее, понятие хаотичный). Общеизвестного универсального математического определения хаоса нет, используется определение, о том, что динамическая система, которая классифицируется как хаотическая, должна обладать чувствительностью к начальным условиям, иметь свойство топологического смешивания, её периодические орбиты должны быть плотными. Более точные математические условия возникновения хаоса выглядят так: система должна иметь нелинейные характеристики, быть глобально устойчивой, но иметь хотя бы одну точку равновесия колебательного типа, при этом соразмерность системы должны быть не менее 1,5.

Математические системы с хаотическим поведением являются детерминированными, то есть подчиняются строгому закону и могут считаться потому упорядоченными, что отличают такое понятие «хаоса» от его обычного значения. В математике хаосом называется аperiodическое детерминированное поведение динамической системы, крайне чувствительное к начальным условиям. Бесконечно малое возмущение граничных условий для хаотической динамической системы приводит к конечному изменению траектории в фазовом пространстве, изучается математическими средствами теории хаоса.

Для количественного измерения хаотичности (неупорядоченности) некоторой системы в физике и математике (теории информации, математической статистики) часто используется понятие энтропии (ἔντροπία — поворот, превращение), термин, широко используемый в естественных и точных науках, впервые введённый в рамках термодинамики как функция состояния термодинамической системы, определяющая меру необратимого рассеивания энергии. В статистической физике энтропия является мерой вероятности осуществления какого-либо макроскопического состояния. Кроме физики, термин широко употребляется в математике, теории информации и математической статистике. Энтропия может интерпретироваться как мера неопределённости (неупорядоченности) некоторой системы (например, опыта (испытания), который может иметь разные исходы, а значит, и количество информации). Интерпретация одновременно характеризует информационную ёмкость системы. Энтропия в широком смысле означает меру неупорядоченности системы. Чем меньше элементы системы подчинены какому-либо порядку, тем выше энтропия. Создатель понятия энтропия в теории информации Клод Шеннон. Отдельная область физики — теория квантового хаоса изучает нетерминированные системы, подчиняющиеся законам квантовой механики. Хаос в естественнонаучной концепции: в физике, математике на первый взгляд представлен несколько иначе, благодаря попыткам объяснить, «расщепить»: структурировать первоматерию, хаотическая сущность которой, изложенная древними в сущности не меняется. Теория представляет возможность управления ею, как указывал И.Пригожин: «Автомату необходим внешний бог» (Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой: Пер. с англ./ Общ. ред. В. И. Аршинова, Ю. Л. Климонтовича и Ю. В. Сачкова. М.: Прогресс, 1986, с. 46), при знании импульса, приводящего её в движение, что и породило, вероятно, идею управляемого хаоса.

Одной из базовых работ, посвященных естественно-научному и не только пониманию хаоса считается исследование И.Пригожина и И.Стенгерс. Принято считать, что эта концепция легла в основу концепции «управляемого хаоса» С.Р. Манна. Научный труд Пригожина И., Стенгерс И. «Порядок из хаоса: новый диалог человека с природой» (примечательно, что первый вариант названия книги, вышедший на французском языке в 1979 года звучал как «La nouvelle alliance» или «Новый союз») (Там же) посвящён переоткрытию понятия времени и конструктивной роли необратимых процессов в явлениях природы. Главный лейтмотив работы И. Пригожина, И. Стенгерс состоит в тяготении хаоса к порядку. Сами авторы работы констатируют: «Неудивительно, что метафора энтропии соблазнила авторов некоторых

работ по социальным и экономическим проблемам. Ясно, что, применяя естественнонаучные понятия к социологии и экономике, необходимо соблюдать осторожность. Люди — не динамические объекты, и переход к термодинамике недопустимо формулировать как принцип отбора, подкрепляемый динамикой. На человеческом уровне необратимость обретает более глубокий смысл, который для нас неотделим от смысла нашего существования. С этой точки зрения важно отметить, что во внутреннем ощущении необратимости мы не усматриваем более субъективное впечатление, отчуждающее нас от внешнего мира, а видим в нём своего рода отличительный признак нашего участия в мире, находящемся во власти эволюционной парадигмы» (Там же, с.368-369). О. Тоффлер, в предисловии к работе И.Пригожина, Стенгерс И. пишет, что: «Показывая, что при неравновесных условиях энтропия может производить не деградацию, а порядок, организацию и, в конечном счете, жизнь, Пригожин и Стенгерс подрывают и традиционные представления классической термодинамики» (Там же, с.25) и далее: «По моему глубокому убеждению, не меньшее значение имеют глубокие социальные и даже политические обертоны, возникающие под влиянием чтения книги Пригожина и Снегерс. Подобно тому, как ньютоновская модель породила аналогии в политике, дипломатии и других, казалось бы, далёких от науки сферах человеческой деятельности, пригожинская модель также допускает далеко идущие параллели» (Там же, с. 28-29). В цитируемой работе авторы позволили по-новому оценить понятие революции и объяснили теорию организации, объяснив то, каким образом иерархия неустойчивостей порождает структурные изменения, затрагивая оригинальную трактовку некоторых психологических процессов в связи с «несредним» (nonaverage) поведением в различных условиях. О. Тоффлер подчеркнул, что авторы теории предостерегли от принятия генетических или социобиологических объяснений неясных сторон социального поведения, справедливо отметив что: «Эта книга возвращает естественные и гуманитарные науки в мир, где *ceteris paribus* — миф, в мир, где все остальное редко пребывает в стационарном состоянии, сохраняет тождество или остается неизменным. «Порядок из хаоса» проецирует естествознание на наш современный, бурлящий и изменчивый мир с его нестабильностью и неравновесностью. Выполняя эту функцию, книга Пригожина и Стенгерс отвечает высшему подлинно творческому предназначению: она помогает нам создать новый, не виданный ранее порядок» (Там же, с. 28-29).

Подводя итог исследованию о порядке, хаосе, управлении авторы упоминают о надеждах и тревогах, связанных с отсутствием гарантий стабильных, непреходящих законов: «Мы живем в опасном и неопределенном мире, внушающем не чувство слепой уверенности, а лишь то же чувство умеренной надежды, которое некоторые талмудические

тексты приписывают богу Книги Бытия: «Двадцать шесть попыток предшествовали сотворению мира, и все они окончились неудачей».

Мир человека возник из хаоса обломков, оставшихся от прежних попыток. Он слишком хрупок и рискует снова обратиться в ничто. (Neher A. *Vision du temps et de l'histoire dans la culture juive*. In: *Les cultures et le temps*.—Paris: Payot, 1975, p.179). Концепция «управляемого хаоса» представляется как сугубо теоретическая модель. В 1984 году в США под эгидой Пентагона и Государственного департамента был создан институт Санта Фе «Институт критичной сложности». Одним из его основателей стал физик, автор теории кварков и нобелевский лауреат М.Гелл-Манн. Штат исследователей составляли исследователи, дипломаты, военные, политики. К работе института привлекались аналитики «РЭНД Корпорейшн» и других ведомств. Теоретическим фундаментом стали работы И. Пригожина и И. Стенгерс («Порядок из хаоса»), М.Уолдроп («Сложность: новая наука на рубеже порядка и хаоса»), С. Левина («Сложность: жизнь на грани хаоса»). Одной из главных целей явилась задача адаптации теории к прикладным военным задачам. «Нелинейная динамика» и «теория сложности» используются американским Корпусом морских пехотинцев. К числу участников конференций Института относятся М. Гелл-Манн, З. Бжезинский, К. Бильдер, Д. Розенау, Р. Максфилд, С.Манн. Доклады посвящены таким вопросам как «Реакции на хаос», «Клаузевиц, нелинейность и значения образного ряда», «Хаос, сложность и война».

Основу концепции «управляемого хаоса», принадлежащую к парадигме постнеклассической (постнеоклассической) и классической науки, представляют работы С.Манна «Теория хаоса и стратегическое мышление», 1992 (Mann, Steven R. *Chaos Theory and Strategic Thought // Parameters (US Army War College Quarterly)*, Vol. XXII, Autumn 1992, pp. 54-68, URL: <http://4as.info/pub/970>) и «Реакция на хаос», 1998 (URL: <http://4as.info/pub/988>).

Относительно определения С.Манн пишет: «Хаос» – это не совсем удачное выражение для такой дисциплины. Слово вызывает ассоциации с бесформенностью и чистой случайностью, которые осложняют концептуальную задачу. «Нелинейная динамика» менее перегруженный и более описательный термин, но хаос это широко употребляемый научный ярлык, так что мы будем применять именно это слово. Парадигма хаоса не противоречит классической парадигме. В действительности, теория хаоса происходит их классической физики и математики, но она превосходит их. Классический подход описывает линейное поведение отдельных объектов; теория хаоса описывает статистические тенденции очень многих взаимодействующих объектов». Относительно применения знания в военной стратегии, даже на фоне всеобщего запрета войн с 1945 года,

автор отмечает, что «На материальном уровне технологические инновации, которые эксплуатируют теорию хаоса, изменят основы войны. На теоретическом уровне, она предлагает новые основы стратегического мышления. Ядерная бомбардировка может стать более точной, придавая теории хаоса возможность моделировать нестабильную турбулентность. Постъядерная экология также является темой, весьма хорошо адаптируемой к нелинейному анализу, и будущие разговоры о ядерной зиме будут заключать в себе принципы хаоса. Криптология является особым случаем танталовых мук, а теория хаоса дает возможность узнать, что то, во что мы верили как в случайное, не всегда может быть чисто случайным».

Концепция «управляемого хаоса» сложна по признанию самого ее автора. Она требует основательного исследования и тем более, глубокого анализа для практического применения, лишённого бездумного копирования. С.Манн учитывает в своих трудах и индивидуальный и интуитивные факторы, предостерегает от авантюризма в международных отношениях, что сегодня особенно актуально ввиду того, что, увы, война постепенно приобретает характер нерва денег, а не наоборот. Тем не менее, по мнению прагматика С.Манна управляемый хаос — это возможность извлечения выгоды в национальных (государственных) интересах, а, следовательно, реализация концепта важно. Весьма ценно его высказывание о невозможности адаптации новых видов вооружений, нуждающихся в ограничении, к существующей международно-правовой базе. Исследователям следует оставаться признательными автору за открытость в даже весьма спорных суждениях представленных им идей.

В рамках современных международных отношений концепция «управляемого хаоса» означает многое. Она фиксирует особое внимание лиц, принимающих решения (ЛПР) в глобальном масштабе, на необходимости качественного разрешения множества противоречий жизнедеятельности стран и народов с помощью соответствующих технологий, которые вполне способны обеспечить мир и процветание всему человечеству, если не сейчас, то в обозримом будущем.

Литература

1. Neher A. Vision du temps et de l'histoire dans la culture juive. In: Les cultures et le temps.—Paris: Payot, 1975.
2. Манн С. Реакция на хаос [Электронный ресурс]//Час.Инфо URL: <http://4as.info/pub/988> (дата обращения: 29.11.2015).
3. Манн С. Теория хаоса и стратегическое мышление [Электронный ресурс]//Час.Инфо URL: <http://4as.info/pub/970> (дата обращения: 29.11.2015).
4. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой: Пер. с англ./ Общ. ред. В. И. Аршинова, Ю. Л. Климонтовича и Ю. В. Сачкова. — М.: Прогресс, 1986.—432 с.

СИНЕРГЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ МИРОВОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА. ВОЗМОЖНОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ИСТОРИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ

Бурно протекающие процессы глобализации и научно-технической революции заставляют нас по-новому взглянуть на сам процесс международных отношений и теорию политических процессов.

Прежде всего, очевидно, что дальнейшее углубление процесса специализации и детализации в изучении межгосударственных связей без видения глобальных перспектив мирового развития становится малоэффективным и даже контрпродуктивным. Мы так долго находились в плену тезиса К. Маркса о разделении труда как главном критерии прогресса в современном мире, что забыли о пророческом предостережении Ф. Энгельса: «безграничная специализация в конечном итоге калечит людей». Великий ирландец Бернард Шоу выразил эту истину еще более выразительно: мы приближаемся к рубежу, за которым будем знать все ни о чем и ничего обо всем.

Требования проективного подхода к глобальному политическому процессу и попытки прогнозирования международных отношений требуют формирования мегаисторического (Big History) *целеполагания* развития мирового сообщества в целом. Таковое целеполагание невозможно без анализа перспектив главного *фактора-носителя* будущего – *научно-технического прогресса (НТП)*.

Оценки отечественных и зарубежных специалистов в различных отраслях знаний свидетельствуют о глубоком качественном характере изменений, привносимых в развитие общества и исторических процесс в целом под воздействием НТП.

Все более укрепляется убеждение мирового и отечественного естественнонаучного и гуманитарного сообществ в верности гипотезы И.С.Шкловского о *технологических пределах* развития цивилизации и угрозах, связанных с отсутствием должного осмысления результатов НТП. С начала XXI века сформировалось мнение, что под таким технологическим пределом следует понимать *точку сингулярности* – естественный предел в качественном совершенствовании и количественном насыщении основных параметров человеческой жизнедеятельности.

И.С. Шкловский обобщил данные о приближении параметров человеческой деятельности к физическим пределам в сводной таблице, отражавшей уровень НТП на начало 60-х гг. прошлого века (см. таблицу 1). При этом им были взяты примеры из наиболее продвинутых на тот

период времени сфер жизнедеятельности, в которых прогресс ощущался наиболее очевидно (скорость общения, скорость передвижения, мощность источников энергии, мощность оружия, скорость анализа данных).

За полвека, прошедшие со времени первой публикации книги И.С. Шкловского, подмеченная им тенденция мирового исторического процесса проявилась и в других сферах научного познания, в частности в фундаментальной биологии и когнитивных исследованиях (см. таблицу 2). В *биологии* освоена и вышла на промышленный уровень технология клонирования млекопитающих [1], реально приблизились сроки познания механизмов старения и продления видовой продолжительности жизни человека. Прогрессу в экспериментах с клонированием человека препятствуют весьма серьезно обоснованные религиозно-этические и юридические ограничения, хотя есть сведения, что нелегально такие эксперименты осуществлялись еще в 2002 г.

Таблица 1

Научно-технический прогресс и пределы технологического развития (Таблица Шкловского)

Параметр	Увеличение за 100 лет	Физический предел
Скорость общения	в 10^7 раз	Скорость света
Скорость передвижения	в 10^2 раз	Орбитальная скорость
Мощность источников энергии	в 10^8 раз	Изменение климата
Мощность оружия	в 10^6 раз	Уничтожение человечества
Скорость анализа данных	в 10^6 раз	Скорость света

Источник: Шкловский И. С. Вселенная, жизнь, разум. М. : Наука, 1976.

В *когнитивных* исследованиях ведутся интересные работы по конструированию «цифровых двойников» человека (self-developed digital image - SDDI). Цель этих работ – «разработать алгоритмические и программные средства, обеспечивающие на семействе мультимедийных устройств создание и саморазвитие электронных интеллектуализированных образов живых людей и животных» [2].

Таблица 2

**Научно-технический прогресс и пределы технологического развития
(Биологические науки и когнитивные исследования)**

Параметры	Достигнутый уровень	Теоретический предел	Степень прогресса
Биология (физико-химическая медицина)	Биологическое копирование млекопитающих	Искусственное увеличение видовой продолжительности жизни людей	Качественный скачок
Когнитивные исследования	«Живые» портреты (SDDI)	Воссоздание личности конкретного человека в материальных носителях	Качественный скачок

Источники: *Пряхин В. Ф.* О мировоззренческих аспектах естественно-научных исследований когнитивных процессов // Нелинейная динамика в когнитивных исследованиях: труды III Всероссийской конференции. Н. Новгород : Ин-т прикладной физики РАН, 2013; Shukman D., China cloning on an 'industrial scale', BBC News, 14 January 2014, Живой портрет или жизнь после смерти, Информационный портал Российское агентство научных новостей «Информационная наука», Москва, Саров, 22 февраля 2002.

Резкому ускорению процесса накопления и утилизации научных знаний соответствует и качественный скачок в динамике большинства

основополагающих параметров жизнедеятельности человека с начала XX века: демографические процессы (график 1), рост совокупного мирового продукта (график 2), взаимодействие между человеком и биосферой (график 3), производство зерна (график 4) и вылов рыбы (график 5), социально-экономическая дисгармония (график 6).

Приближение к точке сингулярности сопровождается возникновением целого ряда глобальных проблем, усугубление каждой из которых чревато необратимыми негативными последствиями в целом для человечества. Начиная с 50-х годов по мере взвинчивания гонки вооружений и развертывания информационно-коммуникационной технологической революции, международное сообщество вступило в этап развития, на котором все более ощущается воздействие качественно новых глобальных вызовов. Как говорится в докладе специалистов ИМЭМО РАН, подготовленном в 1995 г. по итогам прогностического исследования, проведенного в рамках инициативного научного проекта при финансировании Российским фондом фундаментальных исследований, рост народонаселения на земном шаре опережает расширение возможностей его жизнеобеспечения. Возрастание потребностей производства и потребления обгоняет развитие

альтернативных ресурсов взамен быстро истощающихся источников сырья и энергии. Промышленный и научно-технический прогресс оборачивается катастрофическим ухудшением состояния среды обитания на нашей планете.

График 1. Динамика численности народонаселения мира за 8 тысяч лет

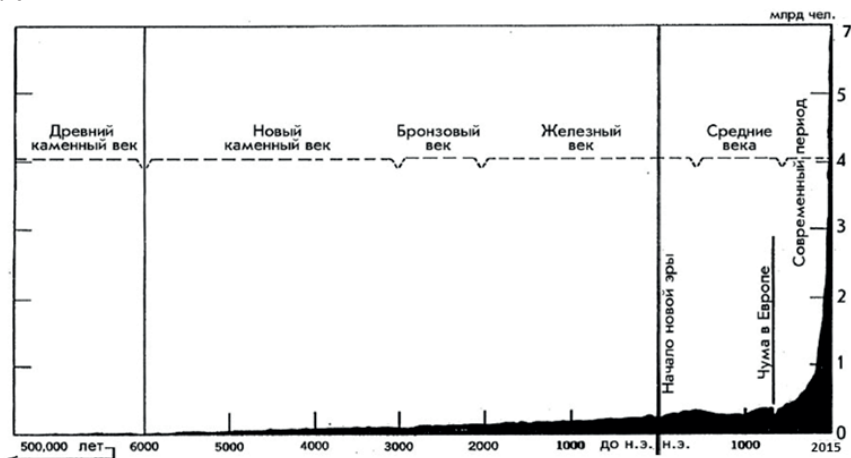
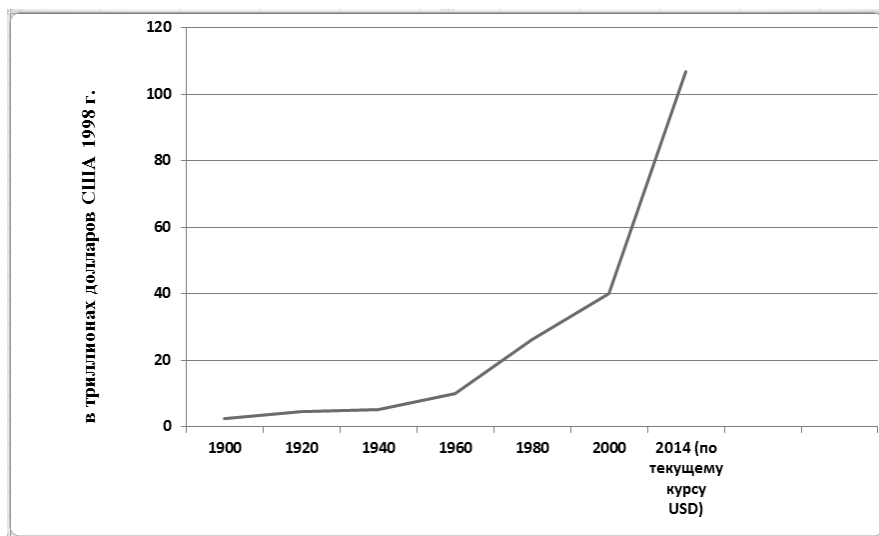
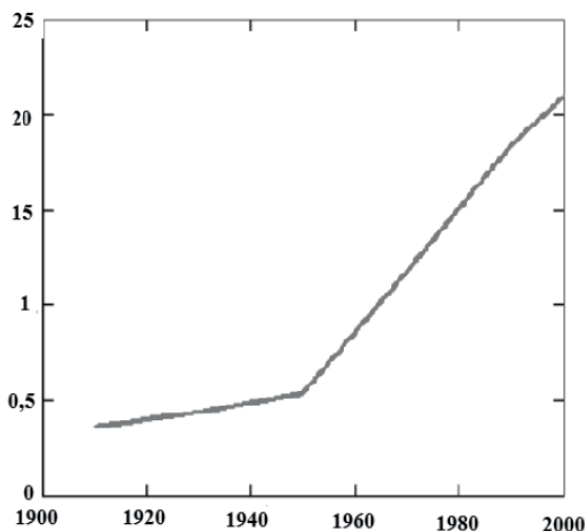

График 2. Рост мирового валового продукта в XX – XXI веках

А между тем эти вызовы поистине вселенского масштаба не получают адекватного ответа. Практические действия государств, даже когда они предпринимаются на скоординированной основе, по своему характеру, объему и темпам явно не соответствуют неумолимо нарастающим глобальным угрозам. Сроки их перерастания в критическую фазу представляются, вольно или невольно, как достаточно отдаленные, а приоритетность отдается решению неотложных задач сегодняшнего дня. Даже самые благополучные, богатые государства скупно выделяют средства для предотвращения всеобщих бедствий, не говоря уже о менее обеспеченных странах. Преобладает стремление обезопасить, прежде всего, себя в пределах своей национальной территории, в лучшем случае — в пределах региона. Недостает ощущения общей ответственности за сохранение и продолжение самой жизни на Земле.

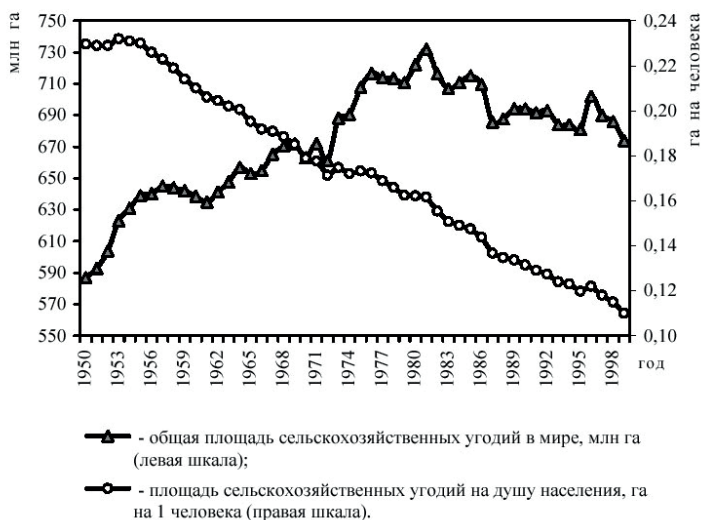
График 3. Динамика взаимодействия между человеком и биосферой в XX веке

Такова реальность, и едва ли можно ожидать коренных изменений в прогнозируемой перспективе, несмотря на прогрессирующее обострение глобальных проблем. Инерция вялого и несогласованного реагирования на них может оказаться сильнее рациональных побуждений к эффективным совместным действиям даже в чрезвычайных ситуациях. Потребуется, вероятно, возникновение непосредственной и неотвратимой угрозы (вместо нынешней «ползучей опасности») катаклизмов гигантского

размаха, чтобы решение глобальных проблем превратилось на деле в приоритетное направление международного сотрудничества. «Но тогда, говорится в исследовании российских ученых, может оказаться поздно»[3].

График 4. Динамика производства зерна в мире и изменение количества зерна на душу населения в период с 1950 по 1999 гг.

Источники: Vital Signs 2000. New York - London: W.W. Norton & Company, 2000; Worldwatch Database Disk, 2000. Washington, DC. Worldwatch Institute, 2000.

Анализ всех связанных с такой постановкой вопроса аспектов а priori требует синергетического *междисциплинарного* подхода. В области гуманитарных наук речь идет, прежде всего, о поисках путей, ведущих к повышению уровня *глобальной управляемости* миром для реализации практических научных наработок в области *устойчивого развития*.

График 5. Динамика улова рыбы и производства продукции на аквафермах в мире с 1950 по 1998 гг.

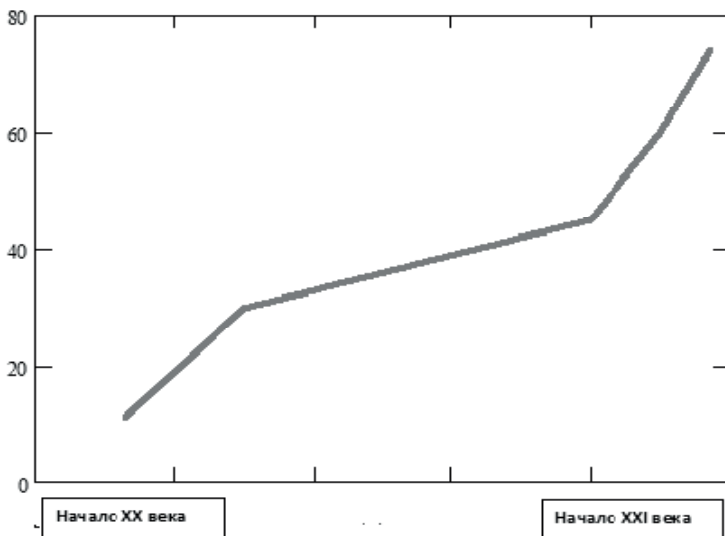

Источник: Worldwatch Database Disk, 2000. Washington, DC. Worldwatch Institute, 2000.

В теоретическом плане это означает необходимость изучения возможностей вытеснения из практики международных отношений политического *соперничества* приоритетами *менеджмента/управления*. Для более мягкого перехода от соперничества к совместному управлению и устойчивому развитию совершенно необходима «ценностная основа совместных действий, опора на общий духовно-нравственный знаменатель»[4].

Для формирования такого рода мировоззренческой платформы совместных действий необходимо в полной мере использовать уникальное отечественное *нравственно-философское наследие*. Ф.М. Достоевский видел историческую миссию русского народа в формировании «всенародной вселенской церкви» во имя «всеобщего, всенародного, всебратского единения»[5]. Эта идея великого русского писателя была развита основоположниками умонастроения русского космизма Э.К. Циолковским, В.И. Вернадским, А.Л. Чижевским, Н.Ф. Федоровым. В основу этого умонастроения положена востребованная в наши дни идея религии как своеобразной фольклорной концепции научно-технического прогресса [6].

График 6. Динамика индекса социально-экономической дисгармонии мирового общества во времени

Источник: Харманский, Е.Б., О необходимости создания эколого-социально-экономической парадигмы развития России, журнал "Устойчивое развитие. Наука и Практика", №3/2003, Специальный выпуск "V Общенациональный экологический форум России", Дубна, 11-12 июля 2003г.

В Древнем Египте эти религия и наука плюс искусство совмещались в деятельности жрецов, которые были одновременно священнослужителями, учеными и артистами, вселявшими в массы веру в божественное происхождение фараонов. Затем произошло разделение этих форм общественного сознания, которые в течение последующих тысячелетий существовали раздельно. Вера и рациональное знание воспринимались как некие антиподы, соперники и даже противники.

В XXI веке однако сакральные религиозные понятия *бессмертия* и *воскрешения* вновь стали, как это и предвидели русские космисты, «Общим делом» человечества, задачами прикладной науки - искусственное увеличение видовой продолжительности жизни людей, построение антропоидентичных бионических моделей конкретных людей.

Общественное сознание должно идти вровень с этими достижениями НТП и преодолеть пропасть, отделяющую рациональное знание от эмоциональной веры в конечный смысл существования нашей цивилизации и каждого отдельно взятого человека. В результате, как это ни парадоксально, мы не можем не прийти к выводу о том, что отсутствию канонического Бога вонне соответствует безусловному присутствию

смысла бытия в каждом из человеческих существ. Бог неотделим от человека. Он живет в людях именно так, как сказано в самом святом писании: «Царствие Божие внутрь вас есть»[7].

Бесполезно и вредно, следовательно, ожидать спасения земной цивилизации извне, но в то же самое время целесообразная разумная деятельность человека по противостоянию глобальным проблемам за выживание человечества обязательно увенчается успехом. Ведь она лишь одно из проявлений бессмертной абсолютной идеи, являющейся такой же объективной реальностью, как и материя.

При таком понимании мирового исторического процесса становится очевидной заинтересованность каждого отдельно взятого человека в продолжении земной цивилизации и глобальном управлении как важнейшей предпосылке его осуществления.

Весьма важен тот факт, хотя умонастроение космистов несет на себе уникальный отпечаток принадлежности к российской школе мышления, ценность его многократно повышается родством и близостью с аналогичными гносеологическими системами других национальных школ и других времен. При всем своем национальном своеобразии русский космизм это не что иное, как «русский пласт» в осознании результатов - и возможных негативных последствий - научно-технического прогресса мировой интеллектуальной элитой. В разные исторические эпохи и в разных частях света к этой элите принадлежали Аристотель, Эмпедокл, И. Гете, А. Грамши, Дж. Дане, Мирза Хусейн Али Нури, Дж. Неру, Д. Руми, Ж.-П. Сартр, П.Тейяр де Шарден, Чэнь Ю, А. Эйнштейн, К. Ясперс и другие выдающиеся ученые, мыслители, художники, политики, деятели культуры и священнослужители. Для всех них было характерно сочетание верности рациональной научной истине с глубокой эмоциональной нравственной верой в продолжение человека и человечества. Квинтэссенцией их мировоззрения могут быть слова великого ученого и борца за единение человечества А.Эйнштейна: «Все, что я хочу познать, это слова Бога. Все остальное – детали» [8].

Наступило время реализовать эти слова в конкретных научных исследованиях и политических действиях.

Литература

1. Shukman D., China cloning on an 'industrial scale', BBC News, 14 January 2014, URL <http://www.bbc.com/news/science-environment-25576718>
2. Живой портрет или жизнь после смерти, Информационный портал Российское агентство научных новостей «Информационная наука», Москва, Саров, 22 февраля 2002, URL: http://www.informnauka.ru/rus/2002/2002-02-22-02_58_r.htm
3. Россия в системе международных отношений ближайшего десятилетия. Доклад по итогам прогностического исследования, проведенного в рамках инициативного научного проекта при финансировании Российским фондом фундаментальных

исследований, издание Института мировой экономики и международных отношений Российской Академии Наук. — Москва, 1995 г., с. 58.

4. Концепция внешней политики России, Утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 12 февраля 2013 г., Раздел II, п. 21, URL: <http://archive.mid.ru/bdomp/ns-osndoc.nsf/e2f289bea62097f9c325787a0034c255/c32577ca0017434944257b160051bf7!OpenDocument>

5. Достоевский Ф.М., Дневник писателя, январь 1887, Собрание сочинений в 15 томах, Ленинград, «Наука», Ленинградское отделение, Том четырнадцатый, 1995 г., сс.487- 488, URL: 1996http://rvb.ru/dostoevski/01text/vol14/03journal_81/339.htm

6. Чижевский А.Л. Теория космических эр // Циолковский К.Э. Грезы о Земле и небе. — Тула: Приокское книжное изд-во, 1986. С. 424.

7. Евангелие от Луки, глава 17, стих 21. Цитируется по: Библия или книги Священного писания Ветхого и Нового Завета в русском переводе с параллельными текстами. Издание одиннадцатое. Стокгольм. Общество распространения Евангелия в России. 1946, С. 1095

8. Дилтс Р., Стратегии гениев, Т.2, Альберт Эйнштейн, М.: Независимая фирма “Класс”, 1998, URL:

file:///D:/Users/LTM1/Downloads/стратегии_гениев_том_2_альберт_эйнштейн.pdf

9. Einstein A, Out of My Later Years, The Scientist, Philosopher and Man Portrayed Through His Own Words?, New York, Open Road Integrated Media, 1950

ОПЫТ НЕОИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО ПОДХОДА К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПРИНЦИПА БАЛАНСА СИЛ

Необходимость концептуального переосмысления основополагающих принципов международных отношений задана не только попытками современных политологов давать новые трактовки традиционным единицам теории, но и изменением международных условий, в которых эти принципы формировались. По мнению Й.Э. Фоссума, многие принципы ведения международных дел, сформулированные основоположниками реализма в сер. XX в., становятся в новых международных условиях идеальными конструктам, требующими концептуального пересмотра с позиций неоинституционализма и совещательных теорий демократии [Фоссум 2009: 252]. Многие постулаты теории международных отношений могут быть также осмыслены через конструктивистский подход, объединивший в себе ряд идей таких направлений в изучении политики и управления, как новый институционализм, когнитивистика, интерпретативизм, постмодернизм и др. [Finnemore, Sikkink 2001: 394-395].

Одним из феноменов, требующих метатеоретического переосмысления, является принцип баланса сил (англ. *balance of power*), в разработку которого внесли вклад еще в XVI-XIX вв. Ж. Боден, Ф. Бэкон, Дж. Ручеллаи, Ж.-Ж. Руссо, Г. Гроций, И. Кант, а предложенное американским ученым Г. Моргентау определение баланса сил вошло в большинство учебников истории международных отношений [Morgenthau 1948]. Не случайно, коллектив американских исследователей обозначил баланс сил одним из самых влиятельных принципов при формировании внешних политик ведущих держав мира в XIX-XX вв. [Wohlforth 2007: 155], а специалист по международной безопасности М. Шихан назвал баланс сил одной из идеологических опор реализма [Sheehan 1996: 4].

Заметим, что со временем традиционные трактовки баланса сил эволюционировали, а сам принцип постоянно дополнялся многочисленными идеями и аргументами, требующими определения и последующего анализа.

1. Аргументы Г. Моргентау.

Баланс сил раскрывается с помощью синонимичного понятия «равновесие», определяющего стабильность внутри системы, образованной из некоторого числа автономных агентов. Воздействие внешнего фактора может привести к нарушению этого равновесия, однако система демонстрирует способность к возвращению к изначальному или новому равновесному состоянию в ситуации внешней анархии [Morgenthau 1948: 187-188]. Ключевое для реализма понятие интереса, определяемого в

терминах силы, является универсальной объективной категорией [Morgenthau 1948: 4-20].

2. Аргумент Т. Шеллинга.

Баланс сил может быть стабилен или нестабилен. «Баланс стабилен, если ни один из противников, ударив первым, не получает преимущества в виде лишения возможности других нанести ответный удар» [Schelling 1960: 232].

3. Аргумент А. Лийпхарта.

Концепция баланса сил представляет собой теорию в международных отношениях, согласно которой анархия, влекущая за собой отсутствие суверенной власти, не приводит к полному разрушению межгосударственного порядка. Баланс понимается как наличие равновесного порядка в анархическом контексте. Главное – не поддержать баланс, а вернуть его в случае утраты [Lijphart 1974: 46-47].

4. Аргументы М. Каплана.

М. Капланом сформулированы правила, которые должны соблюдаться применительно к мультиполярному балансу сил (системе, состоящей минимум из пяти государств): 1) действовать с целью расширения своих стратегических возможностей, предпочитать переговоры открытым столкновениям, 2) предпочитать открытое столкновение отказу от шанса на расширение своих возможностей, 3) предпочитать прекращение столкновения полному уничтожению одного из игроков, 4) действовать против любых коалиций или одиночных игроков, стремящихся к захвату доминирующих позиций в регионе, 5) сдерживать игроков, соблюдающих наднациональные организующие принципы и нормы, 6) позволять игрокам, которые были побеждены или связаны ограничениями, заново внедряться в систему в качестве партнеров, 7) относиться ко всем игрокам как к партнерам, играющим приемлемые допустимые роли [Kaplan 1975: 22-23]. При условии соблюдения выше обозначенных правил международная система оказывается в ситуации равновесия.

5. Аргументы Х. Булла.

Важнейшим элементом государственной власти является сдерживание путем устрашения ядерным оружием. Именно сдерживание может стать новым концептуальным инструментом баланса сил. По мнению Х. Булла, «новым элементом, который появился в сдерживании в атомный век, является то, что государства, основываясь на своем нежелании использовать ядерное оружие в результате войны, были вынуждены придать устрашению статус главной политической цели». Используя наработки теории игр, Булл формирует следующую формулу баланса сил в ядерном мире: «Сдерживание страной А страны В означает: 1) что страна А угрожает стране В наказанием или лишением определенных благ, если та не начинает следовать определенной линии внешнеполитического

поведения, 2) что в противном случае страна В может начать следовать рекомендуемой линии поведения, 3) что страна В верит в способность и волю страны А осуществить свою угрозу и решает по этой причине, что такая линия поведения не стоит того» [Bull 1977: 117-119].

6. Аргументы К. Уолтца.

Анархия допускает присутствие на международной арене игроков, обеспечивающих реализацию собственных национальных интересов посредством применения военной силы. При этом состояние войны между государствами является нормальным состоянием международной среды. Каждое государство самостоятельно решает, с кем и когда вести эту войну. Таким образом, именно государство обладает легитимным монополизированным им инструментом на применение военной силы во внешнеполитических делах, тем самым, структурируя и регулируя международную сферу [Waltz 1979: 102].

Политика понимается как относительно независимая сфера, не являющаяся производной от социально-экономических условий. Автономия политического порядка при этом представляет основополагающую предпосылку существования понятия баланса сил. Интересы руководителя государства, а за ними и интересы самого государства становятся источником внешнеполитической деятельности, а политические расчёты на основе этих осознанных потребностей порождают формирование рациональных стратегий международного поведения. Баланс сил на этом фоне представляет функцию рациональных государств, преследующих собственные национальные интересы путем применения силы в ситуациях, характеризующихся отсутствием вышестоящего авторитета [Waltz 1979: 117-128].

7. Аргумент М. Дойла.

Баланс сил противостоит гегемонии, а точнее ситуации, в которой одна ведущая мировая держава превосходит в ресурсах и возможностях другие, при условии наличия строгой иерархии в международной системе отношений. Системной гегемонии (контролируемому лидерству в международной системе) препятствует суверенитет государства (невмешательство во внутренние дела государства), который не позволяет формироваться империям [Doyle 1986: 40].

8. Аргумент Э. Хааса.

По мнению известного критика школы реализма Э. Хааса, существует восемь разнообразных трактовок понятия «баланс сил»: 1) баланс сил как описание существующего распределения сил между игроками, 2) баланс сил как силовое равновесие или условие равенства сил, 3) баланс сил как гегемония, 4) баланс сил как стабильность и мир, 5) баланс сил как основной элемент политики, 6) баланс сил как универсальный исторический закон, 8) баланс сил как руководство для людей,

принимающих политические и внешнеполитические решения [Haas 1953: 442-477].

Критически осмыслив приведенную классиками реализма / неореализма аргументацию относительно структуры и содержания принципа баланса сил, можно изложить следующие критические замечания.

1. Приведенная выше аргументация характеризуется признаком понятийной многозначности, временами перерастающей в концептуальную неопределенность, и незыблемой верой в бинарную оппозицию «равновесие – анархия», переходящей в научную идеологию. Баланс сил понимается то как теоретическая конструкция, принцип, то как ситуация или система отношений.

2. Богатая на события история международных отношений второй половины XX в. добавляет к силовым способам реагирования на внешние угрозы дипломатические методы: стратегию «разделяй и властвуй», компенсацию, перевооружение, формирование альянса. В результате в теории международных отношений появляются отличные от реалистической трактовки баланса сил модели, объясняющие поведение субъектов в международной среде – «модель концерта», «модели альянсов» и т.п. [Walt 1987].

3. Баланс сил трансформируется в соотношение разнообразных и асимметричных возможностей субъектов международной системы, число которых постоянно растет, а качество меняется. Эволюция международной среды способствовала появлению в теории реализма / неореализма явления подмены истинно классической формулировки *balance of power* на баланс сил в значении «баланс государств» (М. Каплан, Х. Булл, М. Дойл и др.).

В свете выше сказанного рабочая гипотеза настоящего исследования может быть сформулирована следующим образом: принцип баланса сил нуждается в обновлении его интерпретации в связи с наличием содержательных противоречий даже в традиционно реалистической трактовке феномена, изменением условий реализации принципа в международной среде XXI в.

Американские социологи П. ди Маджио и У. Пауэлл в сформулированной ими концепции «организационного поля» предприняли попытку объяснить степень и характер влияния внешней среды на государство, при этом сама международная среда определена как структурированное социальное пространство, каждый субъект которого имеет согласованные с другими членами пространства цели, статусы и роли [Di Maggio, Powell 1983].

Одним из неотъемлемых свойств международной среды является постоянная изменчивость, непостоянство её состояния, то есть условий функционирования международной системы отношений. Появление новых

условий межсубъектного взаимодействия требует и концептуальной модернизации принципа баланса сил. Наиболее значимые изменения внешней среды сформировали следующие условия, оказывающие влияние на концептуальное и прикладное содержание принципа баланса сил.

1. Неравнозначность интерпретаций понятия «баланс сил» в западной и восточной внешнеполитической практике XX-XXI вв., появление новых трактовок понятия «сила» в теории международных отношений.

Коллектив американских ученых, изучив многочисленные прецеденты применения принципа баланса сил в западной и восточной внешнеполитической практике, пришел к выводу, что один и тот же подход может иметь кардинально различные интерпретации, зависящие от национального менталитета [Wohlforth and others 2007]. Обобщив и структурировав результаты их исследования, мы провели сравнительный анализ западных (американских и европейских) и восточных (азиатских и ближневосточных) трактовок принципа баланса сил (табл. 1).

Таблица 1

Сравнительный анализ западных и восточных интерпретаций баланса сил

	Западная интерпретация баланса сил	Восточная интерпретация баланса сил
1. Состояние внешней (международной) среды	анархия	иерархия
2. Цели внешнеполитической деятельности государства	равновесие	сохранность
3. Ожидаемое состояние государства	суверенное государство	государство-гегемон (либо сателлит гегемона)
4. Способ достижения баланса сил государством	конфликт, война, угрозы применения силы	несиловое (коммуникативное) давление
5. Способ внешнеполитического мышления государства	рациональность	сообразность картине мира
6. Способ внешнеполитического поведения государства	действие	противодействие

Долгое время считалось, что принцип баланса сил является плодом европейской внешнеполитической идеологии, однако исследования

индийского дипломата и политолога К.С. Венкатачара показывают, что баланс сил использовался в XVIII-XX вв. в качестве базовой внешнеполитической концепции (категории) правительствами Китая, Индии, Японии и многих арабских государств [Venkatachar 1966].

Таким образом, в понятии «баланс сил» баланс следует понимать не только как равновесие и стабильность, но и в значении сохранности, неизменяемости миросистемного механизма.

2. Появление и использование нового типа силового воздействия в условиях развития информационного общества.

Категория силы в теории международных отношений претерпевала изменения с момента ее оформления, чему способствовало появление новых субъектов отношений и сфер их деятельности [Barnett, Duvall 2005: 40]. Даже трактовка традиционной военной силы и возможности ее использования после окончания «холодной войны» существенно изменилась. Так, известный американский специалист в области международной безопасности С. Браун указывает, что с появлением феномена кибервойн и дистанционного управления международными конфликтами стирается грань между несилowymi и силовыми методами воздействия на противника, а решение о начале военных действий и операций принимается все больше с учетом их экономической и психологической эффективности [Браун 2004: 12-14].

Бытие политической информации в международных процессах раскрывается в коммуникативном обмене, в процессе которого стороны оказывают друг на друга информационное воздействие. Это воздействие, с подачи известного американского политолога Дж. Ная-мл., получило определение информационной силы [Nye, Owens 1996: 21-22]. Появление нового вида силового взаимодействия – информационного – заставляет многих современных исследователей пересматривать и дополнять свои знания о силе как древнейшей категории в политике и международных отношениях. Так, в зарубежной политической науке понятие «информационная сила» стало производным от терминов «информационное воздействие», «информационная зависимость», «информационная среда» и др.

Появление новых типов силы и силового воздействия стало результатом появления в XXI в. новых уровней и видов угроз, считавшихся еще в XX в. ключевым способом достижения баланса сил государством. Существование информационной силы заставляет исследователей задуматься о проблеме адекватности базовых положений принципа баланса сил новым реалиям времени. В частности, убеждение и побуждение становятся более эффективными методами нежели силовое воздействие, а информационное влияние не ограничивается границами государства и ведет к децентрализации государственной власти. Наличие

информационного ресурса не является достаточным условием для победы в информационном противостоянии и получения выгоды, игроки могут использовать ресурсы и системы других игроков по согласованию [Зобнин 2014].

3. Наличие псевдокоммуникаций в структуре межгосударственного взаимодействия, манипулирования индивидуальными предпочтениями в консультативных органах международных межправительственных организаций.

Феномен псевдокоммуникаций в дипломатической практике XX в. был впервые исследован отечественным дипломатом и ученым В.Л. Израэляном в начале 1980-х гг. [Израэлян 1990]. Изучая ситуации замены участниками международных переговоров главной цели на второстепенную, он обозначил их термином «антипереговоры» и на этом основании признал не заслуживающими дальнейшего внимания отечественных исследователей. В отличие от В.Л. Израэляна российский политолог М.А. Хрусталеv подчеркивает, что псевдопереговоры с морально-этической точки зрения могут быть оценены профессиональными переговорщиками негативно, однако с инструментальной позиции они имеют своей целью затягивание времени и перестройку позиции участника переговоров. Хрусталеv определяет ключевым условием перехода «нормального» состояния структуры переговоров в «ненормальное» состояние (то есть переговоров в псевдопереговоры) маскировку участником переговорного процесса подмены доминантной цели дипломатической коммуникации на побочную и, как следствие, заключение фиктивной договоренности с другими участниками процесса [Хрусталеv 2004: 78-79]. Псевдоконсультации повсеместно использовались в Политико-консультативном комитете Организации Варшавского договора в 1970-1980-х гг., помогая достигать необходимые и удобные советской стороне решения от стратегических партнеров по альянсу [Зобнин 2013b: 1027-1028].

Баланс сил может быть также определен в терминах «системы государств, вовлеченных в соревновательное манипулирование силовыми взаимоотношениями между собой» [Claude 1989: 77-78]. По мнению автора настоящего исследования, появление псевдокоммуникаций в структурах международных межправительственных организаций является следствием манипулирования индивидуальными предпочтениями участников международной коммуникации [Зобнин 2013a].

Изменение структуры переговорного и консультационного процессов вследствие распространения в международной политике форм псевдокоммуникаций приводит, с одной стороны, к расширению спектра возможных способов достижения баланса сил в межгосударственных

отношениях, с другой, - ставит под сомнение рациональность как способ мышления в достижении стратегических целей внешней политики.

Состояние международной среды в XXI в. определяется следующими условиями, оказывающими непосредственное влияние на структуру и содержание принципа баланса сил, а именно: а) появление новых видов силового взаимодействия в условиях информационного общества, б) формирование новых уровней и сфер глобальной политики, в) появление новых субъектов мировой политики, способных повлиять на процесс принятия внешнеполитических решений государств, г) наличие псевдокоммуникаций и новых способов манипулирования внешнеполитическим поведением субъектов международных отношений, д) присутствие национальной специфики понимания механизма применения баланса сил в международной политике.

Опираясь на позиции нового институционального подхода, необходимо в первую очередь выяснить, обладает ли принцип баланса сил институциональными признаками. Приверженцы институционального подхода традиционно понимают под институтом «долгосрочные системы правил, которых должны придерживаться акторы, если они хотят действовать разумно» [Донжес 2012: 39]. Американский социолог, профессор Стэнфордского университета У.Р. Скотт детализирует это определение: «Институты – это системы, которые содержат репрезентативные, конститутивные, нормативные правила и регулирующие механизмы, которые дают определение обычной системе и стимулируют акторов развивать их деятельность» [Scott 1994: 67].

Таким образом, У.Р. Скотт называет необходимые условия-признаки социального института: их наличие или отсутствие может говорить о возможности наделения принципа баланса сил институциональными основаниями – чертами международного института (рис. 1).

нормативное правило (ожидания и установки относительно поведения субъектов)	<i>дескриптивные правила</i>		репрезентативное правило (логические схемы и способы рассуждения для понимания действительности)
	БАЛАНС СИЛ		
	1. Аргументы М. Каплана 2. Аргументы Г. Моргентау 3. Аргумент Т. Шеллинга	1. Аргумент А. Лийпхарта 2. Аргументы Х. Булла 3. Аргументы К. Уолтца 4. Аргументы Г. Моргентау	

конститутивное правило (ограничения и критерии формирования предпочтений)	1. Аргумент М. Дойла	1. Аргументы М. Каплана	директивное правило (нормативные требования, неформальные санкции)
	2. Аргументы М. Каплана		
<i>прескриптивные правила</i>			

Рисунок 1. Институциональное измерение принципа баланса сил

Согласно данным рисунка 1, с долей условности принцип баланса сил можно назвать международным институтом, обладающим нормативно-репрезентативными признаками, то есть в нем гораздо больше ожиданий и рационально-логических рассуждений о возможном внешнеполитическом поведении субъекта международных отношений, нежели каких-либо юридических ограничений или неформальных санкций. Действительно использование государствами угроз или иных силовых методов воздействий на внешнеполитическое поведение партнера или противника не может быть сдержано через осознание возможностей баланса сил, в котором элемент действия превосходит элемент противодействия. Отсюда следует, что дескриптивные основания доминируют над прескриптивными в трактовке сторонников теорий реализма и неореализма.

С позиции нового институционального подхода принцип баланса сил может быть определен четырьмя концептами: историческим, ситуационным, процедурным и символическим (табл. 2). В начале 1990-х гг. они были дополнены пятым элементом – индивидуальным. Выявление указанного концепта стало возможным благодаря исследованиям американского ученого, лауреата Нобелевской премии по экономике Э. Остром [Ostrom 1990]. Институциональный концепт реализует свою сущность в действии, тогда же происходит и его идентификация, основываясь на логике уместности и адекватности реальям времени [Schweller 2006].

Таблица 2

Содержание принципа баланса сил в призме институциональных концептов

Наименование концепта	Содержание принципа баланса сил в призме концепта
1. Исторический	Баланс сил как принцип реальной политики оказывает непосредственное влияние на мировой исторический процесс, который в свою очередь на более поздних этапах способен воздействовать на умы людей, формирующих внешнеполитическую линию субъекта международных отношений, то есть идет обучение на собственном историческом опыте.

2. Ситуационный	Применение принципа баланса сил на практике происходит с учетом временных ограничений и параметров внешней среды, в государственной политике зачастую имеют место не стратегически выверенные решения, а механизмы острого оперативного реагирования на острые проблемы, в том числе и международные кризисы, конфликты и т.п.
3. Процедурный	Использование баланса сил в международной политике всегда связано с наличием огромного количества согласовательных процедур, заданных эндогенными правилами и процедурами принятия внешнеполитических решений.
4. Символический	Далеко не всегда официальные нормы и правила политического поведения формируют внешнеполитический курс, наоборот, особую роль в реализации политики играют ритуалы, символы, обычаи и церемонии, носящие зачастую неофициальный характер. Социокультурные стереотипы и мифы формируют, а иногда и модифицируют смысл многих формальных правил и принципов, каковым можно считать и баланс сил.
5. Индивидуальный	Точкой отсчета в принятии внешнеполитических решений всегда выступают действия индивидов или группы индивидов, обладающих собственными интересами, ресурсами и мотивами, при этом принцип баланса сил может быть одним из рациональных мыслительных базисов индивида, способом его категориального внешнеполитического мышления.

Еще в конце 1940-х гг. Г. Моргентау пытался придать принципу баланса сил черты универсальной государственной идеологии, основанной на рациональном внешнеполитическом поведении, при всем этом сам принцип со временем приобрел признаки концептуально-теоретического института, идеологического конструкта [Valeriano 2009].

1. Вывод о значимости принципа в мировой истории и политике.

Х. Булл перечислил три важнейших результата действия баланса сил: 1) он сохранил систему государств и не позволил ей трансформироваться в империю, 2) он защитил независимость государств, предотвратив их поглощение или подчинение, 3) он обеспечил условия для сохранения других международных институтов, обеспечивающих международный порядок (дипломатию, международное право, ограниченную войну) [Bull

1977: 102-103]. К этому спектру позитивных результатов функционирования принципа мы бы добавили еще один – сохранение старых и развитие новых форм международной социально-политической коммуникации (переговоров, консультаций, иных форм посредничества интересов) для реагирования на действия субъектов международных отношений и изменения условий международной среды.

2. Вывод об историчности и постоянно изменяющемся значении принципа.

С глубокой уверенностью можно говорить и писать об историчности принципа баланса сил, структура и содержание которого изменялись вслед за реализацией событий мировой истории. Классическая трактовка принципа (подход Г. Моргентау) основывалась на биполярном мироустройстве, наличии в международной системе двух сверхдержав (СССР и США) и двух военно-политических блоков (НАТО и ОВД). Падение биполярной системы заставило исследователей искать новые интерпретации баланса сил, так появились модификации принципа для многополярного и униполярного мира, многие приверженцы неореализма стали скрывать под термином «баланс сил» свои индивидуальные концепции нового мироустройства, тем самым, искажая изначальное значение принципа. Изменение характера силы как универсального ресурса сначала в плане возрастания его экономической составляющей, а затем информационной неизбежно меняет и сам баланс, его роль как принципа и системного свойства²³⁷.

3. Вывод об автономии принципа в современных международных отношениях и мировой политике.

Принцип баланса сил может играть на мировой арене самостоятельную роль, таким образом, с долей вероятности можно говорить о его автономии в современных международных отношениях. Автономия баланса определяется сформированностью международных организационно-институциональных структур. Автономия баланса сил может стимулировать более активную выработку внешнеполитических решений как реакцию на усложнение структуры международного порядка, ведь теперь инициаторам решения придется учитывать еще одного пусть и концептуального субъекта международных отношений.

4. Вывод о месте принципа в теории международных отношений.

С теоретико-методологической точки зрения, можно и нужно говорить о присутствии феномена концептуальной восприимчивости в современной теории международных отношений. Он определяется тем, что одни формирующие теорию принципы достаточно легко воспринимают

²³⁷ Автор выражает искреннюю благодарность д.и.н., проф. Д.И. Польшванному за помощь в формулировке настоящего вывода.

концепции и гипотезы смежных направлений политической и иных общественных наук, другие, наоборот, стремятся сохранить традиционные трактовки и содержание. Баланс сил нельзя отнести ни к первому, ни ко второму типу принципов, поскольку каждый ученый стремится наполнить его своим уникальным содержанием, при этом с долей уверенности можно говорить о его амбивалентности в современной теории международных отношений. Тенденция амбивалентности порой приводит к отказу от модели баланса сил и переходу к иным теоретическим концептам, обладающим понятийной однозначностью, как это произошло в работе коллектива американских ученых, использующих вместо баланса сил термин «баланс угроз» (англ. *balance of threats*) [Niu 1989].

5. Вывод об определении принципа баланса сил с позиции неинституционализма.

Баланс сил – это система ожиданий и установок внешнеполитического поведения, совокупность рациональных схем, способов рассуждений, а также ограничений, направленных на формирование предпочтений субъектов международных отношений для достижения равновесия и стабильности отношений в международной среде. От состояния среды и от положения в ней субъекта зависит институциональная структура принципа, предназначенная для оптимизации успеха актора в конкретной международной ситуации.

Литература

1. Браун С. Сила в инструментарию современной дипломатии / С. Браун // Международные процессы. - 2004. - № 2. - С. 4-20.
2. Донжес П. Политические акторы в институциональном контексте) П. Донжес // Политика и личность / Под ред. Й. Поллака, Ф. Загера, У. Сарцинелли, А. Циммер. - Харьков: Гуманитарный центр, 2012. - С. 37-50.
3. Зобнин А.В. Проблема манипулирования в ходе международных консультаций / А.В. Зобнин // Международные процессы. - 2013. - № 1. - С. 16-28.
4. Зобнин А.В. Международные псевдоконсультации в структурах Организации Варшавского Договора / А.В. Зобнин // Политика и общество. - 2013. - № 8. - С. 1021-1028.
5. Зобнин А.В. Информационная сила в мировой политике и международных отношениях / А.В. Зобнин // Политика и общество. - 2014. - №2. - С. 238-247.
6. Израэлян В.Л. Дипломаты лицом к лицу / В.Л. Израэлян. - М.: Международные отношения, 1990.
7. Фоссум Й.Э. Принцип баланса сил: стабильность и сила в международных отношениях / Й.Э. Фоссум // Теория и методы в современной политической науке: Первая попытка теоретического синтеза / Под ред. С.У. Ларсена. - М.: РОССПЭН, 2009. - С. 230-254.
8. Хрусталеv М.А. Методология анализа международных переговоров / М.А. Хрусталеv // Международные процессы. - 2004. - № 3. - С. 64-78.

9. Bull H. *The Anarchical Society: A Study of Order in World Politics* / H. Bull. - London: Macmillan, 1977.
10. Claude I. *The Balance of Power Revisited* / I. Claude // *Review of International Studies*. - 1989. - P. 77-85.
11. Di Maggio P., Powell W. *The Iron Cage Revisited: Institutional Isomorphism and Collective Rationality in Organizational Fields* / P. DiMaggio, W. Powell // *American Sociological Review*. - 1983. - № 2. - P. 147-160.
12. Doyle M. *Empires* / M. Doyle. - Ithaca: Cornell University Press, 1986.
13. Finnemore M., Sikkink K. *Taking Stock: The Constructivist Research Program in International Relations and Comparative Politics* / M. Finnemore, K. Sikkink // *Annual Review of Political Science*. - 2001. - №4. - P. 391-416.
14. Haas E.B. *The Balance of Power: Prescription, Concept, or Propaganda?* / E.B. Haas // *World Politics*. - 1953. - Vol. 5. - P. 442-477.
15. Kaplan M. *System and Process in International Politics* / M. Kaplan. - N.Y.: J. Wiley, 1975.
16. Lijphart A. *The Structure of the Theoretical Revolution in International Relations* / A. Lijphart // *International Studies Quarterly*. - 1974. - Vol. 18. - № 1. - P. 41-74.
17. Morgenthau H.J. *Politics among Nations: The Struggle of Power and Peace* / H. Morgenthau. - N.Y.: Alfred A. Knopf, 1948.
18. Niou E.M. *The Balance of Power: Stability in International Systems* / E.M. Niou, P. Ordeshook, G. Rose. - N.Y.: Cambridge University Press, 1989.
19. Nye Jr. J.S., Owens W.A. *America's Information Edge* / J.S. Nye Jr., W.A. Owens // *Foreign Affairs*. - 1996. - № 2. - P. 21-22.
20. Ostrom E. *Governing the Commons* / E. Ostrom. - Cambridge: Cambridge University Press, 1990.
21. Schelling T. *The Strategy of Conflict* / T. Schelling. - Cambridge: Harvard University Press, 1960.
22. Schweller R.L. *Unanswered Threats: Political Constraints on the Balance of Power* / R.L. Schweller. - Princeton: Princeton University Press, 2006.
23. Scott W.R. *Institutions and Organizations. Toward a Theoretical Synthesis* / W.R. Scott // *Institutional Environment and Organizations. Structural Complexity and Individualism* / Ed. by W.R. Scott, J.W. Meyer. - Thousand Oaks: Sage, 1994. - P. 55-80.
24. Sheehan M. *The Balance of Power: History and Theory* / M. Sheehan. - London, N.Y.: Routledge, 1996.
25. Valeriano B. *The Tragedy of Offensive Realism: Testing Aggressive Power Politics Model* / B. Valeriano // *International Interactions*. - 2009. - Vol. 35. - P. 179-206.
26. Venkatachar C.S. *The Changing Balance of Power: A View from Asia* / C.S. Venkatachar // *Journal of Development Studies*. - January 1966. - P. 174-188.
27. Walt S.M. *The Origins of Alliances* / M. Walt. - Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 1987.
28. Waltz K. *Man, the State and War: A Theoretical Analysis* / K. Waltz. - N.Y.: Columbia University Press, 1959.
29. Waltz K. *Theory of International Politics* / K. Waltz. - N.Y.: McGraw-Hill, 1979.
30. Wohlforth W. *Testing Balance-of-Power Theory in World History* / W. Wohlforth, R. Little, S.J. Kaufman, D. Kang, C.A. Jones, V. Tin-Bor Hui, A. Eckstein, D. Deudney, W.J. Brenner // *European Journal of International Relations*. - 2007. - Vol. 13. - № 2. - P. 155-185.

**«МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ» И «МНОГОСТОРОННИЕ
ИНСТИТУТЫ»: СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОТЛИЧИЯ
И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ**

Когда мы просматриваем программу IX Конвента РАМИ, обращает на себя внимание многообразие поднятых тем: заседания проходили в 31 секции, в каждой из которых, в свою очередь, перечислены десятки тем выступлений. В итоге, счёт тематики Конвента идёт на сотни поднятых тем и вопросов, и подчас создаётся впечатление известной калейдоскопичности. За этим многообразием просматривается достаточно единодушное признание общего тренда – увеличение численности и реальной роли международных организаций (далее – МО) в современных международных отношениях, и, соответственно, устойчивый рост интереса исследователей к этой тематике. Наряду с этим, в не меньшей степени за этим просматривается и рост ожиданий (не всегда реализуемых), связанных с ролью МО, как институционно-политического регулятора в мировой системе. Сказывается в столь высоком внимании к МО и влияние доминантного, на мой взгляд, подхода в российском сообществе учёных-международников – изучение глобализации (а МО – это одно из практических оформлений этого тренда), как объективной тенденции мирового развития (кстати, широко используемое понятие «целостности мира», отчасти опережает события и призвано укрепить такой взгляд, несмотря на то, что целостность, с позиций системного анализа, предполагает, прежде всего, «рациональные действия, направленные на достижения общих целей», которые, к сожалению, чаще отсутствуют у государств-участников, нежели есть в наличии). Напротив, в гораздо меньшей степени, глобализация изучается в международных исследованиях, как продукт осуществления целенаправленной и перспективной стратегии ведущих акторов системы международных отношений. Однако какой бы позиции не придерживались на этот счёт отдельные авторы, бесспорно, то, что МО вполне допустимо рассматривать в этом ракурсе, как «предтечу», как нормативно-политическую «перво-структуру» для формирования новой региональной и всемирной целостности. Более того, представляется, что некоторые из них уже представляют собой институты, в которых на практике происходит апробация и накопление первоначального опыта для возможного грядущего глобального управления миром. Не будь сегодня сложившейся и развивающейся системы МО и разговор о «глобализации» просто «повисает в воздухе».

Серия недавних юбилеев самых различных во времени и по предназначению МО (и союзов государств), также определившая тематику

данного Конвента, поднимает и более общий ретроспективный вопрос о превращенных исторических формах «российского мессианства» (Достоевский). От религиозного морализаторства Александра I и Священного Союза, через революционный хилиазм «мировой революции» и Коминтерн раннесоветского периода, до «нового мышления» Михаила Горбачева (напомню, что полное название программной книги было «Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира» (курсив автора статьи)– всем этим попыткам переустройства существовавшего миропорядка свойственен глобализм охвата, который можно рассматривать, как одну из качественных характеристик российского политического и внешнеполитического сознания²³⁸. На мой взгляд, на этой особенности национального сознания, не всегда явленной и вербализированной отчасти основано и наше отношение к МО, как важному институциональному средству, равно как и подчас и завышенные ожидания от них. Вместе с тем, нельзя обойти молчанием и тот факт, что в исторической ретроспективе итоги всплесков «русского мессианства» во внешней политике всегда заканчивались с негативными результатами для международного положения страны.

Рассмотрение вопроса о природе современных МО следует предварить краткой оценкой того, кого сегодня можно отнести к т.н. «великими державами», ведь очевидно, что они являются и главными акторами в существующих и вновь создаваемых МО, и именно их политическая воля и масштабность стратегий формируют и направляют эволюции системы МО. Общепринято считать, что к традиционным критериям (преимущественно ресурсным и силовым), исследователи добавили весьма волятивные для многих участников (особенно стран периферии и полупериферии) экономические и финансовые параметрам, а также параметры т.н. «мягкой силы». Воображаемая «карта мира по критерию «весомости» государств» существенно изменилась за последние полвека и соответствующим образом менялась и система МО. Её новые особенности можно суммировать следующим образом: 1) продолжается существенное «расширение состава» и вместе с тем усиление иерархизации в лидирующей группе («семёрка», «двадцатка», ОЭСР), причём процесс этот приобретает всё более динамичный характер и очевидно не закончен (достаточно сослаться на дискуссии по расширению состава постоянных членов Совета Безопасности ООН); 2) происходит очевидное увеличение количества и уплотнение «покрытия» международных и внутристрановых процессов со стороны существующих в мире МО (с учетом неформализованных МНПО, можно говорить о

²³⁸ См. подробнее: Баталов Э.Я. Русская идея и американская мечта. М.: 2009. Прогресс. Гл. III. Контуры русской идеи. С.113-226.

формировании мировой сети МО, в которой действуют уже тысячи организаций (разумеется, весьма различных по природе и степени влияния); 3) появление нового типа региональных, субрегиональных и трансконтинентальных объединений (экономических в начальном подходе, но в перспективе, возможно, расширяющихся и на сферу политики), которые, возможно, определяют мироустройство и миропорядок XXI века; 4) проявилась тенденция увеличения статусного положения государств через создание и участие в новых межгосударственных объединениях, существенно расширяющие прежние представления о МО. Центральным содержательным стержнем всех отмеченных новаций является тенденция на значительное наращивание интенсивности международного диалога, резкое расширение предметной сферы и общий тренд на унификацию подходов, а в перспективе и регулирования.

Перечисленные схематично перемены и тенденции не просто добавляет новые факты к представлению о МО, но и вызывают необходимость теоретического переосмысления всего феномена современных МО, их типологии и предметно-функционального предназначения.²³⁹ Оставаясь объектом регулирования со стороны международного права, современная система МО всё более выходит за рамки представлений, сложившиеся в этой научной дисциплине в XX веке, особенно в том, что касается их типологии, а тем более предметно-функциональной стороны деятельности. В этом свете можно приветствовать появления в России весьма содержательных исследований, опирающихся на социологический взгляд на современные МО.²⁴⁰

Анализируя программу IX Конвента РАМИ под этим углом зрения, необходимо отметить и использование многообразных терминов для рассмотрения международных организаций («международные организации», «международные правительственные организации», «международные институты», «международные структуры», «многосторонние структуры»), «международные многосторонние структуры», «интеграционные объединения», «многосторонние объединения» и др.). Некоторые из них, используются как синонимы, другие – несут очевидную различную смысловую нагрузку. В этой связи, обращает на себя внимание, что в указанной книге А.Е. Кутейникова

²³⁹ См. Евгений Ключихин. О книге Samuel Barkin. *International Organization: Theories and Institutions*. Palgrave Macmillan, 2006. 185 p. В журнале *Международные процессы*. №003, Vol. 4, 2006, с. 123-126.

²⁴⁰ См. Кутейников А.Е. *Международные неправительственные организации: теоретико-социологический анализ*. СПб.: Изд-во С-Петерб. У-та, 2012 (в данной весьма интересной и насыщенной новыми взглядами на предмет книге ставится под сомнение (и не без оснований) сам термин «международные организации»).

отмечается факт постепенного изъятия в последние годы из оборота разъяснительного термина «межправительственные» в словосочетании «международные организации». К этому можно только добавить, что эта перемена, на мой взгляд, также несёт определённую смысловую нагрузку: она косвенно укрепляет отмеченное выше видение процессов глобализации, как «естественного хода вещей», а не продукта «политики правительств» (отметим, в дополнение, что если «международные межправительственные организации» могут быть таким терминологическим «возвратом к прошлому», то «международные межправительственные институты» не используется в научно-публицистическом обороте, выглядят уже более затруднительным для употребления сочетанием, обоснование которого потребует объяснений). Не ставя задачи рассмотрения всё усложняющейся терминологии, касающейся МО, хотелось бы кратко рассмотреть лишь два из перечисленных термина – «организация» и «институт».

Представляется полезным проиллюстрировать на конкретном примере Совета Европы (далее СЕ) - этой старейшей европейской организации²⁴¹, тезис о том, как и почему можно говорить о трансформировании этой «международной организации» в «международный институт». Помимо оценок с позиций политической теории (появление «нового институционализма» МО и «социального конструктивизма» на международном уровне), не менее важно проследить и то, как это происходит на практике, отталкиваясь от некоторых предварительных итогов деятельности Совета Европы.

В рамках т.н. «Большой Европы» (термин, принятый в СЕ, для обозначения Европы, включающей Россию и страны Закавказья) функциональная задача этой Организации за более чем 60- летний период её деятельности претерпела существенное изменение (при сохранении неизменным Устава Организации, датированном 1949 годом). В общетеоретических терминах эту перемену можно сформулировать кратко так: переход от «регулирования поведения» к «регулированию состояний» стран-членов²⁴². В подтверждение данного тезиса упомянем некоторые

²⁴¹ См. Чернега В.Н. Роль Совета Европы в формировании общеевропейского пространства демократии и прав человека; Кутейников А.Е. «Подлинная демократия» Совета Европы среди неисправимых политических институтов европейских государств. В сборнике « Роль международных институтов в процессах демократизации в современном мире». 2015. ИНИОН. Актуальные проблемы Европы. Научный журнал, №3, С.68-126.

²⁴² См. Хрусталёв М.А. Анализ международных ситуаций и политическая экспертиза. Очерки теории и методологии. 2008. М.: НОФМ, МГИМО (У) МИД России. С. 18.

количественные и качественные показатели и характеристики деятельности СЕ за прошедшие десятилетия:

- экспоненциальный рост международно-правового (конвенционального, сниженного в последние годы), но также политического (рекомендации ПАСЕ и Комитета Министров) регулирования: около 200 конвенций СЕ, сотни (если уже не тысячи) рекомендаций, затрагивающие практически все, связанные с «корневой триадой» (демократия, права человека, верховенство закона) деятельности Организации, аспекты жизни современного европейского общества (за исключением вопросов военной безопасности и экономики). По сути рекомендации схожи иногда по предмету и детализации по степени регулирования некоторым конвенциям, но существенно отличаются по международно-правовой обязательности;

- появление нового типа конвенций, которые можно было бы назвать конвенции «третьего типа» (историческое движение от первых «запрещающих» международных договоров, к договорам «предписывающим», а теперь к «третьему типу» - не только «предписывающим», но и фиксирующим механизмы регулярного отслеживания их исполнения). Последний, всё более распространённый и перемещающийся сейчас в центр внимания тематики СЕ тип конвенций, заранее оговаривает возможность мониторинга деятельности национальных правительств, принявших на себя международно-правовые обязательства (в силу ратификации), либо допускающих таковой (вне конвенциональный мониторинг) в силу самого факта участия в данной организации (СЕ);

- расширение практики конвенционального и не конвенционального контроля за общественно-политической и правоприменительной практикой в сферах прав человека, демократии, верховенства права (создание эффективного механизма при постоянно действующем Комиссаре по правам человека, страновые обзоры постоянно действующей Европейской Комиссии против расизма и дискриминации (комитет СЕ), практика тематических обзоров решений Европейского Суда по правам человека, и др.).

При осуществлении этой деятельности Совет Европы продолжает осуществлять обе функции, свойственные современным «международным институтам»: т.н. «восходящий подход» (выработку единых «стандартов», «норм» и «правил», отличающихся отмеченной выше степенью правовой обязательности), и «нисходящий подход» (передачу выработанных «стандартов» и «норм» для воплощения их в деятельности национальных правительств стран-членов и контроль (мониторинг) их осуществления на практике). Отметим, что вторая функция осуществляется как в рамках собственных программ сотрудничества Совета Европы (включая и

эпизодическую деятельность в странах, не входящих в Организацию), так и через участие в программах в рамках т.н. «Европейской политики соседства» Европейского Союза.

Очевидно существенное концептуальное последствие этой смены функций Организации: от классической международной межправительственной организации (где доминирует функция «озвучивания» позиций и последующего согласования интересов государств-членов) она трансформируется в «институт» (основной функцией становится превентивное регулирование состояния участников и систематический контроль над их «поведением» (выполнение взятых договорных и общеполитических (идеологических) обязательств). Конвенционально-правовое регулирование со стороны МО, сохраняя своё историческое значение, всё более дополняется в случае СЕ собственным, инициируемым самой Организацией институциональным регулированием. В этом смысле, такие организации, как Совет Европы, приобретая роль «института», безусловно, занимаются и «социальным конструктивизмом», осуществляемым с разной степенью интенсивности в отношении различных участвующих стран.

Рассмотрение вопроса о новой функциональной роли современных МО (в частности, на примере СЕ) выводит нас на вопрос о «новом представлении о суверенитете государств» в современных многосторонних институтах, ведь уже само по себе «присоединение» государств к МО косвенно означает, по крайней мере, в потенции, возможность частичного и добровольного ограничения суверенитета. «Мягкой формой» такой уступки суверенитета можно, с определенной долей условности, считать взятие на себя РФ обязательства по ратификации целого ряда конвенций перед решением вопроса о её принятии в СЕ (список был максимально широким, и некоторые из конвенций до сих пор не ратифицированы). Рассмотренные процессы не исключают и контр тенденции – попытки восстановления «классических представлений о суверенитете», каковыми является, в частности, инициированная Россией дискуссия о «пределах приемлемости решений международной юстиции» (соответствующий закон РФ принят в декабре 2015г.). Кстати, тот же принцип «политической обусловленности» (разумеется, в ещё более масштабных форматах) действует и в рамках Европейского Союза, в частности, в рамках политики его расширения и вступления новых членов.

Когда речь идёт о СЕ, как «международном институте», необходимо различать два момента:

- формально-правовые аспекты (конвенциональные обязательства и обязательства, связанные с членством: например, вопрос «прав человека» перестал быть сугубо внутренним делом, а судебный «суверенитет» государств-членов СЕ, уже может «сосуществовать» с возможностью

индивидуального обращения граждан в ЕСПЧ (по завершению внутренних судебных процедур), и

- неформально-политические аспекты (постулируемая приемлемость и добровольное исполнение решений, принимаемых отдельными органами СЕ. Так Рекомендации Комитета Министров СЕ юридически не являются обязательными, но выражающие «коллективную политическую волю» правительств стран-членов и в таком качестве предполагается их добровольное исполнение). Отклонение от этого правила, особенно при возникновении «проблемной ситуации», неизбежно приводит к косвенному «коллективному давлению» на затронутую страну и обоснованным призывам к ней соблюдения всех «стандартов», правил и процедур.

Ко всем многочисленным критериям и вариантам представления типологии МО, традиционно разрабатываемой в науке международного права и современной социологии МО, следует, на мой взгляд, принять к рассмотрению ещё один. Основываясь на многолетнем опыте практической работы в Совете Европы, напрашивается необходимость различать МО, в которых Россия была в числе её основателей, и те, к которым она присоединилась позднее (созданным без её участия). Очевидно, что два типа таких организаций порождают весьма различные по характеру и значимости политические, правовые, а в ещё большей степени практические последствия для российской дипломатии и внешней политики (рано, или поздно во втором случае встаёт вопрос о сопоставлении «ожиданий» и «результатов» от членства, необходимость проведения периодических оценок «степени и характера воздействия участия в данной МО на внутреннюю политику», обобщенных «оценок инвентаризации» как инструментов Совета Европы, так и эффекта от такого участия, и т.д.). Факт широкой вовлеченности России, особенно в первое десятилетие, в программы СЕ (а это, бесспорно, пример организации-института, ориентированной на преобразование внутренних структур и процессов во вновь вступивших странах-членах), неизбежно поставит со временем вопрос о комплексной оценке итогов такого сотрудничества (что уже началось в форме общественной дискуссии в России в связи с приостановлением права голоса российской делегации в ПАСЕ). Взвешенный и научно обоснованный подход к выработке, прежде всего, критериев такой оценки, равно как и актуализация целей участия России в Организации помог бы, на мой взгляд, избежать категоричности в оценках, и нацелить российское участие на использование богатого потенциала этой старейшей европейской международной организации, ставшей необходимым институтом европейской политики.

ДНР И ЛНР КАК ЗОНЫ ПРОБЛЕМНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ: ПРОБЛЕМЫ МЕТОДОЛОГИИ ИССЛЕДОВАНИЯ

Украинский политический кризис 2013-2014 гг., имеющий как внутренние, так и внешние причины, вызвал серьезные геополитические сдвиги, оказавшие влияние не только на постсоветское пространство и Центральную и Восточную Европу, но и поставивший под угрозу всю систему международной безопасности. К сожалению, данный кризис не преодолен до сих пор, в том числе и в силу отсутствия необходимой политической воли у акторов разного уровня, что востребует более глубокого анализа его причин и тенденций развития кризисной ситуации. Поэтому автор обращается к анализу методологических проблем исследования политического процесса и политических систем ДНР и ЛНР, возникновение которых является следствием этого кризиса, и чье существование объективно способствует серьезной трансформации системы международных отношений и существующего миропорядка.

ДНР и ЛНР, как государственные образования, по всем признакам можно отнести к «неконтролируемым территориям», «квазигосударствам», «повстанческим государствам», «несостоявшимся государствам», которые автор объединяет под термином «зоны проблемной государственности»²⁴³, где отсутствуют четкие признаки государственности и существуют проблемы с контролем входящих в их границы территорий. Поэтому для исследований особенностей политического процесса и политических систем такого рода государственных образований довольно проблематичным является применение господствующих в современной политологии парадигм, используемых при исследовании механизмов функционирования демократических политий и демократических транзитов, которые, будучи использованы при изучении зон проблемной государственности, лишь фиксируют «отход от демократических принципов» без объяснения реальных причин такого отхода, не говоря уж о причинах появления, механизмах функционирования и тенденциях развития вышеуказанных типов государственных образований. В силу чего исследование государственных образований проблемной зоны нуждается в

²⁴³ См.: Асимметрия мировой системы суверенитета: зоны проблемной государственности / [ред. М.В. Ильин, И.В. Кудряшова]. – М.: МГИМО-Университет, 2011. – 248 с.; Балувев Д.Г. «Серые зоны» мировой политики / Д.Г. Балувев, А.А. Новоселов // Очерки текущей политики. – Вып. 3. – М.: Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2010. – 40 с.; Себенцов А.Б. Феномен неконтролируемых территорий в современном мире / А.Б. Себенцов, В.А. Колосов // Полис. – 2012. - №2. – С.31-46 и др.

соответствующей методологии, применяемой не только в политологии, но и в других дисциплинах, таких как история, политическая антропология, социология, конфликтология, регионоведение, мировая политика. Что и пытается сделать автор, комплексно исследуя политический процесс и политические системы ЛНР и ДНР сквозь призму конфликтологии, исследований революционных и повстанческих движений, полемологии и иренологии, региональных и международных исследований, формальных и неформальных институтов и практик, архетипического подхода. Что, по его мнению, позволит более адекватно понять происходящее в этих самопровозглашенных республиках и на прилегающих к ним территориях Украины, и наметить возможные пути развития ситуации.

Анализируя *истоки данного конфликта*, по мнению автора, нужно учитывать его цивилизационное измерение (то, что территория Донбасса находилась в зоне «столкновения цивилизаций»), противоречивый характер «двухвекторности» украинской внешней политики, соперничество украинских кланов, где «македонцы» (выходцы из Макеевки и Донбасса) играли далеко не последнюю роль, а также конфликт идентичностей, который игнорировался украинской властью²⁴⁴.

Применение *революционной парадигмы* обусловлено тем, что тогда в Украине, цивилизационно и социокультурно расколотовой на проевропейские Северо-Запад и Центр и связанный с Россией Юго-Восток, почти одновременно произошли две революции – «Революция Достоинства»²⁴⁵ и «Русская Весна»²⁴⁶. И там, и здесь определенным образом сложились объективные и субъективные предпосылки, влияли внешние и внутренние факторы. В результате столкновения этих революционных волн не только появились ДНР и ЛНР, но и возник вооруженный конфликт на территории Донбасса, который пока удалось

²⁴⁴ См.: Губарев П. Факел Новороссии / П. Губарев. – СПб.: Питер, 2016. – 416 с.; Пихорович В.Д. Украина между Западом и Востоком: Война на Донбассе / В.Д. Пихорович. – М.: ЛЕНАНД, 2015. – 208 с.; Шубин А.В. История Новороссии / А.В. Шубин. – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2015. – 480 с. и др.

²⁴⁵ См.: Бышок С.О. Евромайдан имени Степана Бандеры: От демократии к диктатуре / С.О. Бышок, А.В. Кочетков. – М.: Изд-во «Книжный мир»; ФРИГО «Народная дипломатия», 2014. – 432 с.; Григорьев М.С. Евромайдан / М.С. Григорьев. – М.: Кучково поле, 2014. – 464 с.; Пихорович В.Д. Украина между Западом и Востоком: Хроники Евромайдана / В.Д. Пихорович. – М.: ЛЕНАНД, 2014. – 200 с.; Мухарський А. Майдан. (Р)Еволюція духу / А. Мухарський. – Київ: Наш Формат, 2014. – 312 с.; Crisis in Ukraine / ed. by Rose Gideon. – Tampa, Florida: Council on Foreign Relations, 2014. – 122 р. и др.

²⁴⁶ См.: Губарев П. Факел Новороссии / П. Губарев. – СПб.: Питер, 2016. – 416 с.; Новороссия. Восставшая из пепла / сост. С.Н. Плеханов. – М.: Книжный мир, 2014. – 512 с.; Уроки Новороссии для будущего России. Материалы научно-экспертной сессии (Москва, 3 июня 2015 г. Центр научной политической мысли и идеологии). – М.: Наука и политика, 2015. – 160 с. и др.

приостановить. Но остается вопрос – а завершились ли эти революции? Ответ на него может дать применение методологии исследований революционных процессов и повстанческих движений, которые успешно используются не только зарубежными, но и отечественными специалистами²⁴⁷.

Так как революции, в том числе и «цветные», нередко приводят к гражданской войне, которая может иметь затяжной характер, то в нашем случае будет нелишним осветить *полемологический аспект*²⁴⁸ в образовании и функционировании ЛНР и ДНР. Дело в том, что война играет значительную роль не только в жизни этих самопровозглашенных республик, но и ведущей против них «антитеррористическую операцию» Украины, милитаризируя экономику, политические системы и жизнь граждан. Война, особенно гражданская, позволяет выдвинуться тем людям, для которых мирная жизнь скучна и мало привлекательна. В случае успеха они превращаются в т.н. «варлордов», которым подчинены сотни и тысячи людей, которые контролируют обширные районы, фактически являясь там высшей властью. В зонах проблемной государственности власть «лордов войны»²⁴⁹ нередко оказывается выше, чем власть политиков и чиновников. К сожалению, вооруженный конфликт в Донбассе также породил таких «варлордов» - полевых командиров, «вершащих суд и расправу» на контролируемых ими территориях. Причем по обе стороны от линии фронта. Вокруг них объединяются те, как добровольцы, так и наемники, как граждане Украины, так и иностранцы, кто «вошел во вкус» войны. У них есть поддержка во властных структурах, среди части бизнеса и гуманитарной интеллигенции – со стороны тех, кто больше заинтересован в войне, чем в мире...

Чтобы перейти от гражданской войны к состоянию гражданского мира необходимо не только прекратить боевые действия, но и ликвидировать власть «варлордов» и тех, кто живет войной – что сделать не так-то просто. Поэтому крайне важным является *иренологический*

²⁴⁷ Голдстоун Джек. Революции. Очень краткое введение / Джек Голдстоун. – М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2015. – 192 с.; Манойло А. Цветные революции и гибридные войны / А. Манойло // Стратегии России. – 2015. – №7. – С.17-24; Месснер Е.Э. Всемирная мятежевойна / Е.Э. Месснер. – М.; Жуковский: Кучково поле, 2004. – 511 с.; Почепцов Г. Революция.com. Основы протестной инженерии / Г. Почепцов. – М.: Европа, 2005. – 520 с.; Сальников В.И. Революционные процессы в политической жизни: динамика развития, проблемы управления: монография / В.И. Сальников. – Воронеж: Научная книга, 2011. – 108 с.; Casebook on insurgency and revolutionary warfare. Vol. I: 1933-1962 / ed. by Chuck Crossett. – Fort Bragg: US Army Special Operations Command & The Johns Hopkins Univ., 2013. – 751 pp.; Casebook on insurgency and revolutionary warfare. Vol. II: 1996-2009 / ed. by Chuck Crossett. – Fort Bragg: US Army Special Operations Command & The Johns Hopkins Univ., 2012. – 864 pp. и др.

²⁴⁸ См.: Соловьев А.В. Полемология – французская социология войны / А.В. Соловьев // Социс. – 1993. – №12. – С. 44-53.

²⁴⁹ О «лордах войны» см.: Marten K. Warlordism in Comparative Perspective / K. Marten // International Security. – Winter 2006/2007. – Vol. 31, № 3. – P. 41-73.

аспект проблемы²⁵⁰, позволяющий проанализировать возможности выхода тех или иных территорий из зоны проблемной государственности. Здесь все зависит от сочетания как внутренних, так и внешних факторов, влияющих на установление мира и переход к мирной жизни.

Образование ДНР и ЛНР на руинах Украины и их вероятное будущее также нуждается в рассмотрении в контексте *трансформации современного мирового порядка*, изучаемой методами региональных и международных исследований. Поэтому урегулирование вооруженного конфликта на Донбассе должно сочетаться с урегулированием правового статуса и границ ДНР-ЛНР: 1) вернуться ли эти территории в Украину; 2) их независимость получит международное признание (пусть даже ограниченное по примеру Приднестровья, Абхазии, Южной Осетии); 3) они станут частью проекта «Новороссия»; 4) войдут в состав РФ по сценарию близкому к крымскому.

В силу того, что территория конфликта входит в зону проблемной государственности, то управление данным конфликтом, также как и его урегулирование, во многом зависит не только от позиций официального Киева, руководства самопровозглашенных республик и международных посредников, но и от позиции полевых командиров, криминальных авторитетов, олигархов, имеющих там интересы, местных территориальных общин, духовных лидеров, политиков разного уровня – от их выбора между войной и миром. Поэтому *выявление реальных участников политического процесса в данной зоне проблемной государственности, анализ их габитуса и системы связей наряду с изучением реально действующих там институтов (как формальных, так и неформальных) и практик* позволят объективно оценить перспективы урегулирования конфликта и политического обустройства данной территории²⁵¹.

²⁵⁰ Об ирелогии и изучении проблем мира см.: Peace Research: Achievements and Challenges /ed. by Peter Wallensteen. – Bolder and London: Vestview Press, 1988. – 275 pp.

²⁵¹ См.: Бурдые Пьер. Социология политики / Пьер Бурдые. – М., 1993. – 333 с. Линецкий А.И. Происхождение институтов путем отбора способов поведения / А.И. Линецкий // Полис. – 2015. – №4. – С.123-144; Норт Д. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества / Д. Норт, Д. Уоллис, Б. Вайнгаст. – М.: Изд-во И-та Гайдара, 2011. – 480 с.; Розов Н.С. Принципы и критерии легитимности постреволюционной власти / Н.С. Розов // Полис. – 2014. – №5. – С.90-107; Сальников В.И. Революционные процессы: социокультурный и политико-антропологический аспекты [Электронный ресурс] / В.И. Сальников // IV Российский культурологический конгресс с международным участием «Личность в пространстве культуры», Санкт-Петербург, 29-31 октября 2013 года. Тезисы и выступления участников. – СПб: Эйдос, 2013. – URL: http://culturalnet.ru/main/congress_person/1380 (дата обращения 26.10.2015); Фисун А.А. К переосмыслению постсоветской политики: неопатримониальная интерпретация /

Особо хотелось бы обратить внимание на возможности *архетипического подхода*²⁵². Применительно к Юго-Востоку Украины это означало бы изучение влияния архетипов, связанных с Диким полем и временами Руины, на современность и возможностей их нейтрализации.

В качестве вывода автор утверждает, что комплексное применение вышеуказанных методов поможет не только лучше понять происходящее в зоне конфликта, но и наметить пути прекращения расширения зоны проблемной государственности на постсоветское пространство и на Восточную Европу.

А.А. Фисун // Политическая концептология. – 2010. – №4. – С.158-187; State Failure Revisited II: Actors of violence and Alternative Forms of Governance. INEF Report № 89 [Electronic resource] // Institut für Entwicklung und Frieden. – 2007. – 72 p. – URL:<http://inef.uni-due.de/page/documents/Report89.pdf> (дата обращения 27.10.2015); Peake G. From Warlords to Peacelords: Local leadership Capacity in Peace Processes / G. Peake, C. Gormley-Heenan, M. Fitzduff / INCORE Report. December 2004 [Electronic resource] // International Centre Excellence for Conflict and Peace Studies (INCORE).The United Nations University. – 78 p. – URL: <http://www.incore.ulst.ac.uk/research/projects/wlpl/WlplFull.pdf> (дата обращения 27.10.2015) и др.

²⁵² Разработки методологии архетипического подхода ведутся Украинской школой архетипики, руководимой Э.А. Афониним. См. официальный сайт школы: URL:<http://usarch.org/ru/> (дата обращения 27.10.2015)

ФОРМАЛИЗАЦИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ: В ПОИСКАХ ОПТИМАЛЬНОЙ МЕТОДОЛОГИИ КОЛИЧЕСТВЕННОГО АНАЛИЗА

В современной международно-политической науке достаточно широкое распространение получили формализованные модели. Так, доля статей с формализованными моделями в ведущих мировых журналах по международным отношениям и политической науке («International Organization», «International Security», «International Studies Quarterly», «Journal of Conflict Resolution», «World Politics» и «American Political Science Review») в 1975-2000 гг. составила около 15%²⁵³.

Модель - это упрощенное представление действительности. При построении модели международных отношений выделяются лишь несколько акторов (как правило, великие державы) и рассматриваются наиболее важные их характеристики (показатели мощи). Модели бывают вербальные, предполагающие словесное описание исследуемых объектов, и формализованные (formal models), в т.ч. математические. Построение формализованных моделей связано с операционально-прикладным подходом в международно-политической науке и подразумевает применение методов точных наук, исчисление данных (квантификацию), верифицируемость выводов²⁵⁴.

Междисциплинарный синтез: практические сложности

Специалисты по моделированию социальных процессов, представляющие естественные науки, описывают процесс моделирования в виде следующей схемы:

гуманитарный анализ→*построение модели*→*анализ результатов моделирования*→*гуманитарный анализ*²⁵⁵.

В ходе исследования международной ситуации в результате процесса формализации строится математическая модель данной ситуации. Под *формализацией* при этом понимается "... перевод привычных для нас

²⁵³ Models, Numbers, and Cases: Methods for Studying International Relations. Ed. by Sprinz D., Wolinsky-Nahmias Y. – Ann Arbor: University of Michigan Press, 2004. – P.5-7.

²⁵⁴ Цыганков П.А. 2007. Теория международных отношений. М.: Гардарики. С.47-50.

²⁵⁵ Белотелов Н.В., Бродский Ю.И., Павловский Ю.Н. Сложность. Математическое моделирование. Гуманитарный анализ: Исследование исторических, военных, социально-экономических и политических процессов. – М.: Книжный дом «Либроком», 2013. – С.21.

категорий, положений, понятий гуманитарных наук на язык математических категорий (понятий, алгоритмов, формул)²⁵⁶.

Далее, посредством прикладного математического анализа с применением информационно-коммуникационных технологий находится оптимальная стратегия в рамках данной модели. Исходя из данной стратегии впоследствии интерпретируются действия определенного актора на международной арене (см. рис. 1)

Рис. 1. Математическое моделирование международных отношений

Однако на практике, как правило, классически подготовленные международники не применяют математические методы анализа, а сотрудники математических кафедр не владеют международной проблематикой.

В результате ни те, ни другие не в состоянии провести целиком математическое моделирование международных отношений, сделать полноценное научное исследование в области международных отношений с применением математического аппарата, что становится особо актуальным в контексте интеграции российского образования в мировое образовательное пространство, повышения конкурентоспособности ведущих российских вузов среди мировых научно-образовательных центров.

Сложность применения количественных методов анализа в отечественной международно-политической науке обусловлена также дефицитом учебников по математическим дисциплинам, специально

²⁵⁶ Мелихов С.В. 1979. Количественные методы в американской политологии. М.: Наука. С.16.

адаптированных для гуманитариев. Речь идет о так называемой *нетехнической версии* математики. Изучив подобный курс, специалисты-международники должны владеть элементарными математическими навыками и умением применять их в прикладном анализе.

На практике же чаще всего преподаватели математических кафедр в рамках курса «Высшая математика для международников» излагают какую-то часть обычного математического курса для естественно-научных специальностей (как правило, наиболее близкие им самим темы). Т.е. вместо курса, содержащего отдельные, достаточно специфические разделы математики, которые действительно в дальнейшем понадобятся международникам и излагаются на доступном для гуманитариев уровне, студентам, по сути, предлагается изучить всю математику на уровне, характерном для специальностей физико-математического профиля. Различие лишь в том, что в учебном плане для студентов-международников на изучение математики выделяется значительно меньшее количество часов.

В результате, прослушав такой курс «Высшей математики», студенты, с одной стороны, вообще не получают знаний по нужным им разделам математики (линейная алгебра, математическая статистика, теория игр), а с другой – имеют смутное представление о большом количестве математических методов, которые практически сразу же забываются и в дальнейшем не используются.

Успешный опыт взаимодействия кафедры теории и истории международных отношений РУДН с кафедрой прикладной математики показывает, что базовый курс по высшей математике для международников, как правило, должен включать такие темы, как основы математического анализа, операции с векторами и матрицами, элементы теории множеств и математической логики, статистика и теория вероятности. В то же время такие темы, как теория массового обслуживания, линейное программирование, дифференциальные уравнения и интегральное исчисление, могут рассматриваться уже при более углубленном изучении применения математических методов в международных отношениях.

Еще одна практическая сложность применения количественного анализа международных отношений связана с необходимостью использования специализированных компьютерных программ, выработки навыков работы с базами данных, а также средствами визуализации полученных результатов. По данному направлению кафедра теории и истории международных отношений РУДН взаимодействует с кафедрой компьютерных технологий. Безусловно, стандартный пакет MS Excel позволяет на практике применять большинство методов статистической обработки данных. В ряде случаев целесообразно использовать MathCad, а

также SPSS (работа с большими базами данных). Для количественного контент-анализа, для проведения сетевого анализа, имитационного моделирования также необходим специальный софт (например, Flying Logic, Fusion Tables, NetLogo, Swarm, AnyLogic, PowerSim) и специальные навыки работы с ним.

Допущения в моделях и парадигмы ТМО

Любая формализованная модель международных отношений предполагает целый набор допущений. Наиболее распространенные теоретико-игровые модели исходят из абстракций *методологического индивидуализма и рационального выбора* (Methodological Individualism and Rational Choice, MIRC), что, безусловно, существенно ограничивает их возможности. Необходимо, чтобы основные игроки независимо принимали свои решения, что в условиях усиления глобальной взаимозависимости становится все труднее. На практике мотивация различных акторов международных отношений не всегда может носить рациональный характер. Например, в настоящее время ряд стран постсоветского пространства (например, Украина) принимает решения, направленные на максимизацию ущерба для РФ, а не на максимизацию собственного выигрыша.

На принятие решения влияют не только сами акторы, но и группы экспертов, окружение (фактически решения принимаются не теми лицами, кто формально отвечает за это). Индивидуализм характерен для западных обществ, в то время как общества на Востоке характеризуются в большей степени коллективистским поведением. Кроме того, даже в индивидуалистическом обществе люди нередко совершают действия исходя из групповых интересов (группы единомышленников, диаспоры и др.). Ряд действий совершаются целенаправленно (стратегический выбор), в то время как часть действий совершаются скорее автоматически. Разница в подходах к принятию решений обуславливает различный математический инструментарий, который необходимо применять для формализованного моделирования различных типов социального взаимодействия (см. табл. 1).

Таблица 1

Типы моделирования социального взаимодействия²⁵⁷

		Индивидуальное действие		Групповое действие	
		Рациональное поведение	Нерациональное поведение	Рациональное поведение	Нерациональное поведение
Индивидуалистическое общество	Стратегический выбор	Классическая теория игр	Социально-психологические подходы	Принципал-агентская модель (теория игр)	Стратегическое групповое мышление
	Данность	Теория принятия решений	Социально-психологические подходы (положения)	Принципал-агентская модель (теория принятия решений)	Стратегическое групповое мышление
Коллективистское общество	Стратегический выбор	Теория предпочтений (теория кооперативных игр)	Эволюционная теория	Структурализм (теория кооперативных игр)	Эволюционная теория (стая рыб)
	Данность	Принятие социальных рисков (теория принятия решений)	Эволюционная теория	Теория принятия решений	Социологический детерминизм

Так, классический теоретико-игровой анализ применим лишь к одному типу социального взаимодействия – это стратегическое взаимодействие рациональных индивидов, находящихся в индивидуалистическом обществе и поступающих исключительно исходя из индивидуальных побуждений - один из 16 приведенных типов социального взаимодействия. Для моделирования других типов взаимодействия требуется несколько иной методологический инструментарий, в том числе теория кооперативных игр, теория принятия решений, эволюционная теория, социологический детерминизм и т.п.

В целом, методологический индивидуализм характерен для либеральной (идеалистической) парадигмы ТМО, в то время как подход к государству как к единому актору, принимающему решения, скорее характерен для реалистической традиции.

Последние события вокруг Украины, в частности раскручивание "спирали напряженности" (евромайдан – провозглашение ДНР/ЛНР – санкции США и ЕС – контрсанкции со стороны РФ) снова делают

²⁵⁷ Allan P., Dupont C. International Relations Theory and Game Theory: Baroque Modeling Choices and Empirical Robustness. // International Political Science Review. – 1999. –20 (01). – P.23-47.

актуальными психологические модели типа «действие – реакция»²⁵⁸, когда решения принимаются не рационально, а эмоционально²⁵⁹.

Миграционный кризис в Европе, волна цветных революций, радикальное изменение общественного сознания на Украине и в странах ЦВЕ выводят на первый план социологические концепции ТМО, лежащее в основе объяснения динамики нелинейных процессов.

Теоретико-игровые модели

Исторически наибольшее развитие в рамках международно-политической науки из всех формализованных моделей получили **теоретико-игровые**. Классический пример такого рода - теоретико-игровой анализ Карибского кризиса^{260,261}, позволяющий моделировать нагнетание военной угрозы, балансирование на грани (brinkmanship). После окончания «холодной войны» к классическим вопросам взаимного сдерживания и гонки вооружений добавился теоретико-игровой анализ этнических конфликтов, гуманитарной интервенции, ядерного нераспространения, экономических санкций, установления демократических режимов, международной торговли и глобализации, формирования наднациональных органов²⁶². Повторяемые игры позволяют моделировать (имитировать) динамику развития международной ситуации²⁶³.

Основной сложностью при построении теоретико-игровых моделей международных отношений является выделение приоритетности различных стратегий поведения для противоположных сторон. Главная проблема здесь не в отсутствии рациональности поведения государств на международной арене, а скорее в правильной оценке альтернатив со стороны различных государств. Зачастую шкала ценностей одного государства вовсе не совпадает со шкалой другого. Кроме того,

²⁵⁸ Монбриаль Т. Действие и система мира / Пер. с франц. – М.: МГИМО-Университет, Росспэн, 2005. – 488 с.

²⁵⁹ См.: Круглый стол журнала «Полис». Ракитянский Н. М., Смутькина Н. В., Палитай И. С., Затонских А. В., Евгеньева Т. В., Селезнева А. В., Черданцева А. М., Никифоров А. Р., Богдан И. В., Ахматнурова С. Ф., Самаркина И. В., Букреева О. В., Шестопад Е. Б., Щербинин А. И., Щербинина Н. Г., Яницкий М. С., Титов В. В. Политическое поведение: бессознательные механизмы и их рационализация // Полис. Политические исследования. – 2013. – № 6. – С.46-63; *Фельдман О.* Человеческое поведение и политика // Полис. Политические исследования. – 2013. – № 6. – С.26-36.

²⁶⁰ Дегтерев Д.А., Дегтерев А.Х. 2011. Теория игр и международные отношения. – Мировая экономика и международные отношения. №2. С.79-89.

²⁶¹ Акимов В. П., Луков В. Б., Паршин П. Б., Сергеев В. М. 1989. Карибский кризис: опыт моделирования. – США: экономика, политика, культура. № 5. С.36-49.

²⁶² Ситуационные анализы. Выпуск 2. Под ред. Т.А. Шапклевой. 2012. М.: МГИМО - Университет. С.57-73.

²⁶³ Axelrod R. 2006. The Evolution of Cooperation. Cambridge: Basic Books.

классическая теория игр (одновременные ходы противников и равновесие по Нэшу) помогает понять, где может установиться равновесная точка, но не говорит о том, как (посредством какой совокупности ходов) стороны последовательно могут прийти именно к данной равновесной точке. Частично данное противоречие решается в рамках продвигаемой рядом международников *теорией ходов* - альтернативой классической теории игр²⁶⁴.

Эконометрические модели

В международно-политических исследованиях широкое распространение получили также **эконометрические модели**. Например, посредством регрессионного анализа, можно провести ивент-анализ международных событий, при этом в качестве объясняющей переменной рассматривается количество определенных событий за фиксированный интервал времени. Гравитационные модели, которые используются в международных экономических отношениях, описывают зависимость степени взаимодействия между странами от некоторых параметров этих стран (ВВП, численность населения, наличие минеральных или других ресурсов, количество посольств и консульств). При этом обязательно учитывается и географическая близость стран, которая количественно выражается как расстояние между их столицами или границами²⁶⁵.

Инструментарий математической статистики позволяет устанавливать зависимость между явлениями или действиями игроков на международной арене, проверять правильность выдвигаемых гипотез. Вместе с тем, методология критикуется сторонниками системного подхода за то, что идет проверка взаимосвязи отдельных переменных, вырванных из контекста²⁶⁶.

Сетевой анализ

Простейшим инструментарием, позволяющим комплексно анализировать множество элементов, находящихся во взаимодействии, являются **сетевые модели**. Сетевой подход позволяет сделать формализованное описание сети и в дальнейшем проводить математический анализ данной сети. Математический аппарат, используемый в сетевом анализе, - это разделы линейной и дискретной

²⁶⁴ Stone R. 2001. The Use and Abuse of Game Theory in International Relations: The Theory of Moves. – Journal of Conflict Resolution. Vol. 45. No.2. P. 216-244.

²⁶⁵ Rose A. 2007. The Foreign Service and Foreign Trade: Embassies as Export Promotion. – World Economy. Vol. 30. No. 1. P. 22-38.

²⁶⁶ Mearsheimer J., Walt S. 2013. Leaving theory behind: Why simplistic hypothesis testing is bad for international relations. – European Journal of International Relations. Vol. 19. No. 3. P. 427-457.

математики, прежде всего, теория графов и ее приложения в виде теории сетей.

Первые работы по применению сетевого анализа в международных отношениях появились в 1960-1970-е гг. и были связаны с моделированием международной торговли, членства в международных организациях и сети дипломатических отношений. Вторая волна работ по применению сетевого подхода к анализу международных отношений связана с распространением в конце 1970-х гг. неомарксистской мир-системной теории как одной из парадигм ТМО. Наибольшее распространение сетевой анализ международных отношений получил в 1990-е гг., когда методология сетевого анализа стала применяться в контексте неолиберальной теории комплексной взаимозависимости²⁶⁷.

Имитационное моделирование

По мере развития компьютерных технологий широкое распространение получило **имитационное моделирование** (simulation modeling) международных отношений. В отличие от аналитических моделей, описывающих процесс функционирования системы посредством аналитических зависимостей (уравнений), имитационные модели имитируют само функционирование моделируемой системы, ее развитие во времени посредством применения моделирующих алгоритмов. В международно-политической науке широкое распространение получили агентные (агент-ориентированные) модели и модели системной динамики.

Первые модели прогнозирования мирового развития (**модели системной динамики**) были связаны с деятельностью Римского клуба. Одна из них – «World 1», созданная профессором Массачусетского технологического университета Д. Форрестером и в дальнейшем усовершенствованная в версиях «World 2» и «World 3»²⁶⁸. По мере того, как не сбывались апокалипсические прогнозы истощения природных ресурсов, перенаселенности планеты и связанных с ними "пределов роста"²⁶⁹, росло число критиков данного направления моделирования. Все больше исследователей стали говорить о невозможности учесть в рамках моделей системной динамики все возможные параметры.

Все большее внимание исследователей в последнее время стало привлекать **агентное моделирование** или моделирование "снизу вверх". В

²⁶⁷ Дегтерев Д.А. 2015. Сетевой анализ международных отношений. – Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Политология. Международные отношения. № 4.

²⁶⁸ Дегтерев Д.А. 2011б. Компьютерное моделирование международных отношений. – Международные процессы. Том 9, № 3(27). С.53-66.

²⁶⁹ Медоуз Д.Х., Медоуз Д.Л., Рандерс Й., Бернс В. 1991. Пределы роста. Доклад по проекту Римского клуба "Сложные положения человечества". Пер. с англ. М.: Издательство Московского Университета. 207 с.

отличие от системной динамики, в рамках данного подхода идет моделирование на микроуровне (на уровне поведения отдельных агентов), которое, тем не менее, позволяет описывать макропоследствия.

Хотя отдельные работы по агентному моделированию существовали и ранее, как в рамках математической науки (теория клеточных автоматов Дж. фон Неймана, модель "Жизнь" Дж.Конвея и М.Карднера), так и в рамках собственно политической науки (модель расовой сегрегации Т.Шеллинга 1960-х гг.)²⁷⁰, активное развитие данное направление получило лишь в 1990-2000-е гг. Моделируя влияние норм на поведение отдельных индивидов, данный подход в русле конструктивистской парадигмы ТМО позволяет показать, как это влияет на отдельные режимы (модель гражданского восстания Д.Эпстайна)²⁷¹ и на систему международных отношений в целом²⁷².

²⁷⁰ Schelling T. 2006. *Micromotives and Macrobehavior*. New York: W. W. Norton & Company.

²⁷¹ Epstein J., Steinbrune J., Parker M. 2001. *Modeling Civil Violence: An Agent-Based Computational Approach*. Center on Social and Economic Dynamics, Working Paper No.20, Brookings Institution. URL:

<http://www.brookings.edu/es/dynamics/papers/cviolence/cviolence.pdf>

²⁷² Cederman L.-E. 2001. *Agent-Based Modeling in Political Science*. – *The Political Methodologist*. Vol. 10. No. 1. P.16-22.

**ЭВОЛЮЦИЯ СИСТЕМНОГО ПОДХОДА: ОСОБЕННОСТИ
ПРИМЕНЕНИЯ ПРИНЦИПОВ САМООРГАНИЗАЦИИ ПРИ
АНАЛИЗЕ ДИНАМИКИ РЕГИОНАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ
(НА ПРИМЕРЕ ЧЕРНОМОРСКОГО РЕГИОНА)**

Основоположником системного подхода в российской науке считается А.А. Богданов, который в 1920-х гг. разработал «теорию всеобщей организационной науки»²⁷³. Общемировую известность получила «общая теория систем» австрийского биолога Л. фон Берталанфи, основанная на идее изоморфизма. В 1954 г. при участии Л. фон Берталанфи на базе Стэндфордского университета было организовано Сообщество по развитию общей теории систем, которое в 1956 г. было преобразовано в Сообщество по общим системным исследованиям в рамках Американской ассоциации развития науки. С 1988 г. – Международное сообщество по системным наукам²⁷⁴.

Одним из президентов сообщества был К. Дойч (1983 г.), сформулировавший новую для своего времени философию безопасности. В своей основополагающей работе 1957 г. «Политическое сообщество и североатлантическое пространство: международная организация в свете исторического опыта» К. Дойч ввел понятие «сообщество безопасности», существенно повлиявшего на развитие исследований по безопасности в рамках теории международных отношений²⁷⁵. В 2000-х гг. Б. Бузан и О. Вэвер в работе «Регионы и державы» будут использовать системный подход при описании теории региональных комплексов безопасности²⁷⁶.

В 1988 г. президентом Международного сообщества по системным наукам становится лауреат Нобелевской премии по химии 1977 г. И. Пригожин. Заметным явлением уже в научно-философской литературе стала его книга, написанная совместно с И. Стенгерс «Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой». Во вступлении к изданию, вышедшем в СССР в 1986 г. И. Пригожин и И. Стенгерс обращают внимание на то, что переосмысление концептуальных основ динамических явлений существенно расширяет понимание «закона природы». В этой книге вводится понятие «диссипативных структур», которое легло в

²⁷³ Хрусталеv М.А. Анализ международных ситуаций и политическая экспертиза. Очерки теории и методологии. М.: НОФМО, 2008. С. 226.

²⁷⁴ The International Society for the Systems Sciences (ISSS) <http://www.iss.org/world/about-the-iss>

²⁷⁵ Deutsch K. Political Community and the North Atlantic area: International Organization in the Light of Historical Experience. Princeton: Princeton University Press, 1957. P. 228.

²⁷⁶ Buzan B., Waever O. Regions and Powers: The Structure of International Security. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. P. 46

основу теории диссипативных структур, одной из первых теорий сложных систем.

Исследования немецкого физика Г. Хакена в этом направлении приобрели популярность в России. Введенный им термин «синергетика» получил большое распространение в работах С.П. Курдюмова, Е.Н. Княzewой, Г.Г. Малинецкого, С.П. Капицы и др. Л. Бородин в своей статье в журнале «Международные процессы» рассматривает возможности применения синергетики в политико-исторических исследованиях²⁷⁷.

Исследования динамичных, нелинейных и сложных процессов в теории международных отношений не новы. Одной из таких работ является книга «Системные эффекты. Сложность в политической и социальной жизни» американского исследователя Р. Джервиса. По мнению Р. Джервиса, системный подход «показывает, как отдельные акторы, следуя простым несоординированным стратегиям, могут производить совокупное состояние, сложное и упорядоченное, но не обязательно прогнозируемое и стабильное»²⁷⁸. К системным теориям Р. Джервис относит также исследования стабильности. В российской теоретической школе это направление получило свое развитие.

Н.А. Косолапову как одному из представителей школы ИМЭМО принадлежит разработка концепции динамической стабильности. Разработанные Н.А. Косолаповым категории, возможные в системе «время-пространство-объект-процесс»²⁷⁹ позволяют приблизиться к анализу основных принципов самоорганизации системы. Представитель школы МГИМО-Университета А.Д. Богатуров сумел перенести главные достижения теории стабильности зарубежных школ на регион. Результатом работы стало практическое рассмотрение динамической стабильности на примере Азиатско-Тихоокеанского региона²⁸⁰. Это способствовало развитию анализа динамических процессов региональных систем.

Возникающий интерес к сложным системам и принципам самоорганизации в политических науках требует от системного подхода восприятия естественнонаучных достижений в этой области. Системный

²⁷⁷ Бородин Л. Методология анализа неустойчивых состояний в политико-исторических процессах // Международные процессы <http://www.intertrends.ru/seventh/001.htm#note7>

²⁷⁸ Jervis R. System effects: complexity in political and social life. Princeton University Press. 1997. P. 7.

²⁷⁹ Косолапов Н.А. Конфликт как инструмент стабильности в международных отношениях // Очерки теории и политического анализа международных отношений/ Научно-образоват. форум по междунар. отношениям. М., 2002. С. 172-189.

²⁸⁰ Богатуров А.Д. Великие державы на Тихом океане: история и теория международных отношений в Восточной Азии после второй мировой войны (1945-1995). Ин-т США и Канады РАН. М.: Московский общественный научный фонд, 1997. Сс. 34-36.

подход изначально развивался как междисциплинарный, и в этом смысле принятие общих принципов самоорганизации сложных систем из естественных наук не представляется проблемным. Сложности вызывает лингвистический барьер между представителями гуманитарных и естественных наук, необходимость приведения в соответствие междисциплинарного понятийного аппарата. На это указывают российские ученые Ю.А. Полунин и И.Н. Тимофеев, проделавшие большую работу в этом направлении в исследовании «Нелинейные политические процессы»²⁸¹.

В этом исследовании авторы определяют взаимосвязь между классом динамической системы и ее режимом динамики. Уникальность динамических процессов в Причерноморье в сфере безопасности состоит в том, что со второй половины 1990-х гг. в регионе стали параллельно формироваться два режима динамики. Это указывает на то, что система региональной безопасности находится на стадии переходного периода, и ее структурные характеристики будут зависеть от установившегося режима.

Основой режима динамики для менее открытой системы региональной безопасности явилась схожая позиция двух ключевых региональных акторов России и Турции по организации регионального взаимодействия на основе сотрудничества всех причерноморских государств с минимальным влиянием внерегиональных акторов. Формированию такого режима динамики способствовала Конвенция Монре́, закрепившая особый судоходный режим для военных судов внерегиональных акторов, а также инициативы Турции по созданию БЛЭКСИФОР и Черноморской гармонии.

С середины 2000-х гг. активное присутствие в Причерноморье обозначил другой режим динамики – НАТО. Постепенное целенаправленное расширение Альянса, сопровождавшееся активным вовлечением США в региональные процессы, создало предпосылки формирования более открытой системы безопасности для влияния внерегиональных акторов в Причерноморье.

С 2008 г. система региональной безопасности в Причерноморье пребывает в активной фазе переходного процесса, сопровождающегося кризисными явлениями на пути установления такого режима динамики, или аттрактора²⁸², в соответствии со структурой которого система

²⁸¹ Полунин Ю.А., Тимофеев И.Н. Нелинейные политические процессы. М.: МГИМО-Университет, 2009.

²⁸² Аттракторы – «те реальные структуры в открытых нелинейных средах, на которые выходят процессы эволюции в этих средах в результате затухания в них переходных процессов. ... Если система попадает в поле притяжения определенного аттрактора, то она неизбежно эволюционирует к этому относительно устойчивому состоянию (структуре). С определенного класса начальных возмущений системы (среды) имеют

приобретет свои качественные характеристики. Кавказский кризис 2008 г., Украинский кризис 2014 г. и ситуация в российско-турецких отношениях после начала операции России в Сирии и инцидента с Су-24 являются теми основными точками, позволяющими сформировать фазовый портрет²⁸³, или определить траекторию движения системы. Это, в свою очередь, может способствовать более ясному пониманию стратегии для Причерноморья.

выход на эту структуру...». Подробнее см. Полунин Ю.А., Тимофеев И.Н. Нелинейные политические процессы. М.: МГИМО-Университет, 2009. С. 30.

²⁸³ Фазовый портрет это траектория движения системы, но в пространстве ее параметров. В фазовом портрете положение системы в каждый момент времени представлено точкой в фазовом пространстве. Фазовое пространство это пространство образованное всеми параметрами, необходимыми для описания системы. Точка фазового портрета определяется значениями параметров в конкретный момент времени. Подробнее см. Полунин Ю.А., Тимофеев И.Н. Нелинейные политические процессы. М.: МГИМО-Университет, 2009. С. 29.

ЛЕГИТИМНОСТЬ: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ ПОДХОД

Понятийный вопрос

В отечественной публицистике, в политических дебатах и выступлениях нередко приходится сталкиваться с путаницей понятий «легальность» и «легитимность». Возникла своеобразная мода на термин «легитимный», которым часто заменяют термин «легальный». По сути это серьезная терминологическая ошибка, которая может быть объяснима только небрежностью мысли, свойственной публицистике и тому поверхностному анализу лексикона общественной науки, который вполне удовлетворяет нашу невзыскательную массовую политическую культуру.

В действительности если бы понятия легитимности и легальности были содержательно тождественны, то достаточно было бы одного понятия, а не двух. Даже в естественных языках, не говоря уже об искусственных, к которым относится рационально организованный язык науки, нет двух содержательно тождественных понятий. В данном случае следует просто напомнить, что легитимность характеризует не просто действие, соответствующее закону, но еще и такое, которое подкрепляется общественным одобрением. Самая короткая формулировка может выглядеть так: «легитимность = легальность + общественное одобрение». Именно общественное одобрение придает юридическому понятию легальности его важный политический смысл, в результате чего оно становится интегральным, политико-правовым понятием и позволяет увидеть социальную реальность более конкретно и многогранно. Ведь факт одобрения общественностью действий власти, являясь по сути политическим актом, который включает в себя и психологический, и культурологический и этический и даже эстетический аспект: так содержательно сам по себе богат феномен политического действия.

Хотя политика и право тесно связаны между собой, образуют единое политико-правовое поле (здесь на ум приходит аналогия с физической реальностью, где отдельно существует два поля электрическое и магнитное, но в то же время они образуют синтез - электромагнитное поле), однако как самостоятельные реалии они могут расходиться и даже вступать в противоречие. Различие легитимности и реальности прекрасно показывает это. Так, действие власти может быть легальным, соответствующим букве закона, но не принимаемым большинством общества, явно или еще чаще неявно, скрыто игнорируемым со стороны общественности. В этом случае можно говорить о нелегитимности действий власти и даже самого закона, обуславливающего это действие. Возникающее противоречие создает политико-правовую коллизию, для

решения которой у власти появляется соблазн прибегнуть к методам принуждения для реализации своих планов, вследствие чего складывается ситуация, грозящая расколом, противостоянием власти и общества. И наоборот, действие власти может быть легитимным, поддерживаемым и приветствуемым большинством, но закона для такого действия еще нет, тогда мы говорим, что живая практика политического действия обгоняет законодательную инициативу. Другими словами, расхождение между легальностью и легитимностью источник социальной напряженности, который, если его не погасить, может дорасти либо до политической революции, либо, наоборот, привести общество к состоянию духовной депрессии и аномии. Расхождений и противостояний между легальностью и легитимностью в истории так много, что каждый может легко вспомнить много примеров.

Это на практике. А в теории в случае отождествления этих понятий легитимность бесосновательно приписывается к классу юридических категорий, что сужает ее смысл и мы оказываемся не в состоянии увидеть ее чрезвычайно значимое политическое содержание. Но что еще более важно, мы не можем увидеть то, что составляет основание политики, то есть ее *мета*-политическую субстанцию. В данном случае имеется в виду то искомое, которое посредством политической науки, изучающей самое себя, иначе говоря, посредством ее самоанализа, не дается. Чтобы пояснить эту мысль, можно прибегнуть к аналогии с известным высказыванием Маркса по поводу понятий другой науки – политической экономии. В «Экономическо-философских рукописях 1844 г.» он писал: «Политическая экономия исходит из факта частной собственности. Объяснения ее она нам не дает. *Материальный* процесс, проделываемый в действительности частной собственностью, она укладывает в общие, абстрактные формулы, которые и приобретают для нее затем значение законов. Эти законы она не *осмысливает*, т.е. не показывает как они вытекают из самого существа частной собственности».²⁸⁴ Переиначивая эту мысль Маркса можно сказать, что ни политическая, ни правовая теория не дает нам объяснения своих базовых категорий, то есть своей *мета*-основы. Собственно, это характерно для всех социальных и гуманитарных наук. Объяснение их категориально-понятийного аппарата следует искать на более глубоком уровне анализа – философском.

Специфика философского анализа, как такового, заключается в том, что любой объект исследования берется не сам по себе, а в единстве с предельными основаниями человеческого существования. Поэтому вопрос, который следует задать, может быть сформулирован так: является ли

²⁸⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Экономическо-философские рукописи 1844 г. Сочинения. 2-е изд. изд. Т. 42. - М., 1974. С. 86.

политическая легитимность, то есть легитимность власти и права одним из предельных оснований человеческого существования? Таким образом, логика анализа легитимности ведет нас в «подвал» политической и правовой теории на самый глубокий уровень философской антропологии. Возможно только два ответа: «да» или «нет». Если мы ответим «нет», легитимность не является предельным основанием человеческого существования, то это значит, что требование общественного одобрения действий власти является случайным и условным, и в принципе таким, без которого общество может обойтись. Если мы ответим «да», то это означает, что легитимность является необходимым условием политических и правовых отношений в обществе, поскольку относясь к классу предельных оснований, она есть также основание необходимое, ведь предельность есть не что иное, как другое выражение необходимости. Следовательно, основание легитимности надо искать в самой природе человека, описываемой языком философской антропологии.

Легитимность как основа человеческого бытия

Поскольку невозможно существование общества, лишённого правовых и политических отношений (хотя попытки представить такое общество были, вспомним коммунистическую теорию), то нужно признать, что основания этих отношений находятся в самой человеческой природе, а не произвольно придуманы людьми для установления общественного порядка. Теоретикам коммунизма казалось, что право и политика производны от частной собственности, стоит только их отменить, как это делается в коммунах, или исторически пережить частную собственность, что, по мнению Маркса, произойдет в передовых промышленных странах, и право и политика исчезнут сами собой, уйдут в историю. В действительности не право производно от отношений частной собственности, а частная собственность, как и любая другая форма собственности, производна от идеи права. То же можно сказать и о политике. Ее суть - в *участии* индивида в делах государства и общества. Индивид участвует, то есть выступает как часть причастная целому. Политика невозможна там, где нет *частного* лица, где нет индивида, отделенного от корпоративного целого. То есть в обоих случаях частное лицо, его физическая частность, осознаваемая и отстаиваемая по отношению к общему, есть основание и политики, и права.

А от чего же производно сама это *осознаваемая частность*? Ставя так вопрос, мы неизбежно приходим к необходимости обратиться к природе человека. Когда мы говорим, что человека отличают от всего живого два безусловных признака: разум и нравственное чувство, то этим мы еще не исчерпываем суть вопроса. Внимательно присмотревшись к человеческой деятельности, мы увидим одну ее особенность, не попадающую целиком

ни под рациональное, ни под этическое основание человеческого бытия, но объединяющее в себе и то и другое. Это качество можно назвать *самоутверждением через самоодобрение*: человек должен быть доволен тем, что он производит, это чувство удовлетворения суть оправдание его деятельности, а значит и его бытия. Человек – единственное существо, которое нуждается в самоодобрении и самооправдании, хотя нередко и бунтует против необходимости это делать, но потребность в этом всегда в конечном счете перевешивает.

Эту духовную особенность подметили еще древние евреи и с нее начали рассказ о сотворении мира Богом. Вспомним, что после каждого дня творения Бог видел, «что *это хорошо*». Человеку, сотворенному по образу и подобию Божию, также важно видеть, что все, что он делает *хорошо*. Потребность в подобном самооправдании вытекает из удивительной способности человека различать существующее и должное, и сравнивать их и стремиться приблизить существующее к должному. Только в таком случае человек считает свою деятельность *правильной*. Так появляется чувство права, как правильности, что существует по праву и оправдывает труд человека. Поэтому «право» изначально даже не юридическая категория, а *экзистенциальная*. Юридической ее делает правоотношение, то есть отношение субъекта к продукту *собственного* труда, отсюда и термин «собственность». Созданное собственным трудом есть собственность. Собственность может выступать в трех формах, материально-вещественной, социальной и идеально-духовной. Ни у кого не вызывает сомнения право на владение, имение и распоряжение вещами, но также существует право на социальный статус и на идеи, при условии, если они представлены на материальном носителе. Посредством права человек оправдывает созданный им искусственный мир, свою среду обитания, являющуюся как говорил Маркс, продолжением его тела. Оправдывает перед кем? Прежде всего перед самим собой: в этом заключается главная духовная потребность человека.

Справедливо утверждают, что для возникновения права нужно по крайней мере двое. Но эти двое есть уже в одном человеке, когда он оправдывается перед самим собой. Когда же возникают правовые отношения между двумя отдельными людьми, то при оправдании их права на владение, распоряжение и пользование, создается впечатление, что человек оправдывается перед другим человеком. Но это иллюзия. На самом деле между двумя людьми правовой вопрос не может быть решен в принципе, оправдаться перед другим человеком невозможно, если отсутствует высший критерий или универсальный референт, признанный обеими сторонами как Закон. Тогда каждый из участников правового спора оправдывает свое право, обращаясь не непосредственно к оппоненту, а к общему для них референту, тому идеальному или

должному, с чем оба соглашаются. Отсюда следует, что право не есть продукт социальных и экономических отношений, наоборот, они суть продукты идеи права. Право, как оправдание перед Законом, рождается сначала как чувство, интуиция, то есть как психологический феномен, и только потом обретает рациональные основания и становится феноменом юридическим.

Одной из разновидностей права является право на власть. Власть – очень объемное понятие. В данном случае мы берем власть в социальной сфере. Тут власть понимается как способность одного лица определять жизненную траекторию других людей. Право в сфере этой власти составляет основу политических отношений. Будет ли власть принадлежать одному лицу, некоторым или всем, – это обстоятельство определяет форму политической власти. Будет ли власть централизована или децентрализована – это определяет механизм реализации политической власти. Но в любом случае *право на власть в обществе должно быть оправдано*, то есть легитимировано. Одобрение права на власть со стороны общества является необходимым элементом положительной политики. Под положительной политикой следует понимать такую, которая опирается на правило «Ничего для нас без нас». В положительной политике, прошедшей через правку легитимностью, происходит то, что Гегель называл свечением всеобщего в индивидуальном. Она рождается не из государственного, классового или какого-либо иного коллективно-собирающего бытия, но из бытия индивидуального. Это хорошо выразил М. Мамардашвили в своеобразно сформулированном социальном антропном принципе «Если я получил в результате исследования такой мир, который явно исключает меня самого, значит, исследование было неправильно»²⁸⁵.

«Общество без меня не может быть мной оправдано» – таков политический императив легитимности. Если это высказывание наделяется квантором всеобщности, то оно становится формулой подлинной общественности. Можно вспомнить доминировавшую в социальной науке в 1970-х – 1980-х годах теорию *деятельности (или деятельностный подход)*, которую принято было наделять тоже квантором всеобщности. Общественность определялась, согласно ей, как результат всеобщей *совместной* деятельности. Понятие «деятельность» рассматривалось как некий аккумулятор множества атрибутов человеческого бытия. Одно понятие, но какое емкое! своего рода шкатулка с когнитивными драгоценностями. Из нее социальные философы извлекали и понятие труда, и понятие творчества, и понятие практики, и понятие социальной активности и многие другие ценные понятия и идеи социальной

²⁸⁵ Мамардашвили М. Как я понимаю философию. – М., 1990. – С.75.

философии. Однако, это понятие могло эффективно работать только в система марксистской социальной философии. Когда марксистская теория после многолетнего монопольного господства (не только в нашей стране) столкнулась на конкурентной основе с экзистенциализмом, «философией жизни», персонализмом, русской религиозной философией и другими немарксистскими учениями, то стало ясно, что деятельностный подход предоставляет необходимые, но недостаточные аргументы для объяснения природы социальности. Недостает той самой легитимации деятельности, которая бы выносила вердикт существующему типу социальности, «что это □ *хорошо*». Всеобщность такого вердикта определяет степень действительности общества. Обычно люди считают, что любое общество – это полноценное общество, упуская из внимания критерий действительности. Так, общество, где половина его членов лишены гражданских прав, и являются рабами или где большая часть членов общества не принимает в ряд ли можно считать полноценным человеческим обществом. Общественность есть живая, подвижная субстанция, постоянно требующая подтверждения своего права быть через свою легитимацию. Там же, где между властью и гражданами возникает отношение отчуждения общественность не может быть легитимирована, а следовательно, она не может быть подлинной.

Негативная диалектика легитимности

Маркс, находясь под влиянием гегелевской диалектики, заметил очень важную особенность человеческой деятельности, ее возвратность. Изменяя с помощью средств труда окружающий мир, человек сам изменяется. Человек изменяет средство труда, средства труда меняют человека. Что бы человек ни делал, он при этом изменяется сам. Перед нами своего рода тотальность: единство человека, его орудий труда и объектов труда. То же происходит и с легитимацией, она есть возвратный процесс: признавая правомерность сделанного, человек признает тем самым и себя. В этой абстрактной формуле тотальности есть, однако, одна точка разрыва. Ее обнаружил Гегель и по-своему интерпретировал Маркс. Она суть *отчуждение*.

Обратим внимание: человек изменяет средства труда, они, в свою очередь, изменяют человека. Суть теории отчуждения Гегеля в том, что результаты труда получают власть над своим создателем, человеком. Они выступают по отношению к нему как чуждая сила. Справедливость этой мысли мы видим на каждом шагу. Хорошо с ней знакомы юристы. Законы, сформулированные людьми для организации и упорядочения общественных отношений, как только они получают формальное утверждение, начинают жить своей самостоятельной жизнью и подчиняют себе жизнь людей. Они становятся рамками человеческой свободы.

Хорошо знакомы с этим явлением отчуждения и политики: утвердив основы политического строя, свои политические институты, люди становятся вынужденными подчиняться им. Прошлый, овеществленный труд волшебным образом превращается в господина живого труда.

Высшим политическим институтом, как известно, является государство. Поэтому отчужденную форма государственной власти следует признать как одну из фундаментальных проблем не только политической философии, но и политической практики. Государство обретает такую власть над людьми, что у него, хотя это люди или нет, появляется монопольное право на легитимное физическое насилие,²⁸⁶ то есть на свободу человека и саму его жизнь. Как справедливо пишут Дж. Джексон и Б. Бредфорд «Легитимность составляет само основание силовой власти».²⁸⁷ В последнем случае государство, следуя формальному закону, выступает по отношению к приговоренному к смертной казни в абсолютно отчужденной форме. Источник отчуждения государства от преступника – позиция сторонников смертной казни. Позиция противников смертной казни, наоборот, есть реакция людей на факт абсолютной отчужденности государства от человека, являющегося преступником. Люди протестуют не против единичного случая смертной казни преступника, совершившего, допустим, тягчайшее преступление против человечности, а против права государства отчуждаться от одного человека как такового, поскольку каждый такой акт отчуждения опасен претензией государства на всеобщность.

Преступник опасен для общества бесчеловечной всеобщностью своего поступка, те, кто протестуют против его смертной казни, выставляют против его всеобщности свою всеобщность, запрещающую государству вершить смертную казнь, тем самым они хотят ограничить отчуждение государства не только по отношению к преступнику, но и к ним. В данном случае запрет права государства на физическое насилие – единственный путь снять отчужденную форму государственной власти, вновь присвоить ее себе. Присвоение государственной власти возвращает государству его человеческое лицо. Еще Платон мечтал о правильном государстве, которое не казнит своих лучших граждан. Смерть своего любимого учителя Сократа он относил на совесть демократической государственности, где за коллективным решением всех можно скрыть свою личную ответственность. Ему представлялось, что устройство государства должно соответствовать природе человеческой души,

²⁸⁶ Вебер М. Политика как призвание и профессия. Избранные произведения. – М., 1990. С. 645.

²⁸⁷ Jackson J., Bradford B. Police legitimacy. – LSE, Wiki. London (методологические записки Лондонской школы экономики – <http://www.lse.ac.uk/methodology/pdf/JonJackson/-Wiki%20-%20legitimacy.pdf>

закрывающей в себе три силы: силу чувства, силу воли и силу разума. В демократическом государстве доминирует сила чувства и социальные низы, его представляющие. В авторитарном – сила воли, способная доводить властителей до жажды всевластия и произвола. И только там, где правят философы, в государстве царит сила разума, гармонично распределяющая общественные обязанности между двумя низшими по отношению к ней силами. Идеалист Платон не представлял, как можно соединить разум и демократию. Действительно, в истории никогда не удавалось это соединение. Демос всегда легитимировал власть чувственно, эмоционально. Голосовал, так сказать, сердцем. А сердце его всегда там, где его дом, земельный надел и частная собственность. Популизм – неизбежный спутник демократии, легитимирующей такую власть, которая обещает удовлетворить интересы «простых людей». Назовем такую форму демократии *«призывающей демократией»*. Суть ее в том, что народ, не имея возможности и способности управлять собой непосредственно, надеется выражать свою волю через призванных политических представителей. Однако на практике зачастую эти надежды оборачиваются тем, чего народ совсем не желал, ведь у народных представителей есть свои частные интересы. Такая форма участия по сути не обладает легитимирующими властью возможностями, поскольку она не упрочивает власть народа, а, зачастую наоборот, способствует развитию ее отчужденных форм. Преодолеть отчуждение власти, или, как говорил Маркс, подлинно присвоить ее народом, то есть сделать ее *своей*, в условиях демократии можно только через критическое отношение к ней, всегда готовое выразить свое «нет», указать власти, что она не соответствует должному. Такую демократию можно назвать *«отзывающей демократией»*. Призванные к власти представители народа всегда должны чувствовать на себе дамоклов меч отзывающей демократии. Хотя в условиях демократически принятого решения отзыв может быть также рационально обоснован, как и призыв, в самой возможности отзыва заключается не отрицание власти как таковой, а требование к ее изменению. Строго говоря, политическая жизнь есть не что иное, как *не прерывающаяся* легитимация власти, проходящая в формате постоянных требований к ее изменению. Живая политическая власть – текучая субстанция, в ее сфере царит тот же закон Гераклита «*Panta rei*», что и везде в природе. Подобно тому, как реальная стоимость вещей определяется в процессе постоянного колебания спроса и предложения, легитимность политической власти тоже есть процесс, определяемый постоянным критическим отношением к ней граждан. Легитимность власти не знает прошлого, она живет только в настоящем. Для власти быть легитимной, это значит каждый день быть готовой услышать в свой адрес

критику и корректируя свою деятельность в соответствии с ней, подтверждать свое право быть.

Суть вопрошания как основного атрибута человеческого бытия в учении М. Хайдеггера как раз выражает эту постоянную потребность человека в легитимации, то есть в честной ответе на вопрос к самому себе, «хорошо ли то, что я делаю»? Являясь безусловным, это качество человека передается и обществу. Таким образом, легитимацию следует признать основополагающим условием не только политической жизни, но и общественности как таковой. Она проявляет себя во всех без исключения социальных актах, будь то акты политического, экономического, правового, экологического, информационно-коммуникативного и любого иного характера.

Легитимация, как проявление саморефлексии, требует бескомпромиссных интеллектуальных и нравственных усилий как со стороны отдельного человека, так и общества в целом. В противном случае ее забвение или просто формальное отношение ведет к потере истинных ориентиров общественной жизни.

Для России XX век, видимо самый динамичный и самый трагический век в ее истории, возможно, потому и стал таким напряженно-деятельным, в котором в «буднях великих строек» и на полях сражений столкнулись два крайние начала социальной: гуманизм и насилие, триумф победы и трагедия жертвенности. Общество, оказавшись в состоянии тяжелейшей социальной и политической турбулентности не могло найти в себе силы (да и времени) для серьезной работы самовопросания. Чтобы XXI век в России не повторил судьбу предыдущего, мы должны постоянно помнить о нашей экзистенциальной обязанности легитимировать нашу социальную деятельность, от которой рождается власть, спрашивая себя: «Хорошо ли то, что мы делаем»?

В заключении заметим, что «уточнив» теорию отчуждения Гегеля, Маркс связал отчуждение с частной собственностью. Он считал, что отчуждение может быть преодолено по мере перерастания обществом своей капиталистической формы, и перехода к новой общественной формации, где люди будут разумно и по плану производить уже не только вещи, но сами общественные отношения. Ему представлялось, что отчуждение есть историческое явление, которое появилось вместе с частной собственностью и исчезнет с ее историческим уходом. У Гегеля же отчуждение сопутствует труду как таковому, безотносительно к его исторической форме. А значит оно может преодолеваться всегда, и оно действительно всегда преодолевалось, и не было никакой предыстории человечества, а всегда была его история. История ведь это не то, что происходило когда-то с людьми, а то, что сами люди делали, легитимируя результаты своей общественной деятельности каждый раз заново.

Литература

1. Вебер М. Политика как призвание и профессия. Избранные произведения. – М., 1990. С. 645.
2. Мамардашвили М. Как я понимаю философию. – М., 1990. – С.75.
3. Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 г. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. изд. Т. 42. - М., 1974. С. 86.
4. Jackson J., Bradford B. Police legitimacy. – LSE, Wiki. London (Методологические записки Лондонской школы экономики – <http://www.lse.ac.uk/methodology/pdf/JonJackson/-Wiki%20-%20legitimacy.pdf>

**ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ПРИМЕНЕНИЕ ВОЛНОВОЙ ТЕОРИИ
ПРИ АНАЛИЗЕ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ РОССИЕЙ И США
В ПЕРИОД С 2000 ПО 2015 ГГ.**

Согласно принятому в российской традиции определению, великой державой является государство, обладающее, помимо традиционных признаков (территория, уровень экономического и технологического развития и т.д.), традицией «думать и действовать глобально». К таким державам на сегодняшний день однозначно относятся США и, с некоторой оговоркой (касательно экономического и технологического потенциала) Россия. Именно поэтому, несмотря на тот факт, что экономический фокус системы МО в 21-м веке переместился из северной Атлантики в АТР, ее политический фокус остается прежним: отношения между Россией и США во многом сохраняют детерминирующее значение для развития глобальной системы МО. Отбросив крайние точки зрения (например, утверждение Э.Басевича, в соответствии с которым, сегодня только США способны действовать в рамках глобальной повестки дня, или З.Бжезинского, утверждающего, что США упустили пальму первенства и допустили возникновение полицентричного мирового порядка) и приняв во внимание мнения военно-политических экспертов США относительно того, что потенциально только Россия способна нанести США неприемлемый ущерб, можно сделать вывод о том, что военно-политический и порядко-образующий потенциалы двух великих держав сопоставимы. В условиях сопоставимости потенциалов и их величины возможно два варианта развития отношений между двумя государствами: соперничество и сотрудничество.

Анализу отношений между двумя государствами посвящены многочисленные публикации. Среди российских авторов, прежде всего, необходимо отметить Т.А.Шаклеину [1], по мнению которой оба вектора в двусторонних отношениях реализуются параллельно: преимущественно сотрудничество на глобальном уровне; преимущественно соперничество на региональном. Также нельзя оставить без внимания работы А.В.Фененко [2], который исследовал отношения между странами сквозь призму влияния ядерного фактора, сохраняющего стратегическое значение. Среди зарубежных авторов нельзя не упомянуть К.Лэйна [3], который провел анализ стратегии США на международной арене и динамики их отношений с Россией, начиная с 1940г, и Т.Грехэма [4], который говорит о параллельном сотрудничестве и соперничестве стран как о "нормальном пути развитии их отношений".

Упомянутые авторы в своих работах опираются на исторические данные, ресурсный, геополитический и геостратегический анализ. В ряде

работ отмеченных исследователей содержится прогноз дальнейшего развития двусторонних отношений, и именно аспект прогнозирования является ключевым для автора данной работы. Результатом проведенного исследования стала экспериментальная аналитическая модель двусторонних отношений, которая дает, хотя и ограниченно, возможности для прогнозирования их дальнейшей динамики. Суть исследования заключается в построении графика российско-американских отношений и применении к этому графику волновой теории Р.Н.Эллиотта [5]. В основе исследования - гипотеза о применимости такого рода анализа к международным отношениям. Изначально, подход Эллиотта применялся при анализе торговли ценными бумагами, однако автор данной работы усматривает сходство в поведении лиц, принимающих политические решения, и биржевых игроков. Принятие серьезных политических и, в частности, внешнеполитических решений зачастую происходит в условиях неполноты информации и цейтнота, следовательно, определенный вес получает фактор иррациональности, присущий поведению основной массы игроков на торговых площадках и обуславливающий резкие колебания цены. Кроме того, на рынках основными трендо-образующими эмоциями игроков являются паника (в случае с медвежьим трендом) и эйфория (в случае с бычьим трендом). Присутствие подобных эмоций не исключается и из сферы принятия решений. Прогресс в отношениях порождает надежду на больший прогресс и толкает стороны к дальнейшему сближению позиций (визит Б.Обамы в Москву в 2009 году создал благоприятную атмосферу для сотрудничества, которое в итоге привело к подписанию договора СНВ-3). При этом действия одной из сторон, приводящие к обострению отношений, провоцируют контрагента на ответную негативную реакцию (ввод антироссийских санкций после воссоединения Крыма с Россией). Т.е. речь идет об известном принципе Талиона в двусторонних отношениях.

В основу графика лег массив из 26 ключевых событий в отношениях между государствами. Каждое событие имеет, по меньшей мере, два измерения: время и уровень интеграционного взаимодействия. Первое измерение операционализируется через соответствующую дату. Второе - с помощью экспертной оценки: каждому событию приписывается значение от 1 до 10, где 1 – уровень острой конфронтации, а 10 - уровень сближения. На основе операционализированных данных был построен график развития двусторонних отношений. Условно, на данном графике можно выделить 4 сменяющих друг друга тренда: сентябрь 2001г (присоединение России к возглавляемой США антитеррористической коалиции) - июнь 2002г (денонсация договора по ПРО); июнь 2002г - июль 2009г (визит Б.Обамы в Россию); июль 2009г - март 2011г (начало воздушных ударов США и их союзников по Ливии); март 2011г - октябрь

2015г (Операции России в Сирии).

Применив волновую теорию, можно отметить, что на данный момент отношения двух стран находятся на уровне поддержки: линии, проход за которую маловероятен. Более того, вдоль линии последнего тренда наблюдались коррекционные отскоки (октябрь 2013 - прорыв по химическому оружию в Сирии; июль 2015 подписание соглашения с Ираном). Следовательно, можно сделать вывод о большой вероятности улучшения двусторонних отношений в кратко-среднесрочной перспективе (в течение от 1 до 3 лет).

Литература

1. Шаклеина Т.А. Россия и США в мировой политике : Учеб. пособие для студентов вузов / Т.А. Шаклеина. — М.: Аспект Пресс, 2012. — 272 с.
2. Фененко А.В. Современная международная безопасность: ядерный фактор / Отв. ред. В.А. Веселов. М.: НОФМО – Издательство «Аспект Пресс», 2013. — 573 с.
3. Layne Ch. The Peace of Illusions. American Grand Strategy from 1940 to the Present. - Ithaca, 2006. 304 P.
4. Graham Th. U.S. – Russia Relations. Facing Reality Pragmatically. CSIS – IFRI Project. Project Codirectors A. Kuchins and Th. Gomart. July 2008. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.csis.org>; <http://www.ifri.org>.
5. A. J. Frost, Robert R. Prechter. Elliott Wave Principle: Key to Market Behavior. - 10th edition. - Gainesville: New Classics Library, 2005. 254 P.

Приложение 1. График динамики уровня взаимоотношений России и США

Приложение 2. Массив событий, использованных для построения графика, с «весами», приписанными в соответствии с мнением Никитенко Е.Г.

Событие	"Вес"
1. Март 1999 – расширение НАТО на восток (Венгрия, Польша, Чехия)	3
2. Сентябрь 2001 – присоединение РФ к антитеррористической коалиции	6
3. Октябрь 2001 - отказ РФ от военных баз за пределами СНГ	7
4. Май 2002 - подписание СНП	8
5. Июнь 2002 – денонсация договора по ПРО	5
6. Март 2003 – образование лагеря несогласных с вторжением США в Ирак	3
7. Март 2004 – второе расширение НАТО на восток (Болгария, Румыния, Прибалтийские страны)	2
8. Ноябрь 2004 – оранжевая революция на Украине	2
9. Май 2005 – поддержка «демократии» на Украине	2
10. Май 2006 – вильнюсская речь Д. Чейни	2
11. Январь 2007 – намерение США разместить системы ПРО в ВЕ	1
12. Февраль 2007 – мюнхенская речь В. Путина	1
13. Июль 2007 – указ о приостановлении действия ДОВСЕ	1
14. Август 2008 - грузинский конфликт	1
15. Июль 2009 – визит Б. Обамы в РФ	5
16. Апрель 2010 - подписание СНВ-3	8
17. Март 2011 – начало бомбардировки Ливии	5
18. Декабрь 2012 – закон Магнитского	4
19. Декабрь 2012 – закон Димы Яковлева	3
20. Сентябрь 2013 - отмена визита Б. Обамы в РФ	2
21. Октябрь 2013 – прорыв по переговорам по химическому оружию в Сирии	4
22. Март 2014 - Крымский Кризис	2
23. Июль 2014 – расширение принятых западными державами антироссийских санкций	2
24. Июнь 2015 – намерение США разместить тяжелое вооружение в ВЕ	1
25. Июль 2015 – соглашение с Ираном	3
26. Октябрь 2015 – Операции ВВС РФ в Сирии	2

НЕОБХОДИМОСТЬ ВЫРАБОТКИ СИНЕРГЕТИЧЕСКОГО ПОДХОДА К ИЗУЧЕНИЮ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Международные отношения невозможно изучать в отрыве от понимания общего состояния и тенденций развития современного мира. Но в мире на стыке XX и XXI веков происходят поистине тектонические социально-экономические, политические, культурные и прочие сдвиги, зачастую, казалось бы, не имеющие четкой направленности, избыточные противоречиями, сочетанием позитивных и негативных последствий для дальнейшего прогресса человеческого общества.

Складывается впечатление тотальной хаотичности состояния мира, его разобщенности и, соответственно, полной непредсказуемости его дальнейшего развития.

В этой связи, как отмечают некоторые ученые, научное познание мира, гуманитарная наука, как социальный инструмент познания, находится сейчас в кризисе, поскольку утрачено понимание трудностей развития человеческого общества и направления этого развития.

Мир вступил в новую эпоху, которую называют постиндустриальной. Этот этап развития человечества отличается появлением совершенно новых технологий - т.н. нанотехнологий (NBIC - технологий), которые, обладая огромными возможностями для материального и духовного прогресса человечества, могут привести к совершенно новому этапу его развития - этапу направленно-осознанной эволюции.

Современный этап развития человечества, который совпал с «информационной революцией», требует в чем-то менять или корректировать научные подходы к его изучению, поскольку трудно, а подчас и невозможно, осмысливать новые социальные реалии в старых категориях.

Международными отношениями занимаются политическая философия и политическая теория. Насколько я понимаю,

главной задачей политической философии является выявление онтологических основ политики, ее сущности и предназначения, абстрагируясь от конкретики. Что касается политической теории, то она сосредотачивается на конкретных проявлениях политического мира, таких как структура и функции, институты и субъекты, их поведение, роли и взаимоотношения, формы и типы политических систем.

Но для целостного, адекватного познания и понимания современного мира и существующих международных отношений необходим, наверное, уже иной, междисциплинарный, синергетический подход, основанный на новых компьютерных технологиях.

Что такое синергетика? Синергетику можно определить как новое

направление научных исследований, задачей которого является изучение природных явлений и процессов на основе принципов самоорганизации систем (в свою очередь состоящих из подсистем)

Изначально она объявлялась как междисциплинарный подход, так как принципы, управляющие процессами самоорганизации, представляются одними и теми же, безотносительно природы систем и для их описания должен быть пригоден общий математический аппарат. Абсолютизация этого тезиса вызывает споры.

С мировоззренческой точки зрения синергетику нередко называют «глобальным эволюционизмом» или «универсальной теорией эволюции», дающей единую основу для описания механизмов возникновения любых новаций в мире.

При этом синергетика связана с исследованием феномена самоорганизации, нелинейности, неравномерности глобальной эволюции, изучением процесса становления «порядка через хаос», бифуркационных изменений, необратимости времени, неустойчивости как основополагающей характеристики процессов эволюции.

Синергетика в чем-то близка кибернетике, можно даже сказать, что она является продолжением, дальнейшим ее развитием. Как и кибернетика, она исследует сложные системы с саморегуляцией, но в отличие от кибернетики она описывает, как происходит изменение типа саморегуляции в процессе развития.

Синергетика - это прежде всего моделирование, изучение и понимание сложных внутренних механизмов эволюционных процессов в природе и обществе. Правда, серьезная трудность возникает с адаптацией синергетических моделей к гуманитарному и социальному материалу, которую можно преодолеть только при обоюдном и тесном сотрудничестве специалистов в соответствующих гуманитарных или социальных областях знания и специалистов в области синергетики.

Вообще же целостное знание о мире может быть достигнуто только на пути единения научных теорий, философских и даже религиозных учений, рационального и мистического познания.

Интересно отметить, что основателями синергетики как науки считаются немецкий физик Г.Хакен и бельгийский химик русского происхождения И.Пригожин, т.е. представители естественных наук. И именно в естествознании за последнее время удалось сделать целый ряд прорывных открытий, способствующих дальнейшему научно-технологическому прогрессу человечества. К тому же нас ждут новые судьбоносные изобретения, такие как, например, создание квантового компьютера. В то же время в философии, в гуманитарных науках синергетика - «теория всего», как ее поспешили назвать некоторые гуманитарии, не смогла добиться каких-либо серьезных достижений. Все

это лишний раз говорит о необходимости того, чтобы в философии, в социальных науках (как впрочем, и в естественных науках) синергетика должна заниматься дальнейшим развитием и совершенствованием системного подхода на основе новых компьютерных технологий при объединении усилий специалистов различных направлений.

Это приводит к появлению новых отраслей науки, например, компьютерное источниковедение, которое является совокупностью методов и технологий создания машиночитаемых исторических источников. При всем сближении с традиционным источниковедением оно уже утвердилось как самостоятельное научное направление.

СЕКУЛЯРИЗАЦИЯ: ПРОБЛЕМА УНИВЕРСАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Современная ситуация часто ощущается и описывается как ситуация тотального непонимания – непонимания самих себя, непонимания друг друга, непонимания нашего мира и того, что в нем происходит. По сути, речь идет о принципиальной разорванности коммуникации и даже об отсутствии самих условий ее возможности. Такой взгляд в законченном виде был сформулирован постмодернизмом, характеризующим современность как «эру лжи и оптического обмана», «эру пустоты» (Ж.Баландые). Постмодернистскому сознанию изначально свойственно восприятие мира как разорванного, отчужденного, лишённого традиции, смысла (цели), закономерности и упорядоченности, – с чем корреспондирует *фрагментация дискурса* и тотальное непонимание²⁸⁸. Постмодернизм есть производное от ряда специфических и во многом идентичных по своему содержанию установок, или выделяемых различными исследователями принципов *постмодернистской чувствительности* – *нонселекции*, *деконструкции*, *хаотизации* и т.д. Так, говоря о первом принципе, можно констатировать, что один из главных признаков постмодернистского мировосприятия заключается, в частности, в *отрицании любой возможности существования «природной или социальной иерархии»*, – и это лежит в основе структурирования и формообразования всех постмодернистских текстов. Данное свойство постмодернизма, в свою очередь, сказывается на переосмыслении самого процесса коммуникативной ситуации. Спрашивается, каким образом? Ответ можно найти в содержании принципа *деконструкции*. Даже отрефлексированно-деконструктивистское, сознательное прочтение текста (а текст в данном случае – это любая семантическая система, в предельно широком смысле – культура в целом), призванное изблечить и разоблачить, демистифицировать сознание и создаваемые им мнимогипостазированные сущности (власть, мораль, экономику и другие социальные институты) не даёт целостно-рационального понимания: «На первый план выходит не столько специфика понимания ... текстов, сколько природа человеческого непонимания, ... выявляемая при помощи деконструктивистского анализа, сверхзадача которого и состоит в демонстрации принципиальной "неизбежности" ошибки любого понимания, в том числе и того, которое предлагает сам критик-

²⁸⁸ См. об этом: *Ильин И.П.* Постмодернизм. Словарь терминов. – М.: ИНИОН РАН – Интрада, 2001. С. 63.

деконструктивист»²⁸⁹. «Возможность прочтения, – утверждает П. де Ман, – никогда нельзя считать само собой разумеющейся»²⁹⁰.

Исследователи, правда, отмечают, что в начале XXI века тонус переживания постмодернизмом трагичности современной ситуации, резко понизился. Хаотичность, отсутствие ценностной иерархии²⁹¹ в восприятии мира, как и «непонимание», разрыв коммуникации стали для него привычной «доминантой повседневности», – а Жан Баландые еще ранее (в работе «Беспорядок: похвальное слово движению», 1988) полагал, что у общества и человека, наряду с возможностями отреагировать на беспорядок и непредвиденность в рамках “тотального ответа” (ведущего к установлению тоталитарного порядка) или “ответа личностного” (устанавливающего “порядок сакральности” в сознании человека), есть еще и “прагматический ответ”, признающий существование особого модуса порядка – порядка через движение, где постоянная изменчивость условий жизни приводит к осознанию необходимости ее регулярного обновления²⁹². Тем не менее, реальный трагизм ситуации всеобщего «непонимания», как и возможные катастрофические политические и социальные последствия такого положения дел, не могут, мягко говоря, не беспокоить: снижение остроты переживания не означает снятия самой проблемы.

Если оценивать «предложенные» Баландые варианты реакции на ситуацию, в которой происходит разрушение иерархии ценностей и универсального коммуникативного пространства, то, не вдаваясь в специфику каждого из названных вариантов, можно сказать, что само «предложение» не идет дальше фиксации последствий сложившегося положения вещей, и поэтому не предполагает снятия проблемы, выхода из самой ситуации. Дело в том, что оно (предложение), являясь простой констатацией, вполне резонно не рассматривает причины возникновения такой ситуации²⁹³, – тогда как одна принципиально важная причина

²⁸⁹ См. там же. С. 59–60, 63–64.

²⁹⁰ Цит. по: Ильин И.П. Там же. С. 60.

²⁹¹ «... Большинство из нас с горечью признают, что такие понятия как Бог, Царь, Человек, Разум, История и Государство, некогда появившись, канули в Лету как принципы несокрушимого авторитета; и даже Язык – самое младшее божество нашей интеллектуальной элиты – находится под угрозой полной немощи, – еще один бог, не оправдавший надежд» (И.Хассан). – Цит по: Ильин И.П. Там же. С. 223.

²⁹² См.: Ильин И.П. С. 330–333.

²⁹³ Постмодернистское осмысление и не предполагает подобного поиска причин и оснований, наоборот, его специфика связана с погружением в «повседневность», в ситуацию «преобладания возможного над необходимостью», в конечном счете с интерпретацией истины как «злоупотребления» и своеобразного «акта насилия» - с понятием «сокращенной истины»: «Как любой предмет современности, истина распалась и утратила свою целостность, она рассеялась, и ее движение, с некоторым

известна уже достаточно давно: ею является процесс секуляризации как неотъемлемая и существенная часть модернизации²⁹⁴. Именно данный процесс запустил неумолимый механизм разрушения универсализма средневековой религиозной «картины мира», партикуляризации единого прежде социокультурного универсума (*один бог, один мир, один правитель*). Однако выявление исторического основания, само по себе, тоже не способно решить проблему сегодняшнего дня. Более того, мы, несмотря на возможную тоску по утраченной целостности картины мира, вынуждены будем признать секуляризацию исторически необходимым процессом, в том числе и по причине наличия в самой иудео-христианской традиции мощного внутреннего секуляристского потенциала.

Секуляризация в традиционном, узко-правовом смысле слова – отчуждение в пользу государства церковных земель, а иногда и иных владений, начавшееся еще в средние века и получившее мощный импульс от Реформации; отчуждение церковного имущества было естественным и для XVIII и XIX столетий. За этим модусом секуляризации, однако, скрывалось некое противоречивое смысловое поле, двойственность которого определяется свойствами самого христианского сознания. Осознание того, что обладание собственностью не соответствует задачам церкви и даже противоречит ее природе изначально заключено в инверсии евангельским христианством традиционных социально-статусных отношений и ролей в рамках одного из возможных толкований известной фразы: «Многие же будут первые последними, и последние первыми (Матф. 19, 28-30). Исторические формы проявления связанного с этим раздвоения религиозно-церковного сознания характерны и для средних веков, то есть для того времени, когда церковь, согласно известной формуле, была суверенным «носителем всеобщей нормы». Отсюда: секуляризация, понимаемая в широком социально-историческом смысле слова, предполагает сначала освобождение самой церкви (и через нее – спасаемого ею общества) от несвойственных функций и ложного,

преувеличением, можно определить как одно блуждание». – См. там же. С. 333.

²⁹⁴ Секуляризация рассматривается «как одно из ключевых понятий *современной* эпохи», отражающее суть исторического *перехода* от средневековья к новому времени, как «выражение самосознания нашей сегодняшней культуры», как «пароль» и «программа нашей идейно-политической практики». Вместе с тем, принципиальная непроясненность данного понятия (ведь высвобождаемое в рамках процесса секуляризации «мирское» – это то, что обнаруживается только *после* того как те или иные сферы уходят из-под церковного контроля, и поэтому процесс «обмирщения» невозможно соотнести с реалиями средних веков) стала основанием для того, чтобы отнести его к списку понятий, четкое определение которых недоступно «ни для историков, ни для философов». – См.: Zabel H, Gonze W., Strätz H.W. u. a. Säkularisation, Säkularisierung // Geschichtliche Grundbegriffe: Historisches Lexikon zur politisch-sozialen Sprache in Deutschland / hrsg. von Otto Brunner. Bd. 5. Stuttgart, 1994. S. 789.

авторитарного и социально-статусного сознания (именно эта сторона становится стержнем предпротестантских и протестантских течений и увязывается с правовой раннебуржуазной установкой «свободы совести») ²⁹⁵; а затем – последовательное превращение религии в частное дело и освобождение всей общественной жизни, морали, мысли от религиозного контроля; если брать историко-идейный срез, вплоть до кантовского обоснования автономии морали и «религии в пределах одного только разума», гегелевского тезиса о том, что «государство – подлинное шествие Бога по земле» ²⁹⁶ и тезиса Ницше о том, что мы живем в эпоху «ледохода средних веков» и констатации им же «смерти бога». Общий итог процесса секуляризации в духовной сфере, можно охарактеризовать при помощи такого выражения К.Яспера как «разбожествление мира» ²⁹⁷.

²⁹⁵ На то, что у данной секулярной установки есть глубочайшие корни в самой христианской традиции обратил внимание Д.Е. Фурман. Он пишет об этом следующее. «Но насколько теологический статус и функция Иисуса Христа превышают теологический статус и функцию основателей иных религий, настолько же его "земной" статус ниже статуса этих основателей. Он - не великий ученый, как Конфуций, не сын царя, как Будда, не достигший успеха религиозно-политический деятель, как Магомет или Моисей, он - социальное ничтожество, сын плотника из провинциального захолустья Иудеи. Он одновременно "совершенный бог" и "совершенный", можно даже сказать - подчеркнуто обычный, рядовой человек ... И никто из других основателей не имел так мало успеха при жизни, как Иисус, который, согласно евангелиям, не оставив после себя никаких последователей, кроме горстки малокультурных бедняков, погибает позорной смертью на кресте». «... Бог ранних христиан своим сошествием на землю ... выказывает, если так можно выразиться, полное пренебрежение к земному и социальному порядку и тем самым оказывается куда более "потусторонним", чем любой другой бог». Для христианства характерно крайне резкое «противопоставление статуса личности (как она предстает перед богом) и ее социального статуса, а также божественных и земных, социальных ценностей». «Такая религия несет в себе потенциал недоверия к догме, к формализации поведения, к иерархической религиозной организации, к религиозному освящению социально-политического строя». Но именно эта религия, легализуясь как церковь, с самых первых своих шагов на этом пути «начинает изживать свой первоначальный "аформализм". И в своей борьбе за выживание и победу превращаясь из гонимой секты в террористически подавляющую противников церковь, оно радикально перестраивает все свое содержание». «Реформация смогла развить и усилить аформалистические потенции, заложенные в христианской мифологии». – *Фурман Д.Е.* Идеология Реформации и ее роль в становлении буржуазного общественного сознания // *Философия эпохи ранних буржуазных революций.* – М.: Наука, 1983.

²⁹⁶ Согласно Гегелю, политическая, политико-правовая свобода – порождение религиозного сознания, но коммуникативно-правовая и политическая не-универсальность последнего ставит над церковью государство

²⁹⁷ *Ясперс К.* Духовная ситуация времени // *Ясперс К.* Смысл и назначение истории. М., 1991. С. 298. – «В конечном счете, – пишет отечественный автор, – благодаря усилиям Маркса, Ницше и Фрейда, сама религиозность была квалифицирована как ложное сознание. Эти три мыслителя весьма доходчиво объяснили, откуда берутся боги. Боги

Пафос секуляризации (и всего нового времени) – в иллюзии возможности обретения твердых универсальных определений того, что такое человек и человечество, а вместе с тем – утверждения универсальных стандартов «человечности» (и «критерия прогресса») в нравственной и политико-правовой области²⁹⁸. По сути, вопрос, возникающий в связи с нынешней

суть проекции человеческих интересов и ценностей в трансцендентную сферу. Оказалось, что не только знание и мораль, но и сама религиозность имеют исключительно человеческое содержание. Поэтому ни один аспект человеческой жизни – пусть даже самый значительный и возвышенный – не может более претендовать на божественное происхождение. Священное всегда может быть описано как символ профанного, как особый способ представления человеческих ценностей, придающий им безусловную значимость (которой они в действительности не имеют, поскольку являются исторически или психологически обусловленными ценностями некоторой группы людей). Иными словами, изъятие из компетенции церкви того, что не должно в нее входить по определению несет *освобождение*. Церковь избавляется от общественных функций, не относящихся к ее служению. Она перестает быть государственной, уходит из различных общественных институтов. Но вместе с тем, она уходит и из общественного сознания. Процесс секуляризации имеет неумолимую логику. Если он идет до конца, то этот конец – полное «разбожествление». Бог, в конечном счете, оказывается лишь иллюзией, созданной ради легитимации человеческих ценностей. Секуляризация (или «освобождение») начинается с изъятия из под контроля церкви того, чем она не вправе владеть и распоряжаться, а оборачивается утверждением принципа, согласно которому в жизни человека и общества нет вообще ничего, что принадлежало бы ей по праву. Как утверждал Ясперс, на Западе процесс «разбожествления мира», или секуляризации «совершен с такой радикальностью, как нигде» (Ясперс К. Указ. соч. С. 298). Пафос секуляризации (как и всего нового времени) – в иллюзии возможности обретения универсальных определений того, что такое человек и человечество, а вместе с тем – утверждения универсальных стандартов «человечности» в нравственной и политико-правовой области. – См.: Гутнер Г. Секулярность, постсекулярность и универсализм. Замечания к диалогу Хабермаса и Ратцингера // Хабермас Ю., Ратцингер Й. (Бенедикт XVI) Диалектика секуляризации. О разуме и религии. М., 2006.. С. 15 – 16. – Но уже ницшевское «бог умер» возвещает и о «смерти человека», то есть об исчезновении самой точки приложения этого нового универсального стандарта.

²⁹⁸ Универсалистские претензии секуляризма можно, однако, подвести под термин С.Булгакова «метафизическое воровство», считает Т.А.Кузьмина, – то есть понятие как приписывание себе бытия, которым реально не обладаешь и паразитирование на нем: «Часто забывается, – писал Булгаков, – и далеко не всеми понимается, что теперешняя культура исторически имеет религиозные корни и до сих пор еще питается их здоровыми соками ... Новая Европа была духовно вскормлена и воспитана христианской церковью, и теперешняя европейская культура с ее наукой по своему происхождению является христианской, хотя в своем сознании она начинает утрачивать эту связь. *На атеистическом фундаменте не была еще воздвигнута ни одна цивилизация в истории*, – да, по моему утверждению, и не может быть воздвигнута. Атеистическая культура может быть только паразитарным растением на чужом стволе и притом губящим корни дерева, к которому присосалось» (Булгаков С.Н. Два града. СПб., 1997. С. 205.). – В развернутом виде данный тезис – применительно к

ситуацией утраты смысла (цели и целостности истории и жизни отдельного человека) – проблема нахождения новых оснований универсальной коммуникации, в поле которой могло бы осуществляться восстановление единства нашего миро- и самовосприятия (или, скорее, были бы заложены основания нового единства), и в конце концов, быть может, стало бы возможным преодоление ситуации в которой всерьез можно говорить о «смерти человека»²⁹⁹.

В этом смысле весьма интересна встреча, состоявшаяся в январе 2004 года в Баварской Католической академии в Мюнхене между Ю.Хабермасом и Й.Ратцингером (т. е. между представителем либерально-секулярной позиции и приверженцем религиозной точки зрения, соответственно), на которой они выступили с опубликованными затем докладами³⁰⁰.

Не вдаваясь в подробности полемической аргументации собеседников, которая заслуживает отдельного разговора, попробую сформулировать ее основные тезисы. Ратцингер апеллирует прежде всего к мысли о том, что в поликультурной ситуации (свойственной, в частности, нынешней Европе), в которой даже сами термины «секуляризация» или «права человека» не имеют общеобязательного и общепонятного значения, навряд ли можно опереться на универсалистский потенциал модерна, который, если и не исчерпал себя полностью, то не может все-таки стать основой обще- и равнодоступного коммуникативного пространства хотя бы в силу одного только своего евроцентризма, ибо нет единой и единственной рациональности (и кроме того рациональность модерна исторически выявила свою принципиальную неполноту, недостаточность)³⁰¹. Но равным образом утратила свою универсальную силу и религия, поскольку секулярная культура в современном обществе явно преобладает³⁰². В силу этих же обстоятельств («не существует такой рациональной, этической или религиозной формулы, с которой согласился бы весь мир»³⁰³, – утверждает Йозеф Ратцингер), остро востребованный

секуляризованной культуре см. в работе: *Кузьмина Т.А.* Секулярное сознание и судьбы культуры // Реформаторские идеи в социальном развитии России. М., 1998, С.23 – 62.

²⁹⁹ Одно из принципиальных для постмодернистского лексикона понятий. – См. *Ильин И.П.* Смерть субъекта // *Ильин И.П.* Указ. соч.

³⁰⁰ В русском переводе: *Хабермас Ю., Ратцингер Й.* (Бенедикт XVI) Диалектика секуляризации. О разуме и религии / Пер. с нем. (Серия «Современное богословие»). М., 2006.

³⁰¹ Ратцингер отмечает, что «наша секулярная рациональность, какой бы очевидной она ни представлялась нашему западному разуму, не становится от этого доступной всякому «рацио»; что в своей попытке показать свою очевидность для всех эта рациональность натывается на некоторые пределы». – Там же. С. 102.

³⁰² См. Там же. С. 100.

³⁰³ Там же. С. 103.

«всемирный этос» (Ганс Кюнг) «остаётся абстракцией»³⁰⁴. Все, что возможно – это «интеркультурность»³⁰⁵, открытый диалог при условии общей умеренности и сдержанности, смиренного понимания ограниченности своих коммуникативных возможностей, и, главное – поиск современного баланса между верой и разумом через взаимные ограничения претензий секулярного разума и религиозного сознания, во избежание ложных универсалистских претензий с обеих сторон.

Хабермас, наоборот, считает, что ценностный универсализм модерна имеет, пусть и не абсолютно четкую, но обнадеживающую перспективу, имеющую основания во вполне определенных тенденциях развития современного общества, определяющих трансформацию его дискурсивных практик, – на пути дальнейшего усовершенствования автономного человеческого разума. Следует сказать, что данная идея, по сути, уже высказывалась им в более широком контексте и более подробно – в связи с обоснованием им принципиальной для себя позиции о незавершенности модерна³⁰⁶. В более ранней редакции своей идеи мыслитель исходит из различения двух разнонаправленных составляющих, слоев дискурса модерна: первый слой – принудительная составляющая, реализуемая, в частности, через мнимую универсальность системы неосознанно работающих правил, которые незаметно навязываются говорящим и действующим индивидам (на что справедливо обратил внимание постмодернизм, критически связавший такого рода дискурсивные практики с волей к тотальному господству и разоблачивший их «претенциозный универсализм»); второй – дискурсы, на самом деле обладающие неоспоримо-убедительными преимуществами и потому обладающие силой привлекательного образца. Он пишет об этом: «Модернистский дискурс отличается от прочих дискурсов вовсе не притязанием на общую включенность. (Еще message мировых религий, возникший в древних империях, был адресован «всем» и должен был включать в дискурс каждого новообращенного.) А вот отличительная черта модернистских дискурсов, будь то в науке, морали или праве, состоит в чем-то ином. Эти дискурсы ориентированы на принципы и подчиняются стандартам самосоотнесенности, в свете которой немедленно обнаруживаются и подвергаются критике фактические нарушения

³⁰⁴ Там же. С. 103. – « ... В процессе встречи и взаимопроникновения культур разрушаются некоторые очевидные этические ценности, которые до сих пор были определяющими. Что же такое на самом деле добро, причем в данном контексте, и почему его нужно совершать, даже во вред себе самому, - на этот основополагающий вопрос исчерпывающего ответа нет», - говорит Й.Ратцингер. – Там же. С. 80.

³⁰⁵ Там же. С. 99.

³⁰⁶ См.: *Хабермас Ю.* Концепции модерна. Ретроспектива двух традиций // *Хабермас Ю.* Политические работы. М., 2005.

всеобщей включенности – например, скрытая селективность в отношении приема участников, тем или докладов. Конкретные достижения этих принципиальных и самосоотнесенных дискурсов объясняются таким рекурсивным самоконтролем и самокорректировкой. Конечно же, вместе с самосоотнесенностью дискурса и способа действия возникает и особая форма дискурсивного насилия, проявляющегося в модусе скрытого (ибо имплицитного) нарушения эксплицитного обещания включенности. Однако же сам факт того, что универсалистскими дискурсами зачастую злоупотребляют как средством прикрытия социального и политического, эпистемологического и культурного насилия, – не основание для отказа от самих обещаний, сопряженных с этой дискурсивной практикой, – тем более, что эта практика в то же время предоставляет критерии и средства для серьезного контроля за исполнением этого обещания. Постмодернистские подходы с полным правом изобличают колониаторские последствия добившихся господства во всем мире коммуникативных образцов и дискурсов западного происхождения. Это верно для значительной части материальной и символической культуры западной цивилизации, распространяющейся через глобальные сети рынков и СМИ. Но подобные теории плохо годятся для задачи различения между колониаторскими и убеждающими дискурсами, между дискурсами, всемирное распространение которых объясняется системным давлением, и другими дискурсами, распространяющимися в силу своих очевидных преимуществ³⁰⁷. На основе такого различения Хабермас заявляет о возможности образования нового единства коммуникации, основанного на понятии «коммуникативного разума», – в рамках «неоклассической концепции модерна». Все дело в том, что сама модернизация как социальный процесс разнонаправлена, говорит Хабермас. В процессе модернизации, по мере рационализации и дифференциации прежних жизненных миров и распада их солидарности, выводимой из традиционных ценностей и «наигранных» образцов коммуникации, появляется все более широкая возможность замещать прежний консенсус «попытками интерпретации со стороны самих участников» общения. «На мой взгляд, – говорит Хабермас, – в современной ситуации *все зависит от этого* (курсив мой. – А.Ч.). Рационализированные жизненные миры вместе с институционализацией дискурсов получают возможность располагать собственным механизмом производства новых связей и нормативных соглашений»³⁰⁸.

Из сказанного ясно, что Хабермас в конечном счете полагается в своем проекте на самозаконодательствующий разум участников общения,

³⁰⁷ Там же. С. С. 257–258.

³⁰⁸ Там же. С. 255–266.

на их моральную саморефлексию (способность к моральной *самооценке*) и социальную активность в рамках взаимной ответственности³⁰⁹. Иными словами, в «коммуникативном разуме» Хабермаса легко распознать «практический разум» Канта (как некий фундаментальный и сохраняющийся в виде «неприкосновенного запаса» слой классического рационального дискурса), но только без примеси моральной телеологии³¹⁰.

³⁰⁹ Это, в частности, со всей определенностью засвидетельствовано следующими словами Хабермаса: «Способность к постконвенциональному самоконтролю служит ответом на социальное ожидание автономных решений и индивидуальных жизненных проектов. Одновременно процессы социальной интеграции все дальше отрываются от естественных традиций. На уровне институтов лежащие в основе права традиционные ценности и нормы сменяются всеобщими моральными принципами и процедурами. А политическое урегулирование общественной жизни становится во все большем объеме зависящим от консультативных организаций конституционного государства, а также от коммуникационных процессов в гражданском обществе и среди политической общественности». – Там же. С. 262 - 263.

³¹⁰ У Канта можно обнаружить своеобразную постановку проблемы универсальной коммуникации. В его «Критике способности суждения» дана констатация своего рода сингулярности, возникающей из соотношения «схватывания» и «соединения»: первое, согласно мыслителю, может теоретически идти до бесконечности, но, достигая определенной точки, наше познание попадает в своего рода «пограничную ситуацию», - а перешагивая через эту границу, попадает в трансграничное пространство, в котором «соединение» (дающее смысл и понимание целого) перестает быть возможным (т. е. речь идет в данном случае о «математической» сингулярности, или о достижении точки, за которой экстраполяция начинает давать бессмысленные результаты.). Возникает антиномичная ситуация, («коммуникативным») выходом из которой для кантовской *классической* схемы является трансцендентальный идеализм, отсылающий в конечном счете к нашей моральной автономии как нравственному предназначению *персонально* каждого человека (предназначение *иное*, чем естественное), и тем самым пролагающей «мостик» между бессмысленной для человека подчиненностью причинно-следственной необходимости в мире феноменальном и ноуменально-трансцендентной свободой. У Канта в его эстетике деконструкция, разрушение связности самосознания, происходящее в точке сингулярности, заставляет искать точку опоры в себе самом. Обращение субъекта к самому себе обнаруживает, что его собственная значимость «перевешивает» значение всего того, с чем он сталкивается в мире, - того, что неизмеримо превосходит масштаб человеческих возможностей: способность воображения – по своим бесконечным размерам, способность к сопротивлению – по своей несопоставимой мощи; равным образом, здесь же выявляется и моральный смысл такого обращения: нравственная, сверхприродная предназначенность человека, которая в этике реализуется через свободу быть (творческим), самозаконодательствующим субъектом, способным начинать «от себя» новый причинный ряд. Политической вершиной данного проекта можно считать кантовскую идею «вечного мира». Кант убежден, что политическая история ведет в конечном счете к достижению состояния «вечного мира» в рамках всеобщего правового гражданского общества, членам которого предоставлена величайшая свобода, совместимая, однако, с полной свободой других. Иными словами, моральная коммуникация в исторической перспективе вытеснит политико-инструментальную связность общества. Таков кантовский ответ на ситуацию коммуникативного усложнения, осознаваемую как факт перенасыщенности стареющей культуры,

Однако, кантовский категорический императив именно в силу такого рода телеологии мог иметь *безусловно-универсальное* значение для *всех разумных существ*. Кант исключил из своей телеологии только непосредственную связь с теизмом, прямое указание на всеблагого боготворца как первую причину и последнюю цель, что позволило ему расширить масштаб морального требования до размеров обитаемой, населенной «разумными существами» вселенной, но он же заменил традиционную телеологию «этическим идеализмом», который, по сути, воспроизводит, еще одну теистическую схему: отпадение первоначала от самого себя в своем образцовом творении (первородный грех) и выполнение в «истории» задания по возвращению обратно, – воспроизводит он этот сюжет через введение в понимание человека и истории другой целевой причины, нравственной свободы, проявляющейся в моральной автономии лица. Этический идеализм, наверное, единственно возможная исходная позиция для поиска основания нового универсализма или «всемирного этоса», хотя бы потому, что универсальный язык только один – язык морали. Как кажется, однако, на него (этический идеализм) трудно опереться в современной ситуации в полной мере, и не столько в силу тех аргументов, которые использовал Й.Ратцингер (последний не придает им безусловно-догматического значения, считая главным необходимостью корреляции разума и веры), но и из-за возникновения еще одного, быть может, самого глубокого раскола общества. Наплыв иммигрантов в Европу, ставит крайне неудобный вопрос, *что делать* (то есть, в данном случае: *возможно ли положиться на «коммуникативный разум»*), если в пространстве «поликультурного» общения появляется сегмент традиции гораздо более агрессивной, чуждой «проекту модерна» и, главное, несущей в себе угрозу разрушения «нашего» устоявшегося жизненного мира? Не оказываемся ли мы вновь перед опасностью реализации такого типа реакции на сложившееся положение как «тотальный ответ»³¹¹?

целостно-«энциклопедическое» понимание которой Просвещением с позиций линейного прогресса становится затруднительным. – Хабермас свидетельствует о своей «прокантовской» ориентации в разделе своей речи, который называется «К обоснованию секулярного конституционного государства на основе источников практического разума»: «Политический либерализм (который я отстаиваю в особой форме кантовского республиканства) видит в себе нерелигиозное и постметафизическое оправдание нормативных основ демократического конституционного государства». – Хабермас Ю., Ратцингер Й. Указ. соч. С. 44.

³¹¹ По мнению Баландые, *неуверенность* «выражает одновременно и вторжение нового под воздействием современности и риск для человека выбрать для себя в своем собственном обществе позицию изгнанника, постороннего или даже варвара, если непонимание происходящего отторгнет его от современной цивилизации, где он ничего не замечает, кроме хаоса и бессмысленности». – Цит. по: Ильин И.П. Постмодернизм. Словарь терминов ... С. 332.

ЧАСТЬ 5

СЕКЦИЯ «ПРОБЛЕМЫ ЭФФЕКТИВНОСТИ МЕЖДУНАРОДНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ»

(модератор: О.В. Гаман-Голутвина)

**РОЛЬ ОРГАНИЗАЦИИ АМЕРИКАНСКИХ ГОСУДАРСТВ
В РЕШЕНИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ
В НАЧАЛЕ 1990-Х ГГ. И ПРИГРАНИЧНОГО КРИЗИСА МЕЖДУ
ВЕНЕСУЭЛОЙ И КОЛУМБИЕЙ В 2015 Г.**

Организация американских государств (далее ОАГ), созданная в 1948 г. и формально объединяющая все 35 государств Западного полушария, является ключевой межамериканской структурой в области обеспечения коллективной безопасности и защиты демократии. Тем не менее, оперативный потенциал этой структуры ограничен отсутствием у нее собственных вооруженных сил, необходимостью действовать на основании консенсуса и придерживаться принципа невмешательства во внутренние дела стран-членов. Такие институциональные особенности эта организация приобрела в период «холодной войны», когда латиноамериканские страны предпринимали огромные усилия, чтобы защитить свой суверенитет и обезопасить себя от возможной военной интервенции со стороны США. В 1966 г. латиноамериканские государства настояли на расформировании межамериканских вооруженных сил, задействованных годом ранее в инициированной США военной операции в Доминиканской республике. Их наличие, по мнению большинства стран Латинской Америки, было нежелательным, поскольку могло привести к «натоизации» ОАГ³¹².

После окончания «холодной войны», в 1991 г. Генеральная Ассамблея ОАГ, собравшаяся в Сантьяго (Чили), проголосовала за реформирование межамериканской системы коллективной безопасности, в результате чего была принята резолюция №1080, которая провозглашала, что демократия является необходимым условием для обеспечения стабильности и мирного развития стран Западного полушария. Также, данная резолюция устанавливала процедуру реагирования на нарушения норм представительной демократии в одной из стран-членов ОАГ. Согласно резолюции №1080, в случае свержения законно избранного демократического правительства или осуществления против него других враждебных действий генеральный секретарь ОАГ должен созвать экстренное заседание Постоянного совета этой организации, который в свою очередь путем голосования должен определить необходимость созыва Консультативного совещания министров иностранных дел

³¹² Мартынов Б.Ф. История международных отношений стран Латинской Америки (XX – начало XXI вв.): учебное пособие. М. : Навона, 2008. С. 164.

региона³¹³. В последнее десятилетие XX в. Резолюция №1080 применялась четыре раза: для преодоления конституционного кризиса в Гаити в 1991 г., в Перу в 1992 г., в Гватемале в 1993 г. и в Парагвае в 1996 г.

В 2001 г. на Генеральной Ассамблее ОАГ в Лиме была подписана Межамериканская демократическая хартия, которая расширила понятие «нарушение демократического процесса», включив в него любые антиконституционные действия, в том числе предпринятые законно избранным главой государства³¹⁴. С инициативой принятия данной хартии выступило переходное правительство Перу, которое пыталось избежать повторения политического кризиса, вызванного антиконституционными действиями экс-президента Альберто Фухимори.

Если сравнить механизм реагирования ОАГ на демократические кризисы в регионе в 1990-х и 2000-х гг., то мы увидим, что в начале XXI в. процесс их урегулирования осложнился в связи с ростом идеологической поляризации среди стран-членов ОАГ, вызванной так называемым «левым поворотом», когда к власти все чаще стали приходиться левоцентристские и левопопулистские правительства. Помимо трудностей в урегулировании демократических кризисов (таких, как государственный переворот в Венесуэле в 2002 г.), ОАГ также продемонстрировала неспособность в решении территориальных конфликтов (таких, как приграничный кризис между Венесуэлой и Колумбией летом 2015 г.). Чтобы это продемонстрировать, мы рассмотрим процедуру урегулирования демократического кризиса в Перу в 1992 г. и Венесуэле в 2002 г., а также попытку ОАГ решить территориальный конфликт между Венесуэлой и Колумбией в 2015 г.

5 апреля 1992 г. президент А.Фухимори распустил Национальный Конгресс и подверг кадровой чистке институты судебной власти. Реакция со стороны ОАГ последовала незамедлительно: генеральный секретарь Баэна Суарес созвал экстренное заседание Постоянного совета, которое состоялось 6 апреля 1992 г. На этом заседании члены Постоянного совета единогласно осудили действия президента А.Фухимори и вынесли решение о созыве Консультативного совещания министров иностранных дел, которое прошло 13 апреля 1992 г. В свою очередь, министры иностранных дел региона снова осудили действия президента А.Фухимори, а также призвали свои правительства пересмотреть отношения с Перу. В дополнение к этому они постановили направить в

³¹³ OAS Resolución 1080. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.oas.org/juridico/spanish/res-1080.htm>

³¹⁴ OAS Inter-American Democratic Charter. [Электронный ресурс]. URL: http://www.oas.org/charter/docs/resolution1_en_p4.htm

Перу специальную дипломатическую миссию, которая должна была обеспечить диалог между властями и оппозицией³¹⁵.

Формально, та же самая процедура должна была быть применена и в случае государственного переворота в Венесуэле 11 апреля 2002 г., когда президент Уго Чавес был отлучен от власти после расстрела 19 участников демонстрации, направлявшейся к Президентскому дворцу. Тем не менее, солидаризируясь с позицией Соединенных Штатов, которые рассматривали произошедшее не как государственный переворот, а как смену власти, генеральный секретарь ОАГ Сесар Гавирия лишь высказался за мирное разрешение конфликта³¹⁶. В отсутствие реакции со стороны ОАГ 19 глав государств региона из «Группы Рио», собравшиеся в столице Коста Рики 12 апреля 2002 г., осудили нарушение демократического процесса в Венесуэле и призвали созвать экстренное заседание Постоянного совета ОАГ³¹⁷. Это заявление, сделанное большинством членов ОАГ, не могло остаться без внимания. В результате 13 апреля 2002 г. состоялось экстренное заседание Постоянного совета ОАГ, на котором было принято решение осудить нарушение конституционного строя в Венесуэле и направить в страну специальную дипломатическую миссию, возглавляемую генеральным секретарем организации³¹⁸.

Что касается территориального конфликта между Венесуэлой и Колумбией, возникшего в августе 2015 г. вследствие нападения, которому подверглись венесуэльские военные в приграничной зоне, и спровоцировавшего массовое выселение (и частично депортацию) колумбийских мигрантов из приграничных районов Венесуэлы, то он снова продемонстрировал крайнюю разобщенность ОАГ. На прошедшем 31 августа 2015 г. экстренном заседании Постоянного совета ОАГ, созванном по просьбе Колумбии, последняя не смогла добиться созыва Консультативного совещания министров иностранных дел, которое могло бы уполномочить ОАГ выступить в роли посредника между сторонами конфликта и расследовать случаи «грубого нарушения прав человека», о которых заявляла Колумбия. Лишь 17 стран во главе с США поддержали инициативу Колумбии. Традиционные партнеры Венесуэлы по «левому блоку» (Эквадор, Никарагуа и Боливия) плюс Гаити выступили против.

³¹⁵ Perina R.M. The Organization of American States as the Advocate and Guardian of Democracy. Lanham: University Press of America, 2015. P.69

³¹⁶ OAS. Statement of the OAS Secretary General on the Situation in Venezuela. April 11 2002. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.oas.org/sap/peacefund/VirtualLibrary/FacilitationMissiontoVenezuela/PressReleases/Statement%20SG%2011April2002.pdf>

³¹⁷ Declaración del Grupo de Rio sobre la situación política en Venezuela. San José, 12 de abril del 2002. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.resdal.org/gruporio-v.html>

³¹⁸ OAS. CP/RES. 811 (1315/02). Situation in Venezuela. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.oas.org/council/resolutions/res811.asp>

Еще 11 стран, включая ключевых экономических партнеров Венесуэлы – Аргентину и Бразилию, воздержались.

Пока Колумбия пыталась организовать голосование Постоянного совета ОАГ, власти Венесуэлы заявляли о том, что не заинтересованы в решении приграничного кризиса на площадке этой международной организации, и настаивали на необходимости личной встречи между президентами Н.Мадуро и Х.М.Сантосом. Таким образом, Венесуэла стремилась избежать обсуждения этого кризиса на международном уровне, поскольку, как утверждает большинство аналитиков, он служил лишь внутривнутриполитическим интересам страны: его главной целью было отвлечь внимание венесуэльских граждан от парламентских выборов, которые должны были состояться в декабре 2015 г., и от серьезных экономических проблем, которые страна переживает в последнее время. По прогнозу Всемирного банка, уровень инфляции в Венесуэле к концу 2015 г. перевалит отметку в 100%, что неминуемо усилит рост бедности (по данным Экономической комиссии ООН для Латинской Америки и Карибского бассейна (ЭКЛАК), в 2012-2013 гг. Венесуэла стала единственной страной в регионе, где наблюдался рост бедных).

Таким образом, мы можем отметить, что поскольку ОАГ из-за провозглашенного ею принципа невмешательства во внутренние дела государств-членов не имеет право действовать, не заручившись поддержкой как минимум 18 из 35 стран, которые в нее входят, рост идеологической поляризации между ее членами ослабляет эту организацию до такой степени, что она не может в силу своих институциональных особенностей выступать как вето-игрок в решении демократических и территориальных кризисов. Несмотря на то, что в период 1990-х гг. этой организации удалось реализовать эффективное посредничество в урегулировании политических кризисов в Гаити, Перу, Гватемале и Парагвае, добившись там восстановления демократического процесса, что объясняется снижением уровня идеологических размежеваний между государствами-членами ОАГ на фоне третьей волны демократизации, в начале XXI в. в результате начавшегося в Латинской Америке «левого поворота» ОАГ все чаще демонстрирует трудности в решении демократических и территориальных кризисов.

НАСТОЯЩАЯ ЕВРОПЕЙСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ: УНИВЕРСАЛЬНЫЕ ЛИБЕРАЛЬНЫЕ ЦЕННОСТИ И ПРАГМАТИЧНЫЕ НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ

Новая волна мигрантов, захлестнувшая Европу летом 2015 года, привела к ситуации, которая в СМИ получила название миграционного кризиса³¹⁹. В кризисном режиме оказались не только европейские пограничники и сотрудники миграционных и социальных служб. Тысячами прибывающие к европейским берегам мигранты из государств Ближнего Востока и Северной Африки жестко поставили европейские власти перед дилеммой, разрешения которой они пытались избежать на протяжении всей новейшей истории. Абстрактно эта дилемма представляет собой выбор между приверженностью универсальным либеральным ценностям и прагматической защитой своих национальных политико-экономических интересов.

Кризис разделил Европу на два лагеря. Один из них, возглавляемый Германией, выдвигает в качестве главного приоритета в преодолении кризиса защиту общеевропейских ценностей, а другой, среди условных лидеров которого можно было бы назвать Венгрию, требует любой ценой защитить европейские государства.

«Венгерская» позиция кажется ясной и политически легко объяснимой. «Немецкая» же позиция, на первый взгляд, - неожиданная. Она предстает удивительно либеральной для современной Германии. Ведь совсем недавно из уст германского лидера Ангелы Меркель звучали настойчивые призывы покончить с либеральным «мультикульти» с целью сократить иммигрантскую инокультурность Германии. И вдруг летом 2015 г. канцлер Меркель приглашает сирийских беженцев в неограниченном количестве прибыть в Германию, обещая (в обход норм европейского права!) всех их принять и предоставить им возможность жить на достойных условиях...

Попытаемся разобраться, на чем основана концепция «распростертых объятий» Меркель и понять, что выбор такой позиции может означать.

Начало миграционного кризиса, пик которого пришелся на минувшие лето и осень, можно отнести к периоду между 2007 и 2010 гг. В этот период количество мигрантов, пребывающих из стран Ближнего Востока и с севера Африки в Грецию, начало заметно увеличиваться. Греция даже вынуждена была обратиться во Фронтекс (агентство Европейского союза

³¹⁹ См. например, соответствующий раздел портала Financial Times: <http://www.ft.com/intl/migration>

по безопасности внешних границ) с целью усилить контроль на границе. В 2012 г. греки построили стену на небольшом участке сухопутной границы с Турцией – в месте, где шел основной поток переселенцев, сократив тем самым поток на 95%³²⁰. В октябре 2013 г. весь мир узнал о трагедии вблизи острова Лампедуза в Италии: более 300 человек погибло в результате крушения судна, перевозившего мигрантов из охваченной гражданской войной Ливии в Италию. Ответом итальянцев на эту трагедию стало разворачивание операции *Mare nostrum* (*Mare Nostrum*), целью которой был поиск и спасение людей, терпящих бедствие в море вблизи итальянских границ. В 2014 г. операцию было решено прекратить, потому что итальянские власти посчитали ее финансирование слишком большим бременем для итальянского бюджета. Попытка Италии привлечь к проблеме другие государства ЕС не имела успеха. Дополнительных денег на помощь тонущим мигрантам европейцы решили не выделять³²¹. Министр иностранных дел Великобритании объяснила тогда палате лордов, что Великобритания не сочла нужным поддержать совместную европейскую инициативу по оказанию помощи мигрантам в Средиземном море, потому что «такая инициатива, хотя и не намеренно, но будет стимулировать увеличение числа желающих рискнуть»³²². В 2014 г. вторыми главными «воротами» в Европу стала Греция. 2014 год, по данным управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев, стал годом наибольшей миграции со времен Второй мировой войны³²³. Около 60 миллионов человек в общей сложности покинули свои дома и отправились в дорогу, чтобы найти иное место жительства. В Европу направились в первую очередь беженцы из воюющей Сирии (79 169 человек в 2014 г.); бегущие от репрессивного режима в Эритрее (34 586 человек) и население, страдающее от войны в Афганистане (22 132 человек)³²⁴. Почти половина

³²⁰ Greece completes anti-migrant fence at Turkish border. Kathimerini. 17.12. 2012. [Электронный источник]:

<http://www.ekathimerini.com/147035/article/ekathimerini/news/greece-completes-anti-migrant-fence-at-turkish-border> (Проверено 13.01.2015).

³²¹ Speri A. Italy Is About to Shut Down the Sea Rescue Operation That Saved More Than 90,000 Migrants This Year. Vice News. 04. 10. 2014 [Электронный источник]: <https://news.vice.com/article/italy-is-about-to-shut-down-the-sea-rescue-operation-that-saved-more-than-90000-migrants-this-year> (Проверено 13.01.2015).

³²² Travis A. UK axes support for Mediterranean migrant rescue operation. The Guardian. 27.10.2014. [Электронный источник]: <http://www.theguardian.com/politics/2014/oct/27/uk-mediterranean-migrant-rescue-plan>. (Проверено 13.01.2015).

³²³ "The Global Refugee Crisis, Region by Region". The New York Times. 26. 08.2015. [Электронный источник]: http://www.nytimes.com/interactive/2015/06/09/world/migrants-global-refugee-crisis-mediterranean-ukraine-syria-rohingya-malaysia-iraq.html?_r=0 (Проверено 13.01.2015).

³²⁴ Данные: Frontex Annual Risk Analysis 2015 (PDF). p. 59. [Электронный источник]:

прибывших в 2014 г. мигрантов из этих стран отказались оставаться и получать статус беженцев в первой европейской стране, на чьей территории они оказались (как того требуют Дублинские соглашения). Они предпочли направиться на север Европы, в сторону Германии и Швеции. Схожая ситуация имела место на всех 9 направлениях миграционных потоков в Европу в 2014 и в 2015 гг. Мигранты, попав на территорию Европы, массово устремились в центр, не желая проходить никакие процедуры по учету и регистрации, которые юридически обязывали бы их оставаться (возвращаться) на территории проводивших эти процедуры стран.

Одной из весомых причин, объясняющих стремление многих мигрантов получить статус беженцев именно в Германии, помимо объективно наиболее прочных в Европе социальных гарантий для беженцев, закрепленных в немецком законодательстве, можно назвать публичную деятельность германского Канцлера. В эпоху социальных сетей и мобильного интернета фотографии Ангелы Меркель, приветствующей первых мигрантов и отрывки ее выступлений, где она говорит о том, что Германия не имеет официально установленного лимита на прием мигрантов, быстро были растиражированы на весь мир.

Если бы этими, в общем-то, популистскими моментами все ограничилось, то можно было бы подумать о некоем случайном перекосе или пиар компании, получившей неожиданное громкое развитие; предположить, что на самом деле позиция германского канцлера гораздо более осторожная, если не вовсе - иная. Однако, если посмотреть высказывания Меркель на различных (в первую очередь – международных) площадках и предпринятые ею политические шаги (как на уровне ЕС, так и в Германии), то становится понятным, что речь, как ни удивительно, действительно идет о довольно последовательном соблюдении выбранной политической стратегии; попытке следовать провозглашенной концепции «распростертых объятий». Самое интересное заключается в том, что стратегия эта (вместе с указанной концепцией), вопреки кажущемуся противоречию, на самом деле лежит вполне в русле предыдущих громких заявлений Меркель - по поводу провала мультикультурализма.

В центре риторики Меркель, посвященной кризисным ситуациям в Европе (как в отношении непосредственно миграционного кризиса, так и в отношении других политических проблем), – европейские ценности. Особенно показательной в этом отношении является речь, произнесенная 7 октября 2015 г. перед депутатами Европейского парламента, в которой

Ангела Меркель говорила о необходимости вспомнить то, что лежит в основе Европейского союза: «Европа – это сообщество, основанное на общности ценностей и принципе разделения ответственности. Следует руководствоваться теми ориентирами, которые отражены в основополагающих документах европейского союза: защита человеческого достоинства, главенство закона, толерантность, уважение к меньшинствам и солидарность»³²⁵. Меркель прибавила, что попытки закрыться, жестко закрыть границы и оставить мигрантов страдать на этих рубежах в реалиях современного мира обречены на поражение. Это не решит возникших проблем, но может создать новые, потому что такое развитие событий будет означать отказ от своих ценностей, утрату идентичности. «Если мы забудем свои ценности, мы предадим самих себя: все просто», - сказала Меркель.

С либеральной точки зрения все действительно достаточно просто. Если все европейские государства поступят именно так, как это сделала Венгрия, выстроив стены вдоль своих границ с Сербией и Хорватией, то одно из важнейших достижений евроинтеграции, отраженное в Амстердамском договоре 1997 г. как «готовность принять меры, требуемые для упразднения всякого контроля за лицами, пересекающими внутренние границы Европейского союза, независимо от того, являются ли они гражданами ЕС»³²⁶ утратит смысл. Возможность оставить на произвол судьбы каких бы то ни было людей вдоль таких границ лишит смысла и яркие заявления о Европе как о пространстве свободы, безопасности и справедливости, о которых также говорится и в упомянутом уже амстердамском договоре, и в не так давно принятой Хартии Европейского союза об основных правах...

О защите все тех же основополагающих европейских ценностей Меркель говорила и когда прощалась с немецким вариантом того, во что превратилась концепция мультикультурализма. И тогда, пять лет назад, и сейчас, выступая в Карсруэ, она назвала мультикультуризм обманом³²⁷. По существу этот обман заключался в том, что за лозунгами сохранения равноценных идентичностей приезжих гастарбайтеров и призывами уважать и поощрять их особенность, скрывалось не желание немецких

³²⁵ Statement by Federal Chancellor Angela Merkel to the European Parliament: http://www.bundesregierung.de/Content/EN/Reden/2015/2015-10-07-merkel-ep_en.html?sessionid=0A97A5794921A685EBD8583C0858741F.s3t1?nn=393812

³²⁶ См. Treaty of Amsterdam (PDF). Article 73j. Source: <http://www.europarl.europa.eu/topics/treaty/pdf/amst-en.pdf>

³²⁷ Noack R. Why Germany's Merkel will continue to welcome refugees, despite calling multiculturalism a sham. The Washington Post. 16.12.2015 <https://www.washingtonpost.com/news/worldviews/wp/2015/12/16/why-germanys-merkel-will-continue-to-welcome-refugees-despite-calling-multiculturalism-a-sham/>

властей и немецкого общества интегрировать их и их семьи в немецкую жизнь на принципах уважительного отношения к их культуре, но надежда на то, что они, сохранив свою первичную идентичность легко смогут вернуться туда, откуда приехали. С этим «определением» немецкого мультикультурализма можно спорить только по части терминологии... немецкий мультикультуризм значительно ближе к сегрегационной модели, чем к мультикультурализму. По существу же все правильно. Руководствуясь чувством справедливости, стоило бы все-таки добавить, что представители возглавляемой Меркель ХДС десятилетиями выступали с заверениями о непременном отъезде турок на родину, а один из активистов ХДС Юрген Рютгерс даже организовал в недавнем прошлом кампанию «дети вместо индийцев», идеей которой было «вырастить» собственных программистов из немецких детей взамен «приглашения» компьютерщиков из Азии, а результатом – волна ксенофобии³²⁸.

Что означает приверженность выбранной Меркель стратегии, в отношении которой она постоянно говорит «мы это сможем»? И что означает выбор стратегии противоположной?

В практическом преломлении этот выбор очень многое может сказать о политической идентичности сделавшего его государства, потому что он определяет «сторону», которую это государство может занимать по целому ряду важнейших для всего мира политических вопросов.

На глобальном уровне в случае выбора стратегии, противоположной той, что предлагает немецкий лидер, пересмотру могут быть подвержены такие фундаментальные и казавшиеся незыблемыми достижения как примат международного права и принцип обязательности соблюдения межгосударственных договоренностей. На региональном уровне под серьезным ударом окажется Европейский союз: молодое по историческим меркам политическое объединение пока с трудом выдерживает «натиск суверенитетов». На национальном уровне как правительства, так и общества европейских стран окажутся перед необходимостью решить, что те принципы, которые они провозгласили в качестве фундамента своей политической системы, действуют только в отношении тех людей, которые уже живут внутри этой системы.

Международному сообществу возникновение государств, открыто провозгласивших интериоризацию универсальных принципов (т.е. легализовавших ограничение применения фундаментальных гуманистических принципов какой бы то ни было социальной группой - своими гражданами, например), как мы помним из истории, не сулит ничего хорошего. Это редкий вопрос, в котором политологи, экономисты,

³²⁸ Ibid.

экологи и абсолютное большинство ученых в других областях современного знания солидарны.

На самом деле вопрос о том, какой выбор сделает Германия, также не закрыт. Не смотря на оказавшуюся последовательной убежденность германского лидера в необходимости общеевропейского (и в обозначенном смысле «общечеловеческого») подхода в преодолении кризиса, и на то, что значительная часть немецкого населения пока еще поддерживает этот подход, Германии может просто не хватить на него ресурса.

Простая цепочка событий может быть здесь иллюстрацией. Объявив в одностороннем порядке о несоблюдении Дублинских соглашений, германское государство организовало систему квот, в соответствии с которыми прибывающие мигранты должны быть распределены по федеральным землям. В сентябре 2015 г. ответственные за прием и устройство мигрантов службы сообщили в Берлин о том, что их ресурсы исчерпаны. 13 сентября министр иностранных дел Германии сообщил о развертывании временных постов досмотра на границе с Австрией. Еще одной иллюстрацией уже в отношении нехватки ресурса не экономического, но политического можно считать критику стратегии Меркель со стороны коллег из ХСС³²⁹. Новогодние беспорядки в Кельне и некоторых других европейских городах безусловно сократили ресурс социальной поддержки.

Пока что с большой долей уверенности можно говорить лишь о том, что европейские страны с миграционным кризисом так или иначе справятся. Однако сможет ли Европа сохранить восходящее движение в сторону подтверждения своей приобретенной резкие очертания политической идентичности – это отдельный и пока открытый вопрос. Ответ на него начинается как несложный пример из теории игр: если все участники (или значимое большинство) поддержат общеевропейский подход, то выиграют все. Разница с теорией игр заключается в том, что сама по себе сумма решений участников не дает однозначного результата. Так, «правильно» выбрав общеевропейский подход, можно придумать не выдерживающую никакой критики систему принудительных квот, которая направляла бы людей, желающих жить в Германии, в Эстонию.

³²⁹ CSU verärgert über Merkels Asylpolitik. Zeit. 06.09.2015.
<http://www.zeit.de/politik/deutschland/2015-09/fluechtlinge-ungarn-csu-merkel-kritik>

МЕЖДУНАРОДНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В СИСТЕМЕ РОССИЙСКОГО СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ

Мысль изречённая есть ложь.

Ф.И.Тютчев

В конце 2015 года ожидается утверждение скорректированной Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, изменить которую Президент Владимир Путин поручил в связи с продолжающегося в отношении России недружественного курса со стороны ряда западных стран³³⁰.

Действующая Стратегия национальной безопасности Российской Федерации утверждена Указом Президента Дмитрия Медведева № 537 от 12 мая 2009 года и была разработана на период до 2020 года. Она сменила Концепцию национальной безопасности, утверждённую Указом Президента Бориса Ельцина в 1997 году, изменённую и дополненную уже Владимиром Путиным в январе 2000 года – вскоре после того, как он стал исполняющим обязанности Президента.

Действующая Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года выделяет стратегические национальные приоритеты, которые, в свою очередь, разделяются на приоритеты национальной безопасности и приоритеты устойчивого развития. Как свидетельствует анализ действующих стратегических документов, нигде такого рода разделение и терминология более не используются. Само многообразие разного рода стратегий, концепций, доктрин и программ сегодня всё активнее ставит нетривиальную исследовательскую задачу по ориентированию во всех этих документах длительного горизонта действия, пониманию того, куда всё-таки идёт Россия, и какое место и какую роль в её развитии и имеющихся планах имеет так называемая «внешняя среда» - её соседи и другие субъекты международных отношений.

Год назад был принят Федеральный закон «О стратегическом планировании в Российской Федерации»³³¹, необходимость разработки которого начала широко обсуждаться ещё в 2008 году после принятия другого ключевого документа – Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года³³². Она, в свою очередь, рассматривалась тогда как ключевой механизм по

³³⁰ <http://kremlin.ru/events/president/news/49862>

³³¹ Здесь и далее: Федеральный закон «О стратегическом планировании в Российской Федерации» от 28.06.2014 № 172-ФЗ.

³³² Распоряжение Правительства Российской Федерации от 17.11.2008 №1662-р.

преодолению разворачивавшегося в то время столь нового для России глобального финансово-экономического кризиса, а потому требовала и более ясной системы отношений между различными долгосрочными документами. Тогда эта задача была разрешена утвержденными Указом Президента Основами стратегического планирования в Российской Федерации³³³, однако они остались непубличными и далеко не всеобъемлющими с точки зрения разрешения накопившихся противоречий. Принятый год назад закон в этом смысле имеет более ясную перспективу.

Законом разграничены полномочия между федеральным, региональным и местным уровнями власти, а само стратегическое планирование разделено на целеполагание, прогнозирование, собственно планирование и программирование. В этой системе стратегия национальной безопасности была отнесена к документам самого верхнего уровня – документам стратегического планирования, разрабатываемым в рамках целеполагания на федеральном уровне. Наряду с ней к этой категории отнесены ещё три типа документов: ежегодное послание Президента Федеральному Собранию, стратегия социально-экономического развития и документы в сфере обеспечения национальной безопасности Российской Федерации. Вся система документов стратегического планирования приведена в Таблице 1.

Таблица 1

Система стратегического планирования в Российской Федерации

Уровень стратегии	Целеполагание	Целеполагание по отраслевому и территориальному принципу	Прогнозирование	Планирование и программирование
Федеральный	<ul style="list-style-type: none"> ежегодное послание Президента; стратегия социально-экономического развития; стратегия национальной безопасности; документы в сфере обеспечения 	<ul style="list-style-type: none"> отраслевые документы стратегического планирования; стратегия пространственно го развития; стратегии социально-экономического развития макрорегионов 	<ul style="list-style-type: none"> прогноз научно-технологического развития; стратегический прогноз; прогноз социально-экономического развития на долгосрочный период; бюджетный 	<ul style="list-style-type: none"> основные направления деятельности Правительства; государственные программы; государственная программа вооружения; схемы территориального планирования; планы

³³³ Указ Президента Российской Федерации от 12.05.2009 № 536 «Об Основах стратегического планирования в Российской Федерации».

	национальной безопасности (основы государственной политики, доктрины и другие)		прогноз на долгосрочный период; • прогноз социально-экономического развития на среднесрочный период	деятельности федеральных органов исполнительной власти
Региональный	• стратегия социально-экономического развития субъекта РФ		• прогноз социально-экономического развития субъекта РФ на долгосрочный период; • бюджетный прогноз субъекта РФ на долгосрочный период; • прогноз социально-экономического развития субъекта РФ на среднесрочный период	• план мероприятий по реализации стратегии социально-экономического развития субъекта РФ; • государственные программы субъекта РФ; • схема территориального планирования субъекта РФ.
Местный	<ul style="list-style-type: none"> • стратегия социально-экономического развития муниципального образования; • план мероприятий по реализации стратегии социально-экономического развития муниципального образования; • прогноз социально-экономического развития муниципального образования на среднесрочный или долгосрочный период; • бюджетный прогноз муниципального образования на долгосрочный период; • муниципальная программа. 			

Так сложилось и, по большому счёту, это обусловлено всей логикой развития системы принятия решений в России, что не только расстановка приоритетов, но и инициатива об их разработке осуществляется «сверху». Никогда ещё нация «изнутри» не формулировала свой интерес. Вместе с тем, тенденции последнего времени, связанные с укреплением институтов гражданского общества, развитием механизмов общественного контроля, повышением открытости власти, демонстрируют, что эффективность и реализуемость принимаемых государством решений сегодня во многом определяется уже и вовлечённостью в их согласование негосударственных институтов. Наиболее яркий пример в современной российской практике –

это работа большого числа экспертов над обновлённой (скорректированной?) Концепцией долгосрочного социально-экономического развития России на период до 2020 года – так называемой «Стратегией-2020».

Но самое главное, почему привлечение негосударственных организаций к разработке стратегии представляется важным, – это то, что российское гражданское общество демонстрирует чёткую способность формулировать запрос на национальный интерес. Как ничто другое это показывает реакция российского общества – именно общества – на события и последствия продолжающегося украинского кризиса. Крымский консенсус и отношение к гражданской войне в Донбассе – кто бы и какие оценки ни делал – являют собой заявку на проявление национального интереса изнутри, из самоощущения русского народа. О глубине и репрезентативности такого рода настроений можно спорить, но то, что пассионарный подъём имеет ясные социологические очертания, демонстрирует большое число исследований последнего года. В такой ситуации власти, как художнику, остаётся только фиксировать происходящее. А если хочется оставаться легитимной – то и брать на себя за это происходящее ответственность.

Тысячи людей, отправляющихся добровольцами на юго-восток Украины, делают свой выбор исходя из национального интереса – такова с их стороны его интерпретация и в этом его воспроизводство. Да, своё влияние может иметь и определённая информационная асимметрия, однако так ли уж в условиях общества потребления велик её именно мобилизационный потенциал? Спровоцировать на эмоцию, выраженную при этом с дивана, – легко. Но вот заставить покинуть свой дом, да ещё взять в руки оружие – для этого у человека должны быть понятные мотивы – мотивы, связанные с защитой себя, своих близких, семьи, дома, родной земли.

В своё время Лев Толстой формулировал «мысль народную», которая движет историческими процессами, делает выбор между войной и миром, определяет развитие народа и страны. Роль любых личностей, которые в силу разных причин находятся во главе своих наций, заключается в умении принимать решения в соответствии с нею. Так, по крайней мере, полагал Толстой.

При всех издержках современного демократического процесса трудно представить себе приятие «мыслью народной» такого российского интереса, который будет заявлен как, например, подчинённое положение по отношению к какой-либо глобальной силе или, наоборот, как мировое господство над всем сущим. Некий императив, заложенный в идентичности русского народа, является безусловным фактором, с которым нельзя не соотносить любой стратегический приоритет, любую

миссию, предлагаемую стране её лидерами, – от «православия, самодержавия, народности» до строительства коммунизма. Не всякую цель российский социум будет готов принять за национальный интерес, и современное государство не может не принимать это в расчёт.

Помимо действующей Стратегии национальной безопасности в России есть целый ряд других документов дальнего горизонта действия. И не только в силу спектра, предусмотренного законодательно и представленного в Таблице 1 (далеко не все из этих документов пока разработаны), – речь о различных и далеко не всегда связанных между собой планах, которые принимались и фиксировались на бумаге все прежние годы. Эндрю Монаган из лондонского Чатем-хауса, анализируя «большую стратегию» России и видя в ней во многом систематизацию и повышение эффективности ручного управления, сравнивает практику регулярно принимаемых целеустанавливающих документов с «дефибрилляцией»³³⁴, позволяющей встряхнуть российскую бюрократическую машину и мобилизовать её на производство быстрых и нужных решений.

В целом, за последние полтора десятилетия в рамках различного рода реформ (административная, бюджетная, местного самоуправления и др.) система государственного управления в Российской Федерации последовательно перестраивалась в направлении повышения собственной результативности, ориентации на результат. В итоге и бюджет стал вместо годового трёхлетним, и каждый орган исполнительной власти стал формировать свои планы исходя из определения ожидаемых результатов (так называемые ДРОНДы – доклады о результатах и основных направлениях деятельности), актуализировался вопрос качества государственных услуг.

Всё это в итоге привело к выстраиванию довольно стройной картины стратегического планирования, по крайней мере, в социально-экономической сфере. В её основе – упоминавшаяся уже Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года (КДР, которая так и не была скорректирована «Стратегией-2020»). В соответствии с нею Правительство разрабатывает собственные Основные направления деятельности (ОНДП) – документ среднесрочного планирования, определяющий приоритеты работы данного кабинета министров, действующих министерств, служб, агентств. В рамках ОНДП разрабатывались и принимались государственные программы Российской Федерации, которые хотя и имеют долгий горизонт действия (2018-2020 гг.), всё же являются

³³⁴ Andrew Monaghan, Defibrillating the Vertikal? Putin and Russian Grand Strategy. <http://www.chathamhouse.org/publication/defibrillating-vertikal-putin-and-russian-grand-strategy>

основным инструментом реализации и ОНДП, и КДР, да и, по большому счёту, всех других ключевых документов.

Но и такая стройная картина стратегического планирования (КДР – ОНДП – госпрограммы) не в полной мере отражает реальность продвижения по пути долгосрочных приоритетов. Как уже было отмечено, масштабная попытка обновления КДР не привела к её актуализации, ОНДП принимаются и корректируются исключительно по внутриправительственной аппаратной логике, а государственные программы, будучи однажды утверждёнными сверху и увязанными с действующим бюджетом снизу, не находятся уже в прямой зависимости от принимаемых вновь целеполагающих или прогнозных документов. На них в этом смысле принятый год назад закон «О стратегическом планировании...» не распространяется.

Единственное, что сегодня увязывает без преувеличения все действующие в России стратегии вне зависимости от того, кем и когда они принимались, – это совершенно иная категория документов, которая ни установленной законом системой стратегического планирования не предусмотрена, ни даже под отдельную категорию, в общем-то, в силу своего индивидуального характера не подпадает. Речь об уже хорошо известных «майских указах» – первых одиннадцати указах, подписанных Президентом Путиным сразу после вступления в должность 7 мая 2012 года, в которых определены цели и задачи развития в различных отраслях и сферах жизни страны до следующего электорального цикла. Сегодня именно они требуют беспрекословного выполнения как со стороны любых органов власти и работающих в них чиновников, так и в плане реализации других стратегических документов: последние актуальны и осуществляются ровно в той мере, в которой содействуют выполнению майских указов.

С политической точки зрения майские указы стали уже чем-то гораздо большим, нежели просто нормативно-правовыми актами: их неизменность – тест на готовность и умение России трезво и реалистично смотреть в будущее. Семь раз примерить, один – отрезать.

Майские указы прочно заняли нишу главной стратегии России здесь и сейчас. По сути, они являются публичным и юридически обязывающим политическим обязательством (первым в своём роде) действующей власти перед обществом. Такого рода стратегия понятна и укладывается в общемировую практику: власть определяет приоритеты на горизонт своих полномочий и не обременяет тех, кто придёт ей на смену.

Особняком в системе стратегического планирования стоят приоритеты, которые Россия имеет за пределами своих границ, хотя именно с этими приоритетами в первую очередь ассоциируется понятие

международного взаимодействия и неразрывно связана стратегия национальной безопасности.

Ещё в 2001 году на первом для себя в качестве президента совещании руководящего состава дипломатической службы Владимир Путин отметил, что «у державы с таким геополитическим положением, как Россия, национальные интересы есть везде»³³⁵. В дальнейшем этот тезис активно развивался и находил своё воплощение и в новых версиях внешнеполитической концепции, и в других политико-административных документах, и в, как обычно, более богатой практике правоприменения.

Базовым стратегическим документом для российской дипломатии всегда была и остаётся Концепция внешней политики Российской Федерации. Действующая версия утверждена президентом Путиным 12 февраля 2013 года. Помимо неё есть и один из майских указов - № 605 «О мерах по реализации внешнеполитического курса», который в Концепции внешней политике прямо отнесён к её нормативно-правовой основе (Стратегия национальной безопасности поименована в этом контексте ниже). Есть и особая государственная программа – «Внешиполитическая деятельность». При этом Указ № 605 отличается от других майских указов тем, что он единственный, который не содержит конкретных цифровых индикаторов и измеримых результатов, а значит, в большей степени, чем остальные, декларативен. Госпрограмма же носит по большей части непубличный характер.

Кроме того, в последнее время был принят и ряд других документов, которые определяют российские приоритеты на мировой арене и носят безусловно стратегический характер. К ним, например, могут быть отнесены утверждённая президентом Концепция участия Российской Федерации в объединении БРИКС и Концепция государственной политики Российской Федерации в сфере содействия международному развитию, утверждённая Указом Президента от 20.04.2014 № 259.

Очередное обращение к Таблице 1 позволяет сделать вывод, что никакие из перечисленных стратегических документов внешнеполитического характера напрямую законом «О стратегическом планировании...» не предусматриваются. Единственная категория, в которую их можно отнести, - отраслевые документы стратегического планирования, разрабатываемые в рамках целеполагания по отраслевому и территориальному принципу (госпрограмма «Внешиполитическая деятельность» - соответственно в государственные программы в рамках планирования и программирования).

Очевидно, что такого рода положение внешнеполитических документов никак не отражает высокой значимости, которую они имеют

³³⁵ <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/21169>

для стратегии развития страны, и той роли, которую по факту играет отечественная дипломатия в выражении её национальных интересов. Законодатель, иными словами, как будто забыл либо сознательно исключил широкий пласт внешнеполитического целеполагания из регулируемого поля стратегического планирования – возможно, конечно, из благих побуждений, дабы лишний раз не ограничивать российские внешнеполитические амбиции.

Вместе с тем, современные условия подталкивают как раз к более активному вовлечению внешней политики в общие механизмы повышения эффективности государственного управления, ориентированного на результат. Это связано не столько с преодолением традиционной обособленности дипломатической службы, сколько с растущей вовлечённостью в международное сотрудничество как широкого ряда других министерств и ведомств, так и институтов гражданского общества в целом. Во всём мире дипломатия становится технологичнее и контактнее, вовлекает всё большее число заинтересованных сторон и негосударственных игроков. Официальные институты вполне уверенно опираются на более гибких и конкурентоспособных представителей дипломатии общественной, которые в силу экономических или социальных причин сами по себе могут быть глубоко заинтересованы в продвижении стратегических приоритетов страны, в защите её национальных интересов. Внешняя политика, как и экономика, должна в большей степени ориентироваться именно на результат и быть менее замкнутой в институциональном плане.

Сегодня представительством России на мировой арене занимается уже далеко не только МИД. Всё большую роль играет и Минэкономразвития с торгпредствами и продвижением интересов российского бизнеса, и Минтранс, и Минэнерго, и Минобрнауки, и ещё целый ряд органов исполнительной власти. Все они, реализуя различные отраслевые, инфраструктурные, гуманитарные проекты, должны всё же опираться на единую стратегическую линию, обеспечивающую продвижение и защиту национальных интересов за пределами Российской Федерации.

Более того, даже своё участие в глобальном взаимодействии Россия осуществляет через более чем 40 (!) министерств и других федеральных структур, включая Госкорпорацию «Росатом» и Курчатовский институт. На выплату взносов в различные международные организации этим ведомствам выделяется более 70 млрд рублей в год. Очевидно, в данном случае страна вправе рассчитывать на то, что эти деньги идут как раз на защиту её национальных интересов. Однако есть ли у всех этих 40 ведомств единое представление об этих интересах? Есть ли какие-либо механизмы их согласования? Есть ли основа для интеграции и объединения международных усилий разных игроков во имя общей цели?

Пока что, как демонстрирует широкое меню действующих стратегий, все акторы даже внутри России склонны использовать возможность выбора и руководствоваться собственной нормативной – будь то отраслевой или корпоративной логикой, которая далеко не всегда имеет точки соприкосновения с логикой национальной, государственной, общестрановой. И в этом смысле корректировка стратегии национальной безопасности, о необходимости которой заявил Владимир Путин, как раз может быть использована как маховик центростремительной кодификации всех существующих стратегий и кристаллизации формулируемых национальных интересов. Так, как их понимает общество, бизнес, наука, искусство. И так, как их продвижение способно обеспечивать государство.

ПРОСТРАНСТВЕННАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В РАЗДЕЛЕННЫХ ГОРОДАХ (НА ПРИМЕРЕ БЛАГОВЕЩЕНСКА И ХЭЙХЭ)

Проводя геополитическое исследование, следует различать абсолютное и относительное пространства. Рассмотрение пространства как социально конструируемого феномена (относительное пространство) не означает отрицание существования физического (абсолютного) пространства [5, с.13-14]. В то же время это не означает, что пространство представляет собой неподвижную структуру, которую нельзя измерить геохронополитически. Социально конструируемые пространства имеют черты сосуда[10], вбирающего в себя социальные действия, которые могут оказывать влияние как на социальную жизнь, так и на характеристики самого пространства. Если пространство рассматривать как сосуд, то следует задать два вопроса: как люди действуют или взаимодействуют с другими людьми или предметами в этом пространстве и как они передвигаются внутри или между такими пространствами?

Исследуя пространство как социальный конструкт, мы превращаем его в относительную категорию. Говоря в терминах количественной методологии, пространство становится зависимой переменной, главным объектом исследования. Таким образом, исследователь может задаться исследовательскими вопросами: как люди представляют и думают о пространстве; как они конструируют, создают и изменяют пространство; как они приспособляют пространство и ориентируются в нём? Изучая пространство, мы предлагаем придерживаться следующей структуры пространственного анализа: 1) воображение о пространстве; 2) создание пространства; 3) освоение пространства; 4) взаимодействие в пространстве; 5) отношения и передвижения между пространствами.

Очевидно, что города как единицы пространства отличаются друг от друга, но также имеет значение, как эти различия исследуются. Измеренные и обобщенные количественными методами различия совершенно отличаются от различий, анализируемых качественными методами[12, р.103-105]. На это обратили внимание немецкие исследователи, выявившие некую индивидуальную или подлинную "логику" городов.[9]

Если общие социально-научные концепции и комплексные сравнительные характеристики могут быть дедуктивно применены к городам, то, конечно же, различия между ними обнаружить удастся, однако не удастся выявить тех особых параметров, характерных только

для конкретного города X и отличающих его от других городов. Многомерный статистический анализ чаще всего показывает то, что мы уже знаем в общих чертах о городах и то, что априори может быть применимо ко всем городам. Так называемая подлинная "логика" городов требует эвристической исследовательской процедуры, нацеленной не на рассмотрение городов как особых случаев генеральной совокупности, а на определение своеобразия городских практик и их значения настолько точно, насколько это возможно. Говоря в терминах М. Фуко, можно сравнивать города только вне категоризирующих стратегий "идентификации" или "характеризации".[11, p.153-168]. В таком случае социологические исследования города двигаются от общих социетальных проблем города в сторону самого города как эмпирически данного, а также от города к сравнительному изучению городов.[7, p.316-324] С данным концептом плюрализма городских жизненных миров (и даже реальностей) связан концепт пространства, которое уже не абсолютно, а относительно, основано на практике и потенциально гетерогенно.[16, p.240]

Индуктивные процедуры, эвристически открытые к поиску потенциально исключительных черт городов редко встречаются в эмпирических исследованиях городов. В той же степени это относится и к сравнению городов, т.к. отличительные характеристики измеримы; однако исключительное становится в лучшем случае видимым косвенно: процедуры идентификации должны сочетаться со сравнительными. Не считая самых первых работ (Й. Тейлор, К. Эванс, П. Фрейзер[19]), объясняющие качественные исследования сталкиваются с трудностями в доступе к городу как к объекту исследования. При изучении локальных практик, исследователю требуется значительная абстракция для того, чтобы делать выводы о локальных структурах, демонстрируемых этими практиками. Предполагаемые формы воспроизведения данных структур (которые снова будут локальными) опять же нуждаются в абстракции. Оперирование категориями "атмосферы"[8, p.149-162], "облика (*habitus*) города" или "целостного образа (*Gestalt*)"[15, p.35-42] снижает это затруднение. Они позволяют противодействовать проблеме, но являются довольно туманными и мало подтвержденными эмпирически. Таким образом, более целесообразно прибегать к методологически контролируемому объяснению символических представлений о городе, нарративов, образов для того, чтобы получить доступ к локальным структурам и формам их воспроизведения[17]. Конечно же, символы предоставляют информацию лишь косвенно. То, как города себя позиционируют и воспринимают, – только один аспект символизации, второй представлен городом как функциональным компонентом текстуры городских практик, той прослойки форм, в которых город сам себя воспроизводит.

Вопросы границ и закрепление национального пространства в истории зачастую служили предметом споров между государствами. Делимитация и демаркация означают формальное закрепление государственного пространства, на которое распространяется суверенитет. Однако если посмотреть на границу с точки зрения конструктивизма, то само понятие «граница» принимает расширительное значение. Так, граница начинает служить разделителем разных идентификационных или даже культурно-цивилизационных единиц, формируя в сознании жителей ту или иную ментальность.

Для того, чтобы провести анализ формирования пространственной идентичности при подвижной границе, был выбран исследовательский кейс Благовещенск – Хэйхэ, формирующий российско-китайское пограничье. Так, первоначальная гипотеза данного исследования заключалась в следующем: российско-китайская граница на Дальнем Востоке, характеризующаяся своей подвижностью и условностью, определяет сознание жителей пограничья и создает тем самым их особую пространственную идентичность.

21-25 августа 2015 г. исследовательская группа провела экспедицию в указанные города с целью изучения динамики формирования идентичностей в ситуации пространственной инверсии. В городе Хэйхэ исследовательская группа, используя методы включенного наблюдения, фиксировала наличие элементов лимитрофной идентичности. Кроме работы на улицах города материалы были собраны в представительстве информационного агентства Синьхуа, Китайско-русской художественной галерее, Филателистическом центре российско-китайских отношений и других организациях.

Несмотря на географическую близость, геополитический и хронополитический дискурсы в Благовещенске оказались отличными от выявленных в Хэйхэ. В ходе работы исследователи получили обширный устный, письменный и визуальный материал, в том числе из собрания Амурского областного краеведческого музея им. Г.Новикова-Даурского, выставок VI международного фестиваля «Российско-китайская ярмарка культуры и искусства» и Благовещенского государственного педагогического университета.

Относительно взаимоотношений между Россией и Китаем А.Д.Воскресенский замечает, что здесь «появилась возможность направить возникающую в отношениях напряженность в пограничную сферу, и граница могла изменяться в соответствии с соотношением других факторов» [1, с. 408]. Из этого утверждения можно сделать вывод о том, что на протяжении нескольких столетий граница между Россией и Китаем не только определялась заключенными договорами, но и варьировалась в зависимости от сложившейся политико-экономической среды.

На современном этапе «вопросы истории формирования границ между Китаем и Россией выведены из сферы межгосударственных отношений». Тем не менее, было бы не совсем корректно говорить о существовании строгого рубежа между двумя «мирами»: китайским и русским. Экономическое сотрудничество между Благовещенском и Хэйхэ являет пример размывания официальной границы. Так, для жителей обоих городов отменен визовый режим, налажено водное сообщение между двумя городами. 3 сентября в рамках Восточного экономического форума было объявлено о строительстве автомобильного моста через реку Амур до города Хэйхэ за четыре года. Следующим шагом к сближению и налаживанию инфраструктуры для товаро- и пассажиропотоков станет железнодорожный мост, о чем китайская и русская стороны ведут переговоры на протяжении 20 лет.

Несмотря на «сжатие» пространства на российско-китайском пограничье, жители двух городов по-разному воспринимают своих соседей; и именно такое соседство во многом формирует их пространственную идентичность. Рассмотрим случай китайского города Хэйхэ.

Ориентация на Россию связывается в сознании большинства горожан Хэйхэ с российским капиталом. Отсюда формируется «коммерциализированное» представление о России, а именно как о стране, которая готова в массовом количестве закупать китайские товары. Данное утверждение подтверждается наглядным эмпирическим материалом. Так, все вывески магазинов, бутиков и торговых точек написаны китайскими иероглифами и российской кириллицей. Кроме того, указатели на улицах также выведены на двух языках.

В целом, сфера коммерции подстроена под стандартного российского покупателя: главная торговая улица носит название «улица российских товаров»; отсутствуют видимые препятствия с валютой, так как наравне с юанями в ходу российский рубль. Чрезмерное употребление и использование российских названий и символики свидетельствует, тем не менее, об узком и упрощенном представлении жителей Хэйхэ о России. Однако процесс сближения и увеличивающейся двусторонней координации способствует более глубокому проникновению российского элемента в китайскую среду, причем проявляется это на более высоком метауровне - в культуре. Помимо прочего, важно заметить, что инициатива приобщения к российской культуре исходит не от российской стороны, а от китайской. Помимо выполненных из цветов фигур матрешек и православных храмов, которые расположены на главной пешеходной улице города, в марте 2015 года здесь был установлен памятник А.С. Пушкину. Рядом с памятником был возведен большой книжный магазин, в котором была представлена русская классика и открыт доступ к чтению

русских авторов как классического периода, так и современности. По словам секретаря горкома Хэйхэ Лю Гана, «этот книжный магазин должен стать «иконой духовности города». Помимо этого, одним из крупных достижений российско-китайского культурного сотрудничества можно считать строящуюся российско-китайскую художественную галерею, которая должна стать подлинной площадкой для российско-китайских культурных обменов. Традиция проведения совместных культурных мероприятий была начата не так давно, но уже приняла устойчивый характер. Так, в 2009 году в Хэйхэ открылась художественная выставка, на которой были представлены работы китайских студентов и преподавателей совместно с работами российских студентов Амурского государственного университета. Кроме того, с 2010 года в Хэйхэ и Благовещенске проходит фестиваль «Российско-китайская ярмарка культуры и искусства», который привлекает к себе внимание многочисленных делегаций с обеих сторон.

Таким образом, экономическое сотрудничество вкупе с активностью местных властей на данном направлении создает условия для проникновения российской культуры в китайскую среду. В понимании жителей Хэйхэ российско-китайская граница становится условной, так как цивилизационные пространства также начинают сужаться и синтезироваться. Такое положение несет в себе как положительные последствия, так и некоторые риски в дальнейшем.

Обратимся теперь к другому берегу Амура. Положение Благовещенска уникально не только ввиду его пограничности, но и вследствие того, что это единственный административный центр, располагающийся на границе РФ и КНР. Непосредственная близость к китайской границе вместе с периферийностью по отношению к центру стали факторами, вынуждающими благовещенцев контактировать с китайскими соседями, а именно городом Хэйхэ в провинции Хэйлунцзян, находящимся всего в восьмистах метрах от Благовещенска. Подобное положение позволило некоторым исследователям говорить о Благовещенске и Хэйхэ как «городах-близнецах»[18], разделенных консеквентной с Амуром государственной границей. С позиций критической геополитики, на русско-китайском пограничье должна была сложиться особая модель пространственной идентичности, однако встает вопрос, насколько эта модель одинаково функционирует в Хэйхэ и Благовещенске. Анализ собранных в ходе проведенной научной экспедиции устных, письменных и визуальных материалов показал, что данная модель состоит из двух структурных элементов – идентичностей Благовещенска и Хэйхэ соответственно, которые по своей сути инверсивны.

Главной чертой благовещенской идентичности, в отличие от хэйхэйской, является намеренное противодействие какой-либо культурной

интеграции с Хэйхэ, опирающееся на опасения быть растворенными в культуре Китая. Данное противодействие обладает собственным метадискурсом, складывающимся из различных дискурсивных практик и нарративов.

Первым нарративом благовещенской идентичности выступает нарратив «Благовещенск – это форпост России на Амуре», который обнаруживается в музейном дискурсе, памятниках на набережной и интерпретации значения Амура в жизни благовещенцев. Собранные дискурсивные материалы показывают несколько уровней пространственной идентичности благовещенцев, среди которых важное место занимает идентификация себя как «амурчан». Основной пласт найденной в ходе экспедиции краеведческой литературы посвящен именно Амурской области и Приамурью, а не Благовещенску, также сильна историческая память об Амурском казачестве, а самая крупная выставка-ярмарка носит название «Амурская ярмарка». Кроме того, в собрании Амурского областного краеведческого музея им. Г. Новикова-Даурского заключение Нерчинского договора 1689 года, установившего дипломатические отношения с Китаем, преподносится как провал русской дипломатии, так как согласно ему русские были вынуждены покинуть левый берег Амура и передать эти земли китайскому императору [3]. Особое внимание в основной экспозиции уделено обороне Благовещенска в 1900 году, когда ихэтуани обстреляли Благовещенск, а конфликт обернулся массовым убийством китайского населения в Благовещенске. Тем не менее, событие описывается как героическое отражение амурскими казаками атак вероломных китайцев, покусившихся на русскую землю, а факт китайских погромов деликатно замалчивается. Еще одной важной темой в музейном собрании является советско-японская война 1945 года, когда Благовещенск выступал плацдармом для наступления на Манчжурию: разгром Квантунской армии (куда входили и китайские военные части) преподносится как победа над азиатской фашистской угрозой. Более того, набережная Благовещенска выступает своеобразным транслятором рассматриваемого нарратива через установленные на ней памятники: пограничнику, следящему за противоположным берегом Амура, и бронекатеру, напоминающему о Манчжурской наступательной операции 1945 года. В подобном контексте Амур также становится объектом, вокруг которого конструируются смыслы: это не просто река, это – последний рубеж, отделяющий «их» от нас. Это свидетельствует о своеобразной «фронтальной» психологии благовещенцев [6. С.61-62].

Второй нарратив, находящийся буквально на улицах города, – это нарратив «Благовещенск – часть Восточной Европы»: его характерным атрибутом является использование отождествляемых с Западом понятий в топонимике предприятий общественного питания и иных сфер услуг.

Наименования часто содержат названия американских и европейских городов и регионов (ресторан «Париж 1930», магазины одежды «Woman of Hollywood» и «Montana», кафе «Савойя»), написанные транслитом русские слова (бар «Tovarish», магазин одежды «Sarafan» и студия загара «Caramel») и иные слова иностранного происхождения, записанные кириллицей или латиницей (магазин «Jennifer», кафе «SharLotCafe», бар «Celebrity», салон косметологии «Infiniti»). В данном явлении можно усмотреть желание идентифицировать себя не с Азией, а именно с Европой, видеть себя ее неотъемлемой частью [2, с. 169-170].

Третий нарратив, наиболее важный в контексте исследования Благовещенска и Хэйхэ как городов-близнецов, – это нарратив «замалчивания» существования второго города-близнеца. Как было отмечено выше, топонимика представлена стилизованными под западную тематику названиями, вывесок на китайском мало, и они сконцентрированы, в основном, в районе таможни, а названия заведений китайской кухни не отражают специфики положения Благовещенска: ресторан «Панда», кафе «Мистер Джеки» (аллюзия на Джеки Чана) и ресторан «Гонконг». Кроме того, если в Хэйхэ названия улиц, по крайней мере в центре, продублированы на русском, ничего подобного нельзя найти в Благовещенске. Непропорционально и количество туристических китайских групп, посещающих Благовещенск: их совсем немного, в то время как на улицах Хэйхэ можно обнаружить много русских туристов. Таким образом, в самом Благовещенске трудно ощутить наличие «китайского соседа». Это позволяет говорить о том, что граница между Благовещенском и Хэйхэ воплощена не только в институциональных ограничениях со стороны властей, например, в сфере таможенного законодательства [13, р.50], но и имеют реальное основание в виде нежелания русских дальнейшей интеграции с Китаем. Иным примером подобного сопротивления является проект моста через Амур, который бы соединил Хэйхэ и Благовещенск: с 1994 года китайцы проталкивали его, но русская сторона всячески тормозила все 20 лет идею строительства объекта, ведь его воплощение непременно означает изменение функции границы с барьерной/фильтрующей на контактную. Даже в более частном случае – восстановление благовещенского парка Дружбы, символизирующего возобновление российско-китайских отношений в 1980-1990 гг., [4] – наблюдается определенная незаинтересованность и инертность российской стороны в символическом и культурном аспектах связей между Благовещенском как частью России и Китаем. В то же время отношение к Хэйхэ отнюдь не однозначное: с одной стороны, это действительно излюбленное место отдыха благовещенцев, своего рода поездка за город, с другой стороны, наличествует оценка Хэйхэ как своего рода «потемкинской деревни», где за блестящим фасадом, подсвеченным

со стороны набережной, скрывается грязь и хаотичность.[14] Соответственно, обнаруживается двойственность в поведении благовещенцев, которые хотят пользоваться благами, находящимися по ту сторону границы, и в то же время, не доверяют китайским соседям.

Таким образом, на основании проведенного анализа можно сделать следующие выводы:

- Слияние экономического пространства с культурным сформировало особую пространственную идентичность жителей Хэйхэ. Отличительной чертой такой пространственной идентичности стало то, что она была создана стихийно и явилась результатом политики китайских властей. В связи с этим, России, возможно, необходимо детализировать концепцию «Русского мира» и использовать ее более точно и целенаправленно, особенно на таких направлениях, где к этому созданы благоприятные условия.

- Инверсивность как стратегия противодействия культурного сближения Благовещенска и Хэйхэ проявляется в особом метадискурсе, который пронизывает пространственную идентичность благовещенцев на всех ее уровнях. Рассматриваемый метадискурс сконструирован несколькими нарративами, чьи фреймы можно найти везде в Благовещенске: «форпост России на Амуре», «часть Восточной Европы» и нарратив «замалчивания существования соседа-близнеца». Существование подобных идентичностных ограничений создает определенную амбивалентность в сознании благовещенцев, где переплетаются недоверие и желание ограниченно сотрудничать с выгодой для себя.

Наконец, представленный кейс служит доказательством разрыва между абсолютным и относительным пространством, что является частным случаем пространственной инверсии. Будучи локализованным в одной точке абсолютного пространства в ситуации существования контактной границы жители Благовещенска и Хэйхэ сформировали противоположные модели пространственной идентичности, существенно разделяющие их в пространстве относительном.

Литература

1. Воскресенский А.Д. Китай и Россия в Евразии. Историческая динамика политических взаимовлияний/ А.Д. Воскресенский. –МГИМО(У) МИД РФ ; Ин-т Дальнего Востока РАН. – М. : Муравей, 2004, с.603

2. Тренин, Д. В. Интеграция и идентичность: Россия как «новый Запад» / Москва: Европа, 2006. – С. 169-170.

3. Материалы Амурского областного краеведческого музея им. Г. Новикова-Даурского, 2015 г.

4. Благовещенский парк Дружбы не отмечал 20-летний юбилей / Новостной портал “Амурская служба новостей”. [Электронный ресурс] URL: <http://asn24.ru/news/culture/9666/> (дата обращения: 10.09.2015).

5. Baur N., Hering L., Raschke A.L., Thierbach C. Theory and Methods in Spatial Analysis. Towards Integrating Qualitative, Quantitative and Cartographic Approaches in the Social Sciences and Humanities // *Historical Social Research*. – 2014. – Vol. 39. – No. 2. – P. 13-14.
6. Bellacqua, J. The Future of China-Russia Relations / Lexington: University Press of Kentucky, 2010. – P. 61-62.
7. Berking H. The Distinctiveness of Cities. Outline of a Research Programme // *Urban Research & Practice*. – 2012. – Vol. 5. – No. 3. – P. 316-324.
8. Böhme G. Die Atmosphäre einer Stadt // *Neue Stadtäume. Zwischen Musealisierung, Medialisierung und Gewaltlosigkeit* / Ed. by G. Breuer. – Frankfurt, Basel: Stroemfeld/Roter Stern, 1998. – P. 149-162.
9. Die Eigenlogik der Städte. Neue Wege für die Stadtforschung / Ed. by H. Berking, M. Löw. – Frankfurt, NY: Campus, 2008. – 335 p.
10. Einstein A. Preface to *Das Problem des Raumes*, by Max Jammer, XII-XVII. – Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1960.
11. Gehring P. Was heißt Eigenlogik? Zu einem Paradigmenwechsel für die Stadtforschung // *Die Eigenlogik der Städte. Neue Wege für die Stadtforschung* / Ed. by H. Berking, M. Löw. – Frankfurt, NY: Campus, 2008. – P. 153-168.
12. Gehring P., Großmann A. Constructing Discursive Differences. Towards a "Logic" of Cities // *Historical Social Research*. – 2014. – Vol. 39. – No. 2. – P.103-105.
13. Heaney, Eoin M. MA Thesis: The Sino-Russian Border: Anatomy of a Problem Region / [Electronic resource] URL:
<http://www.atlantic-community.org/app/webroot/files/articlepdf/Completed%20Thesis.pdf> (дата обращения: 08.09.2015). – P. 50.
14. Kucera, J. Don't Call Them Twin Cities / Joshua Kucera / *Slate*. – 28.12.2009. – [Electronic resource] URL:
http://www.slate.com/6-articles/news_and_politics/dispatches/features/2009/where_russia_meets_china/dont_call_the_m_twin_cities.html (дата обращения: 08.09.2015).
15. Lindner R. Der Habitus der Stadt – ein kulturgeographischer Versuch // *PGM. Zeitschrift für Geo- und Umweltwissenschaften*. – 2003. – Vol. 147. – No. 2. – P. 46-53; Lindner R. The Gestalt of the Urban Imaginary // *European Studies*. – 2006. – No. 23. – P. 35-42.
16. Löw M. *Raumsoziologie (suhrkamp taschenbuch wissenschaft)*. – Frankfurt: Suhrkamp, 2001. – 320 p.; *Raumprobleme. Philosophische Perspektiven* / Ed. by S. Alpsancar, P. Gehring, M. Rölli. – Munich: Wilhelm Fink, 2011. – 240 p.
17. Lynch K.A. *The Image of the City*. – Boston: MIT Press, 1960. – 208 p.; Löw M. *Soziologie der Städte*. – Frankfurt: Suhrkamp, 2008. – 292 p.
18. Mikhailova, E. Appearance and appliance of the twin-cities concept on the Russian-Chinese border / *The International Archives of the Photogrammetry, Remote Sensing and Spatial Information Sciences*, Vol. XL-4/W3. – Beijing, 2013.
19. Taylor I., Evans K., Fraser P. *The Tale of Two Cities: Global Change, Local Feeling, and Everyday Life in the North of England: A Study in Manchester and Sheffield*. – London: Routledge, 1996. – 416 p.

БАЛТИЙСКИЙ ВЕКТОР ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ФРГ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ РОССИИ

Российская Федерация имеет масштабные экономические, военные и политические интересы в Балтийском регионе. Региональные интересы требуют постоянного поиска возможностей их обеспечения, которые отвечали бы существующим возможностям страны и были адекватны сложившейся системе политических и экономических отношений в мире и Европе³³⁶. При этом следует учитывать то, что внешняя политика стран Балтийского региона в отношении России и соответствующее направление их внешней политики является проекцией европейского вектора международных отношений в целом. Формирование общей внешней политики и политики безопасности ЕС на коммунитарном уровне следует принципам межправительственного сотрудничества, а внешняя политика национальных государств превалирует над общесоюзной³³⁷. Примером сложной организации региональной политике может служить реализация Стратегии развития Балтийского региона, которая была инициирована Европейской комиссией летом 2009 года. Она отличается тем, что предназначена исключительно для стран – членов ЕС. «Стратегия развития Балтийского региона является действительно масштабным проектом, или, как его еще называют, Планом действий, охватывающим 15 приоритетных направлений, в которых будут реализованы 80 различных проектов»³³⁸. Разработчики Стратегии обращают внимание на то, что «многие проблемы в Балтийском регионе могут решаться только в условиях конструктивного сотрудничества с нашими внешними партнерами в регионе, в частности, с Россией»³³⁹. Приоритетным направлением российско-европейских отношений в Балтийском регионе является торгово-экономическое взаимодействие. «В связи с консолидацией традиционализма в России и приходом к власти в ключевых странах Европы консервативных сил с высокой степенью уверенности можно прогнозировать снижение уровня и эффективности контактов в политической сфере»³⁴⁰. Все более возрастает

³³⁶ Межевич Н.М. Россия и государства Прибалтики: некоторые итоги и перспективы межгосударственных отношений // Балтийский регион. 2015. № 2 (24). С. 7-18., 10

³³⁷ Тарасов И.Н. Перспективы внешнеполитического единства ЕС // Международные процессы. 2007. Т. 5. № 15. С. 76-82. С. 77.

³³⁸ Кретинин Г.В. Особенности энергетической стратегии ЕС в Балтийском регионе // Балтийский регион. 2011. № 4. С.86-96. С. 91.

³³⁹ Европейская комиссия представила стратегию развития Балтийского региона. URL: <http://karelinform.ru/?id=14302#ixzz1LUZraQvN> (дата обращения: 25.12.2015)

³⁴⁰ Тарасов И.Н. Конструирование новой «Восточной политики» Европейского Союза //

асимметрия политических и экономических интересов в регионе Балтийского моря.

Важно отметить, что в процессе европейской интеграции меняется внешнеполитическая повестка стран Балтии. Узко региональные проблемы постепенно вытесняются на широкой общеевропейской арене и ослабляют двусторонние отношения. Это касается контактов не только с Россией, но и со странами самой балтийской общности³⁴¹. При этом т.н. «Новая Европа» ничего принципиально нового в сфере внешней политики не демонстрирует. Значительная часть политической элиты этих государств воспринимает идею евро-атлантизма в духе «холодной войны». Национальная безопасность и международный престиж стран данной группы, по их мнению, могут быть обеспечены присоединением к американской «коалиции желающих», а прогресс в социальной и экономической сферах достижим в рамках ЕС³⁴². В Балтийском регионе решающее значение для определения траектории внешнеполитического развития имеют позиции Германии и России.

На сегодняшний день у Германии нет официальной стратегии в отношении Балтийского региона. Он не упоминается в числе приоритетов внешней политики ФРГ³⁴³. Вместе с тем, отношения с Россией часто рассматриваются через призму геополитического положения государств региона. Так, Г. Шредер назвал Балтийский регион «лабораторией для Европы»³⁴⁴. Позднее А. Меркель заявила, что российско-немецкие договоренности должны учитывать интересы государств Центральной Европы³⁴⁵. В свою очередь правящие элиты стран Балтии побуждают своих западных союзников оказывать давление на Москву. А нежелание «старой» Европы ссориться с Россией по малозначительным поводам в Вильнюсе, Риге и Таллине называют отсутствием принципиальности и порицают партнёров по ЕС за то, что те решают свои проблемы в

Полития: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). 2008. № 2. С. 18-30. С. 29.

³⁴¹ Смирнов В.А., Сыгин А.Н. Страны Балтии в ЕС: единство и своеобразие позиций политических элит // Проблемы национальной стратегии. 2012. № 4 (13). С. 98-118. С. 102.

³⁴² Тарасов И.Н. Европейское единство: испытание Востоком // Международные процессы. 2007. Т. 5. № 13. С. 70-81. С. 73.

³⁴³ Krohn A. German Military Cooperation in the Baltic Sea Region: regional Continuity and Global Change // The New Northern Security Agenda. Perspective from Finland and Sweden. Strategic Yearbook 2004. Stockholm, 2003. p. 238.

³⁴⁴ Ein Meer verschiedener Interessen. Deutschland uebernimmt den Vorsitz des Ostseerates und muss Balten, Russen und Suedeuropaer zufrieden stellen // Suddeutsche Zeitung. 2000. 1-2 July.

³⁴⁵ Dempsey J. Das Phänomen Merkel. Deutschlands Macht und Möglichkeiten. – Hamburg: Edition Körber-Stiftung, 2013. S. 19.

отношениях с Россией за счёт их интересов³⁴⁶. Очевидно, что площадь сопряжения позиций Германии и стран Балтии по отношению к России не велика, и касается, в основном, политических аспектов многосторонних отношений в регионе. В неполитических сферах можно говорить о ещё меньшей сопряжённости интересов Германии и стран Балтии. На протяжении значительного периода времени отношения Германии и России в Балтийском регионе характеризуются асимметрией политических и экономических интересов.

Интенсивность билатеральных политических отношений между Германией и странами Балтии отличается высокими показателями. Визиты на высшем и высоком уровне отражают степень состояния политических отношений государств. Нами учитывались государственные, и официальные визиты глав государств и правительств, а также министров иностранных дел.

Таблица 1

Число визитов на высшем и высоком уровне официальных лиц ФРГ в страны Балтии

	1992-1997	1998-2003	2004- 2009	2010-2015	1992-2015
в Латвию	2	2	3	2	9
в Литву	3	3	2	2	10
в Эстонию	2	2	4	2	10
в целом	7	7	9	6	29

Источник: собственные подсчеты

Таблица 2

Число визитов на высшем и высоком уровне официальных лиц стран Балтии в ФРГ

	1992-1997	1998-2003	2004- 2009	2010-2015	1992-2015
Латвия	4	9	4	4	21
Литва	5	12	8	6	31
Эстония	3	8	6	4	21
в целом	12	29	18	14	73

Источник: собственные подсчеты

Несложный подсчет наглядно демонстрирует интенсивность и стабильность дипломатических обменов между Германией и странами Балтии с момента обретения последними статуса независимых государств в посткоммунистический период. Если учитывать число взаимных рабочих (деловых) визитов, а также встреч на полях различных международных мероприятий (в т.ч. отраслевых министров, парламентских делегаций и проч.), то характеристика германско-балтийских отношений будет

³⁴⁶ Соосаар Э. Полтора года в НАТО – что изменилось? / Postimees. URL: <http://www.veneportal.ee/politika/11/08110501.htm> (дата обращения: 25.12.2015)

существенно обогащена. Особую активность на германском направлении проявил Валдас Адамкус, который в статусе главы литовского государства побывал в ФРГ девять раз. Накануне и сразу после вступления стран Балтии в НАТО и ЕС в 2004 г. наблюдался рост интенсивности дипломатических обменов, после которого наступил естественный спад. Также следует учитывать сотрудничество регионов Германии со странами Балтии. Так, федеральная земля Шлезвиг-Гольштейн стала активным разработчиком и участником проектов балтийского регионализма. Вообще Балтийский регион стал своего рода полигоном для опробования германской модели трансграничных сетей внутри ЕС³⁴⁷. Вместе с тем, нельзя утверждать, что балтийское направление является приоритетным во внешней политике ФРГ, скорее оно занимает подчиненное положение относительно европейской политики Берлина и его отношений с Москвой.

Интересы России и Германии имеют довольно плотное сопряжение в Юго-Восточной Прибалтике. Общим приоритетом стран являются стабильность и региональное развитие. Министр иностранных дел ФРГ Г. Вестервелле в феврале 2012 г. указал, что Германия считает налаживание государственно-частного партнерства для модернизации региона важнейшим направлением своей деятельности³⁴⁸. Германия, может быть даже больше, чем Россия, делает акцент на развитии Калининградской области. Инструментами германской политики партнерства выступают формирование фонда проектного финансирования, пилотная финансовая инициатива, взаимодействие по линии гражданского общества, содействие контактам между людьми и упрощение визового режима, привлечение инвестиций. Одно из направлений активности Германии в Калининградской области – это туризм, в частности, развитие круизного туризма³⁴⁹.

Сферами сотрудничества, представляющими общий интерес для Берлина и Москвы, являются энергетика, транспортная инфраструктура, экология, наука, образование и культура. Сотрудничество в этих областях осуществляется как в формате двусторонних отношений, так и в рамках

³⁴⁷ Krohn A. German Military Cooperation in the Baltic Sea Region: regional Continuity and Global Change // The New Northern Security Agenda. Perspective from Finland and Sweden. Strategic Yearbook 2004. Stockholm, 2003. P. 238.

³⁴⁸ Speech by Foreign Minister Guido Westerwelle on 5 February 2012 at Schloss Ploen at a ceremony of the Baltic Media Forum 2012: "Between vision and reality: 20 years of the Council of the Baltic Sea States — trends and prospects". URL: http://www.auswaertiges-amt.de/EN/Infoservice/Presse/Reden/2012/120205-BM_Ploen.html (дата обращения: 08.10.2013)

³⁴⁹ Speech by Ambassador Gerhard Almer at the 19th BSSSC Annual Conference in Szczecin from 5 to 7 October 2011. URL: http://www.auswaertiges-amt.de/EN/Infoservice/Presse/Reden/2011/111007-Almer_BSSSC_Conference.html?nn=479796 (дата обращения: 25.12.2015)

региональных организаций. Если для Германии доступны различные форматы многостороннего взаимодействия со странами региона: «3+1» (Германия и страны Балтии), NB6+2 (страны Балтии, северные страны, Польша и Германия), то для России наиболее значимым региональным форматом взаимодействия является Совет государств Балтийского моря (СГБМ).

Создание этой международной региональной организации было инициировано Германией и Данией ещё в 1992 году. Для Германии СГБМ играет роль связующего звена в отношениях ЕС с третьими странами. Особенно эта роль проявилась в процессе европейской интеграции стран региона. Если в 1992 г. членами ЕС были две балтийские страны, то после 2004 г. только Россия, имеющая непосредственный выход к Балтийскому морю, не является членом Евросоюза. В период немецкого председательства в СГБМ (2011-2012 гг.) была запущена программа «Юго-восточная зона Балтики» (South-East Baltic Area, SEBA), ставшая, по сути дела, «уменьшенной копией» программы РФ-ЕС «Партнерство для модернизации», специально приспособленной для нужд регионального развития³⁵⁰.

В вопросах экономики Москва и Берлин сходятся в том, что необходим переход на экологичные виды топлива, на развитие энергосберегающих технологий, расширение транспортной инфраструктуры, повышение конкурентоспособности региона через внедрение инноваций. Обе стороны придают очень большое значение сотрудничеству в вопросах пространственного планирования³⁵¹.

Германия является важнейшим торговым партнером России на Балтике. Объем товарооборота с ней равен товарообороту России со всеми остальными странами региона. Впрочем, благодаря своему экономическому потенциалу Германия занимает первое место в торговле у всех балтийских соседей, кроме Литвы, где первенствует Россия, и Латвии, где она уступает Литве. Во взаимной торговле стран региона Россия занимает второе место в Германии (после Польши), в Польше и Финляндии. Следующие за Германией торговые партнеры России – Финляндия и Польша. Минимальные торговые связи у России с Латвией и Эстонией. Германия занимает первое место и по объему прямых иностранных инвестиций в Россию, который, как и объем внешней

³⁵⁰ Сергунин А.А. Россия и Европейский Союз в Балтийском регионе: тернистый путь к партнерству // Балтийский регион. № 2013. № 4 (18). С. 53-66. С.59-60.

³⁵¹ Сологуб А.П. Сравнительный анализ приоритетов России и Германии и их подходов к региональному сотрудничеству в рамках совета государств Балтийского моря // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2014. № 171. С. 178-186. С. 182.

торговли, у нее практически такой же, как и у других стран региона вместе взятых³⁵².

В сфере энергетики взаимный интерес России и Германии в настоящий момент представляет развитие проекта «Северный поток», несмотря на разность подходов относительно Европейской энергетической хартии. Кроме того, обе стороны проявляют заинтересованность в сотрудничестве по вопросам строительства трех объектов атомной электроэнергетики: Балтийской АЭС в Калининградской области, Висагинской – в Литве и Белорусской в Гродненской области. Не секрет, что российско-германское энергетическое сотрудничество вызывает озабоченность в странах Балтии, поскольку затрагивает их экономические интересы напрямую, учитывая их полную зависимость от поставок российских энергоресурсов. Политический истеблишмент Латвии, Литвы и Эстонии опасается, что экономические преференции Германии сделают официальный Берлин менее чувствительным к их политическим интересам, особенно в связи с непростыми отношениями с Россией.

После вывода Северо-Западной группы войск из стран Балтии (в 1993-1994 гг.), отношения России с ними приобрели позитивную динамику в неполитических сферах сотрудничества. Постепенно увеличивались объемы торговли, повышался уровень связей и контактов, расширялось экономическое и культурное взаимодействие. По мнению Л.А. Карабешкина, к настоящему времени нельзя говорить о единой политике России в регионе Балтийского моря, в целом, и по отношению к странам Балтии³⁵³. Линия поведения России заключается в большей прагматизации и экономизации во взаимодействии с балтийскими странами. Наблюдается определенная дифференциация позиции Москвы по отношению к определенной стране региона в зависимости положения русскоязычной общины. Этим обусловлено «смещение фокуса российской политики на Балтике с вопросов «жесткой» (военной) безопасности в сторону проблематики «мягкой» (невоенной) безопасности, а также «нормального» (не относящегося к сфере безопасности) сотрудничества в области экономики, экологии, туризма, культуры, образования и пр.»³⁵⁴. Приходится признать, что курс России в отношении стран Балтии является ситуативно-реактивным. Н.М. Межевич указывает на определенную «усталость» российских дипломатов и экспертов от той динамики отношений со странами Балтии. «Однако, несмотря на это разочарование,

³⁵² Корнеев В.С. Понятия «страны Балтийского региона» и «Балтийский регион» // Космополис. 2008. № 2. С. 68-77. С. 70.

³⁵³ Карабешкин Л.А. Глобальные акторы в регионе Балтийского моря: сдерживание, конкуренция и сотрудничество // Материалы V Конвента РАМИ, Т.4., МГИМО, 2009.

³⁵⁴ Сергунин А.А. Россия и Европейский Союз в Балтийском регионе: тернистый путь к партнерству // Балтийский регион. № 2013. № 4 (18). С. 53-66. С. 52.

российские интересы все-таки должны быть четко структурированы и должна быть внятная государственная политика, понятная нам самим и нашим соседям»³⁵⁵.

Относительно стабильным элементом этого курса остается «линия на маргинализацию стран Балтии в европейском контексте с использованием аргументов о поощряемой этими странами героизации нацизма, переписывании истории, а также сохраняющимися проблемами в сфере интеграции национальных меньшинств»³⁵⁶. Согласно переписи населения, проводившейся в странах Балтии в 2000–2001 гг., в Латвии проживает 720 тыс. этнических русских, в Эстонии – 406 тыс. и в Литве – 220 тыс. С учетом же всех жителей, для которых русский является родным, общая численность русскоязычного населения этих стран составляет более полутора миллионов. Российское гражданство имеют 114 тыс. постоянных жителей Эстонии, 40 тыс. – в Латвии и 16 тыс. – в Литве. Русские среди граждан страны пребывания составляют 350 тыс. в Латвии, 200 тыс. в Литве и 122 тыс. в Эстонии³⁵⁷. В этой связи нельзя согласиться с утверждением А.А. Сергунина о том, что «проблема прав русскоязычных общин в странах Балтии уже не так актуальна для Москвы и не служит серьезным камнем преткновения в ее отношениях с этими государствами»³⁵⁸.

Вместе с тем, нельзя утверждать, что российские инициативы по развитию толерантности и противодействию радикализму и экстремизму в Балтийском регионе находят позитивный отклик у других партнеров. Правительства стран Балтии рассматривают подобные инициативы как попытку вмешательства во внутренние дела. Действенное влияние по изменению положения русскоязычной общины в странах Балтии возможно при сближении понимания проблемы двух наиболее значимых региональных держав – России и Германии. Наиболее близким российскому пониманию идеи толерантности является такой специфический приоритет балтийского вектора внешней политики Германии как усиление региональной идентичности³⁵⁹. Балтийская идентичность трактуется одновременно, аксиологически – как чувство сопричастности общим

³⁵⁵ Межевич Н.М. Россия и государства Прибалтики: некоторые итоги и перспективы межгосударственных отношений // Балтийский регион. 2015. № 2 (24). С. 7-18. С. 13.

³⁵⁶ Карабешкин Л.А. Российско-литовские отношения в 1990-2011 гг. // Восточная Европа: Перспективы. 2012. № 1-2.

³⁵⁷ Российская диаспора в странах СНГ и Балтии: состояние и перспективы / Гл. ред. В.М. Скринник. – М., 2004. С. 244.

³⁵⁸ Сергунин А.А. Россия и Европейский Союз в Балтийском регионе: тернистый путь к партнерству // Балтийский регион. № 2013. № 4 (18). С. 53-66. С. 55.

³⁵⁹ Сологуб А.П. Сравнительный анализ приоритетов России и Германии и их подходов к региональному сотрудничеству в рамках совета государств Балтийского моря // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2014. № 171. С. 178-186. С. 181.

ценностям и, институционально - как следование общими правилам и нормам отношений³⁶⁰. С точки зрения Берлина «балтийская общность» (Ostseeschaft) может и должна включать этнолингвистическое разнообразие, что совпадает с российской позицией, но, одновременно, противоречит ей, поскольку жестко сталкивается с политикой неизблемости российской идентичности на северо-западе, в первую очередь, в Калининградской области.

Таким образом, продвижение региональных интересов России в Восточной Прибалтике сопряжено с заметной асимметрией экономических и политических позиций в отношениях с Германией и странами Балтии. Такое положение дел открывает для нашей страны возможность эксплуатации балтийского направления внешней политики ФРГ, которая одновременно имеет общие с Россией интересы и занимает ведущие позиции в отношениях со странами Балтии. Наиболее перспективным представляется тактика «малых дел», суть которой может быть, в общих чертах, сведена к деполитизации экономического германо-российского сотрудничества на Балтике и экономизму социокультурных связей с вовлечением институтов гражданского общества стран Балтии.

³⁶⁰ См.: Buzan B. From International to World Society? English School Theory and the Social Structure of Globalization. Cambridge University Press, 2004.

ЧАСТЬ 6

СЕКЦИЯ «ВЛИЯНИЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ АКТОРОВ НА НАЦИОНАЛЬНУЮ СИСТЕМУ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ»

(модераторы: В.И. Добросоцкий,
М.Ю. Мاستушкин)

ПРОДОВОЛЬСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА И УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ: ПРОБЛЕМЫ СООТВЕТСТВИЯ И РЕАЛИЗАЦИИ

Публикуемые дивизионом торговли и рынков Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН (ФАО) «Продовольственные прогнозы» ежегодно демонстрируют, что мир по-прежнему находится на грани продовольственной катастрофы, причем наступление последней возможно как в связи с традиционными угрозами, основной из которых является скачкообразный рост населения в беднейших странах, так и в связи с вновь осознанными вызовами глобальной продовольственной безопасности, главными из которых, безусловно, являются непредсказуемые климатические изменения и изменяющееся состояние экосистем различного уровня, находящиеся под усиливающимся воздействием различных видов хозяйственной деятельности человека.

Обычно прогнозы ФАО используются «традиционными» экономистами для исследования перспектив развития отраслевых, продуктовых и территориальных рынков. Но прогнозы последних лет полезно рассматривать в свете принятых в 2015 г. глобальных решений, которые в ближайшей перспективе окажут существенное воздействие на механизмы обеспечения устойчивого экологически безопасного развития на различных уровнях: от глобального до национального.

Отраженные в последних прогнозах ФАО оценки рынков отдельных сельскохозяйственных культур и сельскохозяйственной продукции в целом дают возможность сделать следующие выводы:

- наблюдается резкий рост индикаторов рынка сельскохозяйственной продукции (в т.ч. индекса продовольственных цен), которые в ближайшем будущем преодолют свои максимумы, что обуславливается дефицитом продовольствия фактически по всем его группам;

- растут объемы импорта продовольствия, причем его стоимость для беднейших стран мира поднимется;

- наблюдается смещение баланса производства в сторону более «выгодных» сельхозпроизводителю культур, что, к сожалению, снижает обеспеченность зерном и др. продукцией (ярким примером такого производства является переход на выращивание так называемых «технических культур», используемых для производства биотоплива);

- растет неопределенность прогнозов относительно производства тех или иных сельскохозяйственных культур, причем в основном это связано с погодными факторами (например, при прогнозируемом росте производства зерна на 1,2%, наблюдается спад, оцениваемый в 2%);

- в прогнозах усматривается призыв ФАО к увеличению производства различных видов сельхозпродукции, в первую очередь для пополнения продовольственных запасов и выравнивания уровня цен, обеспечивающих доступ к сельхозпродукции беднейших слоев населения.

Снижение глобальных оценок по доступу населения к продовольствию, воде, неразрушенным экосистемам и т.п. сформировало тенденцию по принятию глобальных актов как декларативного, так и правового характера, к которым относятся документы ООН.

Так, 25 сентября 2015 г. на очередной сессии Генассамблеи ООН были приняты Цели устойчивого развития (17 целей), заменившие собой ранее действовавшие и являвшиеся руководством для развития мирового сообщества Цели развития тысячелетия, принятые в 2000 г. [2].

Одной из новых (расширенных и измененных по формулировке) целей является «ликвидация голода, обеспечение продовольственной безопасности и улучшение питания и содействие устойчивому развитию сельского хозяйства». Указанная цель является измеряемой, так как в Резолюции Генассамблеи ООН указаны критерии и элементы механизма ее достижения.

В то же самое время в анализируемом документе ООН присутствует ряд эколого-ориентированных целей, к которым относятся:

- обеспечение наличия и рациональное использование водных ресурсов и санитарии для всех;

- обеспечение рациональных моделей потребления и производства;

- защита, восстановление экосистем суши и содействие их рациональному использованию, рациональное управление лесами, борьба с опустыниванием, прекращение и обращение вспять процесса деградации земель и прекращение процесса утраты биологического разнообразия и др.

Встает вопрос: как, например, можно обеспечить удвоение продуктивности сельского хозяйства и рыболовства мелких производителей (критерий 2.3) без увеличения негативного воздействия на локальные экосистемы, устойчивость которых, в свою очередь, определяет устойчивость экосистем более высокого уровня?

Налицо серьезный усиливающийся конфликт между необходимостью обеспечения доступа к продовольственным ресурсам возрастающего населения Земли и борьбой с деградационными изменениями окружающей среды, вызываемыми, в т.ч. экстенсивным расширением сельскохозяйственного производства, сопровождающимся применением «традиционных» технологий, как правило, не измеряемых по аспекту негативного воздействия на окружающую среду.

Подробно не рассматривая этот вопрос отметим, что, несмотря на замедление темпов роста населения Земли, в абсолютных показателях этот

рост представляет основной вызов глобальной безопасности, причем по всем ее составляющим – от продовольственной до экологической.

С 1959 по 2009 г. население Земли увеличилось более чем в 2 раза, а в ближайшие 40 лет возрастет еще на 50% - до более чем 9 трлн чел. к 2050 г.

При этом рост населения сопровождается снижением доступа к сбалансированному питанию, водным ресурсам и др., т.е. основным факторам, определяющим не только качество жизни, но и саму ее возможность.

Так, несмотря на некоторое снижение числа недоедающих/голодающих в мире, общее их число в 2010 г. составило около 925 млн чел. Причем если на долю развитых стран приходится около 20 млн чел., то для азиатско-тихоокеанского региона этот показатель доходит до 578 млн чел.

По прогнозу ФАО к 2050 г. для более чем 3 трлн чел. будет затруднен доступ к сбалансированному питанию, несмотря на то, что под цели сельскохозяйственного производства выводится ежегодно из различных экосистем, в т.ч. водных и природоохранных, порядка 30 млн га земли.

Подтверждением того, что именно увеличение численности населения планеты является причиной увеличивающегося дефицита продовольствия, является тот факт, что земли сельхозназначения становятся все более дефицитными. В настоящее время на одного человека приходится лишь 0,7 га, в то время как в 60-х годах прошлого века - 1,6 га.

По существующей международной классификации сельскохозяйственное производство (растительная и мясная продукция) тесно связано с лесной промышленностью и рыболовством, что обуславливает еще более сложный комплекс отношений в рассматриваемой сфере, которые подлежат дополнительному регулированию из-за их значимости в экологическом /климатическом плане.

Необходимо понять, что рост населения сопровождается потреблением разнообразных природных ресурсов, причем для удовлетворения первичных физиологических потребностей человека ему нужен определенный рацион питания, различающийся в зависимости от региона проживания, этно-культурных особенностей, климатических факторов, степени развитости экономики и ее сельскохозяйственного сектора и др.

Вполне естественно, что рост цен на продовольствие и необходимость расширения сельхозпроизводства приведут к усилению глобального влияния человека на окружающую среду и, в частности, к выбросу большого количества парниковых газов, образующихся при производстве продукции растениеводства и животноводства. Аграрный сектор по величине выбросов проигрывает лишь энергетике и транспорту.

При этом следует учесть, что каждый вид продукции может быть охарактеризован экологической ценой, учитывающей комплексное воздействие на окружающую среду. Например, одной из самых высоких экологических цен обладает продукция животноводства (особенно при выращивании крупного рогатого скота и птицы), производство сахара (вследствие выжигания сахарного тростника) и др. Комплексный характер воздействия на окружающую среду во многом определяется и тем, что для производства сельхозпродукции человек трансформирует экосистемы различных уровней, уничтожая их прежние качества, причем во все больших объемах. По данным многочисленных научных работ, появившихся в последнее время, сельское хозяйство осуществляет воздействие на окружающую среду (особенно по парниковым газам), сопоставимое с промышленным воздействием.

Простой экономический подход, связанный с необходимостью расширения сельхозпроизводства для удовлетворения установившегося на рынке спроса может привести к новой экологической катастрофе, связанной с истощением земельных, водных и лесных ресурсов, которые уже нельзя будет восстановить в прежнем виде.

Особое значение здесь имеет исследование вопроса о более широком использовании биотоплива различных видов, производство которых, как ни парадоксально, приводит к увеличению суммарного воздействия на окружающую среду и увеличению дефицита продовольствия на рынке, вследствие перехода фермерских хозяйств к выращиванию непродовольственных сельхозкультур.

Следовательно, для устойчивого развития необходимо наложить существенные экологически обусловленные ограничения на экстенсивный рост сельскохозяйственного производства, которые, прежде всего, коснутся беднейших стран, обладающих высокой чувствительностью экосистем к дополнительному антропогенному и техногенному воздействиям.

Это один из самых «больных» вопросов, обсуждаемых в рамках переговорного процесса по достижению нового климатического консенсуса, значимой вехой в котором явилось принятие в рамках 21-ой конференции в рамках Рамочной конвенции ООН об изменении климата в декабре 2015 г. нового глобального климатического соглашения, подписанное Россией 22 апреля 2016 г.

Основной целью нового соглашения является быстрее прохождение пика эмиссии парниковых газов, являющихся, по доминирующему на настоящий момент мнению, основной причиной глобального потепления, в том числе для удержания роста глобальной средней температуры на Земле в пределах от 1,5 до 2°C.

В этой связи встает вопрос о разработке нового качества и повсеместном применении «зеленых» стандартов сельхозпроизводства, причем в ближайшей перспективе будет создана система учета вклада сельскохозяйственного производства в суммарную эмиссию парниковых газов, возможно с поэлементной разбивкой по секторам/видам продукции.

Российская Федерация является значимым игроком на мировом рынке сельхозпродукции, причем как в экспортном, так и в импортном секторах. Впрочем, доля в последнем в связи с политическими событиями 2014-2015 г.г. существенно сократилась.

Вполне естественно, что процесс экологизации сельскохозяйственного производства будет одной из задач устойчивого социально-экономического развития на ближайшую перспективу. Уже не раз отмечалось, что утвержденная указом Президента Российской Федерации от 30 января 2010 г. № 120 Доктрина продовольственной безопасности Российской Федерации должна реализовываться с учетом экологических ограничений, а, следовательно, предусматривать механизм осуществления, интегрирующий в себя экологические элементы.

В ближайшее время следует осуществить полноценный процесс интеграции экологических требований в технические регламенты и национальные стандарты, определяющие требования по производству и дальнейшей переработке сельскохозяйственной продукции.

За достижением целей и задач по расширению производства, можно упустить из виду обеспечение устойчивости основных используемых ресурсов, имеющих тенденцию к деградации или ухудшению свойств. В первую очередь это относится к почве и воде. Именно наличие территорий в Российской Федерации с высокой степенью доступа к незагрязненным, в том числе антропогенным воздействием, почвам, воде и т.п. природным ресурсам, которые многим представляются неисчерпаемыми, может создать иллюзию отсутствия необходимости вовлечения их в природоохранную деятельность. Этого допускать нельзя ни в коем случае. Примеры нерационального использования и деградации сельхозземель уже можно наблюдать во многих регионах, где осуществляется так называемое «арендное» земледелие силами артелей иностранных рабочих, заинтересованных исключительно в получении большего количества сельхозпродукции, но не в сохранении природных ресурсов.

В этой связи необходимо обратить внимание на отдельные элементы административно-правового и экономического механизмов охраны окружающей среды [1. С. 86], которые должны обеспечивать рост сельхозпроизводства с одновременным выполнением экологических требований, что, в конечном итоге, обеспечит на национальном уровне как выполнение целей и задач устойчивого развития, так и даст эффект увеличения степени конкурентоспособности сельскохозяйственного

производства, в связи со значительным снижением косвенного воздействия произведенной продукции на окружающую среду.

В целом, анализируя практику выработки и реализации требований по достижению экологической эффективности сельскохозяйственного производства, в том числе и в контексте его воздействия на изменение климата, следует признать, что комплексность возникающих проблем порождает существенную неопределенность относительно выбора теоретических и практических аспектов их решения.

Проблема принятия глобальных «зеленых» стандартов в рассматриваемом в сельскохозяйственном секторе экономики осложняется тем, что даже в развитых странах до сих пор не создана полноценная система обязательных требований / нормативов по экологизации сельскохозяйственного производства (в отличие от промышленного, транспортного и др. секторов).

Для беднейших стран экологические ограничения на производство сельхозпродукции могут стать критическими, особенно в связи с ростом населения, именно поэтому дискуссия по вопросам воздействия сельского хозяйства на климат будет одной из самых жарких, а параметры (особенно финансовые) механизма борьбы с климатическими изменениями – одними из самых обсуждаемых.

Литература

1. Мاستушкин М.Ю. Управление охраной окружающей среды в России в свете административной реформы. М., 2004.
2. Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей 25 сентября 2015 г. «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития до 2030 г.» // www.un.org.

АКТУАЛЬНОСТЬ МЕЖГОСУДАРСТВЕННОЙ ИНТЕГРАЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СИСТЕМЕ ТРАНСГРАНИЧНОГО ДВИЖЕНИЯ КАПИТАЛА

Одной из тенденций формирования мирового финансового рынка является совершенствование регулирования в сфере финансовых рынков с целью снятия барьеров для движения трансграничных капиталов (либерализация движения трансграничного капитала) [1].

Как показывает опыт, наиболее эффективно процесс либерализации движения капитала осуществляется посредством *межгосударственной интеграции* [6], т.к. процесс согласования международных финансовых отношений является достаточно сложным (в сфере финансовых рынков государства неохотно идут на консенсус), и межгосударственные интеграционные объединения более успешно осуществляют деятельность по интернационализации национальных рынков, поскольку они наделяются значительно более широкой правоспособностью и внушительным финансированием, а соответственно более высокой дееспособностью.

Актуальность регулирования трансграничного капитала для Российской Федерации

Для Российской Федерации особый интерес и актуальность вопросы регулирования трансграничных капиталов приобрели в связи с резким усилением геополитических рисков и введением санкций странами ЕС и США.

Идеологической основой формирования новой архитектуры участия России в движение трансграничных капиталов явились крах теории однополярного мира и поиск альтернатив сложившемуся мировому экономическому порядку и глобальному регулированию.

Многие годы в инновационном развитии российской экономики приоритетным считалось сотрудничество с Западом. И хотя у России всегда были жизненно важные интересы на Востоке, современная ситуация, связанная с политическим и экономическим кризисом, явилась катализатором развития сотрудничества с государствами азиатско-тихоокеанского региона. АТР, как считают эксперты, «станет основным центром мирового политико-экономического развития в XXI в». Существует также мнение, что «более подходящим является образ державы, прочно стоящей "на двух ногах" - как на Западе, так и на Востоке»[3].

Но в любом случае, очевидно, что азиатско-тихоокеанский регион

играет все более значимую роль в мировой экономике и политике и имеет важное стратегическое значение для экономики нашей страны [8]. А финансовый рынок, как средство привлечения инвестиций, будет ориентирован главным образом на страны АТЭС и БРИКС. Интеграционные процессы в рамках этих организаций свидетельствуют о создании и развитии новой системы международных отношений, основанной на общности интересов стран-участниц не только в экономической сфере, но и в политической жизни. Это подтверждается также и «Концепцией долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года», в которой указано, что задачей «опережающего» развития в сфере финансовых рынков является «поэтапное формирование интегрированного евразийского экономического пространства совместного развития, включая становление России как одного из мировых финансовых центров» [2].

Стержнем создания ЕС является «устранение барьеров, которые разделяют Европу», т.е. *либерализация* трансграничных отношений (от лат. *liber* — свободный), в том числе и либерализация трансграничных капиталов, способствующих экономическому развитию любого государства. И, несмотря на «евроскептицизм» ряда западноевропейских авторов [7], следует констатировать, что либерализация трансграничного капитала в рамках ЕС достигла наибольшего развития.

Станет ли Договор «О евразийском экономическом союзе» аналогом Римского договора покажет время. Евразийский экономический союз (далее – Союз, ЕАЭС) является международной организацией региональной экономической интеграции, учрежденный на основании Договора и обладающий международной правосубъектностью. Отличительной чертой Договора «О евразийском экономическом союзе» является качественно новый уровень регулирования. Нормы «мягкого права» заменены международно-договорной унификацией, что ведет к формированию единообразных норм регулирования экономических отношений и их обязательственного исполнения для стран-участниц. Принципиальные изменения затронули, в частности, систему регулирования финансовых рынков. Так, в ст. 70 Договора, устанавливающего цели и принципы регулирования финансовых рынков, впервые приняты положения, которые реально способствуют формированию единого регионального финансового рынка, в частности: 1) углубление экономической интеграции государств-членов с целью создания в рамках Союза общего финансового рынка и обеспечения недискриминационного доступа на финансовые рынки государств-членов; 2) создание условий для взаимного признания лицензий в банковском и страховом секторах, а также в секторе услуг на рынке ценных бумаг, выданных уполномоченными органами одного государства-члена, на

территориях других государств-членов; 3) регулирование рисков на финансовых рынках государств-членов в соответствии с международными стандартами; 4) определение порядка осуществления надзора за деятельностью участников финансового рынка и др.

Указанные цели могут быть достигнуты при условии гармонизации национальных законодательств на основе международных принципов и стандартов либо наилучшей международной практики и не ниже наилучших стандартов и практики, которые уже применяются в государствах-членах. Задача сложная, требующая времени и усилий и в соответствии с Договором должна быть завершена к 2025 г. В том же году предусмотрено создание наднационального органа по регулированию финансового рынка [5]. Реализация поставленных целей позволит осуществить либерализацию движения трансграничного капитала, создать единое пространство финансового рынка и способствовать экономическому развитию региона.

БРИКС как центр нового экономического миропорядка

Одним из наиболее важных геополитических событий в начале нового столетия явилось создание объединения стран БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай и ЮАР). В отличие, например, от Европейского Союза или ЕАЭС, формально БРИКС не является международной межправительственной организацией, т.к. ее создание не основано учредительным договором, у БРИКС нет штаб-квартиры, секретариата, бюджета и т.д. Страны БРИКС находятся в различных геополитических точках планеты, не имеют общих границ, их национальные интересы слишком различны. Объединяющими факторами государств – членов этой организации являются: 1) главные цели БРИКС - стимулирование глобального международного сотрудничества и реформирование международной системы экономического управления; 2) близость этих государств к категории супер-держав, что позволяет им реализовывать эту цель. Институализация БРИКС была необходимым механизмом реализации глобальных целей по переустройству мирового экономического порядка, поставленных этой организацией. В этой связи создание Нового банка развития (НБР) и Пула условных валютных резервов, явилось принципиально новым этапом в развитии региональных интеграционных процессов в финансово-экономической сфере и формирования инструмента создания нового миропорядка. НБР БРИКС - международная финансовая организации, в которую входят национальные банки развития стран-участниц. Основными направлениями финансирования НБР являются инфраструктурные проекты и проекты устойчивого развития в странах БРИКС и в других развивающихся государствах. Важным условием становления и развития НБР является

сотрудничество с существующими и новыми финансовыми институтами, в том числе с Азиатским банком инфраструктурных инвестиций (АБИИ). Проекты НБР будут в определенной степени политически обусловленными по аналогии с Европейским банком реконструкции и развития (ЕБРР). В то время как АБИИ может стать аналогом Европейского инвестиционного банка. Поэтому установление партнерских отношений между НБР и АБИИ может привести к хорошему синергетическому эффекту. «Новый банк развития БРИКС и АБИИ дополняют друг друга... Они оба будут совместно стимулировать инфраструктурное строительство в Азии и во всем мире и вносить вклад в международное и региональное развитие» [11]. Важное значение имеет также ратификация Договора о создании Пула условных валютных резервов БРИКС и подписание Операционного соглашения между центральными банками стран БРИКС. Реализация этих актов будет способствовать трансформации национальных валют государств - участников в резервные валюты и либерализации международных расчетов.

И, несмотря на потенциальные риски, связанные с возможностью возникновения конфликта интересов, противодействия со стороны Международного банка реконструкции и развития и МВФ, созданием объединения Транстихоокеанского Стратегического Экономического Сотрудничества, можно утверждать, что формирование таких международных объединений как ЕАЭС и БРИКС явилось принципиально новым этапом в развитии региональных интеграционных процессов в финансово-экономической сфере и формирования инструмента создания нового миропорядка. А участие России в межгосударственной интеграции в системе трансграничного движения капитала обусловлено необходимостью обеспечения финансовой стабильности и экономического развития государства.

Литература

1. Аминова Э.М. Современные тенденции регулирования и надзора в сфере финансовых рынков // Банковское право. 2015. № 4.
2. Аминова Э.М. Государственное регулирование финансового рынка в кризисной ситуации // Право и управление. XXI век. 2014. № 2.
3. Глобализация и интеграционные процессы в азиатско-тихоокеанском регионе (правовое и экономическое исследование) / Под ред. академика РАН Т.Я. Хабриевой // Система КонсультантПлюс.
4. Джагитян Э.П. Институционализация экономического механизма группы БРИКС: преимущества и риски Нового банка развития // Деньги и кредит. 2015. № 6.
5. Договор о Евразийском экономическом союзе (Подписан в г. Астане 29.05.2014) (ред. от 19.08.2015) // Система КонсультантПлюс.
6. Степичева О.А. Международное движение капитала в контексте трансформации мировых финансов // Социально-экономические явления и процессы. 2010. № 4.

7. Султанов И.Р. Роль международных интеграционных организаций в сближении международного и национального права // Вестник ЮУрГУ, № 40. 2009.
8. Торкунов А.В., Мальгин А. Современные международные отношения. М., 2012.
9. Vingt-cinquieme rapport annuel de la Commission sur le controle de l'application du droit communautaire. Bruxelles, le 18.11.2008. COM (2008) 777 final P. 2 // <http://www.aei.pitt.edu>.
10. <http://nkibrics.ru/>
11. <http://ria.ru/economy/20150721/1139676794.html#ixzz3r0TimVge/5>

ВЛИЯНИЕ МАГДЕБУРГСКОГО ПРАВА НА РЕФОРМУ ГОРОДСКОГО УПРАВЛЕНИЯ ЕКАТЕРИНЫ ВЕЛИКОЙ

В истории Российского государства можно обнаружить многочисленные факты заимствования иностранных политических и правовых институтов. В преобладающем большинстве случаев заимствовалась только форма, которая наполнялась собственным «российским» содержанием. Так, в Древней Руси при составлении первых правовых актов активно использовали структуру и терминологию византийского права, виртуозно приспособлявая

их к местным условиям. Начиная с периода Московской Руси и до наших дней таких примеров можно привести великое множество. Это и использование Великого Литовского Статуса 1588 г. в качестве матрицы для составления Соборного Уложения 1649 г., в тексте которого, в отличие от Статуса, не устанавливались права и привилегии свободных сословий, а наоборот, перечислялись лишь обязанности при поголовном прикреплении сословий к «государеву тяглу».

Показательны в этом отношении и знаменитые петровские преобразования, сопровождавшиеся активным стремлением императора пересадить на отечественную почву как можно больше зарубежных институтов. Петр I явил миру уникальный пример заимствования содержания в отрыве от идей, определяющих само существование этих институтов. Ярким примером служит учреждение в российских городах ратуш или магистратов. В европейских городах эти учреждения были центрами городского самоуправления (на базе свободной городской общины), в России же – центрами управления тяглым городским населением и сбора государственных налогов.

Среди немногочисленных случаев заимствования идей, одним из самых удачных можно считать использование Екатериной II идеи существования свободной самоуправляющейся городской общины, как центра экономического роста страны. Речь идет об уникальном политико-правовом институте Западной Европы известным под общим названием «магдебургское право». Этот феномен европейской истории сложился в сложный и довольно драматический период истории Западноевропейских государств, когда страны Западной Европы исчерпали потенциал традиционного, основанного на натуральном хозяйстве, пути развития и вынуждены были искать новые точки экономического роста. Именно в это время «магдебургское» или «галле-магдебургское право» сложилось в отдельную отрасль особенных прав свободных городских общин.

Примеры подобных городских общин были хорошо известны в средневековой Италии. На их основе образовались и в дальнейшем успешно развивались такие республики, как Венеция, Флоренция и Генуя. Но именно в Германии, активно включившейся в международную торговлю на рубеже XII- XIII вв. и пережившей в XIII в. так называемую коммунальную революцию, произошло институционное оформление феномена «магдебургского права». Бурный рост ремесла и торговли в средневековых германских городах, в значительной степени связанный с крестовыми походами, привел к их постепенному освобождению от власти сюзеренов.

Самоуправление городских общин возникло и развивалось на основе привилегий, которые в большинстве случаев просто покупались горожанами у сеньоров. Сущность этих привилегий заключалась в том, что город исключался из общей подсудности и освобождался от власти сеньора, как самостоятельная самоуправляющаяся община с собственным судом и органами власти. Города обретали собственную территорию, правила общего управления, правила организации ремесла и торговли. В них устанавливались ярмарочные дни, а главное, юридически оформлялись взаимоотношения горожан и бывшего владельца. Стоит подчеркнуть, что все жители города, как имеющиеся на момент получения привилегий, так и будущие горожане считались лично свободными [1. С. 38].

Важным письменным источником магдебургского права стало Саксонское зеркало, составленное в 1220-е годы. Это было первое универсальное законодательство, которое можно было применить в любом городе и которое было основано на свободе экономических отношений и праве города на самоуправление. Именно поэтому магдебургское право получило быстрое распространение в вольных городах Германии, а затем вышло за ее пределы. Следует подчеркнуть, что магдебургское право не было единственным видом городского права в Германии. Аналогичное по своему содержанию и принципам городское право Любека получило свое распространение в городах Ганзейского союза [2. С. 20-21].

Самоуправление городских общин возникло и развивалось путем привилегий, которые в большинстве случаев просто покупались горожанами у сеньора. Сущность этих привилегий заключалась в том, что город исключался из общей подсудности сеньориальному суду и выходил из-под власти своего господина, как самостоятельная община с собственным судом и управлением. В городе определялись правила торговли и четко фиксировались взаимоотношения горожан и владельца, причем все жители города как настоящие, так и будущие считались лично свободными. Венцом развития городских прав в средневековой Германии стало признание за городом права внутренней законодательной

деятельности. Так, к концу XIII века в Германии сформировалось юридическое понятие города как общины свободных людей, проживающих в укрепленном месте, с правом собственной юрисдикции и самоуправления, ярмарочным правом, правом торговым и ремесленным [4. С. 136].

С системой любеческого права с момента его появления были достаточно хорошо знакомы жители русских земель, имевших республиканскую форму правления (Новгород, Псков, Вятка). В этих Републиках существовало много похожих институтов. После распада некогда мощного, а к XIII веку политически разобщенного государства – Киевской Руси, постепенно оформились, сосуществовали, соперничая и враждуя две противоположных по своей политической природе Руси: Русь Московская и Русь Литовская. Магдебургское право пришло в литовские земли из Польши, в городах которой уже в XV веке действовало реципированное немецкое право. В Литовском государстве первой магдебургское городское устройство получила великокняжеская столица – город Вильно. В течение следующего столетия магдебургское право приобрели еще 10 крупнейших городов [4. С. 136]. Для решения важных вопросов в этих городах собиралась сходка всех горожан – громада. Для управления городом избиралась Рада – совет во главе с бургомистром и лавничий суд во главе с войтом. Иногда в некоторых городах создавалась еще и третья, не предусмотренная магдебургским правом коллегия – Совет тридцати или сорока выборных от цехов, которая контролировала Раду в деле управления городскими финансами и благоустройства [4. С. 136].

Долгое время восточнорусская и западнорусская правовые системы и традиции существовали и развивались параллельно. По мере вхождения в состав Российской империи западные русские земли постепенно переходили в иное правовое поле и иную политическую действительность. Однако традиции магдебургского права так же, как и сама идея самоуправления свободных городских общин не были полностью утрачены.

В процессе подготовки и реализации Губернской реформы 1775 года город был выделен императрицей в качестве административно-территориальной единицы, обрел юридический статус и собственную территорию. Екатериной был утвержден перечень всех городов России, определены штаты органов городского управления, разработаны и утверждены гербы городов и планы их застройки [6. С. 173, 177, 223-236].

Следует отметить, что с момента образования наместничеств города получали условия наибольшего благоприятствования. Особенно это касалось вновь учрежденных административных центров, где еще только предстояло создать устойчивый экономический потенциал. Упрощенная запись в посадскую общину новых городов не только способствовала

численному росту городского населения, но и притоку значительного капитала. Кроме того, были упорядочены экономические связи города и деревни, в каждом вновь учрежденном городе официально устанавливались дни еженедельных и годовых ярмарок, что, безусловно, способствовало усилению товарообмена городских центров с сельской округой.

В 1785 г. Екатерина Великая издает «Грамоту на жалующие от ее величества права и выгоды городам Империи Всероссийской», одним из важнейших источников которой стали памятники магдебургского права [3. С. V-VI]. «Жалованная грамота городам» определила статусы органов городского самоуправления горожан как сословия, а также отдельных групп городского населения. Она установила основные источники городских доходов. Появилось понятие «городовые обыватели», которые наделялись правом «составлять городское общество», собирать городские собрания, избирать общую городскую думу, а также городского голову, бургомистров, ратманов и других должностных лиц [6. С. 68-129].

Органы городского самоуправления наделялись достаточно широкими полномочиями. Они ведали вопросами благоустройства, санитарного состояния города, продовольственного обеспечения, развития торговли, промышленности, а также образования и здравоохранения. Горожане получили и собственный сословный суд. Грамота дала серьезные привилегии торгово-промышленной части городского населения, что, безусловно, способствовало быстрому развитию городов как экономических центров страны.

Магдебургское право было отменено на территории Российской империи в 1831 году Указом императора Николая I (кроме Киева, где оно сохранялось до 1835 г.). Однако традиции местного самоуправления полностью утрачены не были. Они вновь стали востребованы в период подготовки и проведения Великих реформ второй половины XIX века. Идея свободной самоуправляющейся городской общины ляжет в основу разработки Городской реформы, когда, по меткому замечанию В.В. Марасановой, в России будет «предпринята первая попытка создания всесословной модели городского управления» и начаты «поиски оптимальной структуры городских учреждений» [5. С. 124].

Перманентное реформирование, проводимое в нашей стране на протяжении десятилетий, направлено на обновление государственно-правовой и политической систем общества и ориентировано на европейские стандарты. Однако непродуманные заимствования отдельных элементов чужих государственно-правовых институтов приводят к появлению нежизнеспособных правовых норм и учреждений. В связи с этим, заметную актуальность приобретает осмысление исторических корней многих государственно-правовых конструкций. Возвращение

научного интереса к базовым принципам и нормам магдебургского права, безусловно, поможет современным реформаторам в их попытках создать адекватную современным условиям систему местного самоуправления.

Литература

1. Амплеева Т.Ю. Первый Литовский статут. М., 1999.
2. Ветютнев Ю.Ю. Городские стены и правовая форма //Город как явление социокультурной и экономико-правовой реальности. Международная научно-практическая конференция. СПб., 2008.
3. Кизеветтер А.А. Городовое положение Екатерины II. М., 1909.
4. Любавский М.К. Очерки истории Литовско-русского государства. М., 1910.
5. Марасанова В.В. Опыт городского общественного управления 1870-1890-х годов в России: от законодательства к правоприменительной практике // Право и управление. XXI век. 2015. № 3 (36).
6. Российское законодательство X-XXвеков. В 9-ти т.Т.5. Законодательство периода расцвета абсолютизма. М., 1987.

ПРОБЛЕМЫ СОТРУДНИЧЕСТВА ПО ГРАЖДАНСКИМ ДЕЛАМ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ В УСЛОВИЯХ ОБОСТРЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАПРЯЖЕННОСТИ

Советский Союз как субъект международного права перестал существовать 8 декабря 1991 г. В этот день, как известно, в Вискули (Беларусь) руководители России, Украины и Белоруссии подписали «Беловежское соглашение» о создании Содружества Независимых Государств, открытое для присоединения бывших советских республик и иных государств. В течение декабря 1991 г. о присоединении к СНГ заявили Киргизия, Армения, Казахстан, Таджикистан, Туркмения, Узбекистан. В результате 21 декабря 1991 г. в Алма-Ате главы одиннадцати государств подписали Декларацию, в которой провозгласили следующее: «Взаимодействие участников Содружества будет осуществляться на принципе равноправия через координирующие институты, формируемые на паритетной основе и действующие в порядке, определяемом соглашениями между участниками Содружества, которое не является ни государством, ни надгосударственным образованием».

9 декабря 1993 г. Устав СНГ ратифицировала Грузия, Азербайджан – 24 декабря т.г., Молдавия – 26 апреля 1994 г. соответственно.

Согласно ст. 2 Устава СНГ, целями Содружества являются: осуществление сотрудничества в политической, экономической, экологической, гуманитарной, культурной и иных областях; создание общего экономического пространства; обеспечение прав и основных свобод человека в соответствии с общепризнанными принципами международного права и документами СБСЕ; сотрудничество между государствами-членами в обеспечении международного мира и безопасности и осуществлении разоружения; содействие гражданам государств-членов в свободном общении, контактах и передвижении в Содружестве; взаимная правовая помощь и сотрудничество в других сферах правовых отношении; мирное разрешение споров и конфликтов между государствами Содружества.

За свою историю существования государства-участники СНГ заключили сотни соглашений, которые охватили практически все направления их взаимодействия, в том числе и сотрудничество по гражданским делам.

В данной сфере основополагающими документами стали Минская (1993 г.) и Кишиневская (2002 г.) конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам. Обе конвенции охватывают *судебную* (подсудность, взаимосвязь судебных

процессов, вывоз свидетелей, потерпевших, гражданских ответчиков, их представителей, экспертов, вручение документов, признание и исполнение решений) и *внесудебную* (личный статус, предоставление информации по правовым вопросам, установление адресов и других данных, пересылка документов о гражданском состоянии, признание безвестно отсутствующим и объявление умершим, установление факта смерти, заключение и расторжение брака, правоотношения супругов, установление и оспаривание отцовства или материнства, правоотношения родителей и детей, опека и попечительство, усыновление, сделки, доверенность, возмещение вреда, наследование) сферы правовой помощи.

Помимо Минской и Кишиневской конвенций отдельные государства-участники СНГ заключили между собой еще и двусторонние договоры и правовой помощи:

- Договор между Российской Федерацией и Азербайджанской Республикой о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 22 декабря 1992 г.;

- Договор между Российской Федерацией и Республикой Грузия о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 15 сентября 1995 г. (до настоящего времени не ратифицирован);

- Договор между Российской Федерацией и Республикой Молдова о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 25 февраля 1993 г.;

- Договор между РФ и Республикой Кыргызстан о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 14 сентября 1992 г.

Некоторые вопросы правовой помощи по гражданским делам нашли закрепление в иных двусторонних договорах, в числе которых:

- Соглашение между Российской Федерацией и Республикой Армения по вопросам юрисдикции и взаимной правовой помощи по делам, связанным с нахождением российской военной базы на территории Республики Армения от 29 августа 1997 г.;

- Соглашение между Российской Федерацией и Республикой Беларусь по вопросам юрисдикции и взаимной правовой помощи по делам, связанным с временным пребыванием воинских формирований Российской Федерации из состава Стратегических Сил на территории Республики Беларусь от 6 января 1995 г.;

- Соглашение между Российской Федерацией и Республикой Таджикистан по вопросам юрисдикции и взаимной правовой помощи по делам, связанным с пребыванием воинских формирований Вооруженных Сил Российской Федерации на территории Республики Таджикистан от 21 января 1997 г.

Говоря о регулировании правовой помощи по гражданским делам в рамках СНГ нельзя не упомянуть универсальные международно-правовые механизмы, закрепленные рядом конвенций Гаагской конференции по международному частному праву.

Так, 1 марта 1954 г. была принята Гаагская конвенция по вопросам гражданского процесса, которую Советский Союз ратифицировал в 1966 г. В настоящее время Российская Федерация, как его правопреемница в международных обязательствах, продолжает участие в данной конвенции. Однако в 1966 г. Конвенцию наряду с СССР ратифицировали в качестве самостоятельных субъектов международного права также Украина и Белоруссия, что в тот исторический период было объективной необходимостью для усиления позиций «социалистического лагеря» на международной арене.

В 1993 г. Гаагскую конвенцию по вопросам гражданского процесса ратифицировала Молдова, в 1996 г. – Узбекистан, Киргизия и Армения.

Таким образом, перечисленные государства-участники СНГ являются полноправными членами данной универсальной международной Конвенции и могут в полной мере реализовывать закрепленный в ней механизм оказания взаимной правовой помощи по гражданским делам в целях защиты прав своих граждан. Что же касается Грузии, Азербайджана, Казахстана, Таджикистана и Туркменистана, то для них сотрудничество по направлениям, урегулированным Гаагской конвенцией 1954 г. (вручение судебных и внесудебных документов, направление и исполнение судебных поручений, оказание бесплатной правовой помощи, бесплатная выдача выписок из актов записи гражданского состояния и др.), возможно либо в рамках международных двусторонних договоров о правовой помощи и правовом сотрудничестве, либо путем договоренности компетентных органов по каждому конкретному делу.

Гаагская конференция по международному частному праву приняла среди прочих еще две базовые для международного сотрудничества по гражданским делам конвенции, которые были ратифицированы лишь немногими государствами-участниками СНГ.

Так, к Гаагской конвенции о вручении за границей судебных и внесудебных документов по гражданским или торговым делам от 15 ноября 1965 г. из бывших советских республик присоединились только Россия в 2001 г., Украина в 2001 г. и Беларусь в 1998 г.

А к Гаагской конвенции о получении доказательств за границей по гражданским и торговым делам от 18 марта 1970 г. из государств-участников СНГ присоединилась лишь Россия - в 2001 г.

В последние годы обстановка на международной арене резко обострилась. Все более укрепляющаяся система «двойных стандартов» пытается свести на «нет» сложившиеся в предыдущие десятилетия

взаимоотношения государств, основанные на общепризнанных принципах и нормах международного права. Более того, не редки высказывания, в которых под сомнение ставится даже сама целесообразность дальнейшего существования ООН, как гаранта стабильности и безопасности в мире. Отсутствие конструктивного диалога между государствами, игнорирование положений ратифицированных международных договоров ни в коей мере не способствуют эффективной охране прав и свобод человека. [1. С. 112-113; 2. С. 1105-1111].

Подобные тенденции не могли не сказаться на взаимоотношениях государств-участников СНГ. «Пятидневная война» на территории Южной Осетии в августе 2008 г. обострила напряженность между Россией и Грузией, вооруженный конфликт на востоке Украины 2014 г. – соответственно отношения России и Украины, России и отдельных зарубежных государств. Сначала Грузия, а затем и Украина заявили о выходе из СНГ.

Напомним, что согласно ст. 9 Устава СНГ, «государство-член вправе выйти из Содружества. О таком намерении государство-член извещает письменно депозитария настоящего Устава за 12 месяцев до выхода».

14 августа 2008 г. Парламент Грузии принял постановление о прекращении действия в отношении Грузии «Соглашения о создании Содружества Независимых Государств» от 8 декабря 1991 г. 18 августа 2008 г. МИД Грузии направило Исполнительному комитету СНГ ноту, в которой сообщалось о данном решении. Свое решение Грузия мотивировала тем, что «в августе 2008 г. государство-участник СНГ - Россия осуществила военную агрессию против другого государства-участника СНГ - Грузии, оккупировала неотъемлемые части территории Грузии, совершила этническую чистку и признала т.н. «независимость» созданных ею же марионеточных режимов на оккупированных территориях» [3].

Соответственно через год - 18 августа 2009 г. – завершилась процедура выхода Грузии из СНГ.

Что касается Украины, то здесь ситуация неоднозначна и противоречива. Как известно, она так и не ратифицировала Устав СНГ. Вместе с тем Украина являлась государством-учредителем и государством-участником СНГ [8].

19 марта 2014 г. украинский Совет национальной безопасности и обороны принял решение о прекращении председательства Украины в СНГ и заявил о начале процесса выхода из Содружества.

В настоящий момент на официальном сайте СНГ [4] размещена информация о действующем членстве Украины в Содружестве.

Сложившаяся ситуация требует понимания дальнейших путей развития сотрудничества на постсоветском пространстве по многим направлениям, в том числе и по гражданским делам.

Согласно п. 2 ст. 1 Венской конвенции о праве международных договоров от 23 мая 1969 г., «договор» означает международное соглашение, заключенное между государствами в письменной форме и регулируемое международным правом, независимо от того, содержится ли такое соглашение в одном документе, в двух или нескольких связанных между собой документах, а также независимо от его конкретного наименования».

Ст. 63 той же Конвенции регулирует вопрос действия международных договоров при разрыве дипломатических или консульских отношений: «Разрыв дипломатических или консульских отношений между участниками договора не влияет на правовые отношения, установленные между ними договором, за исключением случаев, когда наличие дипломатических или консульских отношений необходимо для выполнения договора» [5].

В случае выхода из СНГ того или иного государства-члена, прекратится его участие и в региональных международных конвенциях (применительно к исследуемой проблематике - это Минская конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам) [7].

Основой для дальнейшего сотрудничества в данной сфере будут являться Гаагские конвенции по вопросам гражданского процесса 1954 г., о вручении за границей судебных и внесудебных документов по гражданским или торговым делам 1965 г., о получении доказательств за границей по гражданским и торговым делам 1970 г.

Если же государством-бывшим членом СНГ данные международные акты не ратифицированы, то, как сложилось в международной практике, правовая помощь по гражданским делам станет возможна лишь по достижении договоренности между внешнеполитическими ведомствами договаривающихся государств по каждому конкретному запросу. Понятно, что в подобной ситуации защита нарушенных или оспариваемых прав и законных интересов граждан не гарантирована, поскольку только ратифицированный государством международный договор делает безусловными принятые им на себя соответствующие международные обязательства [6].

Литература

1. Григорьева О.Г. Особенности международного правового сотрудничества в условиях кризисных проявлений в международных отношениях // Право и управление. XXI век. 2014. № 2.

2. Логвинова И.В. Правовые основания делегирования нормотворческих полномочий Правительства Российской Федерации // Право и политика. 2015. № 8.
3. РИА Новости <http://ria.ru/politics/20090818>
4. <http://www.cis.minsk.by>
5. http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/law_treaties.shtml
6. Григорьева О.Г. Международная правовая помощь по гражданским делам в отсутствие международного договора: исторический аспект // Право и управление. XXI век. 2010. № 4.
7. Енгибарян Р.В. Россия - Украина 2014 год: современный вектор отношений // Право и управление. XXI век. 2014. № 3.
8. Енгибарян Р.В. Упущенные возможности. Судьба и деяния реформатора Михаила Горбачева // Право и управление. XXI век. 2011. № 1.

ТЕРРОРИЗМ КАК АКТОР МЕЖДУНАРОДНОГО ВЛИЯНИЯ НА НАЦИОНАЛЬНУЮ СИСТЕМУ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

Говоря о влиянии международных акторов на национальную систему государственного управления, невозможно не упомянуть о таком важнейшем и опаснейшем акторе как терроризм, являющимся угрозой национальной и международной безопасности, а также предметом самого пристального внимания со стороны государственных деятелей, военных и академических кругов.

В последнее время, активизировались террористические организации различной идейно-политической направленности, целого ряда значительных по их возможностям акторов терроризма, которые претендуют на роль самостоятельных национальных или международных политических сил. Эти структуры, чаще всего, располагают значительной и достаточно стабильной финансовой базой и большими человеческими ресурсами как в стране обоснования, так и за рубежом. В первую очередь, это относится к целому ряду исламистских и этно-националистических террористических организаций, таких как «Аль-Каида», «Братья мусульмане», «Движение Талибан», «Исламское государство» и пр. Они обладают возможностями нанесения особо тяжкого ущерба государствам – объектам их террористических целей.

В современном мире существуют проявления государственного терроризма, связанные с попытками устранения глав иностранных государств и других политических деятелей, с акциями, направленными на свержение правительств государств, создания паники среди населения стран и т.д. Терроризм часто является способом достижения целей на мировой арене и в международных отношениях, которые не могут быть осуществлены какими-либо иными методами. В современных условиях формы террористической деятельности становятся все более сложными и входят во все большее противоречие с общечеловеческими ценностями и логикой мирового развития. Подготовка террористического акта, механизм его осуществления, объемы финансирования, глубина и степень воздействия на общество – всё стало более масштабным. Этому в немалой степени способствует глобализация мировой экономики, развитие коммуникаций, совершенствование информационных технологий.

В результате возникновения и деятельности в системе современного терроризма террористических формирований такой силы и масштаба международное сообщество в целом и отдельные государства оказываются

перед острой необходимостью выработки эффективной стратегии борьбы с терроризмом.

Россия одной из первых столкнулась с терроризмом в его современных, самых острых формах. Жестокий террористический акт в городе Беслане, гибель в результате него сотен невинных людей, включая огромное количество детей, подтверждает тот факт, что современный терроризм полностью вышел за рамки человечности. Поэтому Россия одна из первых среди государств мира приняла адекватные меры по борьбе с терроризмом. Эти меры включали в себя: создание механизмов руководства антитеррористической деятельностью на федеральном уровне, формирование органов координации субъектов антитеррористической деятельности, выработку основных форм участия органов исполнительной власти в борьбе с терроризмом и др. Однако в современных условиях принятых ранее мер для противодействия терроризму недостаточно – они носили в ряде случаев непоследовательный характер, а также не в достаточной степени отражали необходимость учёта изменений в самой системе терроризма.

В действующем Уголовном кодексе Российской Федерации есть ст. 205, которая относит терроризм к группе преступлений против общественной безопасности и понимает под ним «совершение взрыва, поджога или иных действий, создающих опасность гибели людей, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных общественно опасных последствий, если эти действия совершены в целях нарушения общественной безопасности, устрашения населения либо оказания воздействия на принятие решений органами власти», а также угрозу «совершения указанных действий в тех же целях».

В 2006 году был принят новый Федеральный закон «О противодействии терроризму» №35 – ФЗ. Настоящий федеральный закон устанавливает основные принципы противодействия терроризму, правовые и организационные основы профилактики терроризма и борьбы с ним, минимизации и ликвидации последствий проявления терроризма, а также правовые организационные основы применения Вооруженных Сил Российской Федерации в борьбе с терроризмом. В законе содержится важное положение, посвященное международному сотрудничеству России в области борьбы с терроризмом. Эта норма полностью отвечает Резолюции 1624 Совета Безопасности ООН 2005 года, призывающей наращивать антитеррористические усилия на международном уровне.

В 2009 году указом Президента Российской Федерации была принята «Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года», в которой среди основных источников угроз национальной безопасности называется «деятельность террористических организаций, группировок и отдельных лиц, направленная на насильственное изменение

основ конституционного строя РФ, дезорганизацию нормального функционирования органов государственной власти (включая насильственные действия в отношении государственных, политических и общественных деятелей), уничтожение военных и промышленных объектов, предприятий и учреждений, обеспечивающих жизнедеятельность общества, устрашение населения, в том числе путем применения ядерного и химического оружия либо опасных радиоактивных, химических и биологических веществ ...».

Проблема противодействия международному терроризму стала приоритетным направлением внешней политики России. Это закономерно и стратегически обоснованно, так как эффективнее бороться с терроризмом в точке его локализации и предотвратить его распространение в другие страны, в том числе проникновение в Россию. Сегодня Российская Федерация оказывает военно-техническую помощь Ирану, Сирии и другим странам региона, которые ведут борьбу с террористическими группировками.

Россия призывает мировое сообщество к тому, чтобы борьба с терроризмом не превращалась в предлог для реализации своих геополитических задач, наращивания военных потенциалов или насильственного реформирования суверенных государств. Так, Глава МИД, Сергей Лавров отмечает, что борьба с терроризмом «должна вестись без двойных стандартов», нельзя «делить террористов на плохих и хороших, предполагать, что с кем-то из этих «плохих» экстремистски настроенных людей можно взаимодействовать для достижения каких-то конкретных конъюнктурных геополитических целей» [1].

Владимир Путин в своём выступлении на 70-й сессии Генассамблеи ООН предложил «руководствоваться не амбициями, а общими ценностями и общими интересами; на основе международного права объединить усилия для решения стоящих перед нами новых проблем и создать по-настоящему широкую международную антитеррористическую коалицию. Она могла бы сплотить в своих рядах самые разные силы, готовые решительно противостоять тем, кто, как и нацисты, сеют зло и человеконенавистничество» [2].

Итак, для эффективного противодействия международному терроризму необходимо выстроить государственную стратегию. Придерживаясь позиции ряда учёных [3],[4],[5],[6],[7] предлагаем следующие основные пункты этой стратегии:

- 1) Создание системы прогнозирования и диагностики конфликтной напряжённости на той или иной территории. Выявление экономических, политических, идеологических факторов, провоцирующих возникновение терроризма и осуществление мер по профилактике террористической угрозы.

2) Совершенствование нормативно-правовой базы в отношении деятельности террористических организаций и организаций, пропагандирующих экстремистские идеи и межнациональную/межконфессиональную рознь. Усиление контроля за деятельностью СМИ по указанным выше направлениям.

3) Координация правоохранительных органов и спецслужб с общественными организациями и религиозными объединениями, их взаимодействие по общим антитеррористическим задачам.

4) Разработка мер по укреплению российской государственности и политической стабильности, что подразумевает создание единого политического, экономического, правового и культурно-информационного пространства, улучшение качества жизни населения, устранение социального неравенства, защита прав и свобод граждан.

5) Разработка мер по противодействию коррупции и пресечению финансирования террористической деятельности.

6) Принятие мер по гармонизации межнациональных и межконфессиональных отношений, формированию общенациональной идеологии, повышению уровня антитеррористического сознания, распространению традиционного ислама и запрет на его экстремистские враждебные формы.

7) Устранение противоречий и дефицита доверия в международном антитеррористическом взаимодействии. Выработка единого решения по вопросам о самоопределении народов и целостности государства, а также по вопросам различия между гражданской войной и терроризмом, захвата власти нелегитимным путём и сменой власти конституционно-правовым методом.

8) Интеграция правовых институтов международной системы безопасности в российское политико-правовое поле.

Литература

1. Интервью Сергея Лаврова программе «Воскресное время». 13 сентября 2015 года.

2. 70-я сессия Генассамблеи ООН 28 сентября 2015 года, Нью-Йорк.

3. Данилейко В.В. Теоретико-правовые проблемы обеспечения национальной безопасности России: Дисс. канд. юрид. наук СПб., 2010.

4. Семченков А.С. Противодействие современным угрозам политической стабильности в системе обеспечения национальной безопасности России: Дисс. канд. полит. наук, М., 2012.

5. Щекочихина Т.Н. Терроризм как угроза национальной безопасности России: концептуальные основы, политика противодействия: Дисс. канд. полит. наук, М., 2008.

6. Просяник В.В. Основные направления государственной политики России в сфере обеспечения безопасности: проблема сохранения национальной культуры: Дисс. канд. полит. наук, СПб., 2013.

7. Алибеков М.Г. Национальная безопасность России и противодействие международному терроризму: Дисс. канд. юрид. наук, М. 2011.

ТРАНСФОРМАЦИЯ МЕХАНИЗМА РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА КАК ОТВЕТ НА МЕЖДУНАРОДНЫЕ ВЫЗОВЫ

Ученые давно заметили усиливающиеся влияние межгосударственных отношений, международных организаций, норм и принципов международного права на внутреннюю жизнь государства, что обусловлено глобализацией и происходящими в мире интеграционными процессами. Идет сближение правовых систем и постоянная рецепция норм иностранного права. За последний год мы стали свидетелями значительных сдвигов, произошедших в политической сфере, законодательстве, государственном управлении и правовом регулировании. Эти изменения зачастую происходили параллельно крупным международным потрясениям и в ответ на них.

Являясь одним из ведущих игроков на международной арене, Россия столкнулась с рядом глобальных кризисов: это события на Юго-Востоке Украины, война в Сирии, угроза ИГИЛ и терроризма в целом, санкционное давление и попытки «изоляции» нашей страны. Трансформация системы миропорядка повлекла за собой перемены в механизме российского государства. Образовались новые органы власти, в состав страны вошли новые субъекты, изменения претерпела внутренняя и внешняя политика и т.д.

Механизм государства – это «система государственных органов, учреждений и предприятий, реализующих на практике задачи и функции государства»[1. С. 198], а также процедуры принятия и исполнения управленческих решений. Другими словами, механизм государства – это организационная структура государственного управления. Являясь средством реализации стоящих перед государством функций, целей и задач, механизм меняется вслед за изменением последних. Сегодня на первое место вышли задачи улучшения инвестиционного климата, поддержки инноваций, стимулирования производства и роста внутреннего потребления и т.д., все это служит главной цели – оживления экономики, вступившей в фазу рецессии. Как следствие, возросло значение таких функций государства, как: поддержание социальной и политической стабильности, обороны, экономического развития.

О новых приоритетах внутренней политики говорится в высшем руководстве нашей страны. Д.А. Медведев отмечает необходимость качественных сдвигов в эффективности государственного управления. По словам Премьера: «предстоит сформировать систему ответственности различных уровней и органов власти за принимаемые решения. Оценка чиновников и финансирование программ должны быть привязаны к

конкретным результатам. Система принятия решений должна приобрести целостный и последовательный характер, с тем чтобы тактические решения не вступали бы в противоречие с заявленными долгосрочными ориентирами» [2].

Сегодня, можно выделить ряд тенденций развития механизма российского государства, обусловленных событиями на международной арене:

- «мобилизация» управленческого аппарата;
- укрепление модели «административного феодализма»;
- повышение роли «силовых» ведомств;
- оптимизация государственного аппарата.

Под термином «мобилизация», в данном контексте, понимается морально-идеологическое сплочение управленческого аппарата и ускоренное осуществление им комплекса антикризисных мероприятий в связи с экстраординарными обстоятельствами. Государственное управление приобретает все больше признаков антикризисного управления. Эта тенденция ярко проявилась при вхождении Республики Крым и г. Севастополя в состав Российской Федерации, когда в короткий срок была проделана огромная работа по изменению действующих и принятию множества новых нормативно-правовых актов. Удалось решить ряд первоочередных инфраструктурных проблем, обеспечить полуостров мобильной связью и «запустить» банковскую систему. Были созданы новый федеральный округ и Министерство по делам Крыма, упраздненное после окончания переходного периода. Впервые в новейшей истории реализована предусмотренная Конституцией возможность использования Вооруженных сил за рубежом (причем дважды: на Украине и в Сирии).

О «мобилизации» свидетельствует активная работа государственных органов по привлечению инвестиций в экономику и поиску новых рынков сбыта отечественной продукции. Рассмотрим данную ситуацию на примере Красноярского края. Международные и внешнеэкономические связи региона поставлены в прямую зависимость от нужд экономики, разрабатываются региональные программы развития экономических связей с ключевыми иностранными партнерами. Для решения задач привлечения инвестиций – создано министерство экономического развития, инвестиционной политики и внешних связей. Официально объявлен курс на активизацию сотрудничества со странами АТР, не присоединившимися к санкциям против нашей страны. Совместно с МИД России начат процесс обновления соглашений с иностранными партнерами. Фактически ситуация на международной арене привела к изменению экономической политики Красноярского края и повлияла на оптимизацию структуры органов власти. Схожие процессы можно наблюдать в других субъектах России и на федеральном уровне в целом.

В то же время государственное управление продолжает строиться в русле централизации власти. Произошла консолидация правящей элиты вокруг Президента, что напрямую связано с геополитическими факторами. Инструментом укрепления административной вертикали является существующая бюджетная система, ставящая нижестоящие звенья бюрократической машины в жесткую финансовую зависимость от вышестоящих.

Возросло влияние государства на местное самоуправление, прежде всего вследствие принятых в 2014 году изменений в Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», предоставивших субъектам Российской Федерации возможность отмены прямых выборов глав муниципальных образований.

Вторая тенденция – **укрепление «административного федерализма»** тесным образом связана с предыдущей. «Административный федерализм» представляет собой модель разграничения полномочий между центром и частями федеративного государства, при которой в законодательстве просматриваются унитаристские подходы с ярко выраженной тенденцией на сужение полномочий органов власти субъектов. Разрешительный тип остается основным типом правового регулирования сферы совместного ведения, когда речь идет о полномочиях субъектов Российской Федерации, что прослеживается и в других актах компетенционной системы. Например, в Бюджетном кодексе, который, по мнению ряда конституционалистов, «не содержит четкой и сбалансированной модели бюджетного федерализма, по сути, закрепляя межбюджетные отношения унитарного государства» [4. С. 9].

Неблагоприятная экономическая конъюнктура, вызванная в том числе международной напряженностью, привела к сокращению собственных доходов субъектов Российской Федерации, чем поставила их в большую зависимость от федерального центра, в ведении которого находятся все те сферы и полномочия, которые обладают большой значимостью и позволяют регулировать высокодоходные процессы взаимодействия людей.

В свете внешних факторов можно наблюдать **повышение роли «силовых» ведомств**. Об этом свидетельствует рост ассигнований на содержание соответствующих органов исполнительной власти и в целом на обеспечение безопасности государства. Так, доля расходов федерального бюджета по разделу «Национальная оборона» в январь-августе текущего года составила 12,1% от общего объема (в аналогичный период 2014г. – 10,7%, в 2013г – 9%).

Вместе с тем влияние внешних факторов и экономические трудности внутри страны вынуждают искать пути **«оптимизации государственного**

аппарата». Было проведено масштабное сокращение государственных служащих. Сегодня активно разрабатываются планы перестройки правительства и всей системы органов исполнительной власти, так в РСПП предложили радикально сократить число министерств доведя их до семи, все чаще звучат призывы о «возвращении» в состав МВД Миграционной службы и Госнаркоконтроля, слияния Минэнерго и Минприроды и т.д. Кроме того, запущен процесс перестройки системы контрольно-надзорных органов с изменением порядка их работы, с условием сокращения проверочных мероприятий.

Наконец, благодаря внешнему давлению на нашу страну, в том числе посредством международных судебных и арбитражных институтов, поставлена точка в «споре» о *соотношении внутреннего российского права и международного права*, в том числе актов ЕСЧП.

Являясь активным участником международных процессов, а также экспортно-ориентированной экономикой, наша страна в большой степени зависима от международных акторов. Ответом на внешние вызовы становится трансформация структуры органов управления и изменение целей и задач органов государственной власти. Сегодняшний международный кризис, вызванный событиями в соседней Украине и на Ближнем Востоке показывает необходимость еще более масштабных мер антикризисного государственного управления. Шагами в этом направлении должны стать формирование новой идеологической основы государственного управления [З. С. 141] и реформа механизма российского государства в русле сокращения дублирующих друг друга и неэффективных госструктур, отмены избыточных и непрофильных функций.

Литература

1. Енгибарян Р.В., Краснов Ю.К. Теория государства и права. М. 2014.
2. Медведев Д.А. Новая реальность: Россия и глобальные вызовы// Российская газета. 2015. № 6785 (214) // <http://www.rg.ru>.
3. Охотский Е.В. Государственное управление в кризисной ситуации // Межсекционный сборник № 4 «Право и управление» (Материалы VIII Конвента РАМИ, апрель 2014 г.): научное издание / Под ред. А.Н. Вылегжанина, Е.В. Охотского, Д.В. Иванова. М., 2014.
4. Першин Е.В., Глигич-Золотарева М.В. Актуальные вопросы разграничения компетенции между Российской Федерацией и субъектами Российской Федерации // Государственная власть и местное самоуправление. 2008. № 2.

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ КОРРУПЦИИ: НЕКОТОРЫЕ ПРАВОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

Коррупция давно перестала быть сугубо национальным феноменом, даже те государства, в системе государственного управления которых коррупция является традиционной, все в большей степени вовлекаются в различные международные антикоррупционные инициативы, проводимые под эгидой ООН, ОЭСР³⁶¹, ГРЕКО³⁶² и др. Необходимость международного сотрудничества в области противодействия коррупции обусловлена объективным процессом - глобализацией. Коррупционные правонарушения приобрели ярко выраженный международный характер, отсюда используются как национальные, так и международные инструменты противодействия [3. С. 15-33].

Коррупция разрушает системы государственного управления, угрожает многим отраслям межгосударственного сотрудничества, связана с отмыванием денег, терроризмом, должностными преступлениями и пр. В связи с этим коррупционные деяния криминализуются и возводятся в ранг преступления международного характера. Этим объясняется внимание к коррупции со стороны ООН и ее специализированных учреждений, международных финансовых учреждений (МВФ, Всемирного банка и др.). Многие национальные и международные организации, в частности организации системы ООН, непосредственно столкнулись с проблемой коррупции при осуществлении собственной деятельности (в сфере закупок и др.). Первой антикоррупционной конвенцией Европейского союза стала Конвенция о защите финансовых интересов Европейского сообщества от 26 июля 1995 года.

Международное сотрудничество в области противодействия коррупции осуществляется на всех уровнях: глобальном, региональном и национальном. Этот процесс позитивен, но объективно порождает определенную несогласованность и дублирование функций. Многие стандарты, рекомендации, кодексы поведения и конвенции содержат отличающиеся определения коррупции и используют различные терминологические, систематические и доктринальные подходы. Государства, связанные многими международными документами в сфере борьбы с коррупцией, вынуждены осуществлять синтез их положений, отсюда проблемы с инкорпорацией текстов в национальные правовые

³⁶¹ Организация экономического сотрудничества и развития.

³⁶² Группа государств по борьбе с коррупцией.

системы, необходимость постоянного процесса гармонизации законодательства.

Например, в российском законе № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» остается некриминализованным существенный сегмент коррупционных правонарушений, предусматривающих выгоду нематериального характера (неправомерные преимущества). Это положение представляется неприемлемым, тем более что Россия присоединилась к ГРЕКО в 2007 году, ратифицировала 4 октября 2006 года европейскую Конвенцию об уголовной ответственности за коррупцию.

В соответствии с рекомендациями ГРЕКО речь идет о том, чтобы считать взяткой не только деньги или другие выгоды, имеющие денежную стоимость, но и вообще любые преимущества нематериального характера. По оценке ГРЕКО в понятие взятки должны быть включены и «нематериальные преимущества, рыночную стоимость которых невозможно установить - например, позитивные отзывы в прессе, повышение по службе или предоставление возможностей по работе, выдачу дипломов, оказание сексуальных услуг и т.д.». Таким образом, необходимо введение юридической (уголовной, административной) ответственности за так называемую «торговлю влиянием» - когда человек получает деньги за возможность повлиять на публичное лицо. Кроме того, необходимо, – по рекомендациям ГРЕКО, - включить в понятие взятки получение должностным лицом выгод не только для себя и своих близких, но и для любых других третьих лиц, включая юридические лица [1. 224 с.].

Современные меры борьбы с коррупцией, разнообразны: административные меры (финансовый контроль), регулирование банковской деятельности (возложение на финансовые учреждения обязанностей по идентификации клиентов и источников дохода), меры гражданской ответственности, регулирование государственной службы. Антикоррупционные документы в области государственного управления зачастую закрепляют метаюридические нормы, в частности этические и профессиональные стандарты, которые в том числе обращаются к тематике «доверия и недоверия» руководителям исполнительных органов власти.

Международные организации в своей антикоррупционной деятельности постоянно совершенствуют сотрудничество. Среди его наиболее распространенных форм можно отметить выражение поддержки антикоррупционной политике других организаций; совместные антикоррупционные программы и инициативы; учет стандартов, выработанных другими организациями; учреждение организациями общей компетенции организаций, специализирующихся на борьбе с коррупцией.

Наиболее распространенными средствами, к которым прибегают международные организации в области борьбы с коррупцией, являются нормотворческая деятельность, т.е. разработка международных договоров и приглашение государств к участию в них, а также выработка норм «мягкого права».

В последние годы большое развитие получили активные формы деятельности международных организаций, предполагающие воздействие на конкретные государства: главной такой формой является международный контроль выполнения обязательств. Активной формой деятельности международных организаций является экспертная, техническая и финансовая помощь. Традиционной формой деятельности международных организаций является координация обмена информацией между государствами с целью расследования отдельных коррупционных преступлений. Сводная информация об опыте различных государств размещается в докладах международных организаций и на их сайтах. Довольно распространенным явлением в области борьбы с коррупцией в последние годы стали комплексные программы. Структурными элементами таких программ являются планы мероприятий и координирующие органы.

Таким образом, можно констатировать, что действует комплекс стандартов, норм, организационных и информационных механизмов противодействия коррупции. Основными международными антикоррупционными актами являются: Конвенция ООН против коррупции от 31 октября 2003 г.; Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности от 15 ноября 2000 г.; Конвенция Совета Европы об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности от 8 ноября 1990 г.; Конвенция Европейского союза о борьбе с коррупцией, затрагивающей должностных лиц Европейских сообществ или должностных лиц государств - членов Европейского союза от 26 мая 1997 г.; Конвенция Организации экономического сотрудничества и развития о борьбе с подкупом иностранных должностных лиц в международных коммерческих сделках от 21 ноября 1997 г.; Конвенция Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию от 27 января 1999 г.

Универсальным международно-правовым документом, регламентирующим борьбу с коррупцией, является Конвенция ООН против коррупции 2003 года. В ней подчеркивается, что «предупреждение и пресечение коррупции – это обязанность всех государств». Тем не менее, необходимо повышать роль более детализированных международных антикоррупционных документов: Конвенции Совета Европы о гражданско-правовой ответственности за коррупцию (Страсбург, 4 ноября 1999 г.), «Кодекса поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка»,

принятый резолюцией Генеральной Ассамблеей ООН от 17 декабря 1979 г., Руководства ООН «Практические меры по борьбе с коррупцией», «Международного кодекса поведения государственных должностных лиц» (резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 12 декабря 1996 г.), «Двадцати принципов борьбы с коррупцией», утвержденных резолюцией Комитета министров Совета Европы от 6 ноября 1997 г., и многих др [2. 688 с.].

Закономерны тенденции расширения использования относительно новых инструментов антикоррупционной борьбы (государственный аудит: эффективности, результативности и т.д.). Ясно, что необходимо привлекать к антикоррупционной деятельности на постоянной основе институты гражданского общества. Например, совершенствовать механизм независимой экспертизы в борьбе с коррупцией и др. Целесообразно уточнить методику измерения коррупции, создать четкие критерии индикаторов и показателей коррупции: исследовать зарубежные и национальные методики и т.д.

Литература

1. См.: Коррупция как социально-правовое явление. Монография / Под общ. ред. С.М.Шахрая. М., 2012.
2. См.: Коррупция: природа, проявления, противодействие. Монография / Отв. ред. Т.Я. Хабриева. М., 2012.
3. См.: Охотский Е.В. Коррупцированное государство // Публичное и частное право. 2009. № 2.

**ПРОБЛЕМЫ ЭФФЕКТИВНОСТИ КООРДИНАЦИИ
МЕЖДУНАРОДНЫХ И ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ
СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
В СОВРЕМЕННЫХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ**

Современная геополитическая обстановка и неблагоприятная экономическая конъюнктура оказали воздействие на международные и внешнеэкономические связи субъектов Российской Федерации. Это влияние различно и имеет неодинаковые последствия для российских регионов. Наиболее ощутимым оно было для субъектов Федерации, чьи внешнеэкономические связи в большей степени были ориентированы на Украину, а также на те страны, которые ввели санкции в отношении Российской Федерации. Для России осложнено коммуникационно-культурное и технологическое общение с Европой [1. С. 6], а также США, Канадой, Австралией и некоторыми другими странами.

Если в Ямало-ненецком автономном округе и Астраханской области в 2014 г. внешнеторговый оборот увеличился на 22,6%, то в Ростовской, Брянской, Сахалинской, Тюменской, Липецкой областях □ обратная тенденция на снижение. Однако это падение имеет разные причины и неодинаковые объемы. Но в целом тенденция на снижение товарооборота сохранилась и усилилась в 2015 г.

Нынешняя ситуация дает возможность более глубоко посмотреть на целый ряд теоретических и практических проблем, связанных с координацией международных и внешнеэкономических связей субъектов Российской Федерации. Прежде всего, на такие аспекты, как: правовые основы и формы международной деятельности регионов, модели государственного управления в рассматриваемой сфере и критерии эффективности их функционирования, способы адаптации регионов к современным геополитическим и экономическим условиям в плане сохранения равноуровневых международных и внешнеэкономических связей со стратегическими зарубежными партнерами.

В международном праве нет норм, в соответствии с которыми за членами федеративных государств признавалась бы правосубъектность. Вместе с тем, это не препятствует регионам федераций, а также отдельным территориальным образованиям унитарных государств, основываясь на внутринациональном праве, осуществлять международные связи, заключать соглашения с подобными же регионами зарубежных государств, участвовать в международных организациях, специально созданных для осуществления межрегионального сотрудничества.

В науке международного права международная правосубъектность субъектов Федерации большинством исследователей отрицается. Некоторые специалисты исходят из теории признания за ними ограниченной или производной правосубъектности. В конституционном праве также отсутствует определенность по этому вопросу, но ряд авторов оперируют понятием ограниченной международной правосубъектности по отношению к субъектам Федерации. Эти дискуссии обусловлены тем, что активность регионов при осуществлении международных и внешнеэкономических связей, в течение определенного периода 90-х-нач. 2000-х гг. была столь высока, что выходила за рамки, предусмотренные Конституцией Российской Федерации и федеральными законами. В законодательстве отдельных республик был закреплён их международно-правовой статус. Однако эта практика, которая противоречила нормам Конституции Российской Федерации, не может являться эмпирической базой для теоретических выводов по проблеме признания или отрицания международной правосубъектности у российских регионов.

В соответствии с п. "о" ч. 1 ст. 72 Конституции Российской Федерации к предметам совместного ведения Федерации и ее субъектов относится координация международных и внешнеэкономических связей, а также выполнение международных договоров Российской Федерации. Исключается деятельность субъектов Федерации во внешней политике, международных и внешнеэкономических отношениях, что относится согласно п. "к" и "л" ст. 71 к ведению Российской Федерации. Следовательно, в тексте Основного закона терминологически определено, что международные и внешнеэкономические отношения - компетенция федерального центра, в то же время международные и внешнеэкономические связи относятся к предметам совместного ведения и могут составлять полномочия субъектов Федерации.

В зарубежной практике в ряде федеративных государств их члены имеют право на осуществление международной деятельности, включая заключение международных договоров. Такие полномочия носят ограниченный характер и осуществляются под контролем федеральных властей (ФРГ, Канада, Швейцария, США). Более широкие возможности установлены Конституцией Бельгии 1977 г.: сообщества Бельгии могут осуществлять международное сотрудничество и заключать договоры по установленному кругу вопросов. Согласно ст. 16 Конституции Австрийской Республики 1920 г. по вопросам собственного ведения земли могут заключать договоры даже с пограничными с Австрией государствами, а также их составными частями. Вместе с тем, федеральные власти оставляют за собой право контроля за осуществлением таких полномочий: земли должны информировать федеральное правительство еще до начала ведения переговоров о таких

договорах, по требованию федерального правительства эти государственные договоры могут быть расторгнуты, а в случае невыполнения, земли теряют свое полномочие и оно переходит на уровень Федерации.

Субъекты Российской Федерации в пределах своей компетенции заключают соглашения в области международных и внешнеэкономических связей с субъектами иностранных федеративных государств, административно-территориальными образованиями иностранных государств. Эта деятельность находится под контролем федеральных органов власти, прежде всего Правительства Российской Федерации, Министерства иностранных дел России, Министерства экономического развития Российской Федерации. Соглашения, которые заключают субъекты Федерации, не являются международными договорами, но они подлежат согласованию с федеральными органами государственной власти.

Ограниченность международной деятельности субъектов Федерации связана с тем, что они не обладают суверенитетом, следовательно, возможности российских регионов ограничены нормами Конституции РФ и действующего федерального законодательства. В частности, положениями Федерального закона от 4 января 1999 г. № 4-ФЗ «О координации международных и внешнеэкономических связей субъектов Российской Федерации». Статья 4 этого закона устанавливает, что проекты соглашений об осуществлении международных и внешнеэкономических связей направляются региональным органом государственной власти в уполномоченный Президентом Российской Федерации федеральный орган исполнительной власти. Глава государства своим указом определил Министерство экономического развития РФ в качестве федерального органа исполнительной власти, который уполномочен согласовывать с субъектами проекты их соглашений [2]. К согласованию могут привлекаться и иные федеральные органы исполнительной власти в соответствии с их компетенцией.

На уровне Правительства Российской Федерации принимаются решения о его согласии на осуществление субъектами Российской Федерации международных и внешнеэкономических связей с органами государственной власти иностранных государств. Для этого органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации должны обосновать необходимость осуществления таких связей. Процедура согласования включает в себя обязательное положительное заключение Министерства иностранных дел Российской Федерации, Министерства юстиции Российской Федерации, а также при необходимости и других федеральных органов исполнительной власти с учетом их компетенции [3]. Министерство иностранных дел Российской Федерации является органом

исполнительной власти, который наделен компетенцией по координации международных связей субъектов Российской Федерации [4]. На региональном уровне МИД России осуществляет взаимодействие с полномочными представителями Президента в федеральных округах, а также действует через свои Представительства в субъектах Федерации [5. С. 102].

По своему объему полномочия в сфере международных и внешнеэкономических связей регионов не могут быть сопоставимы с федеральными.

С начала 90-х гг. XX в. сфера деятельности субъектов Федерации в области международных связей постоянно расширялась [6]. Эта тенденция претерпела изменения в сторону некоторого снижения по отдельным направлениям только в последние два года в связи со сложившейся внешнеполитической обстановкой [7]. Наиболее сложная ситуация наблюдается в еврорегионах (форма сотрудничества сопредельных территорий, способствующая сближению народов и развитию трансграничного сотрудничества). Еврорегионы, объединявшие отдельные субъекты Российской Федерации и области Украины, фактически прекратили деловую активность. Речь идет о еврорегионах «Днепр» (Брянская область РФ, Гомельская область Республики Беларусь и Черниговская область Украины); «Донбасс» (Ростовская область РФ, Луганская и Донецкая области Украины; «Ярославна» (Сумская область Украины и Курской области РФ), «Слобожанщина» (Белгородская область РФ и Харьковская область Украины). По линии еврорегиона «Слобожанщина» в первом полугодии 2014 г. осуществлялись только научно-образовательные связи. Однако сотрудничество в остальных еврорегионах, которые связывают субъекты РФ с регионами Беларуси, Финляндии, Польши, Литвы, Латвии, Швеции □ продолжает развиваться.

Несмотря на сложности, активно функционируют различные программы приграничного сотрудничества, причем заинтересованность не только в поддержании этих контактов, но и дальнейшем расширении демонстрируют такие зарубежные партнеры, как Польша и Германия.

В этой связи представляет интерес управление в сфере координации международных и внешнеэкономических связей субъектов Российской Федерации. Государственные органы специальной (отраслевой) компетенции созданы лишь в нескольких субъектах (Министерство международных и внешнеэкономических связей Свердловской области, Департамент международных и внешнеэкономических связей Ямало-Ненецкого автономного округа и др.). В некоторых регионах сложилась модель управления в виде наделения отдельного государственного органа полномочиями в нескольких сферах (предпринимательство, инвестиции, культура, туризм, связи с общественностью), в том числе и компетенцией

по осуществлению международных и внешнеэкономических связей (Министерство внешнеэкономических связей, туризма и предпринимательства Амурской области; Управление инвестиций и международных связей Липецкой области и др.).

Третья модель предполагает выделение международного сотрудничества и внутрифедеративных связей в качестве отдельной функции государственного органа (Управление Алтайского края по обеспечению международных и межрегиональных связей).

Четвертый способ заключается в том, что на государственный орган отраслевой компетенции возлагается среди прочих и полномочие по осуществлению международной и (или) внешнеэкономической деятельности. Обычно это относится к тем государственным органам субъектов, осуществляют управление в сфере экономической или инвестиционной деятельности. В структуре такого государственного органа создается отдел (департамент). Последняя модель получила наибольшее распространение в субъектах Федерации, что объясняется значением внешнеэкономической деятельности для развития региональной экономики. Разновидностью этой модели можно признать действующую систему управления в ряде регионов, когда на государственные органы, реализующие полномочия в сфере экономической деятельности, возложено осуществление координации в сфере международных и внешнеэкономических связей, но отдельного подразделения в их структуре не выделяется.

В современных условиях в российских регионах требуется оптимизировать деятельность по сохранению, переориентации и развитию сложившихся, а также выстраиванию новых связей с зарубежными партнерами, что представляет собой отдельное направление государственной деятельности.

По-видимому нуждаются в коррекции и критерии эффективности работы государственных органов субъектов Российской Федерации по рассматриваемому направлению, которые не могут сводиться исключительно к количеству заключаемых соглашений с зарубежными партнерами или росту товарооборота. Следует учитывать устойчивость коммуникационного процесса, который регионы ведут с зарубежными акторами; насколько в полном объеме реализуются задачи региональной экономической политики; инновационность способов их решения; оперативность реагирования на изменения внутренних и внешних факторов влияния на международную деятельность российских регионов.

Литература

1. Енгибарян Р.В. Россия-Украина-Запад 2014 год: современный вектор отношений // Право и управление. XXI век. 2014. № 3.

2. Указ Президента Российской Федерации от 19 августа 2015 г. № 424 «О федеральном органе исполнительной власти, уполномоченном на осуществление функций, предусмотренных пунктами 1 и 2 статьи 4 Федерального закона от 4 января 1999 г. № 4-ФЗ «О координации международных и внешнеэкономических связей субъектов Российской Федерации» // Российская газета. 2015. 20 августа.

3. Постановление Правительства РФ от 01.02.2000 № 91 «О принятии Правительством Российской Федерации решений о согласии на осуществление субъектами Российской Федерации международных и внешнеэкономических связей с органами государственной власти иностранных государств» // СЗ РФ. 2000. № 6. Ст. 771.

4. Указ Президента Российской Федерации от 8 ноября 2011 г. № 1478 «О координирующей роли Министерства иностранных дел Российской Федерации в проведении единой внешнеполитической линии Российской Федерации» // СЗ РФ. 2011. № 46. Ст. 6477.

5. Долгов В.И. Представительства МИД России на территории Российской Федерации // Право и управление. XXI век. 2011. № 4.

6. Логвинова И.В. Координация международных и внешнеэкономических связей субъектов Российской Федерации: историко-политические и правовые реалии // Политика и Общество. 2015. № 9.

7. Григорьева О.Г. Особенности международного правового сотрудничества в условиях кризисных проявлений в международных отношениях // Право и управление. XXI век. 2014. № 2.

**ПРОБЛЕМЫ ФОРМАТИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ ОХРАНЫ
ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
В УСЛОВИЯХ ДАЛЬНЕЙШЕЙ ИНТЕГРАЦИИ
В МЕЖДУНАРОДНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ**

Одной из существенных отличительных особенностей современного процесса глобализации является его ориентация на достижение закрепленных на уровне ООН целей. В настоящее время обсуждаются критерии / индикаторы реализации принятых взамен Целей развития тысячелетия Целей устойчивого развития (ЦУР), количество которых увеличилось с восьми до семнадцати.

Достижение ЦУР потребует создания в РФ нового качества механизма перехода к устойчивому развитию [1], одной из составляющих которого должна стать система конкретных критериев, включающая в себя критерии экологической безопасности. Фактически речь идет о признании государством необходимости перехода к устойчивому экологически безопасному развитию, так как большинство ЦУР прямо или косвенно связаны с достижением определенной степени экологической устойчивости / безопасности.

Переход к устойчивому развитию является признанным на мировом уровне путем преодоления негативных тенденций, связанных с изменением качества социоприродной среды в результате многоаспектной деятельности постоянно растущего по численности глобального общества [2].

В настоящее время, несмотря на закрепление термина «устойчивое развитие» в российских законодательных и нормативно-правовых актах различного уровня: уже упомянутом Указе Президента РФ «О Концепции перехода Российской Федерации к устойчивому развитию» №440 от 1 апреля 1996 г., Федеральном законе «Об охране окружающей среды» от 10 января 2002 г. №7-ФЗ, Экологической доктрине Российской Федерации, одобренной распоряжением Правительства Российской Федерации от 31 августа 2002 г. № 1225-р и др., он имеет во многом доктринальное толкование, так как четко не расшифрован ни в одном из указанных документов.

Реализация целей устойчивого развития должна сопровождаться определёнными управленческими решениями и действиями, которые опережающе должны приниматься в условиях риска и неопределённости. Управление должно исходить из декларированного в 1992 г. в Рио-де-Жанейро принципа упреждения (предосторожности).

Упреждающие управленческие действия по реализации перехода РФ к устойчивому развитию должны выполнять две общие функции. Во-первых, обязаны стимулироваться те механизмы и тенденции, которые уже существуют и способствуют переходу к устойчивому развитию. Во-вторых, потребуется включить механизмы управления, которые должны вначале тормозить, а в перспективе во многих случаях и свести к нулю процессы и тенденции, не способствующие прогрессу на пути к новым цивилизационным целям.

Использование принципа упреждения (опережающих действий) согласно «Концепции перехода Российской Федерации к устойчивому развитию» предполагает разработку системы программных и прогнозных документов (государственной стратегии действий долгосрочного характера; долгосрочных и среднесрочных прогнозов, включающих в качестве составного компонента прогнозы изменений окружающей среды и отдельных экосистем в результате хозяйственной деятельности; краткосрочные прогнозы и программы отраслевого, регионального (территориального) и федерального уровней), а также системы нормативных правовых актов различного уровня.

Современное российское государство не воспринимает функцию устойчивого развития как основную, в отличие от всех без исключения развитых стран. Отсутствие системы правовых регулятивов в сфере перехода к устойчивому развитию заставляет крупные российские компании принимать добровольные инициативы, связанные с устойчивым экологобезопасным природопользованием. Без декларации и проведения в жизнь этих инициатив фактически невозможна экономически эффективная деятельность, особенно в связи с тем, что различные аспекты деятельности предприятий (освоение и добыча ресурсов, экспорт, внешние заимствования, кооперация с зарубежными предприятиями и т.п.) «увязываются» внешними контрагентами и стейкхолдерами с определенной степенью экологизации хозяйственной деятельности и приближению ее как можно ближе к признанным критериям устойчивости.

Одним из характеристических примеров здесь может стать использование предприятиями добровольных международных стандартов в сфере устойчивого развития.

Высшей по степени своего развития системой менеджмента на предприятии, связанной с учетом экономических, социальных и экологических критериев развития, является менеджмент устойчивого развития, тесным образом связанный с формированием отчетности в сфере устойчивого развития, позволяющего предприятию декларировать как добровольные инициативы, так и свой вклад в достижение устойчивости в конкретных сферах (по конкретным направлениям) деятельности. К таким стандартам относятся: TNS (Принципы достижения устойчивого

развития), SIGMA (Практические рекомендации для организаций по внесению существенного вклада в устойчивое развитие), UN GC (Свод базовых принципов ООН для корпораций, готовых участвовать в решении глобальных проблем цивилизации) и GRI (G4) (Руководство по отчетности в области устойчивого развития, версия 4). Последний международный стандарт является наиболее востребованным и общеупотребимым.

Руководство представляет собой документ, который может быть принят в качестве нормативного для конкретной организации, а также предлагает детально разработанный подход к формированию отчетности, отражающей экономическую, экологическую и социальную результативность организации. При этом выделение указанных трех видов результативности носит условный характер - при подготовке отчетов они должны рассматриваться во взаимосвязи.

Показатели экологической результативности, используемые в Руководстве по отчетности в области устойчивого развития разделены на ряд групп и подгрупп (по различным аспектам). Отработанная на практике, в т.ч. по итогам анализа экологически значимой хозяйственной деятельности транснациональных корпораций, структура рассчитываемых показателей экологической результативности или отдельные показатели могли бы быть интегрированы в систему критериев / индикаторов устойчивого развития механизма перехода к устойчивому развитию на национальном уровне.

В этой связи особо следует упомянуть систему экологических нормативов, уже действующих, а также перспективных для внедрения в практику природоохранной деятельности, особенно в связи с принятием изменений в законы природоохранного блока.

Изменение требований к нормированию деятельности предприятий различных отраслей промышленности в экологической сфере происходит под воздействием двух групп факторов: внешних и внутренних.

К внешним факторам относятся: обязательства, принимаемые Российской Федерацией в связи с присоединением к различным международным организациям (ВТО, ОЭСР и др.); положения международных нормативных правовых актов, ратифицируемых нашей страной в соответствующем порядке, требования стейкхолдеров, в т.ч. связанные с внедрением в практику хозяйственной деятельности инвестиционно-привлекательных предприятий международных стандартов хозяйственной деятельности и ряд др.

Особенно важным является тот факт, что внешние факторы, как правило, учитывают господствующие в развитых странах теоретические основы охраны окружающей среды и рационального природопользования, сформированные в условиях зачастую критического дефицита общераспространенных и специальных природных ресурсов, а также

декларируемого технологического превосходства. Именно поэтому, например, взгляды на мероприятия, планируемые к осуществлению в рамках нового глобального климатического соглашения, со стороны развитых и развивающихся стран могут быть противоположными.

В то же самое время объективно продолжающийся процесс интеграции страны в международные экономические отношения, требует всестороннего учета различных групп рисков как чисто экологических, так и смежных с ними, в стратегиях развития отечественных предприятий, особенно экспортно-ориентированных или осуществляющих хотя бы частично операционную деятельность на территории зарубежных государств или во взаимодействии с иностранными партнерами.

К внутренним факторам относятся в большей мере требования органов исполнительной власти, переходящих на риск-ориентированное управление в экологической сфере с применением сложного комплекса природоохранных мероприятий, в основном административных, и, в меньшей мере, требования внутренних стейкхолдеров, для которых экологические аспекты хозяйственной деятельности предприятий становятся все более значимыми по отношению к экономическим и социальным.

Следует отметить, что существующая система нормативов не соответствует современным целям и задачам охраны окружающей среды и не определяет порядок эксплуатации экосистем или отдельных их элементов с позиции устойчивости. В первую очередь это касается как качества самих нормативов, так и учета территориального (регионального) фактора при их использовании с целью выдачи разрешений на выброс и сброс загрязняющих веществ, а также размещение отходов производства и потребления.

В 2014 г. было внесено существенное изменение в систему экологического нормирования, в связи с включением в нее подхода, основанного на использовании наилучших доступных технологий (НДТ).

На уровне же субъекта хозяйственной деятельности необходимо управлять не соответствием существующим нормативам, а риском их превышения / несоответствием. В то же самое время следует отметить, что экологический риск – это совершенно иная категория, связанная с вероятностью нанесения вреда экосистеме и отдельным ее элементам.

В практике зарубежного управления рисками уже сформирован ряд подходов, а также разработаны основы формирования систем управления отраслевыми, в т.ч. экологическими рисками. Они представлены в международных стандартах хозяйственной деятельности, которые, в свою очередь, исходя из принятой на национальном уровне концепции перехода к техническому регулированию, гармонизированной с требованиями

Всемирной торговой организации, могли бы быть приняты в качестве национальных.

Литература

1. Мاستушкин М.Ю. Национальный механизм перехода к устойчивому развитию: проблемы становления и реализации / Государственное управление в XXI веке: традиции и инновации: 7-я международная конференция факультета государственного управления МГУ им. М.В. Ломоносова; 27-29 мая 2009 г.: Материалы конференции: В 2-х ч.: Ч. 1 / Отв. ред. Мысляева И.Н. М., 2009.

2. Бринчук М.М., Урсул А.Д., Мастушкин М.Ю. Правовые аспекты устойчивого развития. М., 2005.

АНТИСАНКЦИОННАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ В ПОЛИТИКЕ И МЕХАНИЗМЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Актуальность проблематики международных санкций и механизмов антисанкционного реагирования очевидна и, как нам представляется, не требует особых обоснований. Тем более, что практика использования ограничительных мер уже давно не является чем-то исключительным, экстраординарным и стала практически рядовым инструментом политики сдерживания экономического, а нередко и силового принуждения с целью направить внутреннюю и внешнюю политику других государств в выгодное для западного мира русло. А заодно и использовать чужой естественно-природный, материально-технический, финансово-экономический и иной ресурс в определенных корыстных интересах.

Односторонние санкции сегодня - излюбленное средство реализации внешнеполитических стратегий и глобальных экономических замыслов США и их сателлитов - Европейского Союза, Канады, Австралии, Японии и других примкнувших к ним стран западного мира. Они чаще всего носят жесткий характер, вводятся не одномоментно, а поэтапно, в эскалационно нарастающем по объемам, номенклатуре и интенсивности режиме, рассчитаны на длительную перспективу.

При этом односторонние санкции не следует рассматривать лишь как фоновую реакцию на политику, скажем, в связи с событиями на Украине - не было бы Украины, нашелся бы другой, не менее «веский» повод. Поэтому требуют незамедлительных мер соответствующего реагирования. По сути своей санкции - это *инструмент политики доминирования*, позволяющий государствам-лидерам поддерживать и контролировать исполнение созданных ими же правил межгосударственных отношений, поощряя лояльных и наказывая «нарушителей» [13. Р. 142], «ставить на место» тех, то не желает безоговорочно воспринимать стандарты западной политики. Обоснование для санкционных действий простое - «варварство режима», «экономическая отсталость», «нецивилизованность образа жизни», с которыми, естественно, надо бороться. Истинный же замысел совершенно иной - вестернизация и экзогенное навязывание другим государствам идеи, что Запад - единственная и наиболее разумная модель исторического развития человечества.

Если же посмотреть еще шире, то становится понятным, что санкционная политика является *отражением цивилизационного противостояния и концептуальных разногласий между различными социально-классовыми системами*, в частности между российской

цивилизацией и западным миром. Прежде всего по вопросам, каким должен быть современный мировой порядок, кто должен его определять, регулировать и контролировать.

Запад, как писал А.А.Зиновьев, явление уникальное, он давно занял свое место на планете и в обозримом будущем будет всеми силами удерживать это место за собой, не допустит никакого другого «Запада» рядом с собой. «Мировой престол» занят и уступать его никому Запад не намерен. Поэтому «самое большое, на что западнизирующиеся народы могут рассчитывать, так это оказаться в сфере власти, влияния и колонизации Запада», причем на тех и только тех ролях, какие им позволит этот единственный и неповторимый Запад [1. С. 19-20]. Место же и роли разных стран в отношении с Западом разные – союзник, партнер, сателлит, попутчик, провокатор-подстрекатель по отношению третьим странам. Да и объективные условия разные и субъективный фактор проявляется по-разному, вплоть до необузданности амбиций и непредсказуемости поведения.

За 25 последних лет США 60 раз инициировали санкции минимум против 80 стран мира. Коснулись они больше половины (52%) человечества [12. Р. 17]. Неоднократно применялись и к отдельным компаниям. Собственное благо ими рассматривается в качестве высшей цели своей внешней политики и государственного управления, санкционное воздействие считается чуть ли не одним из самых эффективных инструментов обеспечения устойчивого развития своей страны.

Глобальный проект «Цели развития тысячелетия» (2000 г.) и десять принципов «Парижской хартии для новой Европы» (1990 г.), на которые международным сообществом возлагалось столько надежд, в условиях господства однополярного мира и единственного центра доминирования забыты и практически сошли на «нет». О демократии на основе верховенства закона, взаимного уважения, человеколюбия, плодотворного торгово-экономического и научно-технического сотрудничества, взаимной ответственности и международной безопасности в их *истинном смысле* говорится редко, хотя громкой риторики и взаимных благих призывов добавилось на порядок. Даже западные аналитики вынуждены признать, что система права Соединённых Штатов давно перешагнула национальные границы в обход Устава ООН и в угоду амбициозным политическим целям и устранению конкурентов беззастенчиво навязывается другим государствам. Не случайно в последней версии «Стратегии национальной безопасности США» о мессианской роли и политическом лидерстве Штатов упоминается более сотни раз. Если же у них что-то не получается, то тут же начинается эскалация международной

напряженности, организуются социальные конфликты, активизируются попытки реформирования власти.

Наша страна практически никогда в своей истории не жила вне санкций, такого рода давление мы испытываем на протяжении многих столетий. Только за послевоенные годы по отношению к нашей стране односторонние санкции в различных формах применялись более 160 раз [2]. Под санкциями мы проводили индустриализацию и готовились к отражению гитлеровских полчищ, осваивали целинные земли и природные ресурсы сибирских и северных территорий, развивали оборонный комплекс и вышли в космос. Всегда, как только кто-то из влиятельных лидеров запада приходил к выводу, что Россия становится слишком сильной и самостоятельной, то тут же включались инструменты дискриминационного внешнего воздействия. Ничего нового в этом смысле не происходит и сейчас, появилось лишь больше цинизма, лицемерия и лжи.

Но даже в условиях мощного санкционного прессинга наша страна не позволяла разговаривать с собой в пренебрежительно-высокомерном тоне, а тем более в режиме ультиматумов и угроз. Россия всегда пользовалась привилегией проводить независимую внешнюю политику и не собирается изменять этой традиции сегодня. Раскручивание конфронтации, попытки политического, экономического и пропагандистского нажима, стремление реализовать модель «однополярного мира» - путь, с нашей точки зрения, бесперспективный и крайне опасный для всего мирового сообщества. И дело не только в противоречивости в соотношениях законности и целесообразности, типичности, оригинальности и самобытности, а в попытках воспользоваться в корыстных интересах естественной несовместимостью ценностных матриц разных стран, наций и народов, в высокомерном нежелании сильного уважать интересы и традиции других государств. Не случайно односторонние секторальные и персональные санкции часто выглядят как элементарное политическое бесчинство, носят деструктивный характер и противоречат всякой рациональности. Не говоря уже о том, что являются грубым нарушением принципов международного права.

К сожалению, политика перестройки и демократизации, призывы к перезагрузке и сотрудничеству «ради мира и процветания» ситуацию к лучшему в смысле отказа от агрессивного русофобского давления принципиально не изменили. Россияне это давно заметили и воспринимают санкции как объективную данность. При этом прекрасно понимают, что позиционирование своей страны как «государства-изгоя» таит в себе немало угроз, центральная из которых – угроза международной изоляции, потенциально способная серьезно подорвать жизнеспособность российского государства. Тем более, что санкции в современном их

исполнении становятся все более циничными и изощренными, а по режиму применения – все более жесткими и опасными.

В связи с изложенным, сформулируем еще несколько, с нашей точки зрения, принципиальных позиций.

1. Россия всегда негативно относилась и сегодня решительно выступает против всякого рода односторонних санкций, а тем более персональных международных принуждений. Санкционные меры, не освященные волей Совбеза ООН и других уполномоченных на то международных организаций (ВТО, МАГАТЭ, ЕС и др.) в представлении российского государства, *не самая лучшая, не самая достойная и не самая эффективная форма* межгосударственного взаимодействия.

Наша позиция по этому вопросу однозначна – взаимовыгодное партнерское сотрудничество, особенно, как говорит В.В. Путин, когда «наши интересы имеют общие точки соприкосновения», честная конкуренция, гибкая ценовая и валютная политика, диалоговый поиск компромиссных решений, обеспечение глобальной политической, социальной и макроэкономической стабильности. В такой же мере мы против закрытости, самоизоляции и всякого рода железных занавесов. Иначе автаркической замкнутости с минимальным обменом с внешней средой, военно-политических конфликтов и жестких методов их разрешения не избежать;

2. Каждый здравомыслящий человек понимает, что экзогенная модернизация, основанная на сочетании собственных ценностей с практическим заимствованием и внедрением в жизнь своего народа западных ценностей – процесс объективный, который задает вектор социального развития в направлении интеграции собственных интересов и заимствованных извне ценностей. Другое дело сбалансированность, динамика и пределы этой «интеграции», которая сегодня стала, чуть ли, не главным предметом резко обострившихся противоречий между Востоком и Западом.

Причем никто не ставит вопрос в духе дихотомии: либо Запад – либо Восток. Мы за *цивилизованную, правовую, а не колониальную, лишенную строгих правовых основ модернизацию*, за конвергенцию без конфронтации, а тем более выталкивания целых народов на обочину истории. Такая позиция полностью соответствует настроениям подавляющего большинства российских граждан. В годы демократических реформ, по данным ВЦИОМ, 38% россиян полностью разделяли мнение, что Россия – часть Европы и судьбы наши неразделимы. От 61 до 71 % однозначно высказывались за укрепление взаимовыгодных связей со всеми странами Запада [4. С. 127; 8. С. 176]. И сегодня, даже в условиях жесткого санкционного давления, эта позиция остается неизменной.

Наш народ разделяет базисные ценности двухполярной модели мироустройства, выступает за модернизацию в духе единства многообразия и укрепления суверенитета - модели объективно гарантирующей международную безопасность и вовсе не противоречащей процессу глобализации. Мы не саботируем и не приуменьшаем значимость ценностей западного образа жизни, но при этом не собираемся отказываться от «своей самобытности» и от своих национальных интересов. Мы лишь противники «прямолинейного западничества» [7. С. 58] и всяких попыток принудительного «превращения планеты в единый и однородный рынок» [10. С. 221]. Поэтому решительно выступаем против насильственной вестернизации, важнейший инструмент которой - односторонние санкции, технологии оранжевых революций с последующим введением «внешнего управления», предательством национальных интересов и фактической колонизацией страны.

3. Не освященные международным правом и мотивированные чисто политическими интересами *односторонние санкционные меры лишены позитивного потенциала*. Такого рода санкции угрожают суверенитету государств, ставят под сомнение незыблемость частной собственности, нарушают принципы международной торговли и правила ВТО, расшатывают либеральную модель глобализации, ограничивают права и свободы граждан, содержат явно выраженные признаки аморальных репрессалий.

Именно поэтому правы те, кто говорит, что «санкции работают, но далеко не всегда должным образом срабатывают». И конструктивно работать не могут по определению. Никогда и нигде рычаги санкционного воздействия, по большому счету, не обеспечили расчетный геополитический и геоэкономический эффект, а вот риски приумножали. В конечном итоге выгодны они лишь амбициозным политикам, транснациональному капиталу и агрессивно ориентированным субъектам мирового политического процесса. Поэтому можно сделать вывод, что государства, инициирующие и применяющие односторонние санкции, *должны нести ответственность в соответствии с нормами международного права*, а государства, попавшие под санкционный пресс, иметь юридическую возможность предпринимать адекватные антисанкционные действия и гарантированно рассчитывать на защиту со стороны международного сообщества.

4. Санкции можно и следует рассматривать как важнейший *критерий качества* и политической зрелости национальной правящей элиты, а действенность ее антисанкционного реагирования как важный показатель эффективности государственного и муниципального управления.

5. Мы принципиально не согласны с теми экспертами, политиками и государственными деятелями, которые считают, что предпринимаемые

ныне против России санкционные меры содержат не столько негативный, сколько «стимулирующий заряд», что постоянно расширяющиеся секторальные, точечные и индивидуальные санкции негативно на экономике и социально-политической ситуации в стране практически не отражаются. Такие утверждения, с нашей точки зрения, не только слабо обоснованы, безответственны и *не соответствуют реальной действительности*. Они нам здорово мешают, хотя в определенном смысле, действительно, являются стимулирующим фактором ускоренного решения стратегических задач укрепления экономической и оборонно-военной мощи страны.

Некоторые министры, губернаторы и представители крупного бизнеса, уповая на высокий мобилизационный эффект санкций, утверждают, что вот теперь-то они займется реальным делом. Возникает лишь вопрос: а что раньше нам мешало работать по-настоящему? Кто заставлял тешить народ тем, что для спокойствия России достаточно хорошей сырьевой экономики и «гибкой» монетарной стратегии?

Поэтому-то и результаты соответствующие: план первоочередных мероприятий Правительства РФ по обеспечению устойчивого развития экономики и социальной стабильности на 2015 год, по заключению Счетной палаты, выполненным оказался лишь на 63,3 %. Многие иностранные инвесторы свернули бизнес в России. Параллельно практически прекратилось расширение объемов российского бизнеса за пределами страны. 58% россиян крайне озабочены дороговизной, 39% - углубляющимся социальным расслоением, 36% – ростом безработицы [11].

Вывод напрашивается сам по себе: негативное влияние внешних санкций очевидно. ***Антисанкционная политика же в контексте правительственной антикризисной стратегии позитивно на общей социально-экономической и социально-психологической ситуации пока отражается слабо.*** Страна ждет запуска более эффективных механизмов реализации намеченных планов.

Антикризисная политика и противодействие санкциям требуют не общих, а конкретных конструктивно-созидающих действий, четкого понимания того, что санкции – это не только политика и пропаганда, а прежде всего мощное экономическое средство разрушающего воздействия на все сферы жизнедеятельности человека. Прежде всего на отрасли и компании, являющиеся несущей конструкцией экономического и производственно-хозяйственного комплекса подсанкционной страны. Особенно на те сегменты, которые представляют индустрию высоких технологий, оборонно-промышленный комплекс, химическую промышленность, транспорт, связь и электронику.

Инициаторы санкций хорошо понимают, что без международного научно-технического сотрудничества России будет очень непросто

вернуться на современный уровень научно-технического и интеллектуально-кадрового развития, очиститься от неэффективных технологий, в том числе в сфере хозяйственного менеджмента и государственного управления. Добиваясь своего, они действуют, не обращая особого внимания на тот ущерб, который наносят себе и своим союзникам. По полной программе учитывают и тот факт, что мы оказались в результате перестройки и последующих радиальных реформ полностью зависимыми от экспорта энергоносителей и сырья, непомерно замкнули национальный рынок на импорт товаров и технологий, стали запредельно чувствительными к волатильности мировых валютных и топливно-энергетических рынков.

Поэтому понятно, что пренебрежительно-облегченное отношение к санкциям и ограничительным мерам недалековидно. Самоуспокоенность же и бюрократическая инертность только *провоцируют усиление санкционного давления* и их пролонгацию на длительный период, закладывает основы далеко идущих негативных последствий, обрекающих общество на дополнительные испытания.

6. Разные страны по-разному реагируют на санкции. Россия с учетом особенностей современной международной политической и экономической обстановки, а также в контексте политики повышения качества нации, накопила определенный опыт анτισанкционного действия. На дискриминационные действия реагирует жестко, хотя к такого рода действиям специально никогда не готовилась и заведомо применять санкции по отношению к другим странам не собиралась. Всякого рода санкционные манипулирования в политике Российской Федерации также отсутствуют. Санкционные меры с нашей стороны по отношению к другим странам применяются только в исключительных случаях, а вот контрсанкционные мероприятия нацелены главным образом на создание благоприятной обстановки для развития национальной экономики и сдерживания процесса эскалации санкционного давления. Центральная идея – ослабление экономической зависимости страны от западного мира, более энергичное развитие отечественного рынка на собственной основе, повышение профессионализма правящей политической, экономической и научной элиты.

Отсюда стимулирование деловой активности, развитие высокотехнологичных и наукоемких производств, концентрация государственных ресурсов на приоритетных модернизационных направлениях.

7. В ответ на нынешние санкции Запада руководство страны реализует целый комплекс защитных мер по двум основным направлениям: мероприятия собственно анτισанкционной направленности и мероприятий в рамках общей антикризисной политики.

Первое заключается в организации импортозамещения, введении *эмбарго* и ограничительных мер на поставку определенных категорий товаров, *ужесточении* контроля качества поступающих на российский рынок товаров зарубежного производства, *переориентации туристических потоков*, *свертывании* до определенных пределов межкультурных, межрелигиозных и дипломатических контактов. Предпринимаются и прямые санкционные меры.

Такого рода действия нашей стороны вполне оправданы, легитимны и обоснованы, хотя болезненны и, к сожалению, негативно в значительной степени отражаются на добрососедских отношениях с недавними партнерами. Но оправданность санкций определяется не капризами и чьей-то недоброй волей, а враждебными, часто безрассудными по отношению к нашей стране действиями зарубежных политиков, а также задачами обеспечения целостности, суверенитета и безопасности Российской Федерации.

Второе охватывает систему мероприятий в контексте реализации общей антикризисной политики: сформирована гибкая законодательная база антикризисного и антисанкционного действия. В экономике взят курс на обеспечение экономического суверенитета страны, запущен механизм деофшоризации, создаются территории опережающего развития, формируются точки экономического роста, увеличиваются государственные инвестиции в научно-технический, военно-промышленный и агропромышленный комплекс, предпринимаются меры по обеспечению большей устойчивости банковской системы, расширяются границы свободы предпринимательства, произошла смена вектора и приоритетов международного экономического сотрудничества.

В сфере науки, культуры и инновационного развития на практические рельсы поставлен вопрос конвертации достижений фундаментальной науки в конкретные практические результаты, восстанавливаются и динамично наращиваются инфраструктурные мощности образования, культуры, социального обслуживания, курортно-санаторного и туристического сектора.

В ключе единого антисанкционного механизма действует Правительство РФ и все подведомственные ему службы, прежде всего экономического и контрольно-надзорного блоков. Активно используется антисанкционный потенциал Роспотребнадзора, Финпотребсоза, Федеральной комиссии по ценным бумагам. Совершенствуется работа Агентства стратегических инициатив, Фонда развития промышленности, Федеральной корпорации малого и среднего бизнеса. Созданы Российский экспортный центр, Агентство по технологическому развитию. В части де бюрократизации управленческих отношений наметилось некоторое ослабление контрольно-надзорного тоталитаризма и ослабления

финансово-налогового пресса. Все более отлажено функционируют механизмы противодействия коррупции.

В сфере международной политики и дипломатии формируется внешнеполитический курс с опорой, прежде всего, на собственные материально-технические, финансово-экономические, энергетические, научно-инновационные, интеллектуально-кадровые ресурсы; активизируются деловые контакты с международными институтами и сотрудничество со странами Востока, Латинской Америки и Индийского океана. Яркое тому подтверждение иницилируемые Россией международные экономические саммиты, переговоры, масштабность заключаемых контрактов. Мы учитываем, что глобализация торговли, финансов и производства, с одной стороны, и односторонние санкционные ограничения в сочетании с провокационными действиями в духе информационно-пропагандистских войн, с другой стороны, существенно сдерживает процесс «глобализации институтов, способных обеспечить создание действенной наднациональной социальной инфраструктуры» [5. С. 580]. Этим мы тоже занимаемся.

Реализуется, как видим, немало. Понятно и то, что эффективность противодействия санкциям может быть обеспечена только при условии, если осуществлять мы будем не отдельные мероприятия, а действовать будем одновременно по всему спектру внешнего санкционного противодействия, с опорой на понимание людей и широкую общественную поддержку. Тем более, что социально-психологическая составляющая антисанкционного действия сейчас в нашей стране благоприятная. 62% россиян считает, что нам не надо сверх меры нервничать и не следует обращать какое-то особое внимание на санкционный негатив [6] - страна бывала и в более сложных условиях.

Литература

1. Зиновьев А.А. Запад. М., 2003.
2. Захаров А. Как авторитарные режимы реагируют на санкции // Ведомости. 2014. 15 августа.
3. Охотский Е.В. Государственное управление в кризисной ситуации // Право и управление. XXI век. 2014. № 2.
4. Отношение населения в проблеме реформирования институтов государственной власти // Социология власти. 2000. № 2.
5. Политическая наука перед вызовами глобального и регионального развития. Научное издание / Под ред. О.В. Гаман-Голутвиной. М., 2016.
6. Реакция Запада на политику России: критика, враждебность, санкции. // Левада-Центр. Опрос проведен 23-26 октября 2015 года по репрезентативной всероссийской выборке.
7. Россия и Запад: что разделяет? Материалы научного семинара «Цивилизационный контекст и ценностные основания российской политики». Вып. № 7. М., 2009.

8. Социологический эскиз коллективного сознания российского населения // Социология власти. 2007. № 2.
9. Торкунов А.В. На пороге в будущее - 2 / Отв. ред. А.В. Мальгин. М., 2015.
10. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М., 2004.
11. Чего опасаются россияне? // Аргументы и Факты. 2015. № 46. 11-17 ноября.
12. Sadar Z., Davis M. W. Why Do People Hate America? W., Cambridge. 2002.
13. Wilkinson D. Unipolarity without Hegemony // International Studies Review. 1999.

ЦЕЛИ И ЗАДАЧИ УПРАВЛЕНИЯ ВЕРХОВНОГО КОМИССАРА ООН ПО ДЕЛАМ БЕЖЕНЦЕВ И НЕПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В УСЛОВИЯХ МИГРАЦИОННОГО КРИЗИСА

На сегодняшний день уровень соблюдения прав человека по всему миру оставляет желать лучшего. Именно ущемление основных прав и свобод личности заставляет её становиться участником конфликтов социального и политического характера. Всеобщая декларация прав человека 1948 года закрепила главный принцип человеческого существования: «признание достоинства, присущего всем членам человеческой семьи, и равных и неотъемлемых прав их является основой свободы, справедливости и всеобщего мира» [1].

Необходимые действия для соблюдения основ Декларации ясны, механизм их осуществления четко прописан на бумаге, но в повседневной жизни часто встречается ситуация проявления неуважения к достоинству личности. Особенно, если речь заходит о беженцах и мигрантах, хотя мигрант пользуется защитой правительства своей страны, а беженец не имеет такой возможности. Но все же эта грань довольно зыбкая. Поэтому можно говорить о вынужденных мигрантах, относя к ним беженцев (в России есть еще и такая юридическая разновидность, как вынужденные переселенцы) [2].

Международные договоры по правам человека наделяют беженцев и лиц, ищущих убежище, основными правами и свободами. Поэтому вопрос о защите беженцев рассматривается в более широком контексте защиты прав человека как личности. Управление Верховного комиссара ООН по делам беженцев (УВКБ ООН) было создано 14 декабря 1950 г. по решению Генеральной Ассамблеи ООН. Как указано в Главе 1, пункте 2 Устава, деятельность УВКБ ООН «совершенно аполитична по своему характеру ... она носит гуманитарный и социальный характер» [3]. В своей деятельности УВКБ ООН тесно сотрудничает с неправительственными организациями (НПО), которые основной своей целью ставят оказание влияния на правительства и международные институты для усиления защиты прав беженцев.

В некоторых странах может отсутствовать национальное законодательство, защищающее права человека, беженцев и лиц, ищущих убежище. В таких случаях персонал УВКБ ООН и сотрудничающие с Управлением НПО должны проверить наличие любых внутренних норм, включая конституционные положения, которые могут послужить для защиты лиц, которыми занимается УВКБ ООН, а также лоббировать принятие законодательства по защите беженцев с учетом международных

стандартов. Неправительственные организации играют жизненно важную роль в озвучивании и осуществлении международных стандартов по правам человека. Нарушение таких стандартов как на национальном, так и международном уровне ведет к подрыву всей системы защиты прав человека.

В связи с усилением миграционного кризиса в 2015 году и неготовностью Европейского союза к приему и распределению потока беженцев и нелегальных мигрантов, роль участия неправительственных структур, которые способны привлечь внимание международного сообщества и оказать конкретную помощь на местах, возросла. УВКБ ООН и НПО выступают в данном процессе как партнеры. Совместно они предоставляют беженцам материальную помощь, создают и поддерживают лагеря для беженцев, сообщают о нарушениях прав человека и осуществляют деятельность по нескольким направлениям.

Наблюдается не только резкий рост числа мигрантов и беженцев, но и изменения в социальной принадлежности людей, ищущих лучшей доли в иностранных государствах. Миграционные службы государств Европы вынуждены менять ранее отработанные схемы тщательных проверок беженцев в сторону ускорения процесса выдачи разрешений на пребывание на своей территории, ранее такая проверка могла занимать до 6 месяцев. В новых реалиях многотысячных миграционных волн остро ощущается нехватка административных ресурсов, недостаток средств на содержание большого количества людей в центрах временного размещения. В этой связи вводятся упрощенные протоколы работы с беженцами, остро встает вопрос об их ускоренной интеграции в европейское общество. По некоторым оценкам сейчас на территории Европейского союза находится около полутора миллионов беженцев «новой волны», при этом лишь половина – граждане Сирии, покинувшие территорию родной страны из-за реальной угрозы для их жизни. Остальные – это жители стран Северной Африки, Афганистана, Азии, решившие воспользоваться сложившейся ситуацией и получить шанс на жизнь в благополучной Европе.

В середине 2015 г. европейские власти даже были вынуждены приостановить действие Дублинского соглашения 1997г., в соответствии с которым беженец был обязан просить об убежище в той стране Евросоюза, до которой он первой добрался. Сотни тысяч беженцев, скопившихся в Греции, Венгрии, Италии в ожидании принятия решения о предоставлении убежища, практически парализовали нормальную жизнь в этих странах, вызвав недовольство населения. На саммитах стран Евросоюза были приняты решения о вводе квот по приему беженцев, и не все государства были этим довольны. Все убедительней звучат голоса тех, кто ратует за серьезные изменения норм миграционного законодательства ЕС, чтобы

обеспечить как нормальные правовые условия для приема мигрантов, так и соблюдения прав граждан стран Евросоюза. Для всех очевидно, что повышенная бюрократизация европейской системы по работе с беженцами в силу своей неповоротливости не успевает адекватно и своевременно реагировать на новые вызовы. В этом процессе важнейшую роль должны сыграть НПО, деятельность которых направлена на работу с беженцами и мигрантами. Именно они способны наиболее трезво оценить нужды мигрантов, предложить верные взвешенные решения по упорядочению и распределению миграционных потоков внутри ЕС. Таким образом, именно УВКБ ООН может стать тем важнейшим посредником, который при тесном сотрудничестве с НПО сможет подготовить действенные рекомендации для правительств стран ЕС в области урегулирования сложившейся тяжелой ситуации. Именно такая роль в сфере работы с мигрантами и беженцами возложена на УВКБ ООН [4]. Благодаря развитию тесного сотрудничества Управления с НПО, работающие в области обеспечения прав беженцев и мигрантов, страны и регионы, столкнувшиеся в последнее время с миграционным кризисом и оказавшиеся неготовыми к адекватному и эффективному решению эволюционирующих в разных направлениях проблем, должны адаптировать работу своих миграционных служб ориентируясь на рекомендации и доклады УВКБ ООН.

Литература

1. http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml
2. Акмалова А.А., Капицын В.М., Социальная работа с мигрантами и беженцами. М., 2015.
3. Права человека и защита беженцев. Т. 1 // <http://unhcr.ru>.
4. Доклад Верховного комиссара ООН по делам беженцев. Часть II. Стратегический обзор в соответствии с резолюцией 58/153 Генеральной Ассамблеи // <http://www.evolutio.info>.

ЧАСТЬ 7

СЕКЦИЯ «ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА В МАСС-МЕДИА»

(модератор: М.Р. Желтухина)

**ГЛОБАЛИЗАЦИЯ ОБРАЗА ВРАГА КАК ОСНОВНОЙ ВЕКТОР
РАЗВИТИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО МЕДИАДИСКУРСА В XXI ВЕКЕ:
ЧЕРЕЗ ТРАНСФОРМАЦИЮ К СИНЕСТЕЗИИ**

«Человек без врагов, скорее всего, уже мёртв».

Томас Дьюар

«Я различаю среди философствующих два сорта людей: одни всегда размышляют о своей защите, другие – о нападении на своих врагов».

Фридрих Ницше

Социоэкономическая и политическая ситуация в мире создает обуславливается успешное или неуспешное протекание политической медиакommunikации. В свою очередь, медиадискурс и реализующиеся в нем политический, религиозный и другие типы дискурса воздействуют на социально-политическую и экономическую жизнь разных стран. Медиадискурс отражает социально-экономические и культурные отношения внутри государства и между государствами, определяет политико-экономические интересы современного общества. Эффективность политической медиакommunikации состоит в организации идеологического большинства (политического, религиозного, потребительского, творческого и т.п.), в обеспечении общественного согласия. Изучение глобализации образа врага через призму мировых СМИ выявляет тенденции в его развитии, в установлении влияния на общественное сознание, в формировании политического сознания представителей различных лингвокультур.

Создание и трансформация образа врага в сознании носителей разных языков прослеживаются с древнейших времен и до наших дней. Образ врага претерпевает различные изменения в зависимости от развития цивилизации, условий жизни человека, а также целей, ради которых данный термин используется. Даже синонимический ряд отражает историческую трансформацию образа врага: *ворог, враг, недруг, неприятель, противник, супостат, супротивник, бес, демон, дьявол, лукавый, нечистая сила, нечистый, нечистый дух, окаянный, сатана, черт, чертяка* (<http://diclist.ru/slovar/epitetov/v/vrag.html>). В процессе исследования фактического материала и специальной литературы по истории развития человеческой цивилизации, по особенностям функционирования различных лингвокультур (Гуревич, 1986; Козырев, 2007; Фатеев, 1999; Шеллинг, 2007; Franck, Melville, 2009; Желтухина, Ольшевская, 2014 и др.) выявлено поэтапное формирование образа врага с яркой трансформационной динамикой в зависимости от культурно-

исторических условий развития самой цивилизации.

1. Враг – любой посторонний, претендующий на пищу.

В древние времена, в эпоху первобытнообщинных отношений, врагом считается любой чужак, не принадлежащий данному конкретному племени. Чужеродность определяется по внешнему виду, поведению, манере речи, традициям. Любой чужак изначально считался врагом и подлежал уничтожению.

Обусловленность: крайне низкое качество жизни, скудные запасы пищи, тяжелые условия, ранняя смерть, боязнь внешнего, неизвестного, чужого.

2. Враг – враг государства, внутренний и внешний, с иными взглядами, покушающийся на власть.

В эпоху Римской Империи врагом объявляется не только внешний враг, принадлежащий другой нации или стране, но и собственный гражданин с иными взглядами, отличными от официальных взглядов. В данном понимании врага структура «чужеродности» размывается, «враг» приобретает не только агрессивность и враждебность, но и таинственную вездесущность, скрытую власть и потому становится более опасным и непредсказуемым.

Обусловленность: рабовладельческий строй с крайне низким коэффициентом труда, сильным расслоением общества и стремлением к неограниченной власти.

3. Враг – иноверец.

В эпоху раннего средневековья II – VI вв. н.э. «врагом» выступают язычники, сопротивлявшиеся установлению Христианской религии, а также многочисленные еретики и схизматики, трактовавшие тексты Святого Писания на собственный лад.

Обусловленность: переходный период от рабовладельческого строя к феодальному, ломка экономических связей, борьба за власть Христианской церкви как рычага давления на массы.

4. Враг – любой человек как игрушка дьявола.

В эпоху позднего средневековья VI – XII вв. н.э. борьба с еретиками и отступниками приобретает наиболее выраженный характер борьбы с мировым злом “realm of evil”, с проявлением воздействия дьявола, сатаны на мир людей. Образ врага трансформируется от обозначения конкретных людей или народов до «всеобщего зла», использующего пороки и слабости конкретных людей в борьбе против Бога.

Обусловленность: необходимость безграничной власти, поддерживаемой всеобщим страхом перед неким врагом.

5. Враг – мракобес, любой человек, тормозящий развитие прогресса.

В эпоху Возрождения XIII – XVII вв. н.э. с развитием искусств и

наук в Европе появляется новое понятие, включающее в себя ярко выраженный образ врага: «мракобесие». Под этим понятием подразумевается любой конкретный человек, государственные или религиозные структуры, а также общества, объединения и союзы, противопоставляющие науку и искусство основам морального существования человечества и трактующие библейские заповеди вне рамок развития социума.

Обусловленность: быстрое экономическое развитие, переходный период от регрессивно-феодального к капиталистическому строю, необходимость быстрого развития экономики, науки и искусства.

6. Враг – любой, препятствующий установлению новых экономических связей, нового строя.

В ходе Великой французской революции 1798 – 1799 гг. «враг государства» приобретает новое значение «приверженец старого порядка», приверженец монархии и феодального строя. В данном случае, как и при правлении Римской Республики, смысл данного термина расплывчат и не поддается конкретному определению. Противником революции оказывается и аристократ, и мещанин, и простолюдин. Поскольку преимущественно аристократ рассматривается как «враг государства и народа», постольку он подвергается наибольшим гонениям и смерти.

Обусловленность: резкое изменение экономических условий, необходимость быстрого перехода к капиталистическому строю, где главную роль играет не «кровь», а заслуги и достижения. (Например, реформы Петра I в России).

7. Враг – конкурент, любая личность, компания, фирма или страна, претендующая на рынок сбыта, рынок труда или ценовую нишу товаров.

С развитием буржуазных отношений в Европе в XIX веке, формируется новый «образ врага» – конкурент. Данный экономический термин содержит скрытый смысл: конкурентная борьба разворачивается между частными или юридическими лицами, компаниями, странами. Например, Великобритания в середине 19 века становится одной из самых мощных метрополий, захватив множество стран, в качестве колоний. С появлением данного политико-экономического феномена «образ врага» приобретает двойственность, поскольку политической и экономической системе Метрополии уже противостоит не один, а два врага: завоеванные народы и конкурирующие страны (в XVII-XVIII веках Великобритании противостояли Голландия и Испания). Война «на два фронта» привела к падению последних колониальных режимов в середине XX века в Африке.

Обусловленность: раздел рынка сбыта, захват дешевой рабочей силы для снижения себестоимости товара и повышения прибыли.

8. Враг – государство или группа государств, силой оружия

устанавливающие собственный режим на территории других стран / террорист.

С началом Первой Мировой войны в XX веке понятие «враг» приобретает новое значение в политическом и военном смысле. Это не только страна или нация, а политический и экономический «альянс» государств с общими экономическими и политическими интересами. Например, Антанта (Франция и Великобритания) и Тройственный Союз (Австро-Венгрия, Германия и Италия). Подобная схема прослеживается *в годы Второй Мировой войны (1939 – 1945)*: Союз Германии, Австрии, Италии и Японии и союз СССР, Великобритании, США.

Обусловленность: глобализация борьбы за рынок сбыта, использование ресурсов, за власть в мире и установление идеологического порядка (фашизм, социализм).

Исходя из представленной хронологии, выделим пять доминант в развитии и трансформации понятия «образ врага»:

1) «враг – чужак» – конкретный посторонний человек или племя, претендующий на пищу (древние времена);

2) «враг государства» – враг и вредитель, наносящий урон основам государственности (эпоха Римской Империи);

3) «враг Бога и рода человеческого» – олицетворенное зло, управляющее людьми посредством их слабостей и пороков, иноверец (средние века);

4) «враг народа» – враг, выступающий против развития нации и экономики (эпоха Возрождения и буржуазных революций);

5) «политико-экономический враг / конкурент / террорист» – союз нескольких государств в борьбе за собственные экономические, политические и религиозные интересы (XX-XXI века).

Проблема глобализации образа врага в последние десятилетия претерпевает коренные изменения из-за растущего влияния СМИ и их тотального проникновения во все сферы деятельности человечества. Создаваемый и трансформируемый в массмедиа образ врага зависит от множества исторических, экономических и личностных факторов, которые определяют цели, направленность, действенность, эффективность продуцируемого и тиражируемого образа врага, а также целевую аудиторию, на которую направленно данное воздействие. Анализ специальной литературы [Ильичёв, Федосеев, Ковалёв, Панов, 1983; Самоукина, 1997, с. 245; Райзберг, Лозовский, Стародубцева, 1999, с. 40; Козырев, 2007, с. 64-79; Санжаревский, 2010, с. 198; Желтухина, 2003; <http://diclist.ru/slovar/epitetov/v/vrag.html> и др.] и фактического материала позволил установить, что основными критериями дифференциации образа врага в политическом медиадискурсе выступают следующие критерии:

1) *личностные качества* (благородный, высокомерный, кичливый,

дерзкий, наглый, ненавидящий, назойливый, неугомонный, упрямый, черный, злобный, злой, яростный, ярый (простореч.), лютый, жестокий, безжалостный, беспощадный, матерый, хищный, лукавый, коварный, хитрый, злохитрый (устар.), подлый враг и т.п.),

2) *степень угрозы* (слабый, пассивный, скрытый, сокрытый (устар.), тайный, потенциальный, явный, опасный, страшный, сильный, мощный, озлобленный, агрессивный, остервенелый (разг.), разъяренный, мстительный, вероломный, непримиримый, неумолимый, заклятый, смертный, смертельный враг и т.п.),

3) *масштаб причинения вреда* (общий, расовый, классовый, идейный, идеологический, личный, кровный, враг самому себе, враг государства, враг народа, враг всего живого и т.п.),

4) *восприятие адресата* (клятый (простореч.), проклятый (разг.), распроклятый (разг.), ненавистный враг и т.п.),

5) *темпоральность* (вековечный, вечный, извечный, исконный, старинный, старый, давний, долголетний, закоренелый, заядлый (разг.) враг и т.п.),

б) *сфера деятельности* («враг» в политике, дипломатии, военной сфере, экономике, теософии и религии, идеологии, психологии, социологии, юриспруденции, медицине и т.п.).

Остановимся подробнее на разграничении разновидностей врагов по сферам жизнедеятельности человека.

1. Политический враг – оппонент, имеющий противоположные политические взгляды, конкурент в предвыборной кампании. Оппонент (лат. *opponens, opponētis* – возражающий) – противник в споре; лицо, выступающее с возражениями, опровергающее частично или полностью чьи-либо мнения и суждения, высказываемые в споре, дискуссии, диспуте. Поскольку предвыборные технологии диктуют жесткие условия конкуренции, то политические оппоненты могут быть охарактеризованы, как «враги», при этом образ врага формируется и целиком зависит от политических взглядов и настроений не только самих оппонентов, но и электората. Например,

Какая оппозиция нужна России? Вопрос о необходимости оппозиции с повестки дня снят. Нужна! <...> Чего греха таить, иные оппозиционеры не боятся таких обвинений в свой адрес, потому, что для них Россия – «ЭТА» страна, а народы России вовсе и не Народ, а так – «послушное большинство». Этих людей нельзя относить к оппозиции, они в прямом смысле пятая колонна зарубежных сил, преследующих цели развала и последующего уничтожения России, как самостоятельного государства. Это, своего рода, «троянский конь», которого в современном обличи демократии и борьбы за неё, заводят на наши политические ристалища. Это открытые враги России. Они не боятся

признавать этого факта, в отличие от нас, боящихся вслух подтвердить их признание. Мы боимся назвать их врагами, из-за опасения быть обвинёнными в поиске новых «врагов народа», а они, зная об этой, нашей, боязни, ведут себя вызывающе враждебно (<http://www.apn.ru/publications/article33339.htm>, 27.10.2015).

В развернувшемся кризисе российско-американских отношений едва ли не единственный метод противостояния – информационная кампания, направленная на формирование негативного общественного мнения в отношении противника. Разнообразные методы информационной агрессии применяются как американским, так и российским политическим руководством. (http://russianscouncil.ru/inner/?id_4=5900#top-content)

2. Дипломатический враг (если это не явный враг, объявивший войну) – потенциальный партнер или потенциальный противник. Дипломатия строится не на конфликте, а на доводах убеждения и системе компромиссов, поскольку в отношениях дружественных государств отмечается часто наличие скрытого конфликта с непредсказуемым развитием. Например, «газовые» и «нефтяные» конфликты между Россией и Украиной (конец 2005, 2014-2015гг.), между Россией и Белоруссией (конец 2006 – начало 2007 гг.), в Ираке, Сирии, Иране, Саудовской Аравии и др. Дипломатия призвана решать подобные конфликты, вне зависимости от насаждения образа врага пропагандой. Например,

Александр Скобов: Дипломатический этикет общения с врагом не допускает панибратства. <...> Если человек сам не является журналистом или политиком, но имеет свои вполне сформировавшиеся идеологические пристрастия, он редко мониторит "вражеские" СМИ. Ему просто не хватает на это времени. Так что он узнает о позиции врага через привычные и понятные "свои" СМИ. Но миссию "Эха Москвы" я вижу не только в том, чтобы просто информировать свою аудитория о позиции идеологического противника. Сегодня, когда общество предельно поляризовано и накал взаимной непримиримости зашкаливает, очень важно сохранить хотя бы минимальные каналы коммуникации с оппонентами. Все войны когда-нибудь заканчиваются. Сегодняшний враг завтра может оказаться партнером по переговорам о мире. <...> Корректность и даже доброжелательность по отношению к идеологическому противнику, сохранение каналов коммуникации с ним вовсе не означают отсутствие дистанции. Напротив, дипломатический этикет общения с врагом не допускает панибратства. Враг все-таки остается врагом, и это должно быть обозначено. (<http://www2.kasparov.ru/material.php?id=5526BFC3F2545>, 09.04.2015)

3. Военный враг – государство, сообщество или группировка, объявившая официальную или неофициальную войну обществу или государству. Например,

ИГИЛ и безумие четвертой мировой войны. Готовы ли мы направить миллионы солдат, чтобы десятилетиями оккупировать другие страны? Предположим, что «ястребы» добьются своего – и США сделают все, чего бы это ни стоило в военном плане, чтобы воевать с ИГИЛ и уничтожить его. Что тогда? Чтобы ответить на этот вопрос, нужно серьезно относиться к итогам других случаев военного вмешательства, которое предпринимали США в последнее время на Большом Ближнем Востоке. В 1991 году, когда президент Буш-старший выбил армию Саддама Хусейна из Кувейта, американцы возликовали, посчитав, что одержали решающую победу. Десять лет спустя Буш-младший, казалось бы, превзошел своего отца, низвергнув Талибан в Афганистане, а затем разделившись и с самим Хусейном – лихо освободив сразу две страны за короткий промежуток времени, гораздо быстрее, чем американцы выбирают президента. Еще через десять лет освободительными акциями занялся Барак Обама, свергнув ливийского диктатора Муаммара Каддафи в ходе «аккуратного» и весьма результативного вторжения ВВС США. Госсекретарь Хиллари Клинтон тогда произнесла незабываемую фразу: «Мы пришли, мы увидели, он мертв». И точка! В действительности последующие события в каждом из этих случаев свели на нет первоначальные заявления об успехе или о полной победе. Возникли непредвиденные последствия и многочисленные трудности. Оказалось, что «освобождение» – это лишь прелюдия к непрекращающемуся насилию и социальным потрясениям. Ведь само существование «Исламского государства» (ИГИЛ) сегодня является окончательным приговором тем войнам в Ираке, которыми руководили президенты отец и сын Буши, каждого из которых подстрекал к этому преемник-демократ. В результате фактического сотрудничества четырех администраций подряд Ирак превратился в то, чем он является сегодня – неработоспособное, не справляющееся со своими функциями квази-государство, не способное контролировать свои границы или территорию, и при этом служащее приманкой и источником вдохновения для террористов (<http://inosmi.ru/military/20151207/234691520.html>).

4. Экономический враг – 1) конкурент (лат. *concurrēns* – состоящий) как лицо, группа лиц, фирма, предприятие, соперничающие в осуществлении схожих целей, в желании обладать теми же ресурсами, занимать выгодное положение на рынке (юридический аспект), 2) олигарх или коррупционер (обывательский аспект). Образ олигарха очень ярко отображен российскими СМИ, его наделяют классическими чертами врага: «хитрый», «жадный», «вороватый». Образ коррупционера также близок к образу олигарха, несмотря на то, что оба образа являются зеркальным отражением друг друга: олигарх обладает большими средствами и тайной властью, а коррупционер – должностной

властью и тайными средствами. Оба в равной степени представляются «врагами» для обывателя, в то время как государство относится относительно либерально к олигархам, и непримиримо к коррупционерам (сфера интересов и вопрос этики). Например,

Кэмерон назвал коррупцию врагом прогресса и призвал объединить усилия в борьбе с ней. Британский премьер Дэвид Кэмерон заявил, что Лондон не должен становиться местом, где можно спрятать полученные преступным путем денежные средства. ([http://gordonua.com/news/worldnews/SMI-Kemeron-nazval-korruptsiyu-vragom-progressa-i-prizval-obedinit-usiliya-v-borbe-s-ney-91773.html](http://gordonua.com/news/worldnews/SMI-Kemeron-nazval-korruptsiyu-vragom-progressa-i-prizval-obedinit-usiliya-v-borbe-s-ney), 29.07.2015)

5. Теософический / религиозный враг – 1) антагонист бога, враг всего живого, в первую очередь, человека; 2) религиозный фанатик как противник другой религии, конфессии. В наше время в первую очередь приходится говорить об агрессивности различных религий и конфессий по отношению друг к другу. Например,

*«Религиозный экстремизм – враг истинной веры». Религиозный экстремизм сегодня – это проблема как сильных, так и слабых стран как на Западе, так и на Востоке. Но в каждой стране, в каждом обществе есть свои особенности. Что представляет собой религиозный экстремизм в Казахстане? В чем его корни, и каковы пути борьбы с этим злом? «Исламское государство – враг всех мусульман». Конфликт в Сирии, начавшийся с протестов граждан, вышедших на улицы с чисто политическими лозунгами, давно приобрел черты религиозной войны. Исламисты намеренно преувеличивают значение конфессионального фактора, стараясь представить происходящее войной угнетенных суннитов против шиитов. Однако на самом деле «Исламское государство» и другие подобные группировки не представляют интересы суннитов. С равной жестокостью они уничтожают как христиан, езидов, шиитов, так и менее радикально настроенных собратьев-суннитов. Об этом рассказал Politanalitica.ru президент Института религии и политики Александр Игнатенко. «Лента.ру» предлагает читателям сокращенную версию этого интервью. **«Лента.ру»: Насколько в сирийском конфликте важен религиозный фактор? Игнатенко:** Война ведется под лозунгами борьбы против засилья мусульманского меньшинства – алавитов (шиитов) – и защиты «угнетенного» суннитского большинства. Хотя в Сирии отнюдь не алавитский режим. Там режим Партии арабского социалистического возрождения (БААС), чьей идеологией является светский, нерелигиозный арабский национализм левого, социалистического толка. Основал БААС в конце 40-х годов прошлого века православный христианин, в партии всегда были представлены все религии и конфессии, исповедуемые арабами, – и*

мусульмане (сунниты и шииты), и христиане. Нынешнее обострение антишиизма обусловлено потребностью в мобилизации суннитов на войну против Сирийского государства. Суннитов вовлекают в качестве «моджахедов» – воинов «джихада» – в группировки типа «Исламского государства» и «Джебхат ан-Нусра». Обе они – дочки «Аль-Каиды». **Получается, что сегодня союзники России – шииты, а враги – сунниты? При том, что подавляющее большинство российских мусульман – сунниты.** Нет, это совсем не так. Когда президенту Путину задали вопрос, не выступает ли Россия сейчас на стороне шиитов, он ответил: мы не выступаем на стороне шиитов или суннитов – мы боремся против терроризма. И здесь нужно подчеркнуть: Россия до начала бомбардировок «Исламского государства» и родственных ему группировок в Сирии предлагала арабийским монархиям проект сотрудничества всех государств региона, включая и суннитскую (ваххабитскую) Саудовскую Аравию, и шиитский Иран, в единой и скоординированной борьбе против терроризма. Ведь «Исламское государство» грозит свергнуть династию Саудитов и захватить («освободить», говорят они) священные города всех мусульман Мекку и Медину. То есть происходит то же самое, что и с прежней «Аль-Каидой»: голем терроризма в очередной раз обращается против своего создателя. Но саудовцы отказались войти в такую коалицию. Хотя дверь остается открытой.

(<http://lenta.ru/articles/2015/10/23/ignatenkoonislamism/>)

6. Идеологический враг – враг по системе взглядов и идей, в которых осознаются и оцениваются отношения людей к действительности и друг к другу, социальные проблемы и конфликты, а также содержатся цели социальной деятельности, направленной на закрепление или изменение данных общественных отношений. В сфере идеологии образ врага является функциональным средством достижения идеалистических целей. Он эксплуатируется для обоснования собственных идей и взглядов, и насаждения стереотипов, которые срабатывают при определенных условиях. Например,

Весь этот «глянец» – мираж, за которым скрывается античеловечность создателей, спонсоров и союзников «Исламского государства». И, конечно же, очень много материалов, претендующих на то, что они посвящены исламу. Но пропагандисты «Исламского государства» называют исламом тот самый ваххабизм, что служит идеологией и для Саудовской Аравии, и для террористических группировок. Популяризируется и массово практикуется отрезание голов «неверным». Пропагандируется «шахидизм» – самоубийственные террористические акты, в исполнение которых массово вовлекаются дети. С полным основанием я назову это анти-исламом. Но тот, кто не способен

отделить зерна от плевел, может поддаваться этой пропаганде, упакованной в привлекательную обертку. Главная линия фронта в борьбе против «Исламского государства» и родственных ему террористических группировок проходит по душам людей.

(<http://lenta.ru/articles/2015/10/23/ignatenkoonislamism/>)

7. Психологический враг – некий абстрактный объект, наделенный определенными свойствами, направленными на разрушение самой личности через запугивание, прямые и косвенные угрозы изоляции, распространение слухов, насмешки и т.п. Выработка стойкого стереотипа врага проявляется в лице «виновного» в психологических или физических затруднениях, с точки зрения рассматриваемой личности (для ребенка: родители, сверстники, одноклассники или учителя, для взрослых: общества, режимы, партии, страны, правительства и т.д.). Частичная депривация распространяется на самые обширные сферы деятельности человека, начиная от бытовых проблем, и заканчивая искусством, а также социальными сетями, в которых личность контактирует с другими лицами. Например,

Корпоративный психолог – враг соискателя? В кризис руководители подходят к отбору персонала более строго и требовательно. Поэтому психологи кадровых служб иногда просто заваливают соискателя анкетами и тестами. Вопросы в них порой такие, какие не станешь ожидать и с самым близким другом. <...> По словам Мальчикова, психологи тестируют в основном на предмет отклонения соискателя от образа "идеального" работника. При этом, толком не представляя, каким же должен быть этот идеал. Так называемый человеческий фактор не всегда подпадает под научные стандарты. (<http://www.pravda.ru/society/how/defendrights/31-08-2009/322301-psiolog-0/>, 31.08.2009)

8. Социальный враг – актер или отдельная личность, которая препятствует единению общества и разжигает расовую или религиозную рознь; любой психопат, серийный убийца или социопат, совершающий многократные преступления против личности, т.е. враг, дифференцируемый в науке о социуме как целостной системе и о социальных институтах, группах, процессах, механизмах в соотношении с общественным целым. Например,

Социальные конфликты как объективная реальность. Общество и государство исторически находятся в постоянном противостоянии друг с другом, при котором каждая из сторон старается усилить сферу своего влияния. При этом нарушение баланса в пользу любой стороны ведет к дестабилизации общественно-политической ситуации. <...> Социальные конфликты как раз и возникают из-за постоянного дисбаланса интересов между государством и обществом. При этом их

невозможно разделить, поскольку они находятся в постоянном взаимодействии: государство гарантирует гражданские права и свободы и может использовать своё «право на насилие» для защиты общественных интересов, а общество уравнивает политическую систему, осуществляет контроль за властью, ограничивая рост коррупции и злоупотребление полномочиями (<http://www.apn.ru/publications/article34266.htm>, 03.11.2015).

Социальный враг России. Каких только страшилок не рассказывают про социальные сети и интернет. Последний, например, приравнивали к наркотикам. Социальные сети же затягивают настолько, что человеку больше не нужен секс, а за всеми пользователями таких ресурсов следят. Несмотря на все это россияне подобные ресурсы не пугают, в итоге, по данным компании Entensys, почти четверть рабочего трафика в нашей стране приходится на социальные сети. Россия теряет огромные средства на этом (https://hi-tech.mail.ru/news/socset_vs_work/, 24.03.2010)

9. Юридический враг – группа лиц или частное лицо, которое нарушает нормы права, преступает закон и повинен в преступлениях против личности или общества. Для борьбы с таким врагом государство имеет эффективные органы и средства, а также законодательную базу. Например,

Прикрываются лозунгами о борьбе с коррупцией и раскачивают лодку! Борис Дубровский обозначил врагов Челябинской области «Мы достигли существенной экономии госсредств и оторвали от кормушки не одну паразитирующую структуру. Сделали прозрачной систему госзакупок, вынесли на общественное обсуждение десятки социально значимых вопросов», – подчеркнул глава региона. Однако, по словам Бориса Дубровского, такое положение дел понравилось не всем. Какие-то нехорошие люди, «прикрываясь лозунгами борьбы с коррупцией, используя болевые точки в экологии, экономике и социальной сфере», пытаются, преследуя корыстные цели, вернуть себе былое влияние. Помогают им в этом общественные группы и сообщества пользователей социальных сетей в интернете, которых используют «вслепую». Последствия этой активности могут нарушить стабильность в регионе, сообщил губернатор. (<http://www.verstov.info/news/society/53085-prikrvayutsyalozungami-o-borbe-s-korruptciey-i-raskachivayut-lodku-boris-dubrovskiy-oboznachil-vragov-chelyabinskoy-oblasti.html>, 22.11.2015)

10. Медицинский враг – враг как абстрактное явление, которое не только вредит здоровью человека, но также является существенной угрозой самой жизни, т.е. болезни, вредные привычки. Медицина формирует в сознании общества образ конкретной опасности, которая убивает медленно, изнутри. Для воздействия на эмоции и чувства адресата применяются различные выразительные средства (тропы и фигуры).

Например,

"Капля никотина убивает лошадь". Проблема подросткового курения становится все острее. Все больше подростков начинают курить со школьной скамьи. Установили, что люди, начавшие курить до 15-летнего возраста, умирают от рака легких в 5 раз чаще, чем те, которые начали курить после 25 лет. Смертельная доза никотина для взрослого – пачка, выкуренная сразу. Для подростка – пол пачки. Не зря говорят: "Капля никотина убивает лошадь". Вообще, каплей чистого никотина можно убить 3-х лошадей. А ведь помимо никотина в сигаретах содержится очень много ядовитых веществ, вредных для растущего организма. Были даже зарегистрированы случаи смерти подростков от подряд выкуренных 2-3 сигарет – из-за резкого отравления жизненно важных центров, в результате которого наступала остановка сердца, и прекращалось дыхание. Так 23 мая 2013 года активисты ВОО «Молодая Гвардия Единой России» провели акцию обмен сигарет на конверт с сюрпризом. В конверте лежала информационная записка в котором было написано: «Ура + 5 и > мин к жизни.

(<http://www.timregion.ru/socsfera/molodezh/13855-q---q>, 24.05.2013)

Соль – белый враг человека? Ведущие предложили аудитории высказаться с помощью голосования – вредна ли поваренная соль, по их мнению, или нет. Не помню точных цифр, но в большинстве оказались те, кто признал соль «белым врагом». Между тем сами врачи «виноваты» в появлении этого мифа – они настойчиво объясняли людям с гипертонией и склонностью к ней, что злоупотребление солеными продуктами чревато последствиями. Но, как всегда в рождении мифов, людское сознание опустило слова «злоупотребление» и «склонным к гипертонии», получилось, что всем вредно есть соль.

(<http://www.sibmedport.ru/article/322-sol-beliy-vrag-cheloveka/>)

Медицинский враг может носить не только отрицательный для человека характер, но и положительный. Например,

Новокаиновая блокада – враг острой боли. <...> Новокаиновая блокада применяется как метод неспецифической терапии, направленной на временное устранение периферической нервной проводимости, а также для воздействия на регуляторные функции центральной нервной системы. <...> В большинстве случаев новокаиновая блокада проводится при остром орхоэпидидимите. (<http://med88.ru/stati/4689:novokainovaya-blokada-vrag-ostroie-boli/>)

В результате проведенного исследования установлено, что в некоторых сферах деятельности, например, таких, как политика, экономика, социология и дипломатия, враг обычно не называется «врагом», он именуется «оппонентом», «противником», «антагонистом», «недругом» или «потенциальным неприятелем». В психологии и медицине

враг отождествляется с «болезнью» или «проблемой», которые угрожают не только здоровью, но и самой жизни человека. Однако признаки «врага» сохраняются в полной мере. При этом очень часто трудно определить точно тип врага, поскольку он зависит от пересечения множества факторов из разных сфер деятельности человека, что позволяет говорить о комплексности образа врага, создаваемого адресантом и воспринимаемого адресатом. Например,

- Чтобы эффективно противодействовать религиозному экстремизму, необходимо, условно говоря, знать врага в лицо. Как вы представляете себе сегодняшнего экстремиста? – Все понимают, что экстремизм начинается с идеологии, то есть с тех идей, которые мотивируют и направляют людей к действию. Поэтому религиозный экстремизм можно назвать последствием распада СССР, когда рухнули старые идеалы, а новых общество еще не создало. Именно тогда потянулись к постсоветскому пространству со всего земного шара различные варианты общественного и государственного устройства. Не остались в стороне и зарубежные религиозные и религиозно-политические группы. Следует учитывать, что в непосредственной близости от наших западных границ проходили боевые действия Российской Федерации против боевиков, которые заявляли о своем праве на суверенное отделение на основе собственных религиозно-политических представлений. Эти события имели идейные отклики на территории западных областей Казахстана. В итоге, в таких условиях именно молодежь, как поколение на разломе эпох, в первую очередь подверглась идеологическому влиянию, а, может даже, идеологической диверсии со стороны зарубежных экстремистских центров. Поэтому сегодня портрет экстремиста – это, в общих чертах, портрет человека 20-30 лет, который воспринял пришедшие извне идейные установки, а иногда даже подвергся идеологической манипуляции. К этому необходимо добавить слой социальных проблем. Дело в том, что не все в силу субъективных и объективных причин находят свое место в жизни, могут поступить в университет или устроиться на хорошо оплачиваемую работу. Чувство отчужденности от ряда социальных благ толкает молодого человека на некий «рваниз». Для этого ему хочется стать частью какой-то значимой и влиятельной группы или даже общественной силы. В 1990-х годах, мы помним, молодежь стремилась войти в какие-то бандитские группы. Потом это стало неактуальным. Сегодня находится иной канал выхода маргинальной энергии – религиозный экстремизм. Поэтому экстремист – это обязательно человек с проблемами: идеологическими, социальными, финансовыми, а также психологическими. Ведь иногда у человека есть все: и образование, и работа, и семья, даже таланты, а он уходит в радикализм. Причина – психологическая неустойчивость.

(<http://uknews.kz/news/%C2%ABrelijiozni-ekstremizm-%E2%80%93-vrag-istinnoi-very%C2%BB>)

Другой пример, объединяющий военного врага, дипломатического врага, политического врага:

Недавняя военная активность России в Сирии дает повод предположить, что президент вместо того, чтобы по-хрущевски стучать башмаком по трибуне, планирует грандиозный дипломатический демарш, связанный с предложением помочь или даже возглавить усилия Запада по борьбе с ИГ, пишет FT. "Иногда говорят, что Путин вязывается в дела Сирии, чтобы отвлечь внимание от его бесконечной экспансии на Украине. Вероятно, это слишком простое объяснение. Путин ищет, что предложить Западу, чтобы выторговать разрешение продолжать укрепление российских позиций на Украине", – пишет для BloombergView профессор международного и конституционного права из Гарварда Ноа Фельдман (перевод "Иносми"). По мнению Фельдмана, Путин использует сирийскую игру не как отвлекающий маневр, а как козырь: "Во всем мире не так уж много мест, в которых Россия может предложить Западу что-то нужное. Сирия – единственный регион, в котором Россия способна помочь США и Европе". "Используя метод складного ножа с военной точки зрения и опираясь при этом на дипломатию в отношении Сирии, Путин попытался компенсировать уже понесенный им ущерб за продолжающуюся год авантюру на Украине", – пишет Washington Post. Издание называет действия Москвы "дерзким гамбитом", который, как надеется Путин, может импонировать холодной логике и нуждам Запада.

(https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2015/09/25/610243-smi-vozvraschenii-putina#/.VgXanN_kBuo.facebook)

Анализ фактического материала наглядно демонстрирует, что глобализация образа врага выступает одним из основных векторов развития политического медиадискурса в современном мире, воздействуя на страхи и предрассудки современного социума. Эволюционная трансформация образа врага в современном политическом медиадискурсе приводит к синестезии различных представлений в сознании адресата. Чем ярче создаваемый комплексный образ врага, тем больше его влияние на эмоции и сознание общественных масс, тем эффективнее его роль в информационно-психологической войне современных государств. Взаимное (перекрестное) формирование образа врага в медиaprостранстве разных лингвокультур – это не столько информационная война, а объективный тренд, который скорее можно назвать «информационной агрессией» или «информационной атакой», негативные последствия которой могут ощущаться еще долгое время, независимо от нынешних политических противоречий (http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=5900#top-

content). Исполняя роль глобального инструмента в ходе психологической и информационной войны, образ врага должен выполнять следующие функции в современном политическом медиадискурсе³⁶³: 1) реализовывать содержательные и статистические потребности: информировать об угрозе врага; о его характеристиках, о санкциях к нему, о возможном ущербе и компенсации и т.п.; 2) создавать условия, обеспечивающие «снижение риска использования информационных и коммуникационных технологий в военно-политических целях для осуществления действий, противоречащих международному праву, направленных против суверенитета, политической независимости, территориальной целостности государств и представляющих угрозу международному миру, безопасности, глобальной и региональной стабильности»

(http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=5900#top-content);

3) соответствовать интенциям противоположной стороны, создающей целенаправленный образ врага; 4) эксплицировать оценку поведения врага в рамках традиций, ценностей, стереотипов лингвокультуры; 5) раскрывать антигуманность и преступность существования врага; 6) консолидировать внутренние и внешние силы для борьбы с врагом; 7) привлекать новых сторонников.

Литература

1. Гуревич П.С. Образ врага. Москва, 1986. С. 279. URL: http://www.manwb.ru/articles/world_today/tolerance/EnemImag_PavGurevich/
2. Желтухина М.Р. Тропологическая суггестивность массмедиального дискурса: о специфике речевого воздействия тропов в языке СМИ. Волгоград, М.: ИЯ РАН, ВФ МУПК, 2003.
3. Желтухина М.Р., Ольшевская Е.О. Трансформация образа врага в культурно-историческом процессе // Актуальные проблемы современной лингвистики глазами молодых ученых: Материалы IV Всерос. науч. семинара с междунар. участием / отв. ред. Е.В. Шпар. Уфа: РИЦ БашГУ, 2014. С. 81–84.
4. Козырев Г.И. «Враг» и «образ врага» в общественных и политических отношениях // Социологические исследования. Москва, 2007. Т.7. С. 64–79.
5. Райзберг Б.А., Лозовский Л.Ш., Стародубцева Е.Б. Современный экономический словарь. 2-е изд., испр. М.: ИНФРА-М, 1999. 479 с. URL: <http://dic.academic.ru/searchall.php?SWord=%D0%BA%D0%BE%D0%BD%D0%BA%D1%83%D1%80%D0%B5%D0%BD%D1%82&stypе=0>
6. Самоукина Н. Энциклопедия практической психологии «Психологос». – М: Издательство: ИНТОР, 1997. 480с. URL: <http://www.psychologos.ru/articles/view/deprivaciya>
7. Санжаревский И.И. Политическая наука: словарь-справочник. М., 2010. 328 с. URL: <http://enc-dic.com/polytology/Opponent-1064.html>

³⁶³ См., например, «Основы государственной политики Российской Федерации в области международной информационной безопасности на период до 2020 года» (утв. Президентом РФ 24.07.2013 N Пр-1753).

8. Фатеев А.В. Образ врага в советской пропаганде. 1945-1954 гг. // Монография / под ред. Петрова Н. К.; Ин-т рос. истории РАН. Москва, 1999. С. 12. URL: <http://psyfactor.org/lib/fateev0.htm>
9. Философский энциклопедический словарь / Ильичёв Л. Ф., Федосеев П.Н., Ковалёв С.М., Панов В.Г. М.: Сов. энцикл., 1983. 210с. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/421/%D0%98%D0%94%D0%95%D0%9E%D0%9B%D0%9E%D0%93%D0%98%D0%AF
10. Шеллинг Т. Стратегия конфликта. М.: ИРИСЭН, 2007. 366 с. URL: http://www.piter.com/upload/contents/978549807937/978549807937_p.pdf
11. Franck J.D., Melville A.Y. The Image of Enemy and the Process of Change. 2009. P. 34. URL: <http://www.milkingtheherd.com/images/The%20Image%20of%20the%20Enemy%20and%20the%20Process%20of%20Change.pdf>

ЛИНГВОПОЛИТОЛОГИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ АНАЛИЗА ТЕКУЩЕГО МОМЕНТА

Сейчас не вызывает сомнения существование такого направления в современной лингвистике, которое называют «политическая лингвистика». Представители этой дисциплины активно и в целом успешно занимаются рассмотрением различных особенностей – языковых, перлокутивных, композиционных и т.п. – текстов, создаваемых в рамках политических коммуникаций, (аналитические статьи, политическая публицистика, заявления, манифесты, речи политиков и государственных деятелей и т.п.). Основанием для объединения этих исследований является сфера использования языка. И в этом смысле политическая лингвистика стоит в одном ряду с такими существующими или существовавшими раньше направлениями языкознания, как «язык СМИ», «юридический дискурс» и т.п.

В рамках политической лингвистики имеется несколько направлений, связанных не только сферой объекта, но и подходом к изучению его особенностей. В частности, когнитивный подход в политической лингвистике позволяет изучать политическую метафору, а перлокутивная лингвистика обращает внимание на политические тексты с позиций воздействия на массы.

Иногда для обозначения того же направления используют термин лингвополитология. Однако, учитывая содержательное разнообразие исследований в сфере политической лингвистики, термин «лингвополитология» целесообразнее использовать для направлений, более важных для политологии (см. [Комарова 2012], [Borisova 2013]).

Полученные в лингвистических исследованиях результаты позволяют извлекать знания о состоянии общества и его политических сил, которые могут быть полезными в практическом политическом анализе и в политологических обобщениях, что позволяет говорить о возникающей на стыке наук дисциплине «лингвополитологии».

К лингвополитологическим могут быть отнесены исследования, определяющие социальные характеристики политического деятеля или общественных групп (социолингвистика), определяющих общественное сознание (психолингвистика), являющих средства воздействия на массы.

Попытаемся провести анализ (по необходимости поверхностный и фрагментарный) текущего (осень 2015 года) политического момента с использованием лингвистического инструментария, разрабатываемого лингвополитологами.

1. Первым шагом во многих исследованиях политических текстом часто оказывается **контент-анализ**, позволяющий в своих разновидностях определить наиболее часто используемую лексику, а на этой основе - актуальные понятия. При обращении к учету сочетаемости мы получаем возможность принять во внимание оценки, выражаемые в определениях понятия, сферу, с которой это понятие связывается.

В последние два-три месяца достаточно заметным среди общественно-политической лексики оказалось такое слово, как война, причем не столько в переносном значении (*война санкций, война взглядов, война с терроризмом, торговая война с Турцией*), сколько в прямом (*война на Ближнем Востоке, война с ИГИЛ, гибридная война, атомная война, мировая война, война с Россией, война между Россией и Турцией и др.*). Выросло употребление и других слов, входящих в то же семантическое поле: *тыл (американский тыл, донбасский тыл*, еще в мае это слово употреблялось преимущественно в отношении Второй мировой войны *подвиг тыла, труженики тыла*), удар (если в начале года слово чаще употреблялось в спортивном смысле, то осенью военные употребления заметно преобладали над прочими) и т.п. Таким образом, даже на основе пилотных исследований с применением контент-анализа можно вполне однозначно сделать вывод об изменении повестки дня российской политики и выходе на первый план угрозы «горячей» войны.

2. Принадлежность деятеля к той или иной политической силе проявляется в используемой им лексике. Слова, которые характерны для определенной политической силы, мы называем **манifestативной** лексикой [Borisova 1998]. Употребление в СМИ, в речах политических деятелей, представителей власти лексики, манифестативной для определенной силы, свидетельствует о том, что данное СМИ или деятель вольно или невольно связывают себя с этой силой [Дондо 2015]. Причем количество использованных слов, манифестативных для определенной силы, отражает степень связи с этой силой - реальной или демонстрируемой.

Для российских властей по-прежнему отрицательно манифестативной (т.е. совсем не характерной) оказывается «коммунистическая» лексика: трудящиеся (кроме сочетания трудящиеся мигранты), классовая борьба, классовый антагонизм, даже капитализм и социализм. Вместе с тем в язык власти уже несколько лет проникают и закрепляются такие слова, характерные для традиционного дискурса, как *духовный, традиция, исконно* и ряд других.

Отметим, что «красная» лексика стала в последнее время проникать в язык либералов. В частности, в «Новой газете» последнее время стало употребляться слово *народ* в значении, характерном для «левых»: *15 мая 2014 г. - «Новая газета» // Общество. «Страшная история» про*

Константиново ... Когда же они наконец будут служить народу, а не народ им! Екатерина Вулих.

На основании этих наблюдений можно сделать вывод о восприятии властной идеологией ценностей и представлений традиционалистов (что подтверждается и из других источников) и об обращении либеральных сил к представлениям, до недавних пор характерным для прокоммунистической риторики. Последнее проявилось позднее в поддержке экономического протеста дальнбойщиков (осень 2015г.)

3. Достаточно давно при анализе состояния общества учитывается эмоциональная агрессивная лексика (Радченко 2009). Способов ее отслеживания несколько. Пока ни один из методов не позволяет делать однозначных выводов о накале агрессивности в обществе в целом. Однако анализ комментариев в различных социальных сетях показывает, что в определенные периоды наблюдается всплеск агрессии и соответствующих эмоций. Чаще всего это обусловлено событиями в мире и их отражением в медиа: обстрелы Донецка, сбитый самолет над Синаем, теракты в разных странах и т.п. Обратим внимание на такой признак агрессивности, как использование инвективных (обидных) наименований противников. Заметим, что если достаточно долго в адрес лиц, защищающих политику киевских властей, не удавалось придумать действительно обидного слова (*укры, укropy* воспринималось юмористически, что и показало использование слова «укроп» официальной киевской пропагандой), то в последнее время в такой роли используется слово *каклы* (контаминация *хохлы* и *casare*), что представляется оскорбительным для украинцев.

4. Среди других языковых явлений, которые можно привлекать для получения информации о состоянии общества и его политических сил, отметим еще так называемую **дискурсно обусловленную** лексику. Под этим мы понимаем слова, словосочетания и выражения, употребление которых связывается с определенным событием или высказыванием. Например, слово *печеньки* используется для обозначения зарубежной поддержки политических сил с намеком на приветствие митингующих на Майдане зимой 2014 года со стороны представителя Госдепартамента США Виктории Нуланд, которая пришла на площадь и стала раздавать митингующим и милиции то, что в российских СМИ было названо «печеньки» - сдобу, бутерброды и т.п. К таким же словам «со шлейфом связей» можно отнести *рукопожатный, онижедети, яшарли* и многие другие. Часть этих слов переходит в язык, занимая место среди крылатых выражений: *новое мЫшление* (с неправильным ударением, воспроизводящим вариант произнесения Горбачева), *гарант Конституции* (первоначально - о президенте Ельцине), *мочить в сортире* и т.п. Часть уходит из употребления одновременно с ослаблением памяти о событиях, с которыми они были связаны. Так, сейчас трудно понять

распространенные в 90-ые годы цитаты из высказываний Ельцина: *загогулина, паньмашь* и др. Уходят и более поздние «обусловы». Так, вряд ли кто вспомнит сейчас дискурсно обусловленное значение словосочетания *товарищ волк* (обозначение сил Запада В.В. Путиным в его «Мюнхенской речи»).

Таким образом, использование дискурсно обусловленной лексики (не ставшей частью лексико-фразеологического запаса языка) свидетельствует о том, насколько актуально для современного общественного сознания событие, которым обусловлены данные слова. Так, приходится признать, что покинули поле общественного внимания события, связанные с Новороссией: не встречаются сочетания *малазийский боинг, волноваха, «колорад»* (наименование ополченца, используемое ими иронически). Даже само слово *Новороссия* используется только в определенном кругу. Перестало восприниматься слово *Сочи* как символ Олимпийских игр, победы. Недолго задержались там и террористические атаки в Париже, почти не породившие повторяемых выражений. К декабрю 2015 года можно отметить выражение *«удар в спину»*, связываемое с атакой турецкого истребителя, сбившего российский бомбардировщик, которое пока используется для целого ряда событий (например, «удар в спину Эрдогана») с воспоминаниями о первоначальном употреблении. Но долго ли это сочетание будет связано с определенным употреблением - непонятно.

Из более старых «обусловов» можно отыскать пармезан в значении «то, чего лишились россияне в связи с санкциями» и производное значение «соблазн для не вполне патриотичных и духовных граждан». Это показывает, что проблема связей с Западом, имеющая гедонистические коннотации, остается актуальной - хотя и в существенно меньшей степени.

5. Выводы. Таким образом, нами был проделан относительно неглубокий лингвополитологический анализ, соответствующий текущему мониторингу состояния общественного сознания. Использование четырех методов позволили сделать определенные выводы о состоянии политических сил и российского общества. Часть выводов более или менее очевидна и могла быть сделана путем применения иного политологического инструментария. В частности, это констатация того факта, что власти в публичной сфере стали существенно больше обращаться к традиционалистской идеологии. Заметим, что обращение к социально ориентированному «красному» дискурсу данные лингвополитологии практически не выявляют, что можно считать значимым выводом. Нетривиальным можно считать и заключение об обращении либеральных сил к левой риторике. Более глубокие исследования могут показать, насколько это свидетельствует о глубинных

ценностных изменениях, а в какой степени является манипулятивным приемом.

Активизация «оборонного сознания» четко демонстрируется данными контент-анализа. Видимо, этот вывод делается аудиторией, т.е. населением России, самостоятельно, и без подсказок исследователей. Однако работает при этом тот же прием - учет используемой лексики, хотя и неосозанный.

Литература

1. Дондо С.А. Основные принципы определения типов общественно-политического дискурса// Политическая лингвистика. № 1 (51), 2015. - СС. 87-91
2. Комарова З.И. Лингвополитология как частная парадигма современной лингвистики: методологический аспект // Политическая лингвистика №4 2012, с 23-33.
3. Радченко О.А. Исследование агрессивного дискурса: проблемы и перспективы //Вестник МГПУ. Серия 1(3) 2009 Сс. 60-66
4. Borisova E. Opposition discourse in Russia: Political Pamphlets 1989-91 // Political Discourse in Transition in Europe 1989-91. - Amsterdam-Philadelphia. 1998. p. 111-130
5. Borisova E. Linguopolitology: Understanding in Political Communication / Understanding by Communication. Eds. E. Borisova and O. Souleimanova. – Cambridge Scholars Publishers. 2013 - pp. 168-176.

СОВРЕМЕННЫЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС: О ВЛИЯНИИ ЭКСТРАЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ НА ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЕ ПРОЦЕССЫ

Интенсивное развитие технологий и глобализация информационного пространства входят, по всеобщему признанию, в число ключевых факторов, определяющих параметры современной коммуникативной среды, важным элементом которой является политическая коммуникация и политический язык. Есть основания полагать, что сегодня специфика политической коммуникации в целом, и ее вербальной составляющей в частности, также во многом обуславливается экстралингвистическими факторами.

Прежде всего, к числу данных факторов следует отнести создание к началу 21 века цифровых коммуникационных сетей и широкое распространение разнообразных средств беспроводной связи, позволивших колоссальным образом увеличить объемы, качество, скорость, дальное действие передаваемой информации и численность участников коммуникации. Учитывая нацеленность политической коммуникации в первую очередь на оказание воздействия на группового адресата и регулирование его политического поведения, эти беспрецедентные изменения в коммуникативной среде привели к сближению (даже симбиозу) политической коммуникации и СМИ, в том числе цифровых и сетевых. Политическая коммуникация вышла далеко за рамки институционального контекста, печатных СМИ, традиционных теле- и радио форматов. Политический язык, фактически, стал неотъемлемой составляющей повседневного коммуникативного взаимодействия.

Существующие на сегодняшний день неограниченные возможности для установления обширных сетевых контактов привели не только к многократному увеличению количества участников коммуникативного процесса, но и к усложнению системы отношений между ними, что, в свою очередь, означает серьезные практические сложности при установлении контроля над коммуникацией на всех уровнях.

Технологические инновации также обуславливают наличие различных альтернативных источников информации, между которыми разворачивается конкурентная борьба, и даже война, за доминирование в национальном и глобальном информационном пространстве. Альтернативность обеспечивает потенциальную верифицируемость любой информации, усложняя использование прямых стратегий и тактик манипулятивного воздействия.

Поскольку в этих новых дискурсивных условиях ключевая задача политической коммуникации, опосредованной СМИ, остается неизменной и заключается в конструировании у реципиентов политической картины мира, соответствующей ожиданиям отправителя сообщения, и формировании мотивации к определенному политически значимому поведению, возникает необходимость применения технологий скрытого воздействия, прежде всего языковых. Эффективность манипулятивного воздействия в современной политической коммуникации отчасти зависит от того, насколько грамотно транслируются имплицитные смыслы, и следует признать, что имплицитная передача идеологически и политически значимых смыслов оказывается более действенной, чем эксплицитная.

Второй фактор, определяющий специфику использования языка в политической сфере и влияющий на лингвокогнитивные процессы, связан с тем, что сегодня на фоне радикальных политических преобразований, происходящих во многих странах, череды серьезнейших экономических и финансовых кризисов, подрывающих стабильность целых регионов, и глобального перераспределения баланса сил за счет укрепления одних государств и ослабления других, теории и практики предпринимают многочисленные попытки дать объяснение всем этим геополитическим изменениям, выявить тенденции мирового развития и представить прогнозы на краткосрочную и долгосрочную перспективу.

Политологи, аналитики и государственные деятели активно используют СМИ (в том числе электронные и социальные) как площадку для выражения экспертного мнения. Проблемы, которые традиционно находились в поле научного анализа, пересекают границы собственно теоретической сферы политической науки, приобретают более практико-ориентированный прикладной характер, становясь предметом общественных дискуссий, в результате чего наблюдается некоторая «популяризация» политического и политологического знания.

Сегодня фактически происходит обусловленная технологическими инновациями **интеграция информационных потоков**, которые ранее были ограничены канонами функциональных стилей и жанров, что, безусловно, отражается на вербальной составляющей политической коммуникации, затрагивая в той или иной степени все уровни языковой системы, но прежде всего, лексическую систему. В частности активизируются такие языковые процессы, как детерминологизация политических терминов, семантическая деривация, возникновение неологизмов и другие.

Следует также отметить, что ряд лингвокогнитивных процессов в современном политическом дискурсе связан с необходимостью осмысления, концептуализации и языковой репрезентации новых

политических явлений и событий, происходящих в стремительно меняющемся мире.

Язык политики – гибкая, динамичная система, чутко реагирующая на изменения, происходящие в политической сфере деятельности человека, и, несомненно, являющаяся неотъемлемой частью единого информационного пространства, формирующегося в современной коммуникативной среде.

Вербальная составляющая политической коммуникации в значительной мере формируется под влиянием внешних факторов: появление новых политических реалий и политологических конструктов стимулирует лингвокреативные процессы в языке, необходимость переосмыслить и дать новую оценку фактам и событиям активизирует эвфемизацию и дисфемизацию, развитие технологий приводит к созданию гибридных жанрово-стилевых форм и возникновению новых форматов, демонстрирующих значительную вариативность в плане отбора и структурирования информации, репертуара языковых и неязыковых средств передачи информации и моделей ее организации, обеспечивающих возможности для эффективного манипулятивного воздействия на массовую аудиторию.

Наиболее заметные изменения, происходящие в политической коммуникации, связаны с тем, что политическая сфера деятельности человека, как никакая другая, подвержена трансформациям и инновациям, и соответственно возникает необходимость осмысления, концептуализации и языковой репрезентации новых политических явлений, событий и процессов.

Помимо кардинальных исторических изменений в современной международной жизни и жизни отдельных государств происходит множество самых разных по масштабам и значимости событий и процессов, и политический язык должен быстро на них реагировать, а значит должен располагать арсеналом номинативных средств для обозначения новых реалий.

Как отмечает В.И. Заботкина: «В последние десятилетия в связи с бурной активизацией деятельностного опыта человека, выразившегося в достижениях научно-технической революции, ословливание мира происходило особенно интенсивно, что естественно отразилось на стремительном росте лексического состава многих языков мира, особенно английского. В настоящий момент английский язык, так же как и многие другие языки, переживает «неологический бум» [1, с.95].

Специфика политической коммуникации, опосредованной СМИ, заключается в том, что «ословливание», фиксация фрагментов политической реальности в картине мира посредством вербальных знаков должна фактически происходить в режиме реального времени. Учитывая, что лингвосемиотическое освоение новых политических реалий нередко

ограничено жесткими временными рамками, основная функциональная нагрузка ложится на средства вторичной номинации, концептуальные основания которых формируются такими лингвокогнитивными механизмами, как концептуальная метафора и метонимия.

Концептуальные метафоры играют важную роль в образовании семантических инноваций, поскольку не только являются своеобразными «когнитивными матрицами», организующими новые фрагменты знания, но и обеспечивают новые концептуальные структуры готовыми именами. Принимая во внимание то, что многие метафорические концепты представляют собой сложные информационные комплексы, имеющие фреймовую структуру, а также тот факт, что только часть этой структуры регулярно репрезентируется посредством языковых знаков, можно говорить об исключительном гносеологическом и лингвокреативном потенциале метафорических концептов.

В процессе концептуализации новых явлений и событий общественно-политической жизни могут использоваться как конвенциональные концептуальные метафоры, являющиеся неотъемлемой частью концептуальной системы того или иного социума, так и новые концептуально-метафорические проекции, задающие аналогии и ассоциации между ранее не сопоставлявшимися областями. Результаты ряда исследований свидетельствуют о том, что концептуально-метафорические основания политического дискурса формируются преимущественно конвенциональными метафорами, что облегчает процесс восприятия и обработки новой информации, делает ее более доступной и понятной для современной массмедийной аудитории, гарантируя относительную простоту декодирования скрытого информационного посыла.

Примером использования конвенционального метафорического концепта для осмысления и языковой репрезентации нового политического феномена может служить словосочетание **the axis of evil** («ось зла»), которое впервые появилось в ежегодном обращении к Конгрессу президента США Джорджа Буша 29 января 2002 и обозначало группу государств, представлявших, по мнению его администрации, серьезную угрозу международной безопасности. В англоязычной лингвокультуре геометрические тела и фигуры используются как сфера-источник в процессе метафорической концептуализации объединений государств, территорий или групп людей. Конвенциональный метафорический концепт Объединения государств / территорий / групп – Геометрические фигуры репрезентируется в англоязычном политическом дискурсе в частности такими выражениями, как the Sunni triangle («суннитский треугольник»), the Axis / the Axis powers / the Axis countries (страны «оси»), a sphere of influence (сфера влияния), variable geometry Europe (Европа с «изменяемой геометрией»).

В определенных дискурсивных условиях при решении конкретной коммуникативной задачи – создать краткое и емкое наименование для группы стран, которые, как считало руководство США, спонсировали терроризм и разрабатывали оружие массового поражения, Дэвид Фрам (спичрайтер Джорджа Буша) использовал конвенциональный метафорический концепт. Результирующее словосочетание the axis of evil, метафоричное в своей концептуальной основе, стало частью современного политического словаря и даже впоследствии использовалось как единое смысловое целое в составе предложного сочетания “Beyond the Axis of Evil” (букв. «за пределами / по другую сторону оси зла») – именно так называлась речь Джона Болтона, с которой он выступил 6 мая 2002, пребывая в должности заместителя госсекретаря США.

В этой связи хотелось бы обратить внимание еще на одну тенденцию, отчетливо прослеживающуюся в современном политическом медиадискурсе: возникновение в рамках актуальной темы лексических инноваций, которые активно тиражируются и исключительно быстро распространяются разноформатными СМИ, формируя наиболее востребованный в данных дискурсивных условиях сегмент политического словаря. Представляется, что сегодня именно благодаря СМИ путь от лексической инновации до формирования системного значения бывает очень коротким.

Поскольку новые номинативные единицы возникают в ответ на ситуационно обусловленные потребности политической коммуникации, они сначала появляются как имя конкретного единичного события, ситуации или процесса, широко используются, а затем либо остаются в политическом лексиконе, либо в силу разных причин выходят из употребления.

Лингвистическая «судьба» семантической инновации в современном политическом дискурсе может складываться по-разному, однако нередко она предопределяется именно экстралингвистическими факторами – глобальным характером и исключительной значимостью проблемы, уникальностью и масштабностью события, статусом и политическим влиянием человека, впервые использовавшего ее, и другими.

В политическом дискурсе лексические единицы, которые изначально репрезентируют в языковой форме результаты концептуализации уникальной ситуации или события, могут со временем использоваться и для осмысления и репрезентации других событий и явлений со сходными характеристиками и параметрами. По мнению Э. Сандера и Д. Хофштадтера, в подобных случаях можно говорить об образовании новой категории, которая на момент создания содержала только один элемент, но затем расширилась за счет включения новых членов по аналогии. В результате данного лингвокогнитивного процесса имя собственное становится именем нарицательным – именем категории. Как отмечают

исследователи, такого рода трансформацию можно наблюдать на примере функционирования лексической единицы **Nine-Eleven** или **9/11**, которая возникла в результате метонимического переноса имени даты события на само событие и использовалась для указания на теракты, произошедшие в США 11 сентября 2001 года, став через некоторое время фактически именем категории «события, имеющие катастрофические последствия»: the 9/11 of the 17th century, the 9/11 of freedom of speech in Europe [2].

В частности, когда в конце ноября 2010 произошла утечка дипломатических телеграмм США, и веб-сайт WikiLeaks и ряд крупных газет опубликовали конфиденциальные документы, американский политик и публицист Патрик Джозеф Бьюкенен назвал эту ситуацию «одинадцатым сентября американской дипломатии» и разместил в интернете статью под заголовком THE 9/11 OF AMERICAN DIPLOMACY: The WikiLeaks dump comes in an age where diplomatic insults are common. Hence, nothing so dramatic as war is likely to result. Still, this is a diplomatic disaster of the first order (<http://www.creators.com/opinion/pat-buchanan/the-9-11-of-american-diplomacy>).

Представляется, что образование новой категории в данном случае было в значительной степени обусловлено экстралингвистическими факторами: масштабом терактов, трагичностью этих событий, ставших страшной вехой в новейшей мировой истории.

Результаты проведенного исследования позволяют сделать вывод о том, что политическую коммуникацию следует рассматривать как дискурсивную деятельность, имеющую определенные концептуальные основания, протекающую в конкретных условиях (политическом, экономическом и социальном контексте), и направленную на каждом этапе коммуникативного взаимодействия на достижение частных прагматических целей, в соответствии с которыми в он-лайн режиме осуществляется отбор языковых средств и их синтаксическое оформление в рамках актуального текстового формата. Концептуальные основания политического дискурса формирует структурированная и упорядоченная система разнообразных знаний о политической сфере деятельности человека, которая постоянно пополняется новыми информационными элементами, встраивающимися в уже сложившиеся ментальные структуры, или же вызывающими их перестройку, что неизменно стимулирует лингвокреативные процессы в политическом языке, специфика протекания которых определяется, в том числе, и экстралингвистическими факторами.

Литература

1. Заботкина В.И. Слово и смысл / В.И. Заботкина. – 2-е изд., испр. и доп. М.: РГГУ, 2014. – 428 с.
2. Hofstadter D., Sander E. Surfaces and Essences: Analogy as the fuel and fire of thinking. Basic Books, 2013.

ЯЗЫКОВОЕ МАНИПУЛИРОВАНИЕ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ СМИ

Сегодня уже ни у кого не вызывает сомнений, что современная политика, охватывающая широчайший диапазон различных явлений - политические сообщества людей, политические субъекты, разнообразные социальные институты и организации, нормативные подсистемы, традиции и ритуалы, методы политической деятельности, политическую культуру и идеологию, средства массовой информации и т.п., чрезвычайно глубоко проникла и укоренилась в повседневной жизни каждого человека. Очевидно, что все многочисленные и разноплановые элементы политического «поля» так или иначе опосредованы дискурсом, отражаются в дискурсе, реализуются через дискурс. Перефразируя французского философа Эмиля Сиорана, утверждавшего что «Человек живет не в стране; человек живет в языке», сегодня можно сказать, что современный человек живет в языке о политике.

Язык и политика - глубоко взаимосвязанные явления. Существует множество мнений различных исследователей относительно проблемы их взаимоотношений. Так, в своей работе «Доминирование и язык: исследование политической терминологии» В. Бергсдорф пишет о том, что «язык является политикой, а политика языком, поскольку власть не может покоиться только на физической и экономической силе, но требует и согласованности в действиях самих правящих классов»³⁶⁴. По мнению Н. А. Ожеван, «язык - не только средство общения, но и разобщения. Не только средство самовыражения, но и средство манипулирования. Не только средство освобождения, но и порабощения языковыми стереотипами. Иначе говоря, язык неотделим от политики и властных отношений и только в этом контексте может быть понят адекватно»³⁶⁵.

И если раньше политический дискурс оставался прерогативой профессионалов, к которым иногда «примыкали» журналисты-политологи, то в последние десятилетия данный дискурс стал неотъемлемой составляющей дискурса СМИ. И здесь нельзя не подчеркнуть, что существование намеренного формирования реальности, в которой действительными оказываются описание событий и ценностей, берущих свое начало из политических коммерческих, маркетинговых,

³⁶⁴ Bergsdorf W. Herrschaft und Sprache. Studie zur politischen Terminologie der Bundesrepublik Deutschland. — Pfullingen: Neske, 1983. — 366 S.

³⁶⁵ Ожеван Н.А. Язык политики и языковая политика: посттоталитарные проблемы преодоления этноязыкоцентризма / Н. Ожеван. – Режим доступа: <http://pandia.ru/text/77/274/555.php>

манипулятивных и других целей создателей медиа-текстов, во много раз усиливает актуальность и ценность лингвистического анализа, который, безусловно, может стать инструментом в выявлении и исследовании того, как значимые и мотивирующие к действию или выбору смыслы актуальных ежедневных политических событий обретают форму и транслируются потребителям в виде конкретных текстов.

Отечественные исследователи подчеркивают, что спецификой политики, в отличие от ряда других сфер человеческой деятельности, является ее преимущественно дискурсивный характер: многие политические действия по своей природе являются речевыми действиями. Это утверждение абсолютно созвучно мнению зарубежных исследователей, подчеркивающих, что политическая деятельность вообще сводится к языковой деятельности.

Отличительной особенностью современной политической жизни является то, что политики все реже непосредственно общаются с населением, выступая перед аудиторией, и все чаще пытаются взаимодействовать с различными целевыми группами через различные средства массовой информации, такие как телевидение, печатные издания и интернет-сайты. Очевидно, что современные СМИ являются крайне эффективным рычагом управления обществом и имеют в своем арсенале множество приемов манипулирования сознанием читателей и формирования общественного мнения. И здесь чрезвычайно важно выявить и изучить те языковые механизмы, к которым прибегают современные СМИ, информируя общество о тех или иных политических реалиях, задавая «необходимый вектор» общественному мнению.

Так, например, недавнее крупнейшее политическое событие – празднование 70-летия ООН и выступления мировых лидеров на ее Генеральной Ассамблее – было освещено СМИ в виде театрального представления-шоу, наполненного открытой и скрытой конфронтацией. Свидетельством тому является множество метафор, выраженных глаголами и существительными, типичными для описания театральных представлений – *play to different audiences, mount the podium; the greatest show on earth, a strong element of theatre, etc.*

*In geopolitics, this is **the greatest show on earth**. For the best part of a week, the world's leaders – more than 150 of them – will mingle, bargain and argue over the state of the world at the UN general assembly in New York.*

*For much of the proceedings, “**show**” is the operative word. When the presidents and prime ministers **mount the green marble podium**, there will be a **strong element of theatre**. They will be **playing to different galleries**,*

*declaiming their positions to their peers in the chamber, but also to domestic audiences*³⁶⁶.

Представляя выступления политиков подобным образом, СМИ формирует образ глобальной политики как театра в целом, а образ каждого отдельно взятого выступающего – как актера, действия которого направлены на «срыв аплодисментов у старой доброй публики». В связи с этим потребители политического дискурса должны быть готовы к выполнению определенных навязанных им текстами СМИ ролей. Формирование подобного восприятия данного события и управление данным пониманием реальности становится возможным посредством подбора необходимых образов, связанных с театральной деятельностью, и их активной вербализацией в СМИ.

Из вышеприведенного примера становится ясным, что манипулирование в политическом дискурсе СМИ имеет скрытый, суггестивный характер, иными словами, целенаправленное использование языка адресантами ведет к формированию определенных моделей как речевого, так и социального поведения, которые потенциально могут исказить картину мира адресатов. Подобное воздействие основано на том факте, что человеческое сознание является преимущественно языковым, а его основой, в свою очередь, является языковая семантика. Следовательно, управляя языковой семантикой, то есть управляя контекстуальными значениями, возможно формировать у объекта собственное мнение, которое по своей сути является результатом направленного воздействия со стороны.

Формирование образа или той и иной роли страны-участника Генеральной Ассамблеи происходит не только непосредственно после самого события, но и носит проактивный характер. Иными словами, реципиенты политического дискурса сталкиваются с нарративами в СМИ, которые заранее готовят их к формированию мнения, заведомо определенного адресантом. Например, обсуждение ключевых тем, которые, по мнению автора статьи в «Washington Post», с очень большой долей вероятности войдут в речь президента России в ООН, направлено на лишение самого выступления новизны и актуальности, а также предполагает шаблонность мышления российской стороны, его предсказуемость и даже возможную неэффективность. Вот некоторые из обсуждаемых возможных пунктов выступления В.В. Путина, приводимых в статье, представленные накануне речи:

Russian President Vladimir Putin is set to give a highly anticipated speech at the United Nations General Assembly on Monday as relations with the

³⁶⁶ Borger J. UN's 70th general assembly: the greatest political show on earth. URL: <http://www.theguardian.com/world/2015/sep/27/un-70th-general-assembly-new-york-putin-obama-syria>.

West have fallen to their worst since the end of the Cold War. Dive into the psyche of the Russian leader with this handy guide to his favorite foreign policy rhetoric.

Provocation – *A popular, flexible Russian word that can mean anything from a biased news article to a false-flag military attack. Basically, it is something that makes you look bad. In Russia's conspiratorial worldview, provocations are everywhere. Putin sees them, too.*

Information war – *A shorthand accusing Western news agencies and other media of harboring anti-Russian bias. This term came into vogue during the height of the fighting in Ukraine, but Putin has believed the Western media is out to get him since long before that.*

Superpower or hegemony – *Putin regularly attacks the United States as a global hegemony and says that Russia has no aspirations to become a superpower*³⁶⁷.

Из приведенных примеров видно, что политические взгляды российского президента якобы сводятся к набору любимых политических клише (his favorite foreign policy rhetoric), одними из которых являются конспираторский взгляд на мир, согласно которому Россию постоянно провоцируют (conspiratorial world view, provocations are everywhere); убежденность в существовании информационной войны, которая давно направлена против президента (the Western media is out to get him since long before that); обвинение Россией Запада в постоянном стремлении к мировому господству при полном отрицании такого стремления у самой России (Putin attacks the United States as a global hegemony and says that Russia has no aspirations to become a superpower), и т.д.

Обзор выступления президента США в СМИ также содержит оценку, навязываемую читателю посредством определенных языковых средств. Так, самоуверенность и агрессивный тон в речи Барака Обамы были переданы через использование выражений: *The US once again goes to war in the Middle East, Mr. Obama threw down the gauntlet rather than looking for conciliation; most un-apologetically pro-American speech to the UN, he's struck a newly-patriotic tone.* Более того, помимо комментирования тона всего выступления, авторы статьи привлекают внимание читателей к отдельным содержательным частям выступления, называя их «важными»: *It is significant that Mr. Obama used such a high-profile speech to refocus attention.*

Five years later, as the US once again goes to war in the Middle East, Mr Obama threw down the gauntlet rather than looking for conciliation. This was Obama's most un-apologetically pro-American speech to the UN. Mr Obama is usually not given to flag-waving but in recent weeks he's struck a newly-

³⁶⁷ Roth A. Live from New York: It's Putin Speech Bingo.

URL: <https://www.washingtonpost.com/news/worldviews/wp/2015/09/28/live-from-new-york-its-putin-speech-bingo>.

*patriotic tone. The White House has been frustrated by Europe's hesitation in confronting Russia and the US media's tendency to forget about the issue. It is significant that Mr Obama used such a high-profile speech to refocus attention*³⁶⁸.

Языковой основой манипулирования общественным сознанием чаще всего становится лексико-семантическая вариативность, создающая «поле» для манипулирования за счет коннотативного контекстуального значения слова, точнее, за счет его воздействия на реципиента. Другими словами, это использование вместо стилистически нейтральных лексических единиц слов с ярко выраженной эмоциональной окраской, воздействующих на подсознание читателя и формирующих его отношение к той или иной информации. Так, накануне выступления мировых глав на торжественном заседании, посвященном 70-летию Генеральной Ассамблеи ООН, «The Guardian» - одно из наиболее влиятельных и известных изданий - прокомментировало данное событие следующим образом, предоставляя своим читателям «политический расклад сил» через употребление внимательно отобранных лексических единиц:

*Within the space of two hours on Monday morning, Presidents Barack Obama, Xi Jinping, Vladimir Putin, Hassan Rouhani and François Hollande will take their turn to speak. Each will try to anticipate and respond to the other, seeking rhetorical advantage and one-upmanship in their claims to global leadership. The global balance of power will be laid out in the open*³⁶⁹.

Процесс манипулирования человеком тесно связан с суггестивным употреблением языка, под которым понимается воздействие на сознание и подсознание реципиента с целью изменения его в желаемом для коммуникатора направлении. Согласно определению И.Ю. Черепановой, суггестия - это «воздействие на человека (прежде всего вербальное), воспринимаемое им без критической оценки, иными словами - латентное (скрытое) речевое воздействие»³⁷⁰. Суггестивное воздействие является неотъемлемой частью любой успешной манипуляции и может осуществляться на всех уровнях языка: фонетическом, морфологическом, лексическом и синтаксическом. Не вызывает сомнений, что вербальная информация, воспринятая на уровне подсознания, обладает огромными манипулятивными возможностями, так как, во-первых, она не

³⁶⁸ Sanchez R. Five takeaways from Barack Obama's speech to the UN. URL: <http://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/barackobama/11119224/Five-takeaways-from-Barack-Obamas-speech-to-the-UN.html>

³⁶⁹ Borger J. UN's 70th general assembly: the greatest political show on earth. URL: <http://www.theguardian.com/world/2015/sep/27/un-70th-general-assembly-new-york-putin-obama-syria>

³⁷⁰ Черепанова И.Ю. Дом колдуньи. Начала суггестивной лингвистики /И.Ю.Черепанова. – Пермь: Изд-во Пермского ун-та, 1995. - С. 14

подвергается критическому осмыслению разума, во-вторых, реципиент пребывает в уверенности, что убеждения, содержащиеся в данной информации, - это его собственные, никем не навязанные убеждения.

Создавая какое-либо сообщение, коммуникатор сознательно или подсознательно догадывается о возможном воздействии того или иного слова на психику реципиента и, если это воздействие может вызвать отрицательные эмоции, а коммуникатор в этом не заинтересован, то он предпочитает заменить его более нейтральным, более уместным в данной ситуации эвфемистическим обозначением. И наоборот, при необходимости человек заменяет слово с нейтральной коннотацией на слово с негативным оттенком значения. Так, например, а *lame-duck American administration has been able to do little...*

Как видим, в данном примере автор использует слова с негативной коннотацией (*lame-duck American administration*) для выражения как личного негативного отношения, так и для нагнетания определенной обстановки для формирования обще-негативного отношения к ситуации.

Таким образом, лексико-семантическая вариативность становится языковой основой скрытого манипулирования общественным сознанием, которое заключается, во-первых, в создании неадекватной информационной модели действительности (искажение, утаивание информации, смещение приоритетов), а во-вторых, в суггестивном воздействии на аудиторию, обусловленном интенциональностью, диалогичностью, оценочностью (эмоциональностью), инсценированностью, что, в конечном итоге, приводит к замене убеждения внушением. Данный процесс в настоящее время наиболее ярко отражается в текстах современных средств массовой информации, основная цель которых – именно воздействие и манипулирование общественным сознанием.

ЯЗЫКОВОЕ МАНИПУЛИРОВАНИЕ В СМИ

*Статья выполнена при поддержке РГНФ (проект № 14-04-00029
«Культурологические и лингвопрагматические аспекты парламентской
коммуникации в странах Евросоюза
(Великобритания, Германия, Франция. Европарламент)»*

Актуальное направление изучения современной лингвистической науки – это исследование возможностей воздействия на собеседника выбором речевых средств и приемов, которое стало возможным в период развертывания антропоцентрического подхода к изучению языка и, в частности, при разработке прагмалингвистического аспекта языковых единиц в рамках речевого акта (РА). Предметом прагмалингвистики справедливо считается выбор адресантом речевых средств для наилучшего воздействия на адресата.

Существуют два направления прагмалингвистики, которые различаются по критериям:

- что выбирается,
- как выбирается,
- зачем выбирается.

Оказалось, что существует ряд критериев разграничения такого выбора. На основании реализации этих критериев прагмалингвистика стала развиваться в двух направлениях – функциональная прагмалингвистика и скрытая прагмалингвистика.

Критерий «ЧТО ВЫБИРАЕТСЯ?» Выбираться могут различные языковые единицы, которые в составе текста и дискурса приобретают статус речевых единиц: лексемы, синтаксемы, стилистические средства, граммы, тексты.

Критерий «КАК ВЫБИРАЕТСЯ?» Есть два пути выбора – осознаваемый, мотивированный, целенаправленный выбор слов и выражений. Этот выбор изучается в рамках функциональной прагмалингвистики. И второй путь – неосознаваемый привычный выбор граммем и текстом. Этот выбор изучается в рамках скрытой прагмалингвистики.

Критерий «ЗАЧЕМ ВЫБИРАЕТСЯ?» Выбирается для воздействия на адресата. Воздействие бывает прямое, косвенное и скрытое.

Рассмотрев единицы анализа, обратимся к материалу, в котором бытуют речевые средства воздействия. Для прагмалингвистического исследования важен РА. В нем главными фигурами являются адресант и адресат и их взаимодействие. Это взаимодействие осуществляется на

уровне текста (если это письменный опус, который может восприниматься любым читателем в любое время), на уровне дискурса (если речь идет о разговоре, участники которого общаются в режиме единого времени и места), на уровне высказывания (как зафиксированной единицы РА для обоих случаев). Предложением мы занимаемся только в рамках синтаксиса. Все исследование посвящено взаимодействию адресанта и адресата. Это взаимодействие рассматривается с позиции стратегических действий. В функциональной прагмалингвистике рассматриваются коммуникативные стратегии и тактики, в скрытой прагмалингвистике – речевые стратегии и планы. В общем случае в центре стратегических действий стоят адресант и адресат. Стратегии могут выражать отношение адресанта к себе, тогда мы говорим о самопрезентации коммуникации и эмотивных речевых стратегиях, ориентированных на адресанта. Если стратегия выражает отношение адресанта к адресату, то мы говорим о манипуляции, или конативности.

При этом следует отметить, что все чаще внимание ученых сфокусировано на такого рода специфичном виде воздействия, как манипулирование. Проблема языкового манипулирования – это проблема современного мира, в котором стираются границы, усиливаются процессы глобализации. Современное общество является информационным. Поэтому информация – неотъемлемая часть нашей жизни. Основной же источник информации в нашем мире – это средства массовой информации. Освещая различные сферы жизни, они играют важную роль в построении информационной картины мира.

Отечественный исследователь Е.И. Доценко проанализировал многочисленные дефиниции феномена «манипуляция», что позволило ему выделить определенные свойства данного понятия:

- родовым признаком является психологическое воздействие;
- к объектам манипулирования относятся как к средству достижения собственных целей;
- наличие стремления к получению одностороннего выигрыша;
- скрытость характера воздействия. Причем, речь идет как о самом факте воздействия, так и о его направленности;
- необходимость использовать психологическую силу, игру на слабостях, при этом учитывается психологическая уязвимость;
- наличие мастерства и сноровки в процессе осуществления манипуляции.

Учитывая эти критерии, Доценко Е.И. предлагает ряд определений для понятия «манипуляция». Наиболее известное звучит следующим образом: «Манипуляция – это вид психологического воздействия, искусное исполнение которого ведет к скрытому возбуждению у другого

человека намерений, не совпадающих с его актуально существующими желаниями» [Доценко, 1997: 59].

Если же объекту манипулирования удалось разгадать планы адресанта, и манипулятор позволил усомниться, упереться, защитить свою духовную программу, то такой человек жертвой не станет [Кара-Мурза, 2003: 18].

Манипуляция является способом, с помощью которого реализуется господство посредством духовного влияния на человека при помощи программирования его поведения. Такое воздействие направляется на психические структуры людей, осуществляется оно скрытно и ставит своей задачей изменение мнений, побуждений и целей людей в нужном направлении, т.е. происходит манипулирование сознанием людей.

И сейчас именно СМИ используют язык в качестве инструмента, создающего и распространяющего сообщения, которые воздействуют на сознание общества. Создавая сообщение, человек выбирает конкретные языковые средства, оказывающие влияние на структуру мышления и тем самым на процесс восприятия и воспроизведения действительности. Такие сообщения порождают нужные чувства и эмоции и побуждают к совершению определенных действий. Не все коммуниканты представляют, что язык служит орудием манипуляции сознанием, поэтому такое языковое манипулирование может быть незаметным и потому эффективным.

В нашей работе были проанализированы тексты статей из британских газет «TheIndependent» и «TheTelegraph» за 2015 год. Данный выбор обусловлен тем, что эти издания являются одними из самых популярных и авторитетных в Великобритании. Изучению подверглись актуальные материалы, связанные с вопросами вынужденного переселения беженцев из Сирии.

Анализ статей из британских СМИ показал, что выбор любой лингвистической единицы в речевом общении – от выбора слова до синтаксической структуры – может иметь определенную мотивацию. Одна и та же идея, мысль, может быть выражена различными способами, и выбор, который делает адресант, не бывает случайным.

Так, наблюдается целый ряд обозначений главного фигуранта и главной жертвы политических процессов в Сирии. Это не только «migrants» (эмигранты), но и «asylum seekers» (лица, ищущие убежище; претенденты на получение политического убежища), «citizens of war-torn Syria» (граждане раздираемой, истерзанной войной Сирии) и чаще всего «refugees» (беженцы). Весь этот ряд определений подчеркивает, что перед Европой испытание исторического масштаба, что всем принимающим странам и их гражданам нужно брать ответственность за этих людей. Это не простой процесс эмиграции. Возможно, таким способом авторы статей

не только информируют читателей, но и предостерегают их, манипулируя на чувстве страха. Этот пример служит наглядным доказательством положения, что ни одно из языковых средств не предназначено специально для манипулирования, но почти любое может быть использовано для этого.

А теперь рассмотрим способы языкового манипулирования в СМИ с помощью выбора стилистических фигур синтаксического уровня. Их появление в речи свидетельствует о стремлении адресанта привлечь внимание адресата к речевому событию, усилить воздействующую составляющую речи. Рассмотрим, как распределились стилистические фигуры в проанализированных текстах: повтор внутри высказывания (35,9%), антитеза (17,6%), анафора (12,6%), синтаксический параллелизм (8,8%), эллипсис (7,9%), инверсия (5,1%), риторический вопрос (4,5%), градация (3,1%), анадиплосис (3,1%) и эпифора (1,4%). Приведем примеры.

Повтор внутри высказывания:

- But one other thing must be mentioned at this moment when **immigration**, or rather how to keep **immigrants** out, is the burning political issue here. Berra was born to Italian **immigrant** parents (Текст 1).

- In a place **where** four, five or more people share a small tent, **where** access to water is limited and hot water almost non-existent, **where** rubbish piles up or is burnt by the roadside, scabies – which causes intense itching and can be passed on via bedding and clothing – will spread like wildfire (Текст 2).

It is a **global** issue which needs a **global** response (Текст 2).

"I stand for **British** people and putting **British** people first" (Текст 3).

Антитеза:

- President Joachim Gauck meanwhile warned of Germany's "finite capacity" to absorb refugees, cautioning against more "tensions between **newcomers** and **established residents**" (Текст 4).

- Domestic spy chief Hans-Georg Maassen said that "what we're seeing in connection with the refugee crisis is a mobilisation on the street of **Right-wing** extremists, but also of some **Left-wing** extremists" who oppose them (Текст 4).

Анафора:

- "**Do I think** we need to turn back the boats? **Do I think** we should be policing the med? **Do I think** we should be dissuading migrants from making that journey? Absolutely (Текст 3).

Синтаксический параллелизм:

Exhausted people are more susceptible, and colds and flu are very common (Текст 2).

... as to which powers should be given up to the EU level and which ones should be retained nationally (Текст 5).

Эллипсис:

- To respond in a way which is always humane, just and fraternal" (Текст 6).

Инверсия:

- I well remember covering the 1996 Republican convention in San Diego, ... (Текст 1).

- Ultimately, in such a sensitive area, the EU should try harder to accommodate national democratic preferences (Текст 5).

Риторический вопрос:

- "There are maybe 3,000 people here. How can they cope?" (Текст 2).

- "Is this not what we want for our own children? (Текст 6).

But are such reactions sensible? (Текст 7).

Градация:

- These fraught times are but the latest of several when immigration has seen America not so much a **melting** pot as a **boiling** one (Текст 1).

- the Pontiff added: "Our world is increasingly a place of **violent conflict, hatred and brutal atrocities**, committed even in the name of God and of religion (Текст 6).

Анадиплосис:

- "Therefore we need to correct the policy of open doors and windows," he added, warning that splits over the crisis risk destroying the EU.

EU leaders agreed a further £700m fund to help the four million refugees who have fled the conflict in Syria since the civil war broke out four years ago, including help for neighbouring countries Jordan, Turkey and Lebanon (Текст 8).

Эпифора:

- The country had the world's lowest birthrate between 2008 and 2013, and economists have warned of the impact on the country's economy - seen as one of the main reasons for its welcoming approach to hundreds of thousands of **refugees**.

However, countries such as Slovakia, Romania and Hungary, whose populations are also due to face similar challenges, are less keen to open their doors to **refugees** (Текст 7).

Во всех этих случаях адресант мотивированно выбирает стилистические фигуры, чтобы привлечь внимание адресата к сообщаемой информации и показать её значимость в данной ситуации. Таким образом, процесс речевого манипулирования связан как со скрытыми от адресата целями, так и с особой языковой организацией текста, которая заключается в технике построения речи, в том числе с помощью риторических приемов. Восприятие манипуляции приводит к добровольному принятию адресатом решения, которое выгодно автору манипуляции.

Литература

1. Доценко Е.Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. М., 1997.

2. Кара-Мурза С.Г. Краткий курс манипуляции сознанием. М., 2003.

Источники языкового материала

1. Текст 1. <http://www.independent.co.uk/voices/comment/immigrants-made-the-us-what-it-is-but-this-is-being-forgotten-by-republicans-calling-for-changes-to-a6668756.html>

2. Текст 2. <http://www.independent.co.uk/news/world/europe/calais-crisis-migrants-are-living-in-appalling-conditions-say-doctors-a6668631.html>

3. Текст 3. <http://www.independent.co.uk/news/people/katie-hopkins-calls-for-boats-carrying-refugees-fleeing-conflict-to-be-turned-back-10516734.html>

4. Текст 4. <http://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/europe/germany/11895225/Beware-the-rise-of-radical-Right-as-migrants-arrive-in-Europe-says-German-spy-chief.html>

5. Текст 5. <http://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/europe/eu/11887390/This-East-West-split-over-EU-refugee-quotas-will-have-long-lasting-consequences.html>

6. Текст 6. <http://www.independent.co.uk/news/people/news/pope-francis-urges-congress-to-do-more-to-help-immigrants-in-historic-address-10515730.html>

7. Текст 7. <http://www.telegraph.co.uk/news/uknews/immigration/11885884/European-population-Should-EU-countries-be-concerned-about-refugees.html>

8. Текст 8. <http://www.independent.co.uk/news/uk/politics/angela-merkel-the-way-we-handle-the-refugee-crisis-will-shape-the-eus-future-10515641.html>

ПРОБЛЕМЫ ДОМИНИРОВАНИЯ В КОНФЛИКТНОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Современные исследования международных отношений все больше сталкиваются с новой проблемой – с феноменом политического доминирования через масс-медиа. Средства массовой информации используются политическими акторами преимущественно как технология формирования массовых мнений и настроений, а общество тотально медиатизируется. Быстрое распространение новых социальных медиа актуализирует изучение проблемы методов управления поведенческими аспектами в публичном политическом пространстве посредством дискурсивного конструирования политических взаимодействий и латентных механизмов использования когнитивного инструментария и так называемого «организационного оружия». Борьба за доминирование в информационно-коммуникативном социальном поле обусловлена поиском антропологических оснований укрепления позиций тех социальных институтов, которые работают на консолидацию конкретного государства как актора современных международных отношений и легитимность власти, реализующей внешнеполитический курс, подвергаемый ожесточенной критике со стороны конкурентов. Научный интерес представляют дискурсивные практики эффективно или недостаточно эффективно идентифицирующие тематизацию и содержание текстов с менталитетом и стилем жизни различных социальных общностей (этнических, конфессиональных, лингвистических и др.), задействующих группы интересов в пространстве политических смыслов. Лингвистические механизмы доминирования акторам политического влияния и лидерам общественного мнения становятся доступными благодаря их способностям к коммуникации и персуазивности политических текстов. А это, в свою очередь, может быть специальным предметом исследования. В процессе борьбы за доминирование в конфликтном политическом дискурсе ярко обозначаются линии конфронтационного позиционирования и группируются так называемые «дискриминируемые» политические субъекты в лице несистемных оппозиционных движений и партий, которые активизируют свой протестный дискурс против лояльных к власти групп. Эта внутренняя расстановка сил внимательным образом изучается конкурентами в поле мировой политики и политический дискурс приобретает характер сложносоставного, многоуровневого конфликтного взаимодействия в медиа-пространстве. Таким образом, заявившая о себе еще в 60-70-е годы прошлого века критическая лингвистика как субдисциплина

гуманитарного знания, в рамках политических наук может быть востребована как лингвистический анализ политического дискурса, в том числе и в контексте изучения теории мировой политики и международных отношений. Усиление значимости языковых форм политического общения в информационном обществе объясняет необходимость разработки методов конструктивного взаимопонимания в условиях ограничений.

Человеческая субъектность на этапе необходимости кардинального выбора алгоритма политического и социально-экономического развития сталкивается с осознанием жестких ограничений и реального отчуждения от окружающего мира. Практика показывает, что очень часто выдвигаемые цели приводят к незапланированным, а иногда и к прямо противоположным результатам, а создаваемые в процессе социальных трансформаций организации и институты постепенно перерождаются и обнаруживают тенденцию к дисфункциональности и даже некоторой враждебности к первоначальной интенции. Некоторые перерождения переживают, например, многие современные институты демократии и публичной дипломатии мультикультурализма.

Традиционно в политическом дискурсе поддерживается иллюзия предопределенности объективного процесса социальных изменений, однако на самом деле необходимо вести речь не об объективных факторах, а о субъектных, конструктивистских факторах самоорганизации той или иной социальной общности. Самоорганизация, рассматриваемая как процесс, в ходе которого создается, воспроизводится или совершенствуется организация динамической системы, обладающей высоким уровнем сложности и большим количеством элементов, связи между которыми имеют не жесткий, а вероятностный характер, как правило обладает не только интеграционным, но и конфликтным потенциалом. Процессы самоорганизации проявляются одновременно и как целенаправленное, и как естественное, спонтанное движение в контексте конфликтного дискурса, обусловленного взаимодействием с окружающей средой, и стремящегося к автономии и независимости от нее. Именно технологии эффективного лидерства становятся способами обеспечения политического доминирования, особенно значимые в периоды определения стратегического курса антикризисной направленности.

Наивысшая степень ответственности за обеспечение условий внутренней консолидации общества в ситуации кризиса принадлежит лицам, принимающим решения, которые обязаны сосредоточить конструктивный потенциал социального проектирования на приоритетных направлениях стратегического развития³⁷¹. В процессе разработки

³⁷¹См.: Юрченко Н.Н. Конструктивный потенциал социального проектирования в

эффективных социально-гуманитарных политических технологий особенно важным является создание таких моделей, которые наиболее объективно отражают специфику политики и политического поведения в полиэтничном макрорегионе. Данные отличительные характеристики включают в себя вероятностный характер политических процессов, формирования групп интересов, набора сторонников, согласования противоречащих друг другу целей и признание наличия разных ценностей. Возможные конфликты политических, в том числе и региональных элит, в этих условиях могут иметь различный характер: от разрушительных - до стимулирующих развитие.

Людам свойственно заботиться о своем материальном положении, безопасности, доходах и комфорте. Именно от того, каких успехов они добиваются в этих вопросах, зависит их социальное самочувствие. Но в этих вопросах необходимо учитывать и ментальную специфику различных этносов, поэтому можно говорить о более сложных корреляционных структурах, характеризующих состояние социального самочувствия, его динамику и параметры духовно-нравственного определения. Однако длительное напряжение, возникающее при наличии социальной опасности в необычайно трудных ситуациях затяжных вой и конфликтов, действия тех или иных раздражителей на психологию народа резко обостряются, усиливая переживания, связанные с сочувствием или его отсутствием у граждан государства-соседа. Все это может выражаться у родственных народов во внешней интенсивности негатива по отношению друг к другу. В этой связи представляется особенно значимой проблема социального доверия и партнерства для благоприятного социального самочувствия населения и конструктивного функционального развития проблемного конфликтного региона с перспективой выхода из затяжного конфликта.

Политика как публичная сфера властных отношений, выполняя функцию регулятора этих связей и сохраняя общество как единую, самодостаточную систему по отношению к окружающей среде, содержательно аккумулирует совокупность смыслов, значимых для целедостижения данной политической общности. Анализ среды предполагает изучение ее составляющих: макроокружения, непосредственного окружения, внутренней среды и информационно-коммуникативного пространства. Внутренняя самоорганизация государства во многом напрямую зависит от качеств национального лидера. Наличие внутrigрупповой солидарности приводит к формированию достаточно прочного социально-психологического морального сообщества, в котором лидер черпает свою политическую силу

и поддержку в ожиданиях и доверии своих последователей и сторонников. Такое органическое социальное доминирование является благом для общества.

В 90-е годы XX в. мировая политика перестраивалась в соответствии с культурными разломами, идущими на смену разграничительным линиям времен «холодной войны», а затем (во втором десятилетии XXI века) - «краха постсоветского консенсуса», возвращающего мир в состояние «холодной войны». Как отмечает Д. Моизи, «современный мир переживает если и не «столкновение цивилизаций», то, по крайней мере, «столкновение эмоций», довольно четко демонстрируя соприкосновение трех самобытных культур»³⁷². Эти культуры он определяет с помощью понятий, которые наилучшим образом схватывают ментальность и эмоциональный настрой различных социальных общностей: «культура страха», воплощаемая западным миром, «культура унижения», представленная в основном арабским и мусульманским миром, и «культура надежды», распространенная на азиатском континенте (в том числе в Китае и Индии). Конфликтный политический дискурс, повышающий энергетику культуры унижения приводит к тому, что она легко переходит в «культуру ненависти». У этой культуры нет какой-либо определенной географической локализации, поскольку она распространена по всему миру, хотя преобладающей зоной ее влияния, как до недавнего времени считали эксперты, является, прежде всего, Ближний Восток, но теперь это и Сирия, и Украина и другие нестабильные регионы. В то же время, противостояние культур страха и унижения становится выгодным для культуры надежды, так как она не находится на передней линии конфликта и может сосредоточиться на самой себе. Как отмечает С. Хантингтон, «в ходе войны цивилизаций выигрывают те цивилизационные системы, которые воздерживаются от участия в конфликте»³⁷³. Данные обобщения не следует упрощать и создавать на их основе схематическое видение мира. Это - всего лишь теоретическая конструкция, некая модель сложившегося на определенный период времени миропорядка, показывающая, что он не «плоский и однолинейный», а очень сложный, много векторный развивающийся по нелинейным законам, в противоречивом взаимоотношении самых разнообразных видов ментальности и идентичностей. Все три указанные выше типа культур в различной степени присутствуют во всех странах и на всех континентах. Но особенно нас интересует многосоставной характер Российской ментальности, обусловленный историческими, географическими,

³⁷²См.: Моизи Д. Страх, унижение и надежда: эмоциональное столкновение культур // Обшая тетрадь. Вестник Московской школы политических исследований. – М. 2007, № 1

³⁷³См.: Хантингтон С. Столкновение цивилизаций и переустройство мирового порядка. – М., 1996

антропологическими и социокультурными детерминантами. Например, «культура страха», стимулируется затянувшимися конфликтами по периметру границ государства и их последствиями. В России также присутствует феномен «культуры унижения», как результат распада советской «мощной» системы межгосударственного и государственного уровня. В то же время, в начале XXI века складывается новая ментальность, формирующая «культуру надежды», произрастающей из повышения качества повседневной жизни, в результате возможностей, даваемых как от предпринимательства, так и за счет доходов от экспортируемых энергоресурсов. Однако ситуация может изменяться, особенно под влиянием продолжающегося мирового кризиса и санкционной политики Запада. На европейском континенте ранее также просматривались признаки культуры «надежды». Но глобальный финансово-экономический кризис и неуправляемые миграционные процессы резко усилили распространение страха на Европейском континенте. Причем США и Европа объединены и разделены общей культурой страха. Несмотря на то, что многие по-прежнему считают, что американцам присуща культура «могущества», а вместе с Европой они представляют собой «культуру демократии», как отмечает Д.Моизи, «к сожалению, этот классический взгляд упускает саму суть новизны, отличающей наше время»³⁷⁴. Европейцам присущ также страх остаться позади более динамичных экономических систем, прежде всего азиатских, кроме этого есть страхи, связанные с демографическими проблемами, опасностью потери территорий и зависимостью от внешней силы. Все эти страхи объединяет ощущение, что нет возможности контролировать свою территорию, свою безопасность, свою идентичность. Ощущение неспособности самостоятельно управлять собственной жизнью, собственной страной стало усиливаться в Европе после начавшихся разногласий по поводу отношений с Россией и все большей зависимости от доминирующих в глобальном пространстве США.

По мнению ряда экспертов, в процессе глобализации возникает проблема «интеллектуальной опасности» - незащищенности сознания человека, не готового к принятию новых моделей поведения, что приводит к новым вызовам времени. Глобализация, по мнению А.И. Юрьева, – это интеллектуальный климат планеты, планетарная интеллектуальная машина, уходящая из под контроля человека, ее результаты поставили под сомнение весь мировой порядок. Автоматически происходит переоценка и перераспределение всех ресурсов планеты: человеческих, сырьевых, финансовых, технологических, информационных³⁷⁵. Сформировать в себе

³⁷⁴ См.: Моизи Д. Указ соч.

³⁷⁵ Юрьев А.И. Главная угроза – страх перед жизнью // Стратегия России. 2004. № 9.

активно защищающегося человека можно только в сильном государстве, способном воспроизводить свой суверенитет при помощи адекватной политической стратегии и внутренней самоорганизации. Процессы политической самоорганизации в первую очередь обусловлены ментальностью, упорядочивающей ролью сознания, а поэтому важнейшее значение приобретает социально-гуманитарное просвещение граждан и тиражируемый медиа дискурс, доминирование в котором обеспечивается властными ресурсами. Однако необходимо отметить, что информационное пространство России с конца 80-х годов прошлого века было практически полностью охвачено символическими системами «рыночной» культуры и для какого-либо альтернативного дискурса практически не оставалось места. Трансформация социальных убеждений от социалистических идей к рыночным ценностям происходила по мере укрепления так называемого плюралистического политического режима, который на самом деле обеспечивал доминирование неолиберальной медиакратии. Но внутренней ментальной целостности не наблюдалось: превалировало периферийное и маргинальное общественное сознание с радикальными крайними позициями по критериям этнического характера. Особенно серьезную опасность этих условиях представляют ментальные войны, нацеленные на изменение массового сознания, внутренний раскол общества, чреватые распадом полиэтничной государственности. На современном этапе в ситуации обострения внешних и внутренних угроз для укрепления и развития российской государственности наиболее важное значение приобретает фактор ментальной целостности российского многосоставного социума, создание адекватной символической системы, рационально выражающей основные направления развития многонационального, мультикультурного сообщества. Интересы государства в информационной сфере заключаются в создании условий для гармоничного развития российской информационной инфраструктуры, для реализации конституционных прав и свобод человека и гражданина в области получения информации и пользования ею в целях обеспечения незыблемости конституционного строя, суверенитета и территориальной целостности России. Сама по себе информационность является имманентным атрибутивным свойством человеческого общества, а общественное взаимодействие – коммуникационным, но достаточно часто искаженным и дискриминационным, проявляющимся как доминирование одних субъектов над другими.

На протяжении длительного времени в постсоветской России практически отсутствовал суверенитет информационного пространства, а оформившаяся к 90-м годам XX века безыдейная, неограниченная этическими рамками, ориентация была использована для осуществления политико-экономической и духовно-информационной экспансии, что

привело к пагубным последствиям, и сегодня угрожающим безопасности государства, приводящим к его экономической и финансовой уязвимости особенно в условиях санкционной и информационно-психологической войны, чреватой дезинтеграцией особенно в проблемных регионах. Информационно-психологическая война против России направлена на уничтожение морального и духовного потенциала страны, поскольку многие СМИ не учитывали опасность духовного кризиса, утраты нравственных ценностей и последующего перерождения российского менталитета.

Важнейшим инструментом вмешательства во внутренние дела той или иной страны в настоящее время стали социальные сети, которые, в частности, следует рассматривать как когнитивную технологию, информационное и организационное оружие, направленные на дезорганизацию и дезориентацию той или иной социальной общности с целью ослабления целостного государства.

Сетевое пространство, в эпоху Интернета ставшее важным форматом коммуникации, создает дополнительные ресурсы коммуникативно-синергичной направленности. Новые информационные технологии и социальные сети, в настоящее время особенно широко используются в геополитике, и анализ особенностей поведения в сетевой среде необходим для выявления способов доминирования в социальных медиас тем, чтобы упреждать возможные негативные тенденции превращения в страну-мишень.

Важной проблемой обеспечения безопасности, в том числе информационной, является зависимость соотношения сил не только от объективных факторов и от случайностей, что вполне естественно в связи неустойчивостью и изменчивостью информационного пространства, но и от свободы воли исторических деятелей, микро- и макро-групп, которые неизбежно находятся в постоянной конкурентной борьбе за выживание и ресурсы, за влияние на массовую аудиторию обеспечение социального доверия и легитимности.

Таким образом, постоянное состязание за контроль над пространством, как географическим, так и информационным, особенно ярко проявляется в настоящее время и проблемы доминирования в конфликтном политическом дискурсе могут быть функциональными или дисфункциональными, в зависимости от целеполагания субъектов политики. В процессе активного использования политических технологий обеспечения глобального управления политическими акторами, стремящимися к доминированию, ими применяются механизмы экспорта нестабильности при помощи информационно-психологической сети воздействия на массовое сознание. Рассматривая варианты смены политических режимов в геополитически и геоэкономически значимых для

себя регионах, эти политические акторы делают ставку на недовольство среднего класса, молодежи и так называемых «дискриминируемых этнических меньшинств». Для этого применяются самые новые информационно-сетевые практики массированного охвата населения проблемных регионов. В условиях активных трансграничных информационных взаимодействий деструктивные механизмы быстро проникали, и в массовое сознание, и в структурные механизмы политико-управленческой системы, что приводило к ослаблению мотиваций национально-патриотического характера, а в определенных обстоятельствах еще не полностью сформировавшаяся социокультурная идентичность вытеснялась с помощью технологий медиа доминирования. Позитивные функции конфликтного дискурса могут реализовываться только на основе нравственно-духовных ценностей и взаимного доверия и уважения политических акторов, когда доминирование становится естественным и потенциально продуктивным в интересах сохранения гражданского мира и стратегии развития.

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА В ТЕКСТАХ СМИ

Несмотря на то, что существует много работ, посвященных дискурсу, до сих пор нет однозначно и четко сформулированного определения данного лингвистического феномена, что свидетельствует о его многогранности и разносторонности. Это связано как с самим объектом исследования, так и с подходами к его интерпретации. Трактовка понятия дискурса значительно менялась, и в современной лингвистике отчасти утратил ранее присущие ему толкование, но в свете тенденций к междисциплинарному рассмотрению языка приобрел множество новых интерпретаций ввиду его переосмысления. Сфера его применения настолько велика, что сегодня можно говорить о полисемии этой терминологической единицы.

В толковом словаре современного английского языка «Oxford Advanced Learner's Dictionary»[2000], наряду с давно существующим в английском языке пониманием дискурса как продолжительного отрезка серьезной речи (письменной или устной), словарь фиксирует новое значение этого слова, определяемого как использование языка в устной речи или на письме с целью создания смысла (*the use of language in speech and writing in order to produce meaning*). В «Энциклопедическом словаре-справочнике лингвистических терминов и понятий» под редакцией А.Н. Тихонова, Р.И. Хашимова [2008] можно найти следующее токование: «дискурс – многозначный термин, которым называют текст как таковой; текст, взятый в событийном аспекте; фрагмент текста, организованный вокруг некоторого опорного концепта и т.д. Более целесообразно видеть в дискурсе текст, «погруженную в жизнь» (Н.Д.Арутюнова), т.е. рассматриваемый во взаимодействии с разного рода экстралингвистическими факторами - прагматическими, социокультурными, психологическими, политическим и т.д.». Такое разнообразие определений говорит о широте использования данного термина во многих областях знаний.

Исследователи рассматривают политический дискурс в различных аспектах: политическом – в рамках политической интерпритации; филологическом – где рассматриваются политические и идеологические концепции; социопсихолингвистическом – при измерении эффективности для достижения скрытых и явных, но несомненно политических целей говорящего; индивидуально-герменевтическом – при выявлении личностных смыслов автора или интерпритатора дискурса в определенных обстоятельствах. Поэтому исследование политического дискурса

рассматривается на пересечении разных дисциплин и связано с анализом формы, задач и содержания дискурса, употребляемого в определенных ситуациях.

В последнее время интерес к политическому дискурсу находит свое выражение в широком ассортименте научных исследований, анализирующих специфику данного типа коммуникации с точки зрения когнитивной лингвистики, стилистики, прагматики, семасиологии.

Политический дискурс, строящийся на основе диалога между автором, пропагандирующим определенные политические взгляды, и широкой аудиторией читателей, радиослушателей и телезрителей, может рассматриваться как форма коммуникативного взаимодействия, осуществляемого языковыми средствами, имеющая политический смысл и направленная на поиск политической позиции, согласование намерений, выявление взаимных интересов. В этом отношении диалог между автором того или иного политического текста и читателем является реализацией конкретной политической программы и популяризацией определенной интерпретации политической идеи ствительности.

Особенностью политического дискурса сегодня является его опосредственность средствами массовой информации, которые являются важным участником политической коммуникации. Сегодня у политиков возможности прямого контакта с населением минимальны и журналисты stanовятся посредниками между ними и формируют общественное мнение. Благодаря СМИ граждане выступают в роли свидетеля, наблюдателей политических событий, однако их подвергают такому прессингу, что интерпретация событий нередко приобретает большую значимость, чем даже само событие.

Политический дискурс и дискурс СМИ обладают множеством сходных черт и пересекаются в некоторых областях своего применения. Так, текст закона относится к политическому дискурсу, а новостная заметка о его принятии или разъяснение его действия в авторской колонке - политический дискурс СМИ. К примеру, выступление президента на саммите представляет собой политический дискурс, а его транслирование по телевидению (с комментарием) или статья в газете о прошедшем саммите с цитатами речи президента - уже политический дискурс СМИ.

Таким образом, политический дискурс СМИ возникает в области пересечения политического дискурса и дискурса СМИ, которые обладают рядом схожих черт. Основной целью политического дискурса СМИ - воздействие на общественное мнение, чтобы добиться заявленной цели. СМИ стали главным инструментом распространения сообщений, воздействующих на общественное сознание. Сообщения СМИ выступают инструментом, направленным на управление массовым сознанием. Поэтому, текст политического дискурса СМИ не может быть объективен.

Субъективное мнение автора присутствует в большинстве новостей, так как передача информации происходит не констатация фактов, а их интерпретация.

Ключевая особенность медийных корпоративных текстов заключается в том, что они, независимо от того, составлены ли одним конкретным автором или группой людей, создаются по определенным образцам, разработанным конкретными информационными агентствами и содержащимся в специальных «книгах стиля» (style books) (*Associated Press Stylebook, Reuters Style Guide, Технология новостей от Интерфакса. Style Guide*). Эти книги являются практическим руководством для журналистов, где описываются журналистские правила о том, как должен начинаться и заканчиваться текст, в чем, по мнению журналистов, заинтересованы читатели, что им следует или не следует знать, и когда новость может претендовать на правдивость. Поэтому умение эффективно использовать возможности политического дискурса СМИ - одно из мощнейших средств воздействия на людей, особенно ярко проявляется в наши дни. При анализе и описании военных конфликтов политический дискурс приобретает наибольшую манипуляторную, пропагандистскую направленность. Таким образом, информация в политическом дискурсе СМИ весьма зависима от человеческого фактора, что и создает предпосылки для манипулирования общественным мнением. Особый интерес представляет языковое манипулирование, т.е. использование особенностей языка и принципов его употребления с целью скрытого воздействия на человека.

Тексты, входящие в состав политического дискурса, как правило, содержат широкий набор лексических и фразеологических средств выражения оценки, довольно часто в экспрессивной и эмоциональной форме, навязывая читателю свое субъективное мнение о той или иной политической партии, деятеле или событии. Важнейшим стилистическим маркером лексики и фразеологии, используемой в современной прессе с целью популяризации или дискредитации политических деятелей является их оценочная, экспрессивная и эмоциональная окраска, при этом следует отметить, что в сфере фразеологии количество оценочных, экспрессивных и эмоциональных единиц значительно выше, чем в сфере обычной лексики.

Экспрессивность – лингвистическое понятие, не поддающееся точному и строгому научному определению, в зависимости от характера исследования современные исследователи в различных случаях относят к разряду семантических, или лексико-семантических, функционально-стилистических, коммуникативно-прагматических категорий. Лингвистическим механизмом экспрессивности является, главным

образом, отклонение от стереотипов в использовании языковых единиц различных уровней.

В создании экспрессивности речи или текста ведущую роль играют не столько заложенный в системе экспрессивный потенциал языковой единицы соответствующего уровня, сколько характеристики коммуникативной ситуации, прежде всего контекст. Несовпадение интенций автора политического текста и презумпций читателя/слушателя также может выступать дополнительным средством увеличения экспрессивности, обусловленной желанием сделать свое сообщение максимально убедительным и запоминающимся.

Например, Барак Обама 20 января 2015 года в своем ежегодном выступлении перед Конгрессом США «О положении страны» (*State of the Union address*), в котором коснулся ситуации вокруг Украины и санкций в отношении России заявил. *«We're upholding the principle that bigger nations can't bully the small — by opposing Russian aggression, supporting Ukraine's democracy, and reassuring our NATO allies. Last year, as we were doing the hard work of imposing sanctions along with our allies, some suggested that Mr. Putin's aggression was a masterful display of strategy and strength. Well, today, it is America that stands strong and united with our allies, while Russia is isolated, with its economy in tatters»* («Мы поддерживаем принцип, что большие страны не могут нападать на маленькие — противостоя российской агрессии, поддерживая украинскую демократию и давая гарантии нашим союзникам по НАТО. В прошлом году, когда мы и наши союзники тяжело трудились над тем, чтобы наложить санкции, некоторые предполагали, что агрессия господина Путина была примером мастерской стратегии и силы. Ну а сегодня Америка сильна и едина с нашими союзниками, в то время как Россия изолирована, а ее экономика — в клочьях»).

Недовольство общественности в России, вызвала фраза «разорвана в клочья». Однако многие исследователи говорят, что это лишь некорректный перевод с американского английского на русский язык. Например, профессор Высшей школы экономики Константин Сонин предположил, что в своем обращении к Конгрессу Обама не говорил о «разорванной в клочья» экономике РФ, английский фразеологизм “*in tatters*” можно перевести как “экономика в кризисе”, “в руинах, или у нее есть проблемы”. Однако в словаре *Oxford Advanced Learner's Dictionary* фразеологизм “*in tatters*” (букв. “в пух и прах”) зафиксирован как «разорванная в клочья одежда» (*in torn pieces of cloth*), так и «разрушено» (*ruined, destroyed*).

В российской прессе, заявление американского президента вызвало довольно резкую реакцию. Вице-премьер России Дмитрий Rogozin назвал Барака Обаму “мечтателем”. “Типа “порвал как Тузик тряпку”, - написал

он в своем твитторе. Далее “*Шувалов опроверг слова Обамы о разорванной в клочья экономике России*”. “Экономика **России не разорвана в клочья**, но и не чувствует себя хорошо. При этом экономическая ситуация в стране полностью находится под контролем правительства. Об этом заявил первый вице-премьер Игорь Шувалов, передает агентство ТАСС (www.tass.ru / 21.10.2015)

Глава комитета Госдумы по международным делам Алексей Пушков, комментируя слова генсека НАТО Йенса Столтенберга о том, что изоляция России не выгодна для стабильности и мира, написал в твиттере: “*Новое у генсека НАТО: «изоляция Россия не выгодна для стабильности и мира». Все верно, но напомним: никакой изоляции нет, она порвана в клочья*”. Ранее Йенс Столтенберг, выступая на заседании Парламентской ассамблеи НАТО, заявил, что идея изолировать Россию «не хороша для нас и не хороша для мировой стабильности и мира». В свою очередь, Белый дом не исключает, что для России могут наступить дипломатические последствия из-за событий в Сирии, в том числе международная изоляция. Алексей Пушков делает вывод, что “*вопреки ожиданиям Барака Обамы, в клочья оказалась порванной не российская экономика, а политика самого американского президента в Сирии, который теперь не сможет обойтись без России*” (www.ria.ru / 19.09.2015)

Интересно отметить, что слова, посвященные России, в речи президента США Б. Обамы занимают ничтожную часть из традиционного послания президента (*State of the Union address*). Он был очень горд тем, что его страна вышла из кризиса, и опережает весь мир по всем показателям. Когда он употребил идиому “*in tatters*” отношению к России, вероятно он не хотел обидеть или унижить Россию. Дело в том, что, когда американцы говорят, что их собственная страна или средства массовой информации “*in tatters*”, они не имеют в виду «загадочного тузика». Например: в статье «*A Media Empire in Tatters*» говорится о серьезных разногласий между акционерами медиа империи (www.nytimes.com /19.04.2004). Немецкие и французские СМИ пишут об этой теме как про «руины» или экономика «развалина» (*Russland ist isoliert, seine Wirtschaft liegt in Trümmern; La Russie est isolée et son économie est en miettes*). Такие оплошности в переводе и интерпретация официальных заявлений сегодня являются сильнейшим оружием в пропагандистической войне, считает Мишель Берди.

В ходе анализа англоязычного материала, также отмечена активная роль фразеологии в создании эмоционально-оценочных экспрессивных заголовков, например: «*President Obama defies lame-duck expectations after big wins*» (www.cnn.com / 25.06.2015): «*President Obama defies lame-duck expectations after big wins*» (www.bbc.com /). Использование разговорного фразеологизма *lame duck leader (president)* (букв. хромая

утка) в значении «президент, у которого истекает срок пребывания у власти» (*a president, governor etc. with no real power because his or her period in office will soon end* [LDCE 2005]) придает заметке эмоциональный тон и создает оценочный подтекст, а нейтральный фон новостного сообщения заметно оттеняет эмоциональную грань ФЕ. Первоначально этот термин использовался для описания инвесторов, которые были не в состоянии оплатить свои долги (*a person, business etc. that is having problems and needs help* [LDCE 2005]). Спустя почти 100 лет он стал применяться в отношении политиков, чей срок пребывания у власти заканчивается.

В примере, где президента США определяют как «хромую утку» (хотя до окончания его президентского срока еще более года), выражение приобретает совсем другой эмоциональный оттенок и новое негативное значение – политик, у которого падает рейтинг доверия.

Использование слов с экспрессивной и эмоционально-оценочной коннотацией позволяет в значительной мере воздействовать на мнение читателя и служит формированию определенного отношения аудитории к тому или иному социальному или политическому явлению, событию, факту, политическому или общественному деятелю. Подбирая слова с определенной эмоциональной окраской, автор создает предпосылки для манипулирования общественным мнением. Посредством слова автор обеспечивает осмысление человеком того или иного явления, формирует определенные убеждения, отражает политическую реальность. Определенным образом поставленные лексические единицы приносят реальную пользу в виде голосов избирателей, победу на выборах, референдумах или обоснований для начала военных действий.

Однако, интерпретируя политический дискурс в его целостности, нельзя ограничиваться чисто языковыми моментами, иначе суть и цель политического дискурса пройдут незамеченными. Понимание политического дискурса предполагает знание фона, ожиданий автора и аудитории, скрытых мотивов, сюжетных схем и излюбленных логических переходов, бытующих в конкретную эпоху.

**ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПЕРСУАЗИВНОСТЬ:
ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МЕТАФОР
В РЕЧАХ АМЕРИКАНСКИХ ПРЕЗИДЕНТОВ**

Как заметил В.Г.Белинский, «над обществом имеют прочную власть только идеи, а не слова». Именно идеология, укоренившиеся представления или, как их называют, политические мифы (активно отражающиеся, в контексте современной действительности, в средствах массовой информации) способствуют установлению поведенческих парадигм социального взаимодействия посредством чувственно-образного моделирования действительности. Именно идеологическое обрамление власти делает возможным постулирование, объяснение и оправдание политических действий [4, р.14]. Политический курс и любая активность, вписывающаяся в рамки идеологии, всегда верны ввиду того, что идеология предполагает согласованность, договоренность определенной группы людей и, как следствие, конвенциональность поведенческих реакций.

Внушение – весьма сложное явление, особенно если человек настроен против, или имеет твердые убеждения и негибок в плане принятия точки зрения, несовпадающей с его собственной, или же весьма критически воспринимает любую предлагающуюся ему информацию. Политики прилагают немало усилий, чтобы «обойти» защитные механизмы аудитории для того, чтобы обеспечить истинность своих утверждений. Чтобы убедить человека, необходимо вплести внушаемые идеи в контекст его мировоззренческих позиций [3, р.17], так как люди не склонны доверять чему-то новому, но с легкостью принимают постулаты, совпадающие с тем, во что они уже верят. Этой цели – внушению посредством ассимиляции представляемых идей с мнением адресата – как нельзя лучше служат метафоры, являющиеся отражением архетипных представлений человека. Метафора не вводит в контекст ничего нового, но актуализирует фоновые знания и подсознательные представления аудитории, так, поскольку интерпретация метафоры – сугубо личный процесс, высказанное политиком становится уже «внутренним голосом» слушателя [3, р.18] поэтому метафоры можно назвать носителями «аффективного значения» [3, р.31].

Метафора представляет собой «вызов (языковому) сознанию» [2, с.195], который требует от получателя информации (слушателя, читателя) определенных усилий в дешифровке смысла и обосновании совпадения смыслов и ассоциаций означаемых явлений. Политики, по мнению

Н.В. Козыревой [1, 2002], давно поняли, что от выбора метафор – мирных, конструктивных, объединяющих, нацеленных на сотрудничество в команде – зависит не только решение конкретных задач, но и будущее конкретного политика, нации или даже всей геополитической ситуации в целом. Для политической метафоры характерно наличие мощного классифицирующего образа, его обобщенность до степени символа, наличие глубокого информационного пласта задействованной культуры и исторической подоплеки, а также (что является метафорообразующим компонентом данного тропа) его политической мотивированности [1, 2002]. Политический язык разных культур (русской, австро-немецкой, англо-американской) последних десятилетий XX века сильно метафоризирован. Метафора формирует модель восприятия действительности, в которой отражаются представления о роли и месте действующего субъекта. Политические метафоры, будучи образным выражением не вполне осознаваемых желаний и намерений политиков, не только раскрывают их скрытые намерения, но и формируют определенный образ мышления и действий у аудитории.

Анализ речи американского президента Р.Рейгана [5], известной как “Evil Empire”, позволил предположить, что апелляция к семейным ценностям религии – важное средство истинности своих утверждений в религиозной Америке. Следование заповедям – краеугольный камень благочестия и величия американского народа – *bedrock of America's goodness and greatness*, все испытания, которые посылает Господь, – благословение, которое смиренно принимается – *blessings of God are avidly sought and humbly accepted; foster and values like concern for others and respect for the rule of law under God*, традиционные ценности, они же заповеди Господни, – залог духовного пробуждения и обновления – *traditional values in the midst of a spiritual awakening and a moral renewal*.

Антагонисты истинных ценностей – атеисты коммунистического Советского Союза, они же воплощение самого дьявола – *adversaries* – живя в омерзительном логове преступности – *sordid dens of crime* – нарушили заповедь Господню и возвысили себя до уровня Бога – *Marxism-Leninism is actually the second-oldest faith, first proclaimed in the Garden of Eden with the words of temptation, “Ye shall be as gods”*. СССР – это враждебность (*attacks on the sacredness of human life*), притворство и тирания (*quiet men do not raise their voices ... they sometimes speak in soothing tones of brotherhood and peace ... like other dictators before them*) и, что самое страшное – отрицание вечных ценностей (*... secularism discarding the tried and time-tested values upon which our very civilization is based, many attempts to water down traditional values and even abrogate the original terms of American democracy*). Таким образом, Р. Рейган считает, что атеисты, поработившие свой собственный народ лживыми речами, расшатывают основы, на

которых зиждется благополучие Америки и всего мира. Противоборство США и СССР – это битва Добра и Зла – *the struggle between right and wrong and good and evil*, и поскольку вера – это залог благополучия и величия, а атеизм – путь в преисподнюю, то США имеет все основания для умирения коммунистической тирании во благо всего мира.

Другими словами, именно это и является целью метафоры в политической риторике – закрепить позиции оратора, как законного источника власти, посредством внушения доверия адресату, подобрав «правильные слова» [3, p.33].

Метафора достаточно агрессивна и беспощадна, в том понимании, что она исключает из множества политических идей и представлений все отличные от заложенных в ней смыслы, что сложно убрать или заменить после того, как это прижилось в [3, p.32] Поэтому образ Советского Союза как империи зла – *evil empire*, собственно ада на земле, на долгие годы прочно закрепился в сознании иностранцев наряду с другими стереотипными представлениями о советском народе.

Это находит отголоски и в условиях политического кризиса в современной политической реальности. Битва между Добром и Злом продолжается.

Как считает Б. Обама [6], Первая и Вторая мировые войны, Холокост как и остальные «уроки, которые мы можем прочесть на кладбищах континента» - *ignore the lessons that are written in the cemeteries of this continent* не замечаются врагом, по имени Россия, захватившим Крым.

Россия – варварская держава, управляемая самодержцем - *an all-powerful sovereign – even the most seemingly civilized of societies descended into barbarism*, которая не может осознать простейшие истины, что все равны – *the simple truth that all men and women are created equal*, поэтому США и берет на себя заботы по построению демократии там, где люди не могут справиться самостоятельно, будучи подавлены правящим режимом – *reject the darker forces of the past, and build a new architecture of peace, we embraced a shared vision of Europe; a vision based on representative democracy, individual rights, and a belief that nations can meet the interests of their citizens through trade and open markets; a social safety net and respect for those of different faiths and backgrounds.*

Россия – «хулиган», который, благодаря тому, что обладает грубой силой – *brute force* – и, не обладая человеческим достоинством – *human dignity* – безнаказанно обижая более слабых – *bully smaller*, осмелел до такой степени, что совершает более серьезное насилие и разбой – *violation of international law ... assault on Ukraine's sovereignty and territorial integrity*. Россия ведет себя как фашист, в поддержке которых незаслуженно обвиняет Соединенные Штаты. США берет на себя бремя (*share of the burden*) защиты прав слабых и идей, на которых основан современный мир.

Это торжественная клятва (рыцаря перед крестовым походом) от которой США не отступит – *uphold our solemn obligation ... to defend the sovereignty and territorial integrity of our allies. And in that promise we will never waver.* И к этой миссии по защите идеалов и человеческого достоинства, прав и верховенства закона (*human dignity and opportunity, for individual rights and the rule of law*), Америка призывает присоединиться и других – *invest in our collective defense, united in defense of these ideals, это может гарантировать мир и безопасность во всем мире – serve as a source of international peace and security*, именно в этом, а не в ущемлении прав слабых, заключается сила (*that's what makes us strong*).

Именно очищающий огонь революции помог народам Африки и Индии сбросить иго колониализма и гарантировать их независимость (*people from Africa to India threw off the yoke of colonialism to secure their independence*), не насилие, не оружие, но (божественная) искра идеалов нравственности и равенства, которую США, как Икар дарует людям, разгоревшаяся в пламя позволила положить конец берлинской стене и освободила народы Венгрии, Польши и Чехословакии – *for decades, this vision stood in sharp contrast to life on the other side of an Iron Curtain. For decades, a contest was waged, and ultimately that contest was won – not by tanks and missiles, but because our ideals stirred the hearts of Hungarians who sparked a revolution; Poles in their shipyards who stood in Solidarity; Czechs who waged a Velvet Revolution without firing a shot; and East Berliners who marched past the guards and finally tore down that wall.*

Таким образом, Соединенные Штаты – это и старший брат, защищающий слабых, и дарующий спасительный огонь Титан, и рыцарь, дающий клятву перед походом. Благость и законность намерений и действий неоспорима. И США берет на себя торжественное обязательство сражаться до победного конца – триумфа идеалов свободы и равенства главенства закона на земле – *voices for human dignity and opportunity, for individual rights and the rule of law, will triumph.*

Политики довольно часто пользуются «удачными» метафорами, созданными их предшественниками, которые становятся общепринятыми ввиду своей лаконичности и емкости. Такие примеры, как “*evil empire*”, *the Iron Curtain*, “*Iron Lady*” не единственные, но, возможно, наиболее яркие примеры, суггестивная функция которых неоспорима. Таким образом, расширив высказывание В.Г. Белинского, констатируем, что не слова, но метафоры правят миром.

Литература

1. Козырева Н.В. Неологические аспекты метафорических образов войны против терроризма (на материале англоязычных средств массовой информации в период после 11 сентября 2001г.) // Проблемы английской неологии. Материалы научной конференции. – М.: МГЛУ, 2002. – С. 91–103.

2. Общая риторика: Пер. с фр./Ж. Дюбуа, Ф. Пир, А. Тринон и др.; Общ. ред и вступит. ст. А.К. Авеличева. – М.: Прогресс, 1986. – 392с.

3. Charteris-Black, J. Politicians and rhetoric: The Persuasive power of metaphor, McMillan, NY 2005

4. Seliger, M. Ideology and Politics. Allen & Unwin, London 1976

5. Remarks at the National Assosiation of Evangelicals, 8March 1983, Orlando, Florida.URL:[http:// www.americanrhetoric.com/speeches/ronaldreaganevilempire.html](http://www.americanrhetoric.com/speeches/ronaldreaganevilempire.html)

6. Remarks by the President in address to European Youth Brussels, Belgium March 26, 2014. URL:[http:// www.whitehouse.gov/the-press-office/2014/03/26/remarks-president-adress-european-youth](http://www.whitehouse.gov/the-press-office/2014/03/26/remarks-president-adress-european-youth)

МЕТАФОРА КАК ИНСТРУМЕНТ РЕЧЕВОЙ АГРЕССИИ В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ СМИ

Язык средств массовой информации является тем фактором, который всегда оказывает огромное влияние на развитие общества. В начале XXI в. это стало особенно очевидно, когда «стремление к открытому самовыражению порой принимает форму прямого давления на адресата, навязывания собственной точки зрения при освещении тех или иных событий» [Кормилицына, 2003]. Речевая агрессия, как выражение средствами языка неприязни и враждебности в отношении адресата, все активнее вторгается во все сферы жизни, перейдя из бытового общения и других форм межличностных отношений в сферу публичного, в первую очередь, политического дискурса СМИ. Нередко речевая агрессия в СМИ настолько завуалирована и подана в «мягкой упаковке», что требуется тонкий лингвистический анализ, чтобы ее почувствовать [Чанышева, 2011]. Вслед за Н.Е. Петровой и Л.В.Рацибурской мы определяем речевую (вербальную) агрессию, как выходящую за пределы норм успешного общения и нарушающую один из постулатов речевого общения, требующий уважительного отношения к собеседнику [Петрова, Рацибурская, 2011]. Речевая агрессия, связанная с нарушением этических и коммуникативных норм общения, приводит к изменению целевых установок и ценностных ориентиров адресата. Один из универсальных способов реализации изменения установок и поведения представлен в виде коммуникативных стратегий "создание круга своих" и "создание круга чужих", построенных на манипулятивной архетипной бинарной оппозиции "свой-чужой". Коммуникативные стратегии "создание круга своих" и "создание круга чужих" реализуются с помощью определенных тактик. Основу каждой тактики составляет иллюкутивная сила высказывания, средством реализации которой является осознаваемый выбор речевых приемов. Коммуникативная стратегия "создание круга чужих" лежит в основе категории "чуждости", которая проявляется в речи при выражении речевой агрессии. Акты вербального нападения могут фиксироваться и осмысливаться как тактики. В стратегии "создание круга чужих" выделяются две основные тактики: тактика создания образа врага и тактика дистанцирования. Тактика "создание образа врага" состоит в формировании архаического образа могущественного и коварного "врага". Эта тактика может быть реализована через выбор иллюкуций оскорбления, недоверия, насмешки, дискредитации.

В данной статье обсуждаются роль и функционирование метафоры как средства выражения речевой агрессии в политическом дискурсе в

наиболее влиятельных англоязычных СМИ (The Guardian, The Times, The Washington Post, The Economist, The Globe and Mail, The Time).

По нашим наблюдениям, метафоры с негативными оценочными коннотациями, векторами агрессивности, ожесточенности наиболее распространены в английском медиадискурсе, где речь идет о властных структурах и внешнеполитическом курсе России. В 34 публикациях (31% от общей выборки) журналисты этих изданий характеризуют первое лицо нашей страны В.В. Путина, оценивают его стиль руководства, политические действия и заявления. Из примеров видно что, несмотря на обилие различных инструментов языкового манипулирования, наиболее продуктивным способом является использование метафорических моделей.

Если «в метафоре стали видеть ключ к пониманию основ мышления и процессов создания не только национально-специфического видения мира, но и его универсального образа» [Арутюнова, 1990], то можно сказать, что метафора определенным образом моделирует реальность, показывает связи и отношения между явлениями действительности. Кроме того, метафора в когнитивной лингвистике – это не столько способ выражения мысли и украшения текста, сколько основная ментальная операция, способ познания, структурирования, оценки и объяснения мира. Человек не выражает свои мысли при помощи метафор, а мыслит метафорами, познает при помощи метафор тот мир, в котором он живет, стремится в процессе коммуникативной деятельности преобразовать существующую в сознании адресата языковую картину мира. Метафоры направлены на общие фоновые знания адресата, за счет которых подготавливается почва для формирования новых мнений и представлений [Нахимова, 2007].

Мы рассмотрим подробно наиболее часто встречающиеся виды речевой агрессии: дискредитация, инвектива как номинация, ярлык, эксплицитное указание на профессиональную некомпетентность, сравнение, отождествление, ассоциации, ирония, гендерная принадлежность.

Изначально стоит обратить внимание на то, что установки на негативное восприятие информации еще до ее прочтения формируют практически все заголовки различных публикаций о России:

Putin can use Russia's vast energy resources as a political weapon (The Guardian)

Ukraine in flames/Putin's inferno (The Economist)

Putin's pathetic Potemkin games (The Economist)

1) Дискредитация есть умышленное речевое действие, ведущее к подрыву доверия, умалению авторитета, престижа, значения кого-либо.

Стратегия дискредитации личности реализуется в речевом жанре прямого и косвенного оскорбления. Например:

But we already know the truth about Putin. People laughed when Bush said he'd looked into Putin's soul and saw a good man. Obama has looked at Putin's bloodstained hands and sees a leader we can deal with. We sat by while Putin tripled Russia's defense budget, helped Iran build and equip its nuclear reactor at Bushehr and sent the mullahs advanced missile systems and nuclear-sensitive technologies. (The Guardian)

2) Инвектива представляет собой лексическую единицу либо оборот, имеющие эмоционально-оценочную окраску и способные выступать в речи как средство вербальной агрессии (оскорбления, обиды, девалоризации личностных качеств адресата и т.д.). В бытовом общении для пренебрежительного отношения к субъекту используется инвективная номинация. С такой же целью используется инвективная номинация в текстах СМИ.

The ex-KGB agent had learned a valuable lesson buried in the ashes of defeat: Communism had held back the Soviet Union. When it came to intimidating Russia's European neighbors as well as her own people, the cold, naked exercise of power for power's sake worked far better - especially when the United States insisted on looking the other way. Take that, Mr. Tandem. (The Globe and Mail)

3) Для создания и закрепления в сознании читателя чьего-нибудь дискредитирующего образа, используется прием наклеивания ярлыков (слов или словосочетаний, обладающих негативной коннотацией, используемых как штампы), например:

For the Russian bear is back. Like Dracula rising from his coffin, it now stalks the world long after we thought it dead and buried. (The Economist)

В данном примере российский президент сравнивается с медведем и Дракулой, использующим силу, угрозу, насилие.

The criticism comes from, among others, a former chief of the general staff, Yuri Baluyevsky, a retired general who says Mr. Medvedev dithered and refused to give the proper orders until Mr. Putin delivered a "kick" in the pants. (The Economist)

Mr. Putin's direction bodes ill for Russia and for Russians. The country desperately needs modernization, both political and economic, but Mr. Putin is going backward. There will probably be more bloody noses before he is finished. (The Times)

Эксплицитное указание на профессиональную некомпетентность – это основа агрессивного речевого поведения журналиста.

Mr. Medvedev was a coward at the outset of war with Georgia in 2008, when he was president. The criticism comes from, among others, a former chief of the general staff, Yuri Baluyevsky, a retired general who says Mr. Medvedev

dithered and refused to give the proper orders until Mr. Putin delivered a “kick” in the pants. (The Washington Post)

5) С помощью сравнений, отождествлений, ассоциаций у читателя создаётся ощущение психологического дискомфорта. Это один из наиболее распространённых видов речевой агрессии.

It went on with nightmarish surrealism: howling dogs appeared in the courtroom; witnesses went missing; Hare Krishnas played tambourines at the door. Alyokhina, Tolokonnikova, and Samutsevitch stood in a glass cage, as though in some art-house torture porn. (The Times)

6) К речевой агрессии вполне правомерно отнести и иронию, так как это довольно многофункциональное экспрессивное средство.

A traffic jam when you're (Moscow mayor Sobyenin) already late... to receive an award from the Municipal Planning Board for reducing the city's automobile congestion 80 percent. (The Globe and Mail)

7) Одним из значимых антропоцентрических параметров оценки человека в политическом дискурсе СМИ является гендерная принадлежность. Автор активно использует лексику, обладающую оценочными коннотациями. Приведенные ниже примеры обладают характерологическими функциями, так как отражают общественно обусловленные качества мужчины.

As the honorary president of the International Judo Federation, the sport's governing body, Putin will be concentrating on the judo mat, as much as a map of Damascus. Surrounded by Russian athletes and flag-waving fans, the Russian leader will probably be keen to play up to his strong man image. (The Time)

The implication is that Mr. Putin had to tell him what to do. Mr. Putin is attempting to demonstrate — should there be any doubts — who is the tough guy. (The Time)

Таким образом, Россия на страницах влиятельных англоязычных СМИ нередко предстает как потенциальный источник опасности, как для соседних стран, так и для всего мира, как «империя зла» (Evil Empire), традиционно эксплуатируемый в последние годы образ, впервые внедрённый в сознание Р.Рейганом, где не прекращаются ожесточенные конфликты, борьба за власть и подавление инакомыслия.

Нам представляется перспективным изучение роли концептуальных метафор с агрессивным прагматическим потенциалом в создании метафорического образа России в англо-американском медиадискурсе, так как это позволит вскрыть источники формирования специфики национальной политической аксиологической и идеологической картины мира британцев и американцев, а также установить некоторые закономерности и черты политической медиакommunikации в США и Великобритании.

Литература

1. Арутюнова, Н. Д. Метафора и дискурс: вступительная статья / Н. Д. Арутюнова // Теория метафоры: сб. науч. тр. / под общ. ред. Н. Д. Арутюновой, М. А. Журиной. – Москва: Прогресс, 1990. – С. 5–31.
 2. Баранов, А. Н. Словарь русских политических метафор / А. Н. Баранов, Ю. Н. Караулов. – Москва: Помовский и партнеры, 1994. – 351 с.
 3. Кормилицына М.А. Средства экономной передачи информации в современной прессе. *Stylistyka* – XIV, Opole, 2003. – С. 497-507.
 4. Нахимова, Е. А. Прецедентные имена в президентском дискурсе / Е. А. Нахимова // Политическая лингвистика / гл. ред. А. П. Чудинов; Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. пед. ун-та, 2007. – Вып. 2 (22). – С. 44–48.
 5. Петрова Н.Е., Рацибурская Л.В. Язык современных СМИ: средства речевой агрессии: учебное пособие. - М.: Флинта: Наука, 2011.- 160 с.
 6. Чанышева З.З. Тактики речевой агрессии в политическом дискурсе //Языковая личность: Лингвистика. Лингвокультурология. Лингводидактика: Материалы Всероссийской научно-методической конференции с международным участием. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2011. – С. 222 -226.
- Эмпирический материал взят из On-line The Guardian, The Times, The Washington Post, The Economist, The Time, The Globe and Mail.

СТРАТЕГИИ И ТАКТИКИ ИНФОРМАЦИОННОЙ ВОЙНЫ В ПОЛИТИЧЕСКОМ МЕДИАДИСКУРСЕ ЕВРОПЫ И США

В наши дни на мировой арене разыгрывается большая драма (войны, революции, разрушение государств, вынужденная эмиграция сотен тысяч беженцев), участниками или свидетелями которой становятся практически все жители Земли. Происходящие технические войны являются трагедией для трети населения планеты. Информационные же войны, которые ведутся глобально во всем мире, приносят не меньше жертв, чем войны технические. Информационные войны подрывают не только политическую, экономическую, военную и социальную сферу страны, против которой они направлены, но и самое главное – духовную и ментальную сферу народа.

Термин «информационная война», официально закрепленный в директиве министерства обороны США 21 декабря 1992 года, трактуется как «действия, предпринимаемые для достижения информационного превосходства в поддержке национальной военной стратегии посредством воздействия на информационные системы противника при одновременном обеспечении безопасности и защиты собственных подобных систем» [5, с.9]. К формам информационного противоборства В. Ю. Мирюков относит такие, как РЭБ (радиоэлектронная борьба), форма войны с использованием средств разведки, психологическая и кибернетическая, и борьба с хакерами [там же].

Средства массовой информации относятся к психологической форме, которая обеспечивает информационную поддержку какой-либо политической операции, организуемой нападающей стороной. Для достижения политических целей задействуется весь спектр информационных мероприятий: печатные издания, интернет, листовки, теле и радиопередачи, новостные программы и даже компьютерные игры.

Западные СМИ представляют собой хорошо организованную систему, которая, по словам С. Г. Кара-Мурзы, «при изобилии изданий и передач, кажущемся разнообразии «позиций» и стилей создает и использует одни и те же стереотипы и внушает один и тот же набор желаний» [2, с.34-37].

Обеспечивая информационную поддержку какого-либо подготовленного политического события (восстаний, забастовок, терактов, различного рода провокаций), западные СМИ разрабатывают свои информационные операции согласно определенному плану, который включает следующие пункты: 1) определение цели политической операции;

2) определение целевой аудитории, на которую направлено воздействие; 3) определение времени исполнения информационной операции, то есть выхода новостной статьи или программы и количества информационных повторов; 4) определение субъектов, совершающих данную операцию.

В условиях хорошо управляемой системы СМИ основное внимание уделяется именно тем событиям, которые важны для успешного проведения информационной операции.

В СМИ каждое событие освещается согласно трем этапам: 1) представление подготовительной информации, описывающей начало события или констатация факта события; 2) описание разворачивающегося «трагического» события, в котором обязательно должна присутствовать «ритуальная жертва» или «жертвы»; 3) описание тяжелых последствий этого события и «назначение» виновных.

По словам С. П. Расторгуева, «главное, чтобы материал был вовремя подготовлен и вовремя доставлен в той форме, которая наиболее удобна для восприятия». «Проигрыш по времени», по его мнению, это и есть «проигрыш информационной войны» [10, с.2].

Мы проанализировали политические статьи довольно влиятельных западных газет: американской «The Washington post», британской «The Guardian», немецких «Der Spiegel» и «Die Welt», французской «Le Figaro», итальянской «La Stampa». Важно заметить, что с развитием всемирной сети Интернет, публикации печатных изданий стали распространяться мгновенно по всему миру, что приводит к быстрому распространению нужной информации среди большого количества пользователей.

Проведенный анализ показывает, что основными темами западных СМИ за последние несколько лет являлись следующие: «аннексия» Крыма; ущемление прав крымских татар; ущемление прав сексуальных меньшинств в России; оккупация Россией Осетии, Абхазии, Украины, Донбасса; сбитый Россией Boeing Малайзийских авиалиний; геноцид кабардинцев; уничтожение уникальной природы в местах проведения Олимпиады; национальная нетерпимость в России; военная операция России в Сирии.

В текущей информационной войне, которая направлена главным образом против России, СМИ придерживаются тех же стратегий, что и правительства, которым они подчинены. Первой и самой главной стратегической целью Запада является устранение России как сильнейшего конкурента в военной, космической и ресурсной областях и завоевание гегемонии над всем миром, что дает возможность получения экономической прибыли со всех подчиненных территорий.

Еще одной стратегической целью Запада в информационном противостоянии с Россией, по мнению А. А. Денисова, является

«дессоциализация субъекта-мишени», которая «проявляется в полном или частичном временном (обратимом) или необратимом ostrакизме субъекта-мишени со стороны его ближнего окружения или общества в целом» [1, с.27]. В нынешней войне стратегия «дессоциализации» ведется против российского президента западными СМИ, которые демонизируют образ В. В. Путина как политика, унижая его как личность, спекулируя его авторитетом среди российских и европейских граждан. А.А. Денисов считает, что информационная война будет доведена до логического конца в случае социального, политического или физического уничтожения личности и его замены коллаборационистами. Иначе она оборачивается поражением нападающей стороны [1, с.27].

Другой стратегической целью СМИ является повышение эффективности в локальных военных конфликтах, то есть информационная поддержка конфликтов в Украине, Грузии и Осетии, Ираке, Сирии и других странах. По мнению И. Ю. Нежданова, цель информационной войны достигнута и в том случае, когда начинается хаос в обществе (восстание, гражданская война, свержение лидеров и их правительства) [7, с.20].

Еще одной стратегией СМИ является оказание давления на правительства. Наиболее агрессивно настроенное по отношению к России издание «The Washington post» критикует не только союзников Америки в информационной войне, но и своего президента и правительство за лояльность к России и нерешительность к более жестким мерам против «режима Путина», который они сравнивают с фашистским.

Манипулирование рынками – это еще одна стратегическая цель, поставленная перед СМИ правительствами их стран.

Для реализации данных целей СМИ используют различные тактики, а именно тактику дискредитации России в глазах мирового сообщества, тактику запугивания адресатов возможными действиями со стороны России, тактики обвинения и оскорбления государственного лидера России в лице президента В. В. Путина, тактику предсказания негативных событий, связанных с действиями России, тактику сарказма, тактику игнорирования положительных событий. В Euronews, например, во время проведения Олимпиады-2014 в России не было ни единого сообщения о победах спортсменов в Олимпиаде, как будто этого значительного для всего мира события не происходило, в то время как, например, освещались велогонки или другие спортивные мероприятия, проходящие в то же самое время в Европе и мире.

Западные СМИ занимаются моделированием возможных действий России против стран Евросоюза и Америки и действий своих правительств в случае нападения России на страны Евросоюза: просчитывается время реагирования войск НАТО в случае российской агрессии, описывается

количественное соотношение сил и возможный исход событий. Свои предположения они основывают на представлении сомнительных «фактов», таких как, например, количество процентов «жертв от ракетного и артиллерийского обстрела Россией» украинских территорий, количество военной техники и численности российских войск у границ Евросоюза. При этом противопоставляются действия американского президента и европейских лидеров как «посланцев мира», которые стараются найти компромисс и защищают принципы демократии и другие «европейские ценности».

Средства массовой информации являются инструментом, а точнее оружием, которое оказывает мощное воздействие на сознание людей и формирует политическую картину мира адресата, то есть выступает источником внушения определенных взглядов, и механизмом принуждения к совершению каких-либо политических действий. При этом риск получения ответного удара от объекта нападения отсутствует или минимален. СМИ производят огромное количество ложной информации, создавая в сознании индивида неадекватную действительности модель мира.

СМИ играют на таких чувствах человека, как чувство страха (перед предстоящей войной), чувство неудовлетворенности (политическим режимом, правительством, услугами ЖКХ и т.п.), чувство самосохранения. Они пытаются трансформировать ценностные установки адресатов, оперируя принципами добра, справедливости, нравственности и чести, при этом сами все эти принципы нарушают.

Такое манипулирование сознанием людей с использованием ложной негативной информации имеет опасные последствия. На примере Украины мы видим, как оно может ожесточить и настроить враждебно целый народ к братскому народу, каким всегда считался российский народ. Подобным образом СМИ настраивают и европейских граждан против России, внушая им в ее лице образ «врага».

При такой несовместимости СМИ с нравственностью и духовными ценностями возникают проблемы «психоинформационной безопасности», связанные с особенностями восприятия информации человеком. Немцова С.Р. поднимает проблему психоэкологии, т.е. психического здоровья людей, обусловленную угрозами несанкционированного воздействия на подсознание человека [6, с.74; 11, с. 3].

СМИ формируют картину мира адресатов, используя различные методы воздействия, такие как убеждение, внушение и принуждение (Плахотная). По мнению А. В. Раскина, одним из методов информационного воздействия является рефлексивное управление. Этот термин впервые был использован В.А. Лефевром (русским и американским психологом и математиком, который выступал

консультантом руководства США при подготовке к советско-американским переговорам в Рейкьявике в октябре 1986 года). Рефлексивным управлением является процесс передачи оснований противоборствующей стороне для принятия решений. Смысл термина «рефлексивный» состоит в отражении внешней реальности в сознании противоборствующих сторон, в обнаружении замыслов и целей оппонента, который становится субъектом управления, в навязывании ему определенной стратегии поведения. Любые «обманные» движения (провокации и интриги, маскировка и розыгрыш, создание ложных объектов и вообще лож в любом контексте) предопределяет собой реализацию рефлексивного управления [9, с.15-16].

Средства массовой информации активно используют метод рефлексивного управления массовым сознанием адресатов и в частности управления непосредственно действиями «противника» (то есть России в лице В.В. Путина). Другой вопрос - насколько успешно у западных СМИ это получается. Они часто сами признают, что в отношении российского президента у них это получается плохо.

Очевидно, что западные политики понимают опасность распространения невыгодной для них информации, так как предпринимают определенные шаги по борьбе с ней. Как отмечает И. Ю. Нежданов, с начала 2011 года Пентагон начал развивать систему SMISC (Social Media in Strategic Communication – «социальные медиа с стратегической коммуникации»), которая отслеживает все политические дискуссии в интернете, отмечает слухи и темы, появляющиеся в соцмедиа, и выстраивает противодействие каким-либо пропагандистским операциям, отправляя контрсообщения и устраивая другие информационные операции [7, с.18].

В России, по мнению многих экспертов (С. П. Расторгуева [10], С. В. Устюгова [12] др.), на государственном уровне отсутствует понимание важности и значимости информационной сферы, в том числе тех угроз, которые несет в себе некачественная информация, которая может стать оружием массового психического поражения.

В процессе информационного противоборства Российские средства массовой информации часто проигрывают западным СМИ, так как пока не могут противостоять такому массивному давлению. В Российских СМИ нет столь детально выработанных схем противоборства вбрасываемой информации западных СМИ. Россия несомненно должна выработать свои стратегии и тактики для одержания победы в информационной войне с Западом, чтобы не дать ей перерасти в горячую техническую войну.

В целом политический медиадискурс основан на пропаганде своих «демократических» ценностей и на лжи в представлении реальной

ситуации в России и мире с целью продвижения геополитических интересов своих стран. Такое «поведение» СМИ приводит к усугублению драматической ситуации в мире и не способствует развитию демократии в странах Европы и Америки.

Литература

1. Денисов А.А., Денисова Е.В. Краткий очерк основ теории управляемой конфронтации // Информационные войны: научно-практический междисциплинарный журнал. – 2014. – №1(29). – С. 24 – 33.
2. Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. М. : ЭКСМО, – 2001. – 832 с.
3. Лефевр В.А. Конфликтующие структуры. – М.: Высшая школа, 1967.
4. Лефевр В.А. Прочеты миротворчества. // «Рефлексивные процессы и управление». Т.2, № 2, 2002. – С. 48 – 51.
5. Мирюков В.Ю. Информационные войны // Информационные войны: научно-практический междисциплинарный журнал. Гл. ред. В.Л. Шульц. – 2014. – №2 (30). – С. 9 -14.
6. Муромцев В.В., Немцова С.Р. Проблемы психоинформационной безопасности в современном информационном пространстве // Информационные войны: научно-практический междисциплинарный журнал. – 2014. – №2 (30). – С. 73-80.
7. Нежданов И.Ю. Аналитическое обеспечение информационных конфликтов в интернете // Информационные войны: научно-практический междисциплинарный журнал. – 2014. – №2 (30). – С. 18 – 20.
8. Плахотная Ю.И. Моделирование политического предвыборного дискурса (когнитивно-прагматический аспект): Автореф. Дис. Канд. филол. наук. — Челябинск, 2014. – 23 с.
9. Раскин А.В., Тарасов И.В. Рефлексивное управление, как технология информационного воздействия // Информационные войны: научно-практический междисциплинарный журнал. – 2014. – №2 (30). – С. 15-17.
10. Расторгуев С. П. Планирование и моделирование информационной операции // Информационные войны: научно-практический междисциплинарный журнал. – 2014. – №1(29). – С. 2-10.
11. Смирнов И.В. Психоэкология. М.: ООО «Издательский Дом «Холодильное дело». 2003. – 336 с.
12. Устюгов С.В. К вопросу об информационной ситуации, складывающейся вокруг Российской Федерации на фоне событий в Украине // Информационные войны. – 2014. – №3. – С. 23-28.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Алексеева Татьяна Александровна – д-р филос. наук, зав. кафедрой политической теории МГИМО МИД России, заслуженный деятель науки Российской Федерации.

Аминова Эльвира Маиловна – канд. юрид. наук, доц. кафедры правовых основ управления МГИМО МИД России.

Амплеева Татьяна Юрьевна – д-р юрид. наук, канд. ист. наук, проф. кафедры правовых основ управления МГИМО МИД России.

Басова Дарья Владимировна – бакалавр МГИМО МИД России.

Бондарев Михаил Дмитриевич – бакалавр МГИМО МИД России.

Борисова Елена Георгиевна – д-р филос. наук, проф. кафедры связей с общественностью МГЛУ.

Варенцова Ольга Борисовна – магистр Университета Саламанки (Испания), аспирантка МГИМО МИД России.

Веретевская Анна Вячеславовна – канд. полит. наук, ст. преподаватель кафедры сравнительной политологии МГИМО МИД России.

Волгин Олег Степанович – д-р филос. наук, проф., Одинцовского филиала МГИМО МИД России.

Григорьева Ольга Геннадьевна – канд. юрид. наук, доц. кафедры правовых основ управления МГИМО МИД России.

Дегтерев Денис Андреевич – канд. экон. наук, зав. кафедрой теории и истории международных отношений РУДН, доц. МГИМО МИД России.

Добросоцкий Виктор Иванович – д-р экон. наук, проф., зав. кафедрой государственного управления и права МГИМО МИД России.

Евграфова Екатерина Андреевна – выпускница МГИМО МИД России 2015 г.

Желтухина Марина Ростиславовна – д-р филос. наук, проф., академик РАЕН, профессор кафедры английской филологии, заведующая НИЛ «Дискурсивная лингвистика», ректор Школы актерского мастерства Анатолия Омельченко, директор центра коммуникативных технологий.

Засеева Анастасия Сергеевна – преподаватель кафедры правовых основ управления МГИМО МИД России.

Захаров Артем Алексеевич – соискатель кафедры государственного управления и права МГИМО МИД России.

Зобнин Алексей Владимирович – канд. ист. наук, ст. научный сотрудник Ивановского государственного университета.

Зюбина Ирина Анатольевна – канд. филос. наук, доц. Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации Южного федерального университета.

Камышанов Виктор Иванович – канд. полит. наук, доц. кафедры политологии и политического управления РАНХиГС, президент Федерации мира и согласия.

Капицын Владимир Михайлович – д-р полит. наук, проф. кафедры сравнительной политологии МГУ имени М.В. Ломоносова.

Катермина Вероника Викторовна – д-р филос. наук, проф. кафедры английской филологии Кубанского государственного университета.

Кожемяков Алексей Семёнович – д-р юрид. наук.

Колобов Олег Алексеевич – д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой истории и теории международных отношений ИМОМИ НГУ имени Н.И. Лобачевского, заслуженный деятель науки РФ.

Кондыкорова Карлыгаш Жумабековна – магистр международных отношений, докторант Академии государственного управления при Президенте Республики Казахстан.

Коньков Александр Евгеньевич – канд. полит. наук, доц. кафедры политического анализа МГУ имени М.В. Ломоносова.

Лаптева Юлия Игоревна – канд. полит. наук, доц. кафедры международных отношений и мировой политики Воронежского государственного университета.

Левакин Игорь Вячеславович – д-р юрид. наук, проф. кафедры правовых основ управления МГИМО МИД России.

Левченков Александр Станиславович – канд. ист. наук, доц. кафедры стран постсоветского зарубежья РГГУ.

Логвинова Инна Владимировна – канд. юрид. наук, доц. кафедры правовых основ управления МГИМО МИД России.

Лошкарёв Иван Дмитриевич – аспирант МГИМО МИД России.

Лошкарёв Иван Дмитриевич – аспирант кафедры мировых политических процессов МГИМО МИД России.

Мастушкин Михаил Юрьевич – канд. техн. наук, доц. кафедры государственного управления и права МГИМО МИД России.

Матвеева Галина Григорьевна – проф. Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации Южного федерального университета.

Матвеевский Юрий Арефьевич – канд. ист. наук, специалист по истории европейской интеграции.

Межевич Николай Маратович – д-р экон. наук, проф. кафедры европейских исследований СПбГУ.

Минеев Александр Петрович – канд. физ.-мат. наук, проф. кафедры политической теории МГИМО МИД России.

Небольсина Мария Александровна – научный сотрудник Центра Евроатлантической безопасности ИМИ МГИМО МИД России.

Никитин Александр Иванович – д-р полит. наук, проф. кафедры политической теории, директор Центра евро-атлантической безопасности ИМИ МГИМО МИД России.

Окунев Игорь Юрьевич – канд. полит. наук, доц. кафедры сравнительной политологии МГИМО МИД России.

Орешева Диана Романовна – аспирантка РАНХиГС (Воронежский филиал).

Охотский Евгений Васильевич – д-р социол. наук, проф., советник дипломатической службы Российской Федерации второго класса.

Плахотная Юлия Ивановна – канд. филол. наук, ст. преподаватель Челябинского государственного университета.

Пономаренко Елена Борисовна – канд. филол. наук, ст. преподаватель кафедры иностранных языков филологического факультета РУДН.

Пряхин Владимир Федорович – д-р полит. наук, проф. кафедры мировой политики и международных отношений РГГУ.

Пряхин Владимир Федорович – д-р полит. наук, проф. кафедры мировой политики и международных отношений РГГУ.

Сальников Вячеслав Иванович – канд. ист. наук, доц. кафедры международных отношений и мировой политики Воронежского государственного университета.

Сальников Вячеслав Иванович – канд. ист. наук, доц. кафедры международных отношений и мировой политики Воронежского государственного университета.

Самойловская Наталья Александровна – мл. научный сотрудник Центра евро-атлантической безопасности ИМИ МГИМО МИД России.

Сегуру-Зайцев Валентин Ионович – независимый политолог.

Слинько Александр Анатольевич – д-р полит. наук, проф., зав. кафедрой международных отношений и регионоведения Воронежского государственного университета.

Соловьёва-Опошнянская Анна Юрьевна – преподаватель кафедры государственного управления и права МГИМО МИД России.

Тарасов Илья Николаевич – д-р полит. наук, проф., зав. кафедрой политики, социальных технологий и массовых коммуникаций Балтийского федерального университета имени И. Канта.

Тетерюк Алексей Сергеевич – аспирант кафедры политической теории МГИМО МИД России, GR-аналитик международной фармацевтической компании «AbbVie».

Тисленко Мария Игоревна – студентка факультета политологии МГИМО МИД России.

Хазиева Рушана Рауфовна – ст. преподаватель кафедры международного права и международных отношений Башкирского государственного университета.

Циватый Вячеслав Григорьевич – канд. ист. наук, доц., первый проректор Дипломатической академии Украины при МИД Украины, заслуженный работник образования Украины.

Чанышев Александр Арсеньевич – канд. филос. наук, доц. кафедры политической теории МГИМО МИД России.

Чес Наталья Анатольевна – канд. филос. наук, доц. кафедры английского языка МГИМО МИД России.

Чижевский Ян Андреевич – аспирант кафедры сравнительной политологии МГИМО МИД России, международная логистическая компания «BeFlexi Ltd».

Шаклеина Татьяна Алексеевна – д-р полит. наук, проф., зав. кафедрой прикладного анализа международных проблем МГИМО МИД России.

Шевченко Ольга Петровна – канд. филол. наук, ст. преподаватель кафедры английской филологии Кубанского государственного университета.

Ширяева Татьяна Александровна – д-р филол. наук, доц., зав. кафедрой английского языка и профессиональной коммуникации Пятигорского государственного лингвистического университета.

Юрченко Инна Вадимовна – д-р полит. наук, проф., главный научный сотрудник Института социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра РАН.

Ямбуренко Елена Николаевна – аспирантка и преподаватель кафедры прикладного анализа международных проблем МГИМО МИД России.

Научное издание

ДИСКУРС, ПОЛИТИКА, УПРАВЛЕНИЕ

Материалы
IX Конвента РАМИ
(Москва, 27–28 октября 2015 г.)

Согласно Федеральному закону РФ от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ
данная продукция не подлежит маркировке

В авторской редакции

Художественное оформление *А.С. Туманова*

Подписано в печать 28.11.2016. Формат 60×84^{1/16}.
Усл. печ. л. 25,9. Уч.-изд. 25,2 л. Тираж 500 экз. Заказ 1555

Издательство «МГИМО-Университет»
119454, Москва, пр. Вернадского, 76

Отпечатано в отделе оперативной полиграфии
и множительной техники МГИМО МИД России
119454, Москва, пр. Вернадского, 76

РОССИЙСКАЯ АССОЦИАЦИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Российская ассоциация международных исследований (РАМИ) является крупнейшей российской профессиональной ассоциацией в сфере междисциплинарных исследований, затрагивающих историю, теорию, региональные и многосторонние аспекты международных отношений. В РАМИ на протяжении уже 15 лет участвуют представители более чем 200 российских университетов и исследовательских центров, а также экспертного сообщества из стран СНГ, Балтии и ЦВЕ. РАМИ входит в состав Всемирного комитета по международным исследованиям (WISC), регулярно организует свои сессии в рамках североамериканской Ассоциации международных исследований (ISA).

РАМИ ставит перед собой задачи поддержания высокого профессионального уровня исследований и преподавания международных отношений и мировой политики в России, а также развития профессиональных контактов с международными ассоциациями. РАМИ способствует налаживанию неформальных связей между представителями политической и научно-исследовательской элиты и проведению консультаций в сфере мировой политики и международных отношений.

Президентом РАМИ является ректор МГИМО МИД России, академик РАН А. В. Торкунов. Главный исполнительный орган РАМИ — Руководящий совет.

Конвенты РАМИ, проходящие каждые два года, регулярно собирают около 1000 российских и зарубежных участников. 27–28 октября 2015 года в МГИМО состоялся IX Конвент РАМИ на тему «Многосторонние институты: глобальная эффективность vs. национальные интересы». Его программа включила в себя пленарное заседание, 30 секций, два круглых стола, а также ряд выставок и презентаций организаций-партнеров РАМИ.

Исполнительная дирекция РАМИ

Тел.: +7 (495) 434-91-63

www.risa.ru | risa@inno.mgimo.ru

РУКОВОДЯЩИЙ СОВЕТ РАМИ

Президент РАМИ

Анатолий Васильевич Торкунов

Программа глобальных исследований

Александр Александрович Дынкин

Владислав Леонидович Иноземцев

Программа европейских исследований

Марк Львович Энтин

Алексей Анатольевич Громыко

Николай Юрьевич Кавешников

Программа американских исследований

Татьяна Алексеевна Шаклеина

Виктор Александрович Кременюк

Программа евроазиатских исследований

Андрей Владимирович Загорский

Ирина Доновна Звягельская

Программа мирополитических исследований и изучения деятельности негосударственных акторов

Марина Михайловна Лебедева

Павел Афанасьевич Цыганков

Программа исследований в области теории международных отношений и сравнительной политологии

Татьяна Александровна Алексеева

Андрей Юрьевич Мельвиль

Программа исследований истории международных отношений

Михаил Матвеевич Наринский

Владимир Олегович Печатнов

РУКОВОДЯЩИЙ СОВЕТ РАМИ

Программа взаимодействия с исследовательскими центрами и регионами

Андрей Вадимович Картунов
Виктор Анатольевич Кокшаров

Программа азиатско-тихоокеанских исследований

Алексей Дмитриевич Воскресенский
Александр Николаевич Панов

Программа исследований многосторонних институтов

Виктория Владимировна Панова
Марина Вадимовна Стрежнева

Программа исследований стран БРИКС

Георгий Давидович Толорая
Людмила Семеновна Окунева

Программа ближневосточных исследований

Виталий Вячеславович Наумкин
Олег Алексеевич Колобов

Программа исследований международной безопасности и конфликтологии

Федор Генрихович Войтоловский
Александр Иванович Никитин

Программа энергетических исследований

Нодари Александрович Симония
Валерий Иванович Салыгин
Мария Андреевна Белова

Программа исследований в сфере международной политической экономики

Светлана Павловна Глинкина
Алексей Владимирович Кузнецов

РУКОВОДЯЩИЙ СОВЕТ РАМИ

Программа международно-правовых исследований

Геннадий Петрович Толстопятенко
Александр Николаевич Вылегжанин
Дмитрий Владимирович Иванов

Программа исследований мировой экономики

Михаил Юрьевич Головин
Александр Сергеевич Булатов
Марина Алексеевна Петрова

Программа цивилизационно-культурных исследований

Алексей Викторович Шестопад
Галина Мирославовна Лесная
Геннадий Васильевич Осипов

Исполнительный директор РАМИ

Артем Владимирович Мальгин

Ответственный секретарь РАМИ

Владислав Владиславович Воротников